ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Телефонъ 33-28. Телефонъ 288-87.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
„ПРАВОВѢДѢНІЕ“ И. К. Голубева

Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара; для телеграммъ: МОСКВА, ЮРИСЪ.

Гернетъ М. Дѣтоубійство. Соціологическое и сравнительно-юридическое изслѣдованіе. Ц. 2 р. 50 к.

Евтихіевъ А. Законная сила актовъ администраціи. Ц. 2 руб.

Колычевъ А. Кассаціонная практика Правительств. Сената по Городскимъ и земскимъ дѣламъ, съ 1886 по 1910 г. Ц. 5 руб.

Коломаровъ Н. Полные образцы письменныхъ работъ прокурорскаго надзора. Ц. 60 коп.

Манцевичъ П. Указы Сената по городскимъ дѣламъ (1900—1910 гг.). Ц. 3 руб. 50 к.

Мошкинъ А. Учетъ бюджетовъ городовъ и земствъ. Ц. 40 к.

Никоновъ Б. Споръ о ребенкѣ. Ц. 60 к.

Нюренбергъ А. Уставъ о векселяхъ, 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ.

Поповичъ П. Оправданіе давности и давность владѣнія въ древне-римскомъ, гражданскомъ правѣ. Ц. 75 к.

Д-ра Розеггера. Право интерпелляцій въ парламентахъ. Сравнительно-юридическое и политическое изслѣдованіе. Ц. 1 руб.

Фатѣевъ А. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики. Ц. 1 руб.

Григоровскій С. „О разводѣ. Причины и послѣдствія развода и бракоразводное судопроизводство“. Историко-юридическіе очерки. Ц. 4 руб.

Схема предварительнаго слѣдствія

ПО УСТАВУ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

съ разъясненіями Правительствующаго Сената, циркулярами, распоряженіями министерства юстиціи и руководящими положеніями юридической литературы.

Практическое пособіе для судебныхъ слѣдователей и кандидатовъ на судебныя должности

Составилъ судебный слѣдователь Владимірскаго окружнаго суда **С. А. Алякринскій**, подъ редакціей и съ дополненіями А. В. Скопинскаго. М. 1911 г. **Ц. 1 р. 50 к.**

Аринушкинъ Н. Балансы акціонерныхъ предпріятій. Юридическая и бухгалтерская природа баланса, въ связи съ нормами русскаго финансово-податного обложенія. Съ приложеніемъ таблицъ, исчисленія чистой прибыли, подлежащей обложенію, въ предпріятіяхъ, обязанныхъ публичной отчетностью для бухгалтеровъ и юристовъ. М. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Продолжается подписка на

Полный сводъ рѣшеній

Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената (съ 1866 по 1910 г. включительно), съ подробнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями, составл. кандидатомъ правъ **Л. М. Ротенбергомъ.**

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ около 75 полутомовъ и будетъ стоить около 80 руб., при чемъ допускается разсрочка подписной суммы: при подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ пяти рублей, а остальная сумма накладывается по 1 рублю на каждый сост. полутомъ.

Пересылка по вѣсу и разстоянію за счетъ подписчиковъ.

Вышли и разосланы подписчикамъ полутома съ 1 по 16 и 55—64 включ.

Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

(1866 г. по 1910 г. включ.). съ подробн. предметнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями, сост. кандидатомъ **Л. М. Ротенбергомъ.**

Все изданіе будетъ заключать въ себѣ 45 полутомовъ, цѣною по 2 руб. за полутомъ съ пересылкой. При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ ПЯТИ РУБ., которые будутъ засчитаны при выпискѣ послѣднихъ полутомовъ. Подписка на отдѣльные годы не принимается. Все изданіе будетъ закончено въ теченіе двухъ лѣтъ. Бумага и форматъ изданія тѣ же, что и въ Полномъ Сводѣ Рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.

По выходѣ всего изданія цѣна будетъ значительно повышена.

Вышли и разосланы подписчикамъ полутомы 1—37.

Каталогъ книгъ безплатно.

ВОПРОСЫ ПРАВА

Журналъ Научной Юриспруденціи

1911 г. Книга VIII (4).

ИЗДАВАЕМЫЙ
при ближайшемъ участіи:
А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, А. И. Елистратова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

МОСКВА.
1911.

Типо-лит. Т-ва Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ Марьинскій уч., соб. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

С. А. Котляревскій. В. О. Ключевскій какъ историкъ учрежденій 1

Б. И. Сыромятниковъ. В. О. Ключевскій и русская историческая наука 15

А. С. Алексѣевъ. Георгъ Еллинекъ и его научное наслѣдіе. 42

Б. А. Кистяковскій. Право, какъ соціальное явленіе 103

В. Н. Шретеръ. Семейная собственность у крестьянъ 120

В. А. Ждамировъ. Къ вопросу о преданіи суду должностныхъ лицъ 164

С. В. Познышевъ. Объ изученіи преступника въ наукѣ уголовнаго права 190

Протоколъ годичнаго Общаго Собранія Московскаго Юридическаго Общества 20 марта 1911 года 232

Протоколъ засѣданія Ревизіонной комиссіи Московскаго Юридическаго Общества 6 марта 1911 года 235

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

В. В. Ивановскій. проф. Казанскаго университета. Учебникъ административнаго права. (Полицейское право. Право внутренняго управленія). Четвертое изд., исправленное и дополненное. Казань, 1911. 506—X стр., рец. Н. Н. Голубева 238

Проф. А. Н. Филипповъ. Журналы Правительствующаго Сената за 1737 годъ. Части I и II. Москва, 1911, рец. Г. Г. Тельберга 241

М. Богословскій. Земскія челобитныя въ древней Руси. Изъ исторіи земскаго самоуправленія („Богословскій Вѣстникъ“, 1911 г., № 1—4), рец. Г. Г. Тельберга ... 244

Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Соціальное страхованіе. Систематическое изложеніе исторіи, организаціи и практики всѣхъ формъ соціальнаго страхованія. С.-Петербургъ, 1912. VIII+295 стр., рец. Н. Н. Голубева 247

В. О. Ключевскій какъ историкъ учрежденій.

(Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 17 октября 1911 г.).

Въ многогранной личности В. О. Ключевскаго, на первый взглядъ, трудно отыскать ту грань, которая дѣлала бы его близкимъ и понятнымъ для людей, воспитанныхъ въ строгой школѣ юридическаго формализма. Между этимъ послѣднимъ и глубокими основами творчества покойнаго лежала, на первый взглядъ, какая-то противоположность, чувствовалось какое-то отталкиваніе. Вѣдь этотъ формализмъ всегда и неизбѣжно условенъ, а духовный взоръ В. О. всегда съ такой безпощадной ясностью умѣлъ вскрывать все условное. Вѣдь формализмъ есть плодъ очень поздней, очень далекой отъ непосредственнаго воспріятія рефлексіи. На немъ лежитъ печать чистой разсудочности, часто переходящей въ вѣру, будто разсудокъ есть мѣра всего насъ окружающаго. Интересъ В. О. былъ прикованъ, прежде всего, къ первозданнымъ стихійнымъ процессамъ исторіи и, возсоздавая свои художественные, несравненные типы, умѣя открывать всѣ ихъ своеобразія, все влекущее и устрашающее въ ихъ физическомъ и духовномъ обликѣ, онъ всегда спаивалъ ихъ съ этими стихіями.

Но это лишь впечатлѣніе. Формализмъ, правильно понятый, есть только инструментъ научной мысли и техники общежитія, инструментъ, необходимый и драгоцѣнный въ культурномъ инвентарѣ, которымъ располагаетъ современное общество. Онъ даетъ возможность юридически истолковывать дѣйствительность и преобразовывать ее на началахъ правового порядка, но онъ никогда не оправдываетъ притязанія поставить на мѣсто пестрой

цѣпи историческихъ сплетеній, изъ которыхъ слагается народная жизнь и народный бытъ — поставить пустую, безцвѣтную схему. Нужно ли доказывать, что болѣе чѣмъ въ какой-либо другой области права это примѣнимо въ области государственнаго строя и учрежденій, что здѣсь раздѣленіе работы историка и юриста, вызываемое требованіями экономики научнаго труда, никогда не можетъ переходить въ полную разобщенность?

И вотъ съ этой стороны В. О. Ключевскій останется, какъ историкъ учрежденій, учителемъ и всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе подходитъ къ вопросамъ русскаго государственнаго права. Это послѣднее, конечно, всего менѣе можетъ быть понято однимъ методомъ юридической діалектики. Наше прошлое было исключительно бѣдно опредѣленными правовыми понятіями и потребностью отчетливо ихъ разграничивать. Наши учрежденія вырастали и опредѣлялись какъ части быта, и государственный обиходъ ихъ особенно трудно укладывается въ опредѣленныя нормы. Вспомнимъ вступительныя страницы Боярской думы. „По существу своему, она была законодательнымъ учрежденіемъ, устанавливая общія правила, постоянныя нормы; но передъ нами только практическіе результаты ея законодательной работы; мы видимъ эти нормы, насколько онѣ уживались въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ жизни, въ большинствѣ случаевъ знаемъ эти правила, насколько онѣ отражались въ указахъ, инструкціяхъ, въ отдѣльныхъ актахъ подчиненныхъ думѣ учрежденій. Въ думу „вносили“ свои вопросы и недоумѣнія правительственные органы, съ которыми общество имѣло непосредственное соприкосновеніе. Изъ думы выносили они приговоры, выражавшіеся въ тѣхъ актахъ, которые лежатъ теперь передъ изслѣдователемъ, но сама она оставалась въ заоблачной высотѣ, скрытая отъ общества и отъ изслѣдователя; какъ вырабатывались эти приговоры, какіе интересы и мнѣнія боролись при этой борьбѣ — того почти никогда не видитъ изслѣдователь, какъ въ свое время не видѣло и общество. Столь же неуловимо и политическое значеніе думы. Люди, появлявшіеся въ ней на пространствѣ восьми вѣковъ, князья, государи и ихъ совѣтники, не чувствовали потребности точно опредѣлить свои взаимныя отношенія и закрѣпить эти опредѣленія надлежащимъ актомъ. Никогда не были

точно обозначены и отношенія совѣта къ низшимъ подчиненнымъ ему органамъ управленія. Въ тѣ вѣка политическіе дѣльцы не любили задавать себѣ общаго вопроса, какъ далеко простирается прерогатива верховнаго правителя—князя, государя, и гдѣ начинается право его совѣтниковъ; политическій глазомѣръ и обычай указывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предѣлы власти, избавляя обѣ стороны отъ труднаго дѣла формальной разверстки политическихъ правъ и обязанностей. Ко всякому учрежденію, подобному нашей боярной думѣ, мы привыкли обращаться съ вопросомъ, имѣло ли оно обязательное для верховной власти или только совѣщательное значеніе, а люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенія разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать и не оставили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ". Какъ выразительно эта характеристика отмѣчаетъ чрезвычайную неопредѣленность и текучесть компетенціи въ учрежденіяхъ, дѣятельность которыхъ регулировалась болѣе всего ежедневными потребностями обихода. Развѣ не найдемъ мы здѣсь параллелей не только во Франціи и Германіи, но даже въ Англіи съ ея государственно-правовыми традиціями, позволявшими установить непрерывное преемство между петиціей и биллемъ о правахъ 17-го вѣка и между великой хартіей вольностей и статутомъ De tallagio 13-го вѣка? Развѣ мы можемъ дать дѣйствительно точную юридическую формулировку полномочіямъ французскихъ генеральныхъ штатовъ? Развѣ мы можемъ подходить къ нимъ съ нашимъ обычнымъ противопоставленіемъ совѣщательнаго и рѣшающаго голоса? А вѣдь невозможно сопоставлять силу юридической рефлексіи у насъ и на Западѣ, гдѣ она питалась и традиціями римскаго права и борьбой королевской власти противъ феодальнаго права и сословными притязаніями. У насъ не было ни Брактона ни Бомануара—не было не въ современномъ имъ 13-мъ столѣтіи, а въ эпоху Судебниковъ и даже Уложенія.

Извѣстно, какого суроваго критика нашелъ Ключевскій въ лицѣ Сергѣевича. Быть можетъ, В. О. Ключевскій зашелъ уже слишкомъ далеко въ изображеніи этой взаимной неустойчивости учрежденій московской Руси; быть можетъ, онъ не всегда дооцѣнивалъ, что повторяю-

щійся фактъ быстро обращается въ норму и начинаетъ сознаваться, какъ норма и, благодаря этому, уже слишкомъ устранилъ, напримѣръ, въ Боярской думѣ хотя и мѣняющееся юридическое содержаніе въ ея строеніи и дѣятельности, которое пытался намѣтить хотя бы Загоскинъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ научаетъ здѣсь смотрѣть на прошлое, не искаженное одной изъ опаснѣйшихъ модернизацій—модернизаціей, усложненной и округленной юридической мысли. Нужно только больше историческаго воображенія, больше способности переноситься въ другой правовой укладъ, очень мало похожій на привычный намъ.

Нельзя, поэтому, вкладывать преувеличеннаго смысла въ термины и обороты стараго политическаго быта. У Фюстеля-де-Куланжа есть блестящая страница, гдѣ онъ объясняетъ, почему eligere каролингскихъ капитуляріевъ нельзя переводить словомъ élire. Не менѣе неосторожно поступилъ бы русскій изслѣдователь-юристъ, если бы онъ придалъ преувеличенное значеніе вновь явившемуся титулу „Самодержецъ“. Соотвѣтствуетъ ли ему какое-либо опредѣленное расширеніе Государевыхъ правъ? Вѣдь эти права, несмотря на ихъ обширность, поразившую Герберштейна, всецѣло опредѣлялись бытомъ и привычкой; мы столь же мало можемъ слѣпо довѣрять этимъ офиціальнымъ оборотамъ языка, которыми говорила московская власть со своими подданными и о которыхъ она особенно заботилась въ сношеніяхъ съ иностранцами, какъ и принимать риторику сказаній о Москвѣ — третьемъ Римѣ—и фантастику генеалогій, производившихъ московскихъ князей отъ брата Августа за выраженіе народнаго самосознанія. В. О. Ключевскій былъ склоненъ думать, что форма въ этихъ вещахъ обычно далеко не соотвѣтствуетъ содержанію. Онъ, недовѣрчиво относившись въ окружающей жизни къ тому, что называлъ политической метафизикой, постоянно подчеркивалъ, насколько подобная политическая метафизика была чужда московской Руси. Не соображеніями о существѣ верховной власти продиктовано было, напримѣръ, распредѣленіе дѣлъ между Государемъ и Боярской думой. „Въ устройствѣ бывшаго московскаго правленія всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти Государя и его боярскаго совѣта. Это потому, что Государь и его совѣтъ не были двумя

разными властями, а составляли одно властное верховное цѣлое. Политическая дѣятельность и правительственная дѣятельность думы основывается на томъ глубоко укоренившемся въ московскомъ обществѣ воззрѣніи, лучше сказать, на томъ предположеніи, что дума не дѣйствуетъ безъ государя, а государь не дѣйствуетъ безъ думы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ—было простымъ раздѣленіемъ труда не разграниченіемъ власти. Отсюда и отсутствіе всякихъ слѣдовъ отвѣтственности думы передъ государемъ и установленіе равной силы за государевымъ указомъ и боярскимъ приговоромъ, которые отнюдь не противополагались другъ другу, какъ волеизъявленія государственной власти разнаго достоинства". Въ этомъ пунктѣ Ключевскій безусловно расходится съ Сергѣевичемъ, который, основываясь на описаніи Котошихина, утверждалъ, что боярскій приговоръ въ присутствіи государя является лишь исполненіемъ государева указа. Для Сергѣевича нѣтъ ничего средняго между такимъ положеніемъ, при коемъ думскіе люди не разрѣшали государственныхъ вопросовъ, а только отвѣчали на вопросы государей и исполняли ихъ указы, и между формальнымъ ограниченіемъ царской власти думою—ограниченіемъ, при коемъ, по словамъ Сергѣевича, получалась бы въ Москвѣ не монархія, а аристократическая республика. Для Ключевскаго здѣсь могло быть множество промежуточныхъ ступеней, создаваемыхъ вовсе не сознательной политической мыслью, а давленіемъ обстановки и потребностями техническаго удобства.

Этими техническими причинами объясняется и думская процедура, началомъ которой могъ явиться и государевъ указъ, и приказный докладъ, и частное челобитіе. Такое господство быта надъ юридическими положеніями и политическими стремленіями, которое такъ ясно выражено въ исторіи Боярской думы, усматривается В. О. Ключевскимъ и въ учрежденіяхъ 18-го вѣка, несмотря на всю любовь этого вѣка къ подробной регламентаціи; особенно это сказывается въ исторіи того учрежденія, которое со-

здано Петромъ на смѣну Боярской думѣ, хотя, какъ это доказано въ новой работѣ А. Н. Филиппова, сенатъ получилъ нѣкоторыя своеобразныя черты, которыхъ мы не видимъ ни въ Боярской думѣ, ни въ выдѣлившемся изъ нея учрежденіи—ближней канцеляріи, указанной Ключевскимъ, какъ предшественницы сената.

Все это приложимо и къ характеристикѣ, которая у В. О. Ключевскаго дана земскимъ соборамъ: вопросъ, рѣшеніе котораго такъ странно сплелось съ жгучими интересами еще недавней политической злободневности. В. О. посвятилъ свои этюды о составѣ представительства на земскихъ соборахъ Б. Н. Чичерину. Извѣстно, какой безпощадной критикѣ подвергъ Чичеринъ славянофильское представленіе о земскихъ соборахъ. Сопоставляя ихъ съ западными сословными чинами, онъ призналъ, что земскіе соборы исчезли не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарха, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества. „Грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего древняго земства. Смутное время вызвало усиленную дѣятельность собора, но какъ скоро опасность миновала, ослабѣла и общественная самодѣятельность. Земля словно улеглась у ногъ самодержавнаго государя.“ Не объясняется ли этотъ приговоръ тѣмъ, что Чичеринъ умозаключалъ здѣсь отъ юридической безформенности къ общественному безсилію? Можно ли приводить въ примѣръ такого безсилія хотя бы азовскій соборъ, который въ уклончивой формѣ далъ совершенно опредѣленный отзывъ о полномъ истощеніи государства и невозможности для него начинать военныя авантюры—рѣшеніе, которое принялъ и царь? В. О. Ключевскій, естественно, не могъ мѣрить значеніе земскаго собора критеріемъ юридической опредѣленности. Онъ подробно разъясняетъ поводы его созыва и составъ его въ смыслѣ территоріальномъ и сословномъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ первоначально соборъ, являвшійся простымъ совѣщаніемъ правительства съ его агентами, превращается постепенно въ органъ мнѣнія земли, который уже по записи Василія Шуйскаго долженъ раздѣлить власть съ царемъ. Совершенно невозможно, говоря о роли этихъ соборовъ, ограничиться терминомъ, совѣщательный. Правда, ихъ подъемъ есть результатъ временной потребности, созданной острымъ кризисомъ

смутнаго времени и появленіемъ новой династіи; выходъ изъ финансовыхъ затрудненій и образованіе достаточно работоспособнаго и энергичнаго бюрократическаго аппарата—эту потребность устранили; съ другой стороны, общество съ его сословнымъ раздѣленіемъ, пріуроченное къ службѣ и тяглу, „при общей придавленности чувства права, не было въ состояніи дружной дѣятельностью превратить соборъ въ постоянное учрежденіе, огражденное политическими обезпеченіями и органически связанное съ государственнымъ порядкомъ.“ Значитъ ли это, что мимолетная исторія земскихъ соборовъ прошла безслѣдно для народнаго сознанія? В. О. Ключевскій, рисуя передъ нами картину процесса, приведшаго къ установленію въ Россіи безпримѣснаго бюрократическаго строя, съ удовлетвореніемъ останавливается на проблескахъ земской мысли, выглянувшей, напримѣръ, въ письменныхъ сказкахъ гостей и торговыхъ людей въ 1662 году, которые, указывая на опасный хозяйственный распадъ въ странѣ, просили не сословнаго совѣщанія свѣдущихъ людей, а совѣта изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей—ибо „то дѣло великое всего государства, всей земли, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ.“ Это перефразировка знаменательныхъ словъ „ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur“, съ которыми почти четыре столѣтія ранѣе обратился англійскій король, созывая представителей англійскихъ общинъ. Правда, и эти проблески у насъ не были прочны и смутное воспоминаніе о соборѣ постепенно остается лишь достояніемъ былины Поморскаго сѣвера. Проходятъ ли такія переживанія безслѣдно и не отлагаются ли они въ какихъ-то глубинахъ психической жизни общества? В. О. Ключевскій не даетъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ, который, дѣйствительно, лежитъ за предѣлами, доступными современной наукѣ. Онъ только старается освѣтить всесторонникъ свѣтомъ то мѣсто, которое заняли земскіе соборы въ жизни Московскаго государства. И здѣсь характерно, что, работая совершенно другими пріемами, онъ встрѣчается со своимъ частымъ антагонистомъ Сергѣевичемъ, который также отмѣчаетъ всю односторонность оцѣнки Чичерина и не впадаетъ въ то же время въ запоздалую идеализацію, не чуждую, напримѣръ, изслѣдованію Латкина.

Эти отдѣльныя учрежденія, такъ сросшіяся съ окру-

жающей ихъ обстановкой, вырисовываются ли они частями общаго государственнаго механизма, или и этотъ послѣдній глубоко врытъ въ пласты старо-московскаго быта и за ними скрывается? В. О. Ключевскій показываетъ, что если династическій кризисъ смутнаго времени могъ превратиться въ обще-государственный, и притомъ кризисъ такой невиданной остроты, это объяснялось чисто патримоніальнымъ характеромъ государства 16-го вѣка, сліяніемъ царя и вотчинника земли. „Политическое мышленіе отставало отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и династическихъ притязаній, превращая удѣльные предразсудки въ политическія недоразумѣнія.“ Смутное время вывело изъ обычной колеи мысль московскихъ людей и поставило чуть ли не впервые передъ ними идею московскаго государства, какъ чего-то отличнаго отъ верховной власти; оно заставило искать даже нѣкоторыхъ юридическихъ формъ и границъ для дѣятельности высшихъ государственныхъ органовъ—различать единолич-ную власть царя и согласіе боярской думы и земскаго собора. Вотъ совершенно новые мотивы, и мы ихъ не встрѣтимъ ни въ столь интересной, можно сказать, блестящей публицистикѣ князя Курбскаго, ни въ пожеланіяхъ бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ. Почему они такъ кратковременны? почему такъ не ясенъ вопросъ о характерѣ власти, которую получилъ родоначальникъ новой династіи? „При воцареніи Михаила случилось что-то, отвѣчающее конституціонному порыву. Эти новыя попытки какъ-то свѣяны временемъ, въ Московскихъ умахъ изъ государственнаго порядка, вскрываются свидѣтельствами, идущими изъ разныхъ сторонъ... Однако, подкрестная запись Михаила неизвѣстна, ни обязательства, имъ принятыя въ подлинныхъ официальныхъ документахъ не занесены“. В. О. Ключевскій не относится къ этимъ извѣстіямъ съ такимъ крайнимъ скептицизмомъ, какъ С. Ф. Платоновъ, но и онъ не оспариваетъ мимолетности той, не совсѣмъ ясной для насъ политической конъюнктуры, при которой началъ царствовать Михаилъ. Объяснялось это, конечно, не только тѣмъ, что новый царь, по выраженію собесѣдника князя Пожарскаго, былъ природный царь, что въ немъ видѣли не столько соборнаго избранника, сколько племянника царя Ѳеодора, природнаго наслѣдственнаго царя, избраннаго, по словамъ Авраа-

мія Палицына, отъ Бога прежде его рожденія. Объясняется это тѣмъ, что почва московскаго государства становилась исключительно неблагопріятной для всякаго рода политическихъ притязаній, какъ только возможные выразители этихъ притязаній начинали чувствовать подъ ногами твердый грунтъ. У В. О. Ключевскаго даны яркіе образы боярской среды 16-го вѣка, этой своеобразной аристократіи „безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество, знати, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государству и народу.“

Въ 17-мъ вѣкѣ на нашихъ глазахъ совершается крупный сдвигъ. На государственной авансценѣ появились новые люди, „чинъ отрывается отъ отечества“, но все это не сказывается ростомъ политическаго честолюбія ни у оттѣсненныхъ ни у преуспѣвшихъ. Сообразно съ этимъ и трудности, которыя стоятъ передъ русской монархіей 17-го вѣка, скорѣе техническія, чѣмъ политическія. Атмосфера, окружавшая служебно-тяглый міръ, не давала развиваться тому, что мы, на языкѣ современнаго права, можемъ назвать субъективными публичными правами; передъ нами лишь неустойчивый объективный государственный порядокъ, отражавшійся на службѣ общественныхъ классовъ и отдѣльныхъ лицъ, прикрѣпленныхъ къ государственному тяглу. Единственное такое притязаніе воплотилось въ столь противогосударственномъ и противообщественномъ институтѣ, какъ мѣстничество, борьба съ которымъ была необходима въ насущныхъ интересахъ порядка и могла только увеличивать авторитетъ царя; это мѣстничество особенно выдѣляется на фонѣ глубокаго равнодушія къ политической власти.

Не дается ли здѣсь объясненіе и тому безпримѣрному, чуждому нашей обычной психологіи деспотизму, который В. О. Ключевскій раскрываетъ въ личности Петра? Чичеринъ въ одномъ изъ своихъ опытовъ говоритъ, что нельзя произносить осуждающаго приговора надъ порядками допетровской Руси, ибо она породила Петра. Но въ этомъ лежитъ оправданіе и самого Петра, оправданіе, потребность въ коемъ чувствовалъ уже Щербатовъ. Среда, въ которой дѣйствовалъ этотъ деспотизмъ, могла оказывать огромное пассивное сопротивленіе, но она не способна была противопоставить ему

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

другой общественно-политическій укладъ, даже въ той мѣрѣ, въ какой это имѣло мѣсто въ Пруссіи, въ эпоху старшаго современника Петра, курфюрста Фридриха Вильгельма, сказавшаго, что онъ устанавливаетъ свой суверенитетъ какъ бронзовую скалу. Правда, этого оправданія В. О. Ключевскій не склоненъ давать; онъ ищетъ не оправданія, а примиренія въ другомъ. „Самовластіе само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самоотверженіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ на проломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимыя препятствія и даже о собственное дѣло. Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва“.

Отсюда крушеніе попытокъ верховниковъ и шляхетства ограничить самодержавную власть императрицы Анны—попытокъ, которыя имѣли такъ много неудачныхъ образцовъ и въ прошломъ. Но неограниченное самодержавіе совершенно мирилось съ дворяновластнымъ, которому посвящаетъ послѣднія страницы четвертой части курса Ключевскій, страницы, звучащія такимъ суровымъ приговоромъ. Манифестъ 18-го февраля 1762 года, снявъ съ дворянства обязательную службу и оставивъ крѣпостное право, придалъ этому дворяновластву особенно одіозный и деморализующую общественную жизнь характеръ, но такое положеніе не было новостью въ русской исторіи. Вѣдь и въ 17-мъ вѣкѣ успѣхи крѣпостного права и возвышеніе того класса, въ пользу котораго происходило прикрѣпленіе земледѣльцевъ, шли параллельно съ разрушеніемъ земскаго представительства и бюрократизаціей государственнаго строя: и тамъ отсутствіе политическихъ притязаній и политическихъ правъ возмѣщалось привилегированнымъ положеніемъ, и тамъ уже, по словамъ В. О. Ключевскаго, нравственныя дѣйствія крѣпостного права были шире юридическаго. Утверждаясь, оно понижало уровень гражданственности вообще и дѣлало душевладѣльческій интересъ жизненнымъ нервомъ землевладѣльческой среды. Создавались тѣ гнетущіе тона русской исторіи, отъ которыхъ изслѣдователь

можетъ уйти, лишь обращаясь къ Поморскому сѣверу и казачьей вольницѣ.

Такимъ образомъ у В. О. Ключевскаго исторія учрежденій неразрывно сплетается съ исторіей сословій, и обѣ восходятъ къ тѣмъ глубокимъ корнямъ, изъ которыхъ вырастала вся русская государственность. Онъ подымаетъ передъ намп конечную подпочву, на которой сложилась послѣдняя,—суглинокъ Суздальской земли съ ея болотами и лѣсами, которые предстояло расчистить поселенцу. Условія, при которыхъ происходила эта колонизація, дѣлала общество, осѣвшее на пространство между верхней Волгой и Окой, болѣе сельскимъ и болѣе дробнымъ, чѣмъ общество Кіевской Руси; они наложили свой отпечатокъ и на власть и на ея слугъ и подданныхъ и придали ихъ взаимнымъ отношеніямъ чисто вотчинный характеръ. Съ другой стороны — напряженная борьба съ внѣшнимъ врагомъ, всегда сообщавшая московскому государству нѣкоторый отпечатокъ военнаго стана. „Московское государство и было народнымъ лагеремъ, образовавшимся изъ боевой Великоруссіи, Оки и верхней Волги и боровшимся на три фронта: восточный, южный и западный. Оно родилось на Куликовомъ полѣ, а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты. Военное по происхожденію, оно и устроилось по-военному". Отсюда дѣленіе общества на строевыя и нестроевыя части, отсюда всепоглощающее значеніе военно-фискальныхъ мотивовъ, которые явились и главными двигающими пружинами въ эпоху Петровскихъ преобразованій. Процессъ пріобрѣтенія Россійскимъ государствомъ его исторически-необходимыхъ границъ оплачивался неисчислимыми жертвами, послѣ которыхъ оставалось такъ мало матеріальныхъ рессурсовъ и духовныхъ силъ на дѣло внутренняго строительства. В. О. Ключевскій обобщаетъ этотъ процессъ въ формулѣ, согласно коей до половины 19-го вѣка внѣшнее территоріальное расширеніе государства идетъ въ обратномъ отношеніи къ внутренней свободѣ народа. И развѣ этотъ экстенсивный характеръ русской исторіи, растекшейся, такъ сказать, по нашимъ необозримымъ равнинамъ, но не проникшій достаточно глубоко въ почву и не приготовившій ее для культуры въ уровень съ культурой старшихъ націй Европы,—развѣ онъ

не сказывается до сихъ поръ въ великихъ политическихъ и экономическихъ противорѣчіяхъ современности?

Если бы мы захотѣли окинуть взглядомъ еще разъ все, что сдѣлалъ В. О. Ключевскій въ области исторіи русскихъ учрежденій, мы увидѣли бы, какъ его руками вскрыты передъ нами самые источники наполнявшей ихъ жизни. Такое изображеніе можно назвать въ высшей степени реальнымъ и таковымъ оно является не потому, чтобы его авторъ раздѣлялъ какое-нибудь философское ученіе, претендующее на монополію давать чисто реальное истолкованіе всѣмъ фактамъ общежитія. Къ такимъ ученіямъ онъ былъ равнодушенъ, а подобныя притязанія въ его глазахъ лишь обнаруживали глубокое легковѣріе ихъ выразителей. Реализмъ В. О. Ключевскаго выражается въ его необыкновенной способности проникать далеко подъ поверхность внѣшней ткани историческаго процесса, но объясненіе этого процесса не приводитъ къ безкровной и безплотной схемѣ: рядомъ съ нимъ идетъ работа подлиннаго художника, создающаго образы, полные стиля и колорита эпохи и наполненные въ то же время тѣмъ общечеловѣческимъ содержаніемъ, которое и для насъ дѣлаетъ ихъ близкими и понятными. Этотъ мощный реализмъ, которому чужда всякая фальшивая риторика, всякая слащавая идеализація и въ то же время всякая сухость замкнувшейся въ отвлеченіяхъ мысли—развѣ онъ не роднитъ В. О. съ великими мастерами нашей рѣчи, великими нашими художниками слова. Развѣ этотъ реализмъ не есть одна изъ основныхъ чертъ нашего національнаго генія, сказавшагося и въ литературѣ и въ искусствѣ, сказавшагося и въ наукѣ, особенно въ наукѣ о природѣ, всегда привлекавшей русскихъ людей со временъ Ломоносова, который не напрасно обѣщалъ своей родинѣ увидѣть много „быстрыхъ разумомъ Невтоновъ“.

Но въ этомъ геніи есть другая основная черта—глубочайшее тяготѣніе въ сторону религіозно-нравственнаго міра—черта такъ своеобразно выступающая именно у нашихъ художниковъ - реалистовъ, черта, связующая такихъ антиподовъ, какъ Толстой и Достоевскій. Могъ ли этотъ міръ не быть открытымъ Василію Осиповичу? Не будемъ говорить о томъ, что остается невѣдомой тайной въ душѣ человѣка—остается часто для самыхъ близ-

кихъ, иногда для него самого. Но то, что ясно для всякаго читателя произведеній Ключевскаго, для всякаго слушавшаго его живое слово съ каѳедры, это глубокое и тонкое пониманіе религіозно-моральной стихіи жизни русскаго народа. Я нарочно сказалъ религіозно-моральное, потому что въ глазахъ Ключевскаго между этими двумя началами существуетъ неразрывная связь, болѣе явственно, впрочемъ, раскрывающаяся въ вѣковой жизни народа, чѣмъ въ преходящемъ существованіи отдѣльнаго человѣка; ибо и вѣра безъ дѣлъ мертва, и нравственность, оторванная отъ своего религіознаго корня, быстро засыхаетъ въ мірѣ, наполненномъ насиліемъ и эгоизмомъ. Достаточно здѣсь вспомнить двѣ рѣчи В. О., раздѣленныя весьма короткимъ промежуткомъ времени: „добрые люди старой Руси“ и „значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства“. Но наиболѣе важнымъ свидѣтельствомъ этой способности проникать въ религіозныя переживанія являются въ моихъ глазахъ изумительныя страницы изъ третьей части Курса, посвященныя внутреннему конфликту въ русской церкви 17-го вѣка (стр. 370—374).

Я позволилъ себѣ привести это мѣсто, такъ какъ оно—употребляя выраженіе Джемса — является драгоцѣннымъ документомъ религіознаго опыта—документомъ, смыслъ коего только усугубляется безусловно отрицательнымъ отношеніемъ покойнаго ко многимъ неприглядным сторонамъ нашей современной церковной дѣйствительности.

Тотъ, кто близко и интимно понялъ духовное своеобразіе народа, дѣйствительно могъ воспроизвести его исторію, его индивидуальный, не повторяющійся обликъ. Какъ рано уже В. О. Ключевскій почувствовалъ это не повторяющееся, не укладывающееся въ общую схему. Въ Historische Zeitschrift Зибеля за 1876 годъ мы найдемъ его подписанную буквой К. рецензію на Исторію Россіи и европейской политики Бернгарди, гдѣ онъ особенно подчеркиваетъ всю трудность для западнаго историка понять наше прошлое, не только въ его общихъ съ другими народами Европы чертахъ, но и въ его особенностяхъ. Выполнить послѣднюю задачу стало его жизненнымъ дѣломъ. Это воззданіе художественное, хотя въ то же время и строго научное, прошлаго, кото-

рое, однако, живетъ и въ настоящемъ, освѣщаетъ не только интеллектуальный взоръ, но и питаетъ то дремлющее любовное чувство къ родной землѣ, которое растетъ такъ же органически, какъ чувство сына къ матери, и такъ же мало нуждается въ какой-либо внѣшней риторикѣ, какихъ-нибудь показныхъ проявленіяхъ, въ какихъ-нибудь искусственныхъ прикрасахъ. Въ холодномъ сѣромъ туманѣ переживаемыхъ историческихъ будней, среди испытаній, которымъ такъ жестоко подчасъ подвергается наша вѣра въ Россіи, мы чувствуемъ особую потребность ближе подойти къ этому источнику тепла и свѣта, пережить всю силу этой нерасторжимой кровной связи и съ благодарнымъ піэтетомъ сохранить память о великомъ историкѣ, такъ глубоко понявшемъ, такъ интимно прочувствовавшемъ, такъ ярко выразившемъ эту связь.

С. А. Котляревскій.

В. О. Ключевскій и русская историческая наука *).

Имя Василія Осиповича Ключевскаго—это одно изъ тѣхъ славныхъ именъ, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться Россія. Ключевскій былъ и остается однимъ изъ величайшихъ историковъ новаго времени и, внѣ всякаго сомнѣнія, только по тому, что онъ былъ *русскимъ* историкомъ и, именно, историкомъ *русскаго* народа, его незабвенное имя до сихъ поръ не сдѣлалось достояніемъ всего просвѣщеннаго міра.

Мы затруднились бы поставить рядомъ съ Ключевскимъ кого-либо изъ прославленныхъ западныхъ историковъ, въ комъ бы такъ гармонически сочетались—первоклассный художественный талантъ и искусство живой и образной рѣчи съ поразительной силой проникновеннаго историческаго анализа и богатѣйшей эрудиціей спеціалиста.

Дѣйствительно, въ трудахъ великаго историка не знаешь, чему больше удивляться: тонкимъ ли построеніямъ ученаго изслѣдователя, когда онъ на вашихъ глазахъ искусной рукой препарируетъ источникъ; геніальной ли способности автора, не теряя позиціи вдумчиваго наблюдателя, проникаться духомъ далекихъ историческихъ эпохъ; мастерству ли его артистическаго рѣзца, когда онъ возсоздаетъ образы и картины историческихъ личностей и событій, или, наконецъ, классическимъ поразительно мѣткимъ формулировкамъ и чеканнымъ beaux mots несравненнаго учителя. Казалось, чародѣй-профессоръ соперничалъ въ немъ со строгимъ ученымъ и вдохновеннымъ художникомъ.

---

*) Докладъ, читанный въ публичномъ общемъ собраніи М. Юридическаго Общества 17 октября 1911 г.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Ключевскому суждено было занять совершенно исключительное мѣсто въ русской исторической наукѣ.

Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ „избранныхъ“ натуръ, которыя призваны полагать глубочайшія грани въ процессѣ созданія новыхъ идеальныхъ цѣнностей. Такіе люди—какъ говорится—*дѣлаютъ эпохи* въ тѣхъ сферахъ, куда устремляютъ они творческую энергію своего генія. Они стоятъ у великихъ „поворотовъ“, къ нимъ ведутъ и отъ нихъ идутъ становые пути непрестанно развивающейся, вѣчно юной человѣческой мысли.

Вотъ почему Ключевскій является не только историкомъ перваго ранга, но и родоначальникомъ *новой школы русскихъ историковъ*. Именно, отъ В. О. Ключевскаго пошла та новая историческая школа, которая, прежде всего въ твореніяхъ самого ея главы, кореннымъ образомъ преобразила науку русской исторіи, давъ ей новый научный *методъ*. Такимъ образомъ неувядаемая заслуга Ключевскаго передъ русской исторической наукой, то абсолютно цѣнное, что далъ онъ ей, опредѣляется не тѣмъ очарованіемъ его могучаго таланта, благодаря которому онъ сдѣлался едва ли не самымъ популярнымъ изъ русскихъ историковъ, а тѣмъ мѣстомъ, какое занялъ Ключевскій въ исторіи этой самой науки, поднявъ ее на такую высоту.

I.

При первомъ взглядѣ можетъ показаться, что въ лицѣ Ключевскаго мы имѣемъ дѣло не болѣе какъ съ геніальнымъ ученикомъ С. М. Соловьева, память котораго Василій Осиповичъ благоговѣйно чтилъ всю жизнь. Однако видѣть въ Ключевскомъ только продолжателя Соловьева было бы большой и, мы сказали бы даже, грубой ошибкой. И если самъ Ключевскій любилъ—съ чувствомъ глубочайшаго піэтета къ памяти своего знаменитаго учителя—скромно называть себя „ученикомъ Соловьева“, то мы не должны забывать, что это былъ „ученикъ“, рожденный для того, чтобы, въ свою очередь, стать *учителемъ!* Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами налицо непререкаемый фактъ, что, въ настоящемъ случаѣ, учитель и ученикъ принадлежали къ двумъ различнымъ историческимъ

„школамъ“ и что, особенно знаменательно, оба они являлись творцами и вождями двухъ преемственно смѣнившихъ одно другое историческихъ направленій. Оставаясь несомнѣннымъ „ученикомъ Соловьева“, Ключевскій однако не сдѣлался послѣдователемъ его „школы“. Онъ былъ призванъ совершить нѣчто гораздо бо́льшее. Въ силу своихъ исключительныхъ дарованій онъ долженъ былъ занять совершенно самостоятельное положеніе въ русской исторической наукѣ, т.-е. долженъ былъ смѣнить Соловьева, на его учительскомъ мѣстѣ.

Учитель родилъ учителя—сказали бы мы,—опредѣляя генетическую связь двухъ великихъ этаповъ въ процессѣ развитія русской исторической мысли, этаповъ, освященныхъ именами Соловьева и Ключевскаго.

Съ указанной точки зрѣнія Ключевскій въ такой же мѣрѣ является „ученикомъ“ Соловьева, въ какой Соловьевъ—ученикомъ Карамзина, и между классическимъ „Курсомъ русской исторіи“ и „Исторіей Россіи“, по существу, лежитъ такое же разстояніе, какъ между „Исторіей Россіи“ и „Исторіей Государства Россійскаго“.

Но, устанавливая подобное соотношеніе между Соловьевымъ и Ключевскимъ мы, само собой разумѣется, не отрицаемъ очевидной непосредственной связи, которая соединяла ихъ на общей нивѣ научной работы. Мы менѣе всего склонны полагать какія-либо глухія перегородки между отдѣльными фазами историческаго сознанія, и хотѣли бы только подчеркнуть основное различіе двухъ историческихъ *міросозерцаній*, послѣдовательно смѣнившихъ одно другое. Но эта смѣна міросозерцаній вовсе не уничтожаетъ преемства научной работы, напротивъ, она необходимо его предполагаетъ, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что именно въ сферѣ историческаго познанія указанная зависимость идейныхъ рядовъ всегда усиленно даетъ себя чувствовать. Научная традиція здѣсь особенно живуча!

Однако мы не должны забывать, что движеніе научной мысли совершается въ процессѣ чередованія руководящихъ идей и точекъ зрѣнія, которыя надолго опредѣляютъ самую *постановку* исторической проблемы. Накопленіе и разработка историческихъ матеріаловъ идутъ непрерывно, но факты и были сами по себѣ измѣниться не могутъ, мѣняются только методы научнаго изслѣдо-

ванія и этой-то смѣной методовъ и объясняется поступательное движеніе научнаго знанія. Факты остаются, сохраняются нерѣдко и сложившіяся ранѣе схемы историческихъ построеній, но пониманіе ихъ настолько глубоко измѣняется, что въ концѣ-концовъ приводитъ къ полному перевороту всей системы усвоеннаго знанія. Таковы, именно, и были результаты научнаго творчества В. О. Ключевскаго.

Въ трудахъ Ключевскаго насъ одновременно поражаетъ, съ одной стороны, интимная близость его къ научному наслѣдію своихъ учителей, съ другой—совершенная независимость его оригинальнаго творчества. Прокладывая новые пути, разрывая со старой школой историковъ, Ключевскій не только не порывалъ преемства научной работы, но, наоборотъ, со свойственнымъ ему рѣдкимъ историческимъ пониманіемъ и научнымъ тактомъ сумѣлъ выдѣлить въ трудахъ своихъ предшественниковъ все наиболѣе цѣнное, что должно было войти, какъ положительное достояніе, въ научный оборотъ. Глубокій и проникновенный знатокъ памятниковъ старины и литературы предмета, Ключевскій—въ этомъ смыслѣ—прежде всего далъ въ своемъ „Курсѣ“ какъ бы исчерпывающій итогъ работы исторической мысли по крайней мѣрѣ за полвѣка. Онъ непосредственно связалъ такимъ образомъ свой оригинальный историческій синтезъ съ тѣмъ, что дала лучшаго русская историческая наука до появленія „Боярской думы“.

Правда, самъ Ключевскій лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ даетъ прямыя указанія подобнаго рода, онъ скупъ также и на литературныя ссылки, такъ что все это значительно затрудняетъ рѣшеніе вопроса о вліяніи того или иного автора на историческіе взгляды творца „Боярской думы“. Тѣмъ не менѣе все же вопроса этого нельзя было бы обойти полнымъ молчаніемъ въ данномъ случаѣ. Чтобы оцѣнить по достоинству Ключевскаго, намъ необходимо прежде всего выяснить его отношенія къ своимъ „учителямъ“.

Разумѣется, легче всего констатировать вліяніе Соловьева на Ключевскаго. Послѣдній самъ указываетъ, что канонизированная имъ теорія такъ наз. владѣнія „лѣствичнаго“ очередного порядка княжескаго „столами“ въ древней Руси цѣликомъ была рецепирована

имъ отъ Соловьева. Столь же очевидное вліяніе авторъ „Исторіи Россіи“ оказалъ на своего „ученика“ и во взглядахъ его на слѣдующій „удѣльный“ періодъ русской исторіи. Ключевскій не только принялъ впервые предложенное Соловьевымъ новое *историческое* пониманіе самаго теремина „удѣльный“ порядокъ, но и въ дальнѣйшемъ усвоилъ его взглядъ на самый процессъ образованія своеобразнаго суздальскаго „новаго міра городовъ и поселковъ“. Вліяніе Соловьева въ данномъ случаѣ можно было бы прослѣдить идалѣе. Такъ, оно сказалось и на общей характеристикѣ Ключевскаго стереоотипной фигуры удѣльнаго князя, этого „заселителя и устроителя своего удѣла“, хозяина и скопидома; и на оцѣнкѣ личности Андрея Боголюбскаго и, наконецъ, на истолкованіи „рокового“ словца „подручникъ“, сорвавшагся съ языка суздальскаго князя, „залѣшанина“ и т. д. Конечно, вліяніе Соловьева далеко не ограничивалось отмѣченными пунктами, но для нашей цѣли вполнѣ достаточно и приведенныхъ показательныхъ примѣровъ, которыми съ не сомнѣнностью устанавливается ближайшая зависимость великаго ученика отъ его учителя.

Однако, конструируя классическую схему древней и удѣльной Руси, Ключевскій не остался свободенъ и отъ другихъ научно-литературныхъ вліяній.

Съ представленіемъ о Кіевской, древнѣйшей Руси въ нашей память прежде всего воскресаетъ стройная, научно законченная „теорія Ключевскаго“—какъ ее принято называть—о военно-торговомъ происхожденіи древнерусскихъ „городовыхъ областей“ (княженій), сложившихся на „великомъ водномъ пути“ „изъ Варягъ въ Греки“. А между тѣмъ, если оставить въ сторонѣ вышедшую еще въ 1800 г. работу Шторха „Historisch-statistiches Gemälde des d. Reichs“ (t. IV), то въ ряду ближайшихъ предшественниковъ Ключевскаго на этотъ разъ нельзя не указать недавно умершаго извѣстнаго русскаго историка-археолога И. Е. Забѣлина, имя котораго, какъ имя Соловьева, мы встрѣчаемъ чаще другихъ на страницахъ произведеній автора „Боярской думы“. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте 2-ю часть Забѣлинской „Исторіи русской жизни“ и загляните въ послѣднія двѣ главы, посвященныя характеристикѣ „круговорота жизни въ языческое время“, и вы должны будете признать, что не только

самое названіе и понятіе „городовой области“ но и руководящая идея теоріи Ключевскаго стоитъ въ непосредственной связи со взглядами Забѣлина, который положительно высказалъ, что русскую исторію слѣдуетъ начинать картиной „не родового, а городового быта“. Конечно, въ обработкѣ Ключевскаго мысли Забѣлина пріобрѣтаютъ такую глубину и законченность, что кажется, будто бы мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то совершенно новымъ! Но иначе и быть не могло. Ключевскій не переставалъ оставаться самостоятельнымъ и созидать даже и тогда, когда онъ шелъ уже проторенными путями. Онъ не „заимствовалъ“, а *принималъ* тѣ или иные взгляды, высказанные до него. При этомъ онъ столько вносилъ въ нихъ независимой творческой мысли, новаго содержанія, разлагающаго анализа и того непосредственнаго историческаго пониманія, которое такъ было присуще ему, что—по справедливости—именно съ его именемъ естественно связывались тѣ самыя научныя теоріи, которыя впервые зародились въ головахъ его предшественниковъ. Въ такихъ случаяхъ, художникъ-реставраторъ, Ключевскій, самъ превращался въ великаго мастера и вмѣсто подновленнаго оригинала давалъ нерѣдко артистическіе шедѣвры невиданныхъ дотолѣ новыхъ научныхъ композицій. Онъ становился какъ бы вторымъ творцомъ полузабытыхъ историческихъ „теорій“...

Указанные примѣры, впрочемъ, далеко не единственные.

Извѣстно, какое огромное значеніе придавалъ Ключевскій процессу колонизаціи въ русской исторіи. „Исторія Россіи—говорилъ онъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ—есть исторія страны, которая колонизуется“. Кто не помнитъ, напр., какъ мастерски живописуетъ Ключевскій процессъ заселенія Суздальской Руси, выясняя, какъ постепенно въ лѣсной глуши этого края, среди упорной борьбы съ природой, складывался своеобразный *типъ великоросса* подъ скрещивающимся вліяніемъ географическихъ и этнографическихъ факторовъ. Но перечитывая эти блестящіе экскурсы автора въ область народной психологіи, мы не можемъ не вспомнить одного, не заслуженно забытаго, русскаго историка, громоздкіе трактаты котораго преемственно близки по своимъ построеніямъ Ключевскому и въ свое время привлекли къ себѣ вниманіе

послѣдняго. Мы разумѣемъ А. П. Щапова. Какъ ни покажется, быть можетъ, неожиданнымъ это сближеніе при первомъ взглядѣ, мы не можемъ, однако, ни выдвинуть его. Авторъ изслѣдованій объ „историко-географическомъ распредѣленіи русскаго народонаселенія“ и „естественно-психологическихъ условіяхъ умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа“, долженъ, по нашему мнѣнію занять, свое мѣсто въ ряду предшественниковъ Ключевскаго. Правда, въ точеныхъ, филигранныхъ построеніяхъ Ключевскаго трудно сразу узнать отраженіе циклопическихъ тяжеловѣсныхъ сооруженій Щапова, но это обстоятельство не должно скрывать отъ насъ замѣтнаго родства въ строѣ идей того и другого историка, когда оба они, на фонѣ сѣверо-восточной колонизаціи, вскрываютъ передъ нами стихійный процессъ образованія велико-русскаго племени. Отмѣченная идейная близость Ключевскаго къ Щапову сказывается и въ самой постановкѣ вопроса о вліяніи географической и этнографической среды на весь духовный складъ великоросса, и на характеристикѣ „двоевѣрія“ полу-христіанина, полу-язычника удѣльнаго крестьянина и, наконецъ, тогда, когда Ключевскій говоритъ о своеобразномъ приспособленіи народомъ православныхъ „святцевъ“ къ сельско-хозяйственному календарю суздальской Руси.

Но нигдѣ, быть-можетъ, вліяніе научной традиціи не бросается такъ ярко въ глаза, какъ при сопоставленіи трудовъ Ключевскаго и Б. Н. Чичерина. Извѣстно, съ какимъ уваженіемъ относился Ключевскій къ этому своему университетскому учителю. Послѣ Соловьева, несомнѣнно, Чичерину принадлежитъ самое почетное мѣсто въ ряду предшественниковъ нашего безсмертнаго историка. Вліяніе блестящихъ „Опытовъ по исторіи русскаго права“ Чичерина было въ настоящемъ случаѣ особенно значительно. „Опыты“, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изслѣдованіями того же автора, не только опредѣлили въ цѣломъ рядѣ случаевъ самое направленіе научнаго интереса Ключевскаго, но дали ему возможность подойти къ глубочайшему пониманію сложной структуры нашего удѣльнаго „государства - помѣстья“. Если Чичерину удалось путемъ мастерскаго анализа „духовныхъ и договорныхъ грамотъ удѣльныхъ князей“, вставленнаго въ рамку гегелевской философіи исторіи,

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

разъ и навсегда выдѣлить подъ именемъ древне-русскаго „гражданскаго общества“ цѣлый историческій періодъ, то, именно, опираясь на этотъ „опытъ“ и учитывая результаты изысканій Забѣлина въ области бытовой исторіи русскаго народа, Ключевскій могъ въ своей „Боярской думѣ“ дать поистинѣ классическую характеристику удѣльнаго „княжества-вотчины“, этого типичнаго военно-землевладѣльческаго государства, гдѣ такъ причудливо сочеталась частно и публично-правовыя отношенія въ лицѣ удѣльнаго князя, „не столько управлявшаго—по словамъ Ключевскаго — своимъ удѣломъ, сколько хозяйственно его эксплоатировавшаго“. Такимъ образомъ ближайшій источникъ „вотчинной теоріи“ Ключевскаго не подлежитъ сомнѣнію.

Позволимъ себѣ сдѣлать и еще одно сближеніе, которое, по нашему разумѣнію, не случайно связываетъ Ключевскаго со славянофильской традиціей въ русской исторической наукѣ. Мы имѣемъ въ виду на этотъ разъ едва ли не самую блестящую изъ рѣчей В. О., именно, его рѣчь, произнесенную въ 1887 г. въ собраніи Общества любителей россійской словесности — „Евгеній Онѣгинъ и его предки“.

Характеризуя Евгенія Онѣгина, какъ представителя безпочвенной, космополитически настроенной русской дворянской интеллигенціи, которая ведетъ свою генеалогію со временъ преобразованій Петра В., Ключевскій даетъ намъ право связать этотъ его взглядъ съ знаменитой въ свое время доктриной славянофиловъ о двухъ „народностяхъ“ въ русской исторіи, доктриной о роковомъ разрывѣ русской интеллигинціи съ народомъ черезъ петровскую реформу. Опредѣляя типическія черты этой отщепенской интеллигенціи, К. Аксаковъ—въ противоположность „истинной народности“ простого русскаго народа — окрестилъ ее именемъ народности „Евгенія Онѣгина“. Еще разъ теорія эта была особенно отчетливо формулирована въ извѣстной рѣчи Н. И. Костомарова, посвященной критической оцѣнкѣ трудовъ славянофильскаго историка. Конечно, чуждый какихъ бы то ни было предвзятыхъ точекъ зрѣнія, Ключевскій и въ данномъ случаѣ былъ далекъ тѣхъ специфическихъ тенденцій, которыя необходимо связывались съ указаннымъ взглядомъ на пушкинскаго героя у писателей аксаков-

скаго толка, но тѣмъ не менѣе представляется совершенно невозможнымъ отрицать въ данномъ случаѣ наличность извѣстной генетической связи идей.

Полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы установить тотъ несомнѣнный фактъ, что въ своихъ научныхъ построеніяхъ Ключевскій тѣснымъ образомъ примыкалъ къ трудамъ своихъ предшественниковъ. Свободно оріентируясь въ богатомъ литературномъ наслѣдіи, онъ чувствовалъ себя однако всегда хозяиномъ положенія даже въ тѣ моменты, когда выступалъ въ роли „ученика“. Его творческая мысль никогда не прекращала своей работы, ни тогда, когда онъ продолжалъ развивать удачныя наблюденія, начатыя до него, ни тогда, когда углублялся въ самую кропотливую разработку сырыхъ залежей еще не тронутой массы памятниковъ древности.

Но какъ бы ни была богата и значительна научная работа, совершенная Ключевскимъ въ указанномъ выше направленіи, мы не сумѣли бы оцѣнить неувядаемаго подвига его жизни, если бы разсматривали его только какъ ученаго, который — правда, съ исключительнымъ успѣхомъ—*продолжалъ* дѣло своихъ учителей. Мы не поймемъ Ключевскаго, если попробуемъ отвести ему мѣсто въ ряду „учениковъ“ его учителей или даже сравняемъ его съ послѣдними. Такое мѣсто будетъ „не въ версту“ Ключевскому: онъ не только продолжалъ дѣло своихъ учителей, но и въ корнѣ *преобразовалъ* русскую историческую науку. Его заслуга передъ ней въ томъ именно и заключалась, что онъ далеко переросъ своихъ „отцовъ“ и высоко поднялся „изъ ряда вонъ“ съ тѣмъ, чтобы стать *родоначальникомъ* новаго поколѣнія историковъ.

Оцѣнка Ключевскаго съ этой стороны, быть можетъ, еще преждевременна, такъ какъ для него исторія еще не наступила. Намъ, его современникамъ, неизжившимъ еще всего чарующаго обаянія его личности и творческаго генія, трудно установить необходимыя *перспективныя* точки зрѣнія въ оцѣнкѣ великаго русскаго историка, найти подходящій для этой цѣли масштабъ. Мы еще слишкомъ чувствуемъ себя въ его власти, подъ мощнымъ воздѣйствіемъ его идей. Мы еще слишкомъ привыкли думать по Ключевскому, говорить его „словами“.

Но если при такихъ условіяхъ мы и рискуемъ впасть

въ тѣ или иныя погрѣшности, то насъ все же поддерживаетъ сознаніе, что, можетъ быть, самыя ошибки наши послужатъ въ дальнѣйшемъ дѣлу болѣе успѣшной разработки того самаго вопроса, на который теперь, пожалуй, труднѣе не отвѣчать, чѣмъ дать на него удовлетворительный отвѣтъ.

II.

Когда стоишь лицомъ къ лицу передъ такимъ огромнымъ фактомъ, какъ смерть Ключевскаго, трудно отказаться отъ попытки, хотя бы самой скромной, отдать себѣ отчетъ въ его значеніи. Въ самомъ дѣлѣ, каково значеніе В. О. Ключевскаго въ судьбахъ русской исторической науки? Сознаніе какъ бы помимо воли выдвигаетъ эту проблему на первый планъ и властно требуетъ ея разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе яснаго намека въ указаномъ смыслѣ. Въ настоящій моментъ мы и не претендуемъ на бо́льшее.

В. О. Ключевскій, сказали мы, былъ творцомъ новой *исторической школы*. Это утвержденіе обязываетъ насъ, прежде всего, опредѣлить характерныя особенности того научнаго направленія, которое непосредственно предшествовало ей въ русской исторической наукѣ. Только тогда *дѣло* Ключевскаго выступитъ передъ нами въ надлежащемъ освѣщеніи и истинныхъ своихъ размѣрахъ.

Извѣстно, что на смѣну *просвѣтительной* исторіографіи—самымъ блестящимъ представителемъ которой навсегда останется Карамзинъ—у насъ, въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка появляется новое научно-философское и философско-историческое теченіе. Зародившись подъ мощнымъ и плодотворнымъ вліяніемъ нѣмецкой идеалистической философіи Шеллинга-Гегеля и такъ наз. „исторической школы“ Гуго-Савиньи, это новое теченіе произвело цѣлую революцію въ головахъ русскихъ историковъ и юристовъ. Уже въ концѣ 40-хъ гг., послѣ замѣчательнаго дебюта Соловьева и Кавелина, можно сказать, у насъ вполнѣ оформилась новая историческая школа, которую обычно принято называть „юридической“, но которую мы предпочли бы наименовать *національно-государственной*.

Въ самомъ дѣлѣ, двѣ руководящія идеи деспоти-

чески господствовали въ *идеалистической* исторіографіи того времени: идея *національнаго*, самобытнаго развитія народовъ и идея *государства*, какъ высшей и совершенной формы выраженія „народнаго духа“ въ исторіи человѣчества. При этомъ „всемірно-историческая“ точка зрѣнія являлась руководящей для идеалистической философіи исторіи. Послѣдняя мыслила міровой процессъ, какъ логическій процессъ саморазвитія Вселенскаго Духа, стремящагося въ исторіи къ своему самосознанію. Въ таинствѣ этого вѣкового пресуществленія міровой Идеи, „историческіе“ народы знаменовали собой лишь отдѣльные моменты, возрасты ея развитія, разъ и навсегда пройденные и никогда не повторяющіеся. Но зато каждый изъ этихъ избранныхъ народовъ, пріобщаясь въ процессѣ діалектическаго трансформизма міровой жизни, являлся носителемъ какого-либо общечеловѣческаго субстанціональнаго „начала“, которое постепенно и выявлялось по мѣрѣ того, какъ извѣстный народъ подвигался по пути своего національнаго самоопредѣленія. Отсюда понятно, что цѣлью историческаго познанія было поставлено историческое *самопознаніе*, т.-е. опредѣленіе тѣхъ особыхъ „своеродныхъ“ началъ народной жизни, которыя являются исключительною принадлежностью „народнаго духа“ данной націи и которыми опредѣляется ея историческая „миссія“ или „міровое призваніе“. Что касается самыхъ этихъ „началъ“, то, согласно теоріи, они должны были быть извлечены непосредственно изъ „народнаго духа“, органически „изъ себя“ развивающагося. Они, эти начала,—такъ сказать—были даны напередъ, какъ нѣчто абсолютное, неразложимое, какъ нѣчто безусловное и въ то же время все обусловливающее; изъ нихъ и должна была, въ концѣ-концовъ, быть выведена исторія даннаго народа.

Такимъ образомъ идеалистическая исторіографія прежде всего приходила къ идеѣ „совершеннаго своеобразія“ всякой національной исторіи, т.-е. утверждала принципъ *неповторяемости* исторіи, принципъ, который у насъ нашелъ наиболѣе яркое выраженіе въ категорической формулѣ Кавелина, провозгласившаго, что „русская исторія не похожа ни на какую другую исторію“ въ мірѣ и что русскому народу суждено поэтому сказать „свое

слово“ человѣчеству не въ примѣръ всѣмъ прочимъ народамъ древняго и новаго времени.

Но культивируя *національную* идею, новая философія исторіи обнаружила и другую тенденцію. Понявъ развитіе вселенной, какъ развитіе единой въ себѣ міровой Идеи, она послѣдовательно превращала процессъ *историческій* въ процессъ *діалектическій*; историческую *логику событій* она замѣняла *логикой понятій*, апріористически постулируя свои произвольныя схемы, гдѣ начала „личности“, „государственности“ и др. чередовались въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ и порядкѣ. При такихъ условіяхъ, несмотря на свои крупныя заслуги (проповѣдь идеи „закономѣрности“, историческаго „развитія“ и т. д.) идеалестическая философія исторіи, по существу, продолжала оставаться *надъисторической* философіей .

Въ самомъ дѣлѣ, историки названной школы обнаруживали несомнѣнную тенденцію „вольнаго обращенія съ исторіей“. Факты вообще играли у нихъ второстепенную роль, они не утомляли себя микроскопическими наблюденіями надъ историческими явленіями. Предоставляя любителямъ древности „рыться въ старой пыли исторіи“, они сами предпочитали *философически* „размышлять надъ фактами“. Постоянно оперируя такими круглыми понятіями, какъ „народъ“, „народный духъ“, „государство“, „правительство“, „общество“, они въ дѣйствительности останавливались въ своихъ изысканіяхъ у самаго порога исторіи, не подозрѣвая даже, что задача историка, именно, въ томъ и состоитъ, чтобы раскрыть эти скобки, т.-е. дать историческую интерпретацію тѣхъ самыхъ понятій, которыми они, напротивъ, все объясняли. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ у насъ, сравнительно въ короткій срокъ, народилось рѣдкое обиліе различныхъ „теорій“ и „взглядовъ“ по вопросу о сущности русскаго историческаго процесса. На все это, какъ на характерную особенность старой исторической школы, очень мѣтко указалъ уже въ 1880 г. авторъ „Боярской думы“ въ своемъ замѣчательномъ введеніи къ названному изслѣдованію.

Но этимъ дѣло не ограничивалось. Та же методологическая особенность національно-государственной школы историковъ приводила ихъ и къ другой односторонности. Философія идеализма, какъ извѣстно, обоготворила го-

сударство и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣла въ немъ несомнѣнный символъ „историческаго“ помазанничества народовъ, коронацію „народнаго духа“ на высшей стадіи его развитія. Естественно, поэтому, что все свое вниманіе, весь свой научный интересъ она сконцентрировала около *проблемы о государствѣ*. Исторія государства, сведенная къ исторіи „государственности“ и, наконецъ, государственной власти—сдѣлалась, можно сказать, призваніемъ новой „философіи исторіи“. И этотъ подмѣнъ объекта исторической науки путемъ ограниченія ея содержанія одной опредѣленной группой историческихъ явленій совершился тѣмъ легче, что идеалистическая исторіографія смѣло ставила знакъ равенства между понятіями „государства“, „правительства“ — съ одной стороны—и „народа“, „общества“, съ другой. Мы не должны забывать, что съ ея точки зрѣнія „государство“ являлось наисовершеннѣйшимъ воплощеніемъ народнаго „духа“, а „правительство“—наилучшимъ представителемъ своего „народа“, такъ что исторія государства съ полнымъ правомъ отожествлялась съ исторіей народа, и, слѣдовательно, просто могла замѣнить послѣднюю. При такомъ взглядѣ историку не за чѣмъ было спускаться, такъ сказать, въ самыя нѣдра историческаго процесса, онъ возносился прямо къ вершинамъ политической жизни народовъ, будучи увѣренъ, что такъ онъ скорѣе достигнетъ своей цѣли. „Правительство,—писалъ Соловьевъ—какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ.., но историкъ не имѣетъ возможности непосредственно сноситься съ массой, а сносится съ нею посредствомъ ея представителей, историческихъ дѣятелей, вождей“, поэтому, заключаетъ авторъ —„историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь“. Такъ въ жертву „историческимъ личностямъ“, официальнымъ героямъ исторіи, сознательно приносилась такъ-называемая „внутренняя исторія“ народа. Понятно, что при такомъ аспектѣ *соціальная* исторія отступала у идеалистовъ-историковъ на самый задній планъ, но зато съ тѣмъ большей энергіей культивировали они свою „государственную“ точку зрѣнія. Почти исключительнымъ предметомъ ихъ сосредоточеннаго вниманія сдѣлалась тогда исторія государственной власти, правительственной регламентаціи, исто-

рія *политическая* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Разумѣется, обстоятельство это не могло не отразиться, въ свою очередь, и на подборѣ соотвѣтствующаго историческаго матеріала. Преобладающая роль выпадала на долю актовъ государственной власти, офиціальныхъ памятниковъ законодательства, матеріала *юридическаго* и дипломатическаго по преимуществу. Историки въ данномъ случаѣ встрѣчались съ историками права. Послѣдніе также начали усиленно разрабатывать исторію институтовъ публичнаго права, почти совершенно игнорируя исторію права гражданскаго. Но и въ указанныхъ предѣлахъ, по существу, историки-юристы заняты были, собственно говоря, не столько *исторіей права*, сколько „*исторіей законодательства*“ или „исторіей россійскихъ законовъ“, говоря словами И. Бѣляева, Неволина и др. Наука „россійскаго законоискусства“, процвѣтавшая въ эпоху „просвѣщенія“, должна была, такимъ образомъ, въ XIX вѣкѣ, историческомъ по преимуществу, превратиться въ „исторію россійскаго законодательства“, какъ назвалъ ее уже Ѳ. Морошкинъ. Съ этой точки зрѣнія для историка того времени въ большинствѣ случаевъ, разрѣшить какую-нибудь историческую проблему — значило найти соотвѣтствующій законъ, грамоту, указъ, словомъ, тотъ или иной актъ государственной власти. Такъ, именно, и ставила, напр., старая историческая школа вопросъ о крѣпостномъ правѣ на крестьянъ. Наиболѣе прямолинейные ея представители, въ лицѣ проф. В. Сергѣевича, никакъ не могли примириться съ мыслью о томъ, чтобы крѣпостное право могло возникнуть помимо царскаго указа.

Но отмѣченная односторонность историковъ-государственниковъ приводила еще и къ другой крайности, которая выражалась въ томъ, что — говоря словами Ключевскаго — они устанавливали чисто „техническій взглядъ“ на исторію „государства“ россійскаго. Дѣйствительно, они довольствовались лишь внѣшнимъ описаніемъ организаціи государственной власти, общей характеристикой самаго аппарата этой власти, вовсе не касаясь вопроса объ ея *историческихъ* основаніяхъ. Описавъ устройство государственнаго механизма, его составныхъ частей, передачъ, они, однако, оставляли безъ разсмотрѣнія вопросъ о тѣхъ *силахъ*, которыя приводили этотъ механизмъ

въ движеніе, сообщали работѣ его извѣстную скорость и т. д. Замкнувшись въ сферѣ своего ограниченнаго научнаго интереса, устремивъ все свое вниманіе въ область государственной исторіи, старая школа историковъ, въ концѣ-концовъ, послѣдовательно возвела эту, свою одностороннюю точку зрѣнія въ историческій принципъ, который, въ свою очередь, превратила въ исконное „начало“ національной исторіи русскаго народа. Вращаясь постоянно въ „порочномъ кругѣ“ однихъ и тѣхъ же историческихъ фактовъ и представленій, не углубляя своего анализа вовнутрь историческаго процесса, историки-государственники создали себѣ такимъ путемъ научную иллюзію объ особенномъ характерѣ прошлаго Россіи. Повторяя одинъ другого, въ различныхъ варіантахъ, они согласно утверждали, что русская исторія, по существу, и не знаетъ никакой иной „исторіи“, кромѣ *государственной*, что „общество“, „народъ“ русскій во всѣ времена представлялъ изъ себя безразличную „жидкую“ массу, пассивный сырой матеріалъ, изъ котораго правительство, по своему плану и въ своихъ интересахъ, изъ вѣка въ вѣкъ лѣпило своеобразную „храмину“ русскаго государства.

Такимъ образомъ оказывалось, что русскій народъ самъ не принималъ никакого *активнаго* участія въ своихъ собственныхъ судьбахъ и судьбахъ того государства, въ которомъ—согласно теоріи—долженъ былъ отразиться его „національный духъ“. Этотъ народъ былъ объявленъ даже, по своей природѣ, народомъ „негосударственнымъ“, ему не находилось самостоятельнаго мѣста въ исторіи. „Вся русская исторія—писалъ Кавелинъ—какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, въ особенномъ, намъ однимъ (!) свойственномъ значеніи этого слова... Политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно живую сторону нашей исторіи.., сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси“. Отсюда же, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, авторъ дѣлалъ и другой выводъ о „безпримѣрномъ своеобразіи“ русской исторіи, своеобразіи, которое сказывалось въ томъ, „что въ Европѣ все дѣлалось снизу, а у насъ сверху“. Тамъ, на Западѣ, государство являлось созданіемъ живыхъ общественныхъ силъ, у насъ — продуктомъ творчества

правительственной власти. Этотъ, дѣйствительно, „безпримѣрный“ характеръ русской исторіи, создавшій изъ русскаго народа „небывалую въ мірѣ соціальную формацію“, и былъ объявленъ тогда же ея *національной* особенностью, которая однимъ представлялась, какъ великое преимущество Россіи, другимъ—какъ печальное историческое наслѣдіе.

Но какъ бы ни расходились историки того времени въ оцѣнкѣ самобытныхъ основъ русской жизни, они всѣ согласно утверждали, что русская исторія никогда не знала соціальной „борьбы“; что на Руси не было ни сословій, ни общественныхъ классовъ, а были только государственные „чины“; что въ ея прошломъ не было, наконецъ, ни аристократіи землевладѣнія, ни аристократіи капитала, ни „городовъ“, ни „пролетаріевъ“ и т. д. При такихъ условіяхъ, очевидно, исторія русскаго народа въ глазахъ историковъ старой школы должна была представлять полную *противоположность* исторіи народовъ Запада, историческія судьбы которыхъ направлялись совершенно иными „началами“ и „стихіями“. Торжество указаннаго принципа было такъ велико, что традиціонная теорія исключительнаго національнаго „своеобразія“ русской исторіи дожила до нашихъ дней и мы до сихъ поръ еще—черезъ три четверти столѣтія—слышимъ ясные отголоски знаменитой Погодинской „параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ“...

Столь длительное преобладаніе національно-государственной точки зрѣнія въ русской исторической наукѣ естественно должно было привести, въ концѣ-концовъ, къ тому, что бытовая, *внутренняя* сторона русскаго историческаго процесса, эволюція *соціально-экономическихъ* отношеній—въ особенности—не только оставалась почти совершенно не изученной, но и самый научный интересъ ея разработки въ глазахъ спеціалистовъ утрачивалъ всякое самостоятельное значеніе. Для исторіи „народа“ въ наукѣ русской исторіи просто не оказывалось налицо соотвѣтствующаго объекта изслѣдованія. Таковы были наиболѣе характерныя и наиболѣе общія черты старой исторической школы, господствовавшей въ русской исторической литературѣ вплоть до „эпохи великихъ ре-

формъ“ XIX столѣтія, этого великаго рубежа русской жизни.

Какую же позицію занялъ по отношенію къ названной школѣ В. О. Ключевскій? Обратимся за отвѣтомъ на этотъ вопросъ прежде всего къ нему самому.

Когда въ январьской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за 1880 г. появились первыя главы „Боярской думы“ Ключевскаго, то читателю прежде всего должны были броситься въ глаза слѣдующія знаменательныя слова автора, поставленныя имъ въ заглавіи „введенія“ къ его классическому „опыту“ по исторіи древне-русскихъ учрежденій: „въ предлагаемомъ опытѣ Боярская дума—читаемъ мы тамъ—разсматривается въ связи съ *классами* и *интересами*, *господствовавшими въ древне-русскомъ обществѣ*“. Какая дерзкая, почти кощунственная мысль! Какой вызовъ русской исторической наукѣ и ея традиціи! Авторъ намѣревается писать, такъ сказать, классовую исторію русскаго общества и въ тѣсной связи съ ней построить исторію одного изъ старѣйшихъ правительственныхъ учрежденій допетровской Руси. Въ самомъ дѣлѣ, мысль болѣе чѣмъ смѣлая: вѣдь съ точки зрѣнія старой академической теоріи это значило писать исторію того, чего не было. О какой исторіи русскаго „общества“, о какихъ „классахъ“ и „интересахъ“ хотѣлъ говорить авторъ. Казалось, попытка его заранѣе была обречена на полный крахъ. И что же? Именно „Боярской думѣ“ суждено было сдѣлаться новой академіей русскаго историческаго знанія, новой „школой“, „откуду есть пошла“ современная русская историческая наука. Именно этой геніальной книгѣ суждено было создать цѣлую эпоху въ русской исторіографіи. Въ этомъ смыслѣ замѣчательное введеніе въ „Боярскую думу“ можно было бы разсматривать, какъ манифестъ новой „школы Ключевскаго“. Повидимому, и самъ авторъ склоненъ былъ такъ именно понимать свое ученое выступленіе. Онъ прежде всего счелъ себя вынужденнымъ объясниться со своими предшественниками и современниками по кардинальному вопросу о *методѣ* историческаго изслѣдованія. „Въ исторіи нашихъ древнихъ учрежденій—говоритъ въ томъ же введеніи Ключевскій—остаются въ тѣни *общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и черезъ нихъ дѣйствовали*. Разсмотрѣвъ внимательно *лицевую*

сторону стараго государственнаго зданія и окинувъ *бывалымъ* взглядомъ его внутреннее расположеніе, мы (авторъ говоритъ о своихъ предшественникахъ) не изучили достаточно ни его *основаній*, ни его *строительнаго матеріала*, *ни скрытыхъ внутреннихъ связей*, которыми скрѣплены были его части; а когда мы изучимъ все это—заключаетъ скромно авторъ—тогда, можетъ быть, и *процессъ образованія нашего государственнаго порядка* и значеніе его правительственныхъ учрежденій предстанутъ передъ нами нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ какъ представляется теперь" (курсивъ нашъ). Но то, что Ключевскій такъ осторожно называетъ въ данномъ случаѣ „нѣсколько инымъ видомъ", въ дѣйствительности знаменовало собой полный переворотъ въ сферѣ установленныхъ ранѣе историческихъ понятій и схемъ. Авторъ достигъ этого, сдѣлавъ первую попытку взглянуть на знакомые уже факты какъ разъ съ той стороны, съ которой до него на нихъ не смотрѣли. Предшественники Ключевскаго, какъ мы видѣли, изучали русскій историческій процессъ „сверху", съ лицевой стороны, онъ началъ его изучать „снизу", изнутри. Задача была поставлена ясно и опредѣленно: требовалось подвести *историческое основаніе* подъ тѣ фасады, которые такъ старательно и съ такимъ талантомъ выводили представители старой исторической школы. И авторъ „Боярской думы" это сдѣлалъ, давъ въ своемъ твореніи, можно сказать, цѣлый курсъ русской исторіи до эпохи Петра В. Понимая такъ глубоко и широко задачу историческаго изслѣдованія, Ключевскій, въ полномъ смыслѣ слова, долженъ былъ заново переработать и пересмотрѣть огромное количество матеріала. Вотъ почему даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пользовался готовыми уже плодами трудовъ своихъ предшественниковъ, ихъ выводы и теоріи получали у него совершенно новый смыслъ, насыщаясь все новымъ содержаніемъ, обогащаясь оригинальнымъ пониманіемъ предмета. Въ научной лабораторіи Ключевскаго „діалектическія формулы" идеалистовъ-историковъ впервые начали облекаться въ плоть и кровь исторической жизни. Мистическая пустота „мірового" или „народнаго духа", въ которой такъ долго вращалась научная мысль, теперь должна была обнаружить всю свою несостоятельность, какъ только на мѣсто логическихъ категорій и „діалектическихъ

импровизацій“ явилось живое представленіе о жизненномъ процессѣ исторіи. Только съ этого момента исторія русскаго народа перестала представляться какимъ-то провиденціальнымъ жертвоприношеніемъ на алтарь Молоха-государства и превратилась въ скромное дѣло рукъ человѣческихъ, тяжелую сложную работу тѣхъ самыхъ общественныхъ силъ, которыя — по удачному выраженію Ключевскаго — „скрывались“ подъ формами преходящихъ государственныхъ учрежденій. Такую постановку вопроса мы въ правѣ были квалифицировать какъ *переворотъ* въ исторической наукѣ, такъ какъ, именно, подобной постановкой исторической проблемы „Боярская дума“ наносила рѣшительный ударъ въ самое сердце старой исторической школѣ. Вопросъ шелъ въ настоящемъ случаѣ не о замѣнѣ одной „теоріи“ другою, напр., теоріи „родового“ быта теоріей „общинной“ или какой-либо иной, на очередь была поставлена *методологическая* задача. Въ своей „Боярской думѣ“ Ключевскій не только далъ образцовую монографію по исторіи учрежденій древней Руси, но и демонстрировалъ новый историческій методъ, методъ *историко-соціологическій*, какъ назвалъ онъ его позднѣе во введеніи къ своему „курсу“.

Конечно, тотъ новый кругъ идей и принциповъ, который ввелъ Ключевскій въ научный оборотъ, оплодотворивъ тѣмъ самымъ засохшую было въ традиціонныхъ академическихъ схемахъ научную мысль, не могъ произвольно зародиться въ головѣ великаго историка. Быть можетъ, призванія генія въ томъ, именно, и состоитъ, чтобы не только угадать, но и съ наибольшимъ совершенствомъ творчески выявить скрытую отъ „простыхъ смертныхъ“ руководящую идею своего времени. Не подлежитъ сомнѣнію, что *историческое міросозерцаніе* Ключевскаго складывалось въ атмосферѣ и подъ вліяніемъ очень опредѣленныхъ направленій и настроеній. Подобно тому, какъ національно-государственная историографія зародилась въ началѣ XIX ст. въ противовѣсъ просвѣтительной философіи исторіи раціонализма и продолжала въ дальнѣйшемъ развиваться въ условіяхъ чреватой великими послѣдствіями эпохи общеевропейской реакціи,—такъ что и новая и историческая школа, смѣнившая вторую, нестояла одиноко на своихъ путяхъ. Извѣстно, что середина прошлаго столѣтія отмѣчена въ исторіи цивилизованнаго міра необычайно

пышныхъ расцвѣтовъ положительныхъ наукъ, въ особенности, *естествознанія* съ его позитивными методами изслѣдованія. Отмѣченное обстоятельство особенно благотворно отразилось на развитіи наукъ общественныхъ, которыя, усвоивая пріемы изслѣдованія точныхъ наукъ, съ этого именно момента начинаютъ дѣлать замѣтные и крупные успѣхи. Собственно говоря, къ данному времени и слѣдуетъ отнести самое появленіе такихъ научныхъ дисциплинъ, какъ политическая экономія, исторія,—если смотрѣть на нее, какъ на самостоятельную науку, а не какъ на служанку философіи—наука о правѣ, соціологія и т. д. Съ другой стороны, тѣ глубочайшія соціальныя потрясенія, которыя, начиная съ 40-хъ гг., такъ сильно поразили и преобразили весь внутренній укладъ континентальной Европы, въ свою очередь, обострили и изощрили интересъ къ „соціальнымъ вопросамъ“ и дали новый мощный толчекъ развитію общественныхъ наукъ. Вниманіе историковъ, фиксированное ранѣе на политическихъ судьбахъ абсолютистскихъ государствъ, теперь рѣзко измѣнило объектъ своихъ наблюденій. Это вниманіе было привлечено тѣми новыми формами общественнаго строя и борющихся въ немъ классовъ и интересовъ, которые такъ демонстративно заявили о себѣ въ исторіи. Выступленіе широкихъ массъ народа на историческую сцену, расцвѣтъ *общественной* жизни не могли остаться не замѣченными. И у насъ, какъ разъ въ то самое время, когда складывался духовный обликъ великаго историка, цвѣла первая весна русской жизни. То была эпоха реформъ 60-хъ гг., когда умами всѣхъ, въ комъ были живы мысль и сердце, овладѣла одна великая идея—идея національнаго воскресенія страны; когда подъ шумъ публицистическихъ витій „обличительной“ литературы въ русскомъ обществѣ сдѣлался господиномъ положенія „мыслящій реалистъ“ и естественныя науки проповѣдывались, какъ новая религія. Понятно, что при указанныхъ условіяхъ на первую очередь какъ бы сами собой выдвинулись и въ практикѣ жизни, и въ общественныхъ наукахъ вопросы соціально-экономическаго порядка. Это былъ моментъ, когда въ началѣ 70-хъ гг., захваченный общимъ теченіемъ, Щаповъ — особонно подвижный въ своемъ энтузіазмѣ—объявилъ въ числѣ своихъ новыхъ кумировъ, рядомъ съ не умирающимъ Руссо, *Конта*, *Лассаля*, *Милля*

и, наконецъ, *Маркса!* Приведенныя имена новыхъ авторитетовъ съ этого момента окончательно и надолго затмили нѣкогда столь же чтимыя имена Шеллинга, Гегеля, Кузена, Гердера, Савиньи и др...

Въ такой обстановкѣ, подъ шумъ величайшихъ событій, среди горячей борьбы идей и непрестанной смѣнѣ впечатлѣній, зрѣла проникновенная мысль мудраго историка.

Взгляды Ключевскаго складывались такимъ образомъ среди всеобщаго броженія умовъ, которое не могло не отразиться на строѣ идей такого чуткаго ученаго, какимъ былъ авторъ „курса русской исторіи". Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что, при всей своей оригинальности и тамобытности, Ключевскій выковалъ свое многогранное міросозерцаніе на той же наковальнѣ, что и его современники. Его философія исторіи была поэтому, несомнѣнно, отмѣчена печатью идейныхъ переживаній памятной эпохи.

Прежде всего Ключевскій былъ и до конца своей жизни остался *реалистомъ*. Тѣ философско-историческія построенія „на глазомѣръ",—какъ выражался онъ—которыя были такъ характерны для историковъ „умозрительнаго" направленія, не могли, конечно, удовлетворить автора „Боярской думы". Для него исторія была „областью опытнаго или наблюдательнаго познанія". Врагъ всякаго историческаго мистицизма, въ какія бы формы онъ ни облекался, Ключевскій прежде всего и послѣ всего требовалъ систематической работы надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ, надъ фактами, требовалъ *раскопокъ*. И надо отдать ему должное, онъ самъ былъ первымъ „рудознатцемъ" въ своей области. Съ лопатой и заступомъ, со скальпелемъ и микроскопомъ въ рукахъ спускался онъ въ глубочайшіе рудники русской исторіи и тамъ, во прахѣ временъ, искалъ разгадки тайны жизни человѣческихъ обществъ. Онъ одновременно и велъ раскопки, добывая еще не обработанный сырой матеріалъ, и подвергалъ его тончайшему анализу ученаго спеціалиста. Поэтому всякій разъ, когда Ключевскій представлялъ въ законченномъ видѣ результаты своихъ изслѣдованій, онъ не только обогащалъ науку богатствомъ новыхъ идей и точекъ зрѣній, но и вносилъ въ нее цѣннымъ вкладомъ цѣлый рядъ новыхъ и свѣжихъ данныхъ, подобранныхъ

съ рѣдкимъ историческимъ пониманіемъ и изысканнымъ ученымъ вкусомъ.

Но главная заслуга Ключевскаго все же заключалась не въ этомъ, а въ тѣхъ пріемахъ новой комбинаціи историческихъ фактовъ, которыми онъ овладѣлъ въ такомъ совершенствѣ. Мы уже видѣли, что центръ тяжести своего научнаго интереса Ключевскій перенесъ въ область общественно-экономическихъ интересовъ и отношеній, обратившись къ обработкѣ „соціальнаго матеріала“ по преимуществу. При этомъ онъ неоднократно подчеркивалъ, что, не изучивъ этой стороны жизненнаго процесса, мы не поймемъ и самыхъ „политическихъ“ формъ, которыя складываются въ тотъ или иной историческій моментъ у отдѣльныхъ народовъ. Чтобы понять, какое важное значеніе, дѣйствительно, придавалъ Ключевскій такъ называемому экономическому „фактору“ въ исторіи, достаточно привести два-три наиболѣе яркихъ примѣра. Такъ, обратимся ли мы къ его характеристикѣ общественно-политическаго строя Кіевской Руси, Руси „днѣпровской, городовой, *торговой*“, мы прежде всего встрѣтимся съ основнымъ тезисомъ нашего историка, что не только образованіе древне-русскихъ „городовыхъ областей“, но и вся вообще народная жизнь этого историческаго періода направлялась интересами „черноморско-каспійскаго“ торговаго обмѣна эпохи, который глубоко повліялъ на „хозяйственный и общественный бытъ и даже національный характеръ русскаго народа“. Перейдемъ ли мы далѣе къ слѣдующему „удѣльному“ періоду и мы встрѣтимся съ блестящей характеристикой удѣльнаго княжества-вотчины, какъ своеобразной системы отношеній, когда „князь, переставая быть государемъ, оставался только землевладѣльцемъ, простымъ хозяиномъ“ и когда, именно, это „частное право собственности на удѣлъ“ становилось для него въ такой же мѣрѣ новымъ основаніемъ его „державныхъ правъ“, въ какой для удѣльной церкви и боярства „землевладѣніе“ являлось „основой ихъ общественнаго положенія“. Вспомнимъ ли мы, наконецъ, какъ рѣшалъ Ключевскій труднѣйшій и едва ли не самый контроверзный вопросъ русской исторіи, вопросъ о происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ, и здѣсь мы должны констатировать, что въ ряду основныхъ причинъ закрѣпощенія трудового населенія древней Руси имъ былъ выдвинутъ на первый планъ, въ проти-

вовѣсъ старой „государственной“ точкѣ зрѣнія, фактъ прогрессивно возрастающей задолжности класса свободныхъ арендаторовъ ихъ господамъ - помѣщикамъ. Такимъ путемъ Ключевскій совершилъ цѣлый переворотъ во взглядахъ русскихъ историковъ на происхожденіе русскаго колоната...

Точно также и въ тѣхъ случаяхъ, когда нашему историку приходилось касаться традиціонной проблемы о роли идей въ историческомъ процессѣ, онъ всегда указывалъ, что мы должны оцѣнивать ихъ силу и вліяніе лишь постольку, поскольку идеи эти являются *показателями* или проводниками реальныхъ жизненныхъ интересовъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, дѣйствующихъ въ данной исторической средѣ. „Такъ отъ общественныхъ отношеній—говоритъ онъ—отлагаются идеи, а идеи перерабатываются въ общественныя отношенія“. Такимъ образомъ идеи становятся дѣйствующимъ „факторомъ въ историческомъ процессѣ“ только послѣ того, какъ подвергнутся „практической обработкѣ“. Но за то онѣ пріобрѣтаютъ тогда непобѣдимую власть. „Никакая внѣшняя сила—по словамъ Ключевскаго—не въ состояніи убить идею, если въ ней самой есть жизнь; остановить на время ея внѣшнее проявленіе, — вотъ все, чего удавалось достигнуть внѣшнему гнету“. Поэтому, какъ историкъ, Ключевскій имѣлъ дѣло только съ *общественными идеями*. „Идеи, — говорилъ онъ — блеснувшія и погасшія въ отдѣльныхъ умахъ, въ частномъ личномъ существованіи столь же мало увеличиваютъ запасъ общежитія, какъ мало обогащаютъ инвентарь народнаго хозяйства замысловатыя маленькія мельницы, которыя строятъ дѣти на дождевыхъ потокахъ“.

Но отмѣченное усиленное вниманіе Ключевскаго къ соціально-экономическимъ явленіямъ въ исторіи отнюдь не было результатомъ его стремленія просто пополнить пробѣлы въ русской исторической литературѣ, именно въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ она особенно обнаруживала свою нищету. Мы уже видѣли, что для Ключевскаго такая постановка вопроса была дѣломъ научнаго *принципа*. Онъ не разъ поэтому подчеркивалъ важное методологическое значеніе подобнаго „пріема“ изслѣдованія историческихъ явленій, далекій, однако, какихъ-либо предвзятыхъ „теорій“.

Въ своей „Боярской думѣ“ Ключевскій, можно ска-

зать, далъ намъ не превзойденный до сихъ поръ образецъ историческаго изслѣдованія, гдѣ съ особенной силой ему удалось демонстрировать блестящее примѣненіе новаго научнаго метода. Боярской думѣ въ виду этого должно принадлежать центральное мѣсто среди трудовъ Ключевскаго. Не даромъ самъ онъ предпослалъ именно названной книгѣ первое исповѣданіе своего научнаго credo. И дѣйствительно, исторія „Боярской думы“ у Ключевскаго не только приведена въ тѣснѣйшую связь съ исторіей древне-русскаго общества, но и органически связана съ судьбами того общественнаго класса, который, въ лицѣ стараго боярства, сначала создалъ авторитетное правительственное положеніе думы, а затѣмъ, съ разложеніемъ этого аристократическаго слоя, постепенно обусловилъ ея медленное умираніе и, наконецъ, совершенное паденіе. Въ „Боярской думѣ“, можно сказать, вылился весь Ключевскій, какъ реалистъ-художникъ и историкъ-соціологъ, въ ней же съ особенной отчетливостью отразились и его историко-философскіе взгляды, и его призваніе историка русскаго *общества*.

Во главу угла своей философіи исторіи онъ поставилъ не отвлеченнаго „человѣка“ или какія-нибудь надъ историческія силы, а *общественный союзъ людей* и *общественныя идеи*, поскольку въ нихъ отражаются *жизненные* интересы тѣхъ или иныхъ соціальныхъ группъ или всего „общежитія“, въ его цѣломъ. При этомъ для Ключевскаго было совершенно ясно, какимъ изъ этихъ интересовъ должно быть отведено, не исключительное,— этого онъ никогда не думалъ—но, по крайней мѣрѣ, одно изъ первостепенныхъ мѣстъ какъ въ жизни, такъ и въ той наукѣ, которая имѣетъ претензію изучать общественную жизнь людей и *законы ея развитія*. А Ключевскій именно такъ, соціологически, и понималъ задачу историка. Въ противоположность современной „риккертовской“ школѣ онъ выдвинулъ, въ качествѣ первой и основной задачи историческаго познанія, задачу „изученія свойствъ и дѣйствія силъ, созидающихъ и направляющихъ людское общежитіе“. Съ указанной точки зрѣнія для Ключевскаго между науками общественными и науками о природѣ не было никакого существеннаго различія: „человѣческое общежитіе—такой же фактъ мірового бытія, какъ и жизнь окружающей природы“,—говорилъ онъ — „историческія

тѣла... рождаются, живутъ и умираютъ подобно органическимъ тѣламъ природы". Этотъ закономѣрный процессъ развитія соціальныхъ „тѣлъ" авторъ и называлъ *„историческимъ процессомъ"*. Такимъ образомъ познаніе *соціальныхъ законовъ* въ ихъ историческомъ воплощеніи—вотъ что составляетъ—по словамъ Ключевскаго—„общую задачу историческаго изученія".

Но относя исторію къ группѣ наукъ номотетическихъ, генерализирующихъ, Ключевскій, разумѣется, не отвергалъ научной важности изученія *индивидуальныхъ особенностей* того или иного „мѣстнаго" историческаго процесса, такъ какъ отлично понималъ, что исторія никогда буквально не повторяется и, подчиняясь извѣстнымъ законамъ, не знаетъ вовсе шаблоновъ. По мысли Ключевскаго, подобнаго рода изученіе историческихъ „своеобразій" въ прошломъ отдѣльныхъ народовъ не только не противорѣчитъ основной задачѣ исторической науки, но—напротивъ—положительно содѣйствуетъ болѣе углубленному ея разрѣшенію. „Изученіе мѣстной исторіи—говорилъ онъ—даетъ готовый и наиболѣе обильный матеріалъ для исторической соціологіи", посредствомъ него „мы познаемъ не только природу людского общежитія, но и законы его движенія". Ключевскій думалъ даже, что раскрытіе „законовъ строенія человѣческихъ обществъ" еще болѣе облегчится, если мы предварительно „сосредоточимъ вниманіе на частичныхъ мѣстныхъ строеніяхъ, представляемыхъ жизнью того или другого народа". Въ частности, русскую исторію онъ считаетъ особенно „удобной для отдѣльнаго соціологическаго изученія" въ виду ея „сравнительной простоты" и нѣкоторыхъ характерныхъ *„особенностей"*, которыя однако вовсе не уничтожаютъ того общаго положенія, что и въ исторіи русскаго народа мы „наблюдаемъ дѣйствіе тѣхъ же историческихъ силъ и элементовъ общежитія, что и въ другихъ европейскихъ обществахъ". Такимъ образомъ „изъ общей задачи историческаго изученія" Ключевскій *выводилъ*, говоря его собственными словами, и „научную цѣль изученія мѣстной исторіи"...

Но подчеркивая съ такимъ удареніемъ чисто *теоретическую* задачу историческаго изученія, великій ученый наряду съ этимъ не забывалъ и важной практической, т.-е. общественной цѣнности историческаго знанія. Ясновидя-

щій прозорливецъ, читающій въ вѣкахъ, Ключевскій и на исторію смотрѣлъ какъ на пророчицу въ будущемъ. Наука, по его представленію, должна стремиться „знать“ и „видѣть“ для того, чтобы *предвидѣть* и цѣлесообразно и планомѣрно творить. Поэтому Ключевскій высказывалъ надежду, что настанетъ и для исторической науки такой моментъ, когда „изъ науки о томъ, какъ строится человѣческое общежитіе, можетъ современемъ—и это будетъ торжествомъ исторической науки—выработаться и прикладная часть ея — наука о томъ, какъ наилучше строить его—это общежитіе“. Знаніе—говоритъ онъ — призвано служить жизненнымъ потребностямъ и нуждамъ человѣка, иначе оно „становится простымъ балластомъ памяти, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который идетъ безъ настоящаго цѣннаго груза“...

Не трудно видѣть, какъ неизмѣримо далеко уводитъ насъ это *новое пониманіе* задачъ и метода исторической науки отъ преданій и традиціи идеалистической исторіографіи, которая, какъ бы скользя по поверхности историческихъ событій, стремилась создать для каждаго народа свою собственную „философію исторію“, открыть только ему одному присущія таинственныя „начала“ его жизни и отрицала всякую возможность прикладывать „европейскій“ или какой-нибудь иной „аршинъ“ къ такой несоизмѣримой ни съ чѣмъ, исторической величинѣ, какъ „русское государство“. Будемъ ли мы удивляться послѣ этого тому, что та историческая „школа“, которую Ключевскій создалъ своей „Боярской думой“, встрѣтила столь непримиримаго и страстнаго врага въ лицѣ „послѣдняго изъ могиканъ“ старой „юридической школы“, недавно скончавшагося проф. Сергѣевича. Стоитъ только вспомнить тѣ сарказмы, которыми встрѣтилъ „Боярскую думу“ Сергѣевичъ, третировавшій ея автора какъ дерзкаго школьника, и ту тревогу, съ которой этотъ выдающійся ученый констатировалъ затѣмъ, что Ключевскій „образовалъ уже школу“, чтобы понять, какой дѣйствительно страшный ударъ былъ нанесенъ авторомъ „многопредметнаго сочиненія“ устарѣвшему историческому направленію. „Проф. Ключевскій образовалъ уже школу“—въ этихъ заключительныхъ словахъ полемическаго разбора „Боярской думы“ Сергѣевичъ, по суще-

ству, произнесъ самъ того не подозрѣвая—безпощадный приговоръ какъ надъ собой, такъ и надъ той академической традиціей, которую онъ представлялъ. Вопреки многократныхъ предостереженіямъ русскіе историки и историки права пошли не за Сергѣевичемъ, а за Ключевскимъ, и школу дѣйствительно, суждено было создать именно незабвенному автору „Боярской думы", а не автору историческихъ очерковъ „Вѣче и князь". Мы не ошибемся поэтому, если скажемъ, что новѣйшая русская историческая наука въ лицѣ лучшихъ и наиболѣе видныхъ своихъ представителей, имѣетъ своимъ источникомъ классическій трудъ Ключевскаго. Вотъ почему „Боярская дума" стоитъ не только въ центрѣ историческаго наслѣдія Ключевскаго, но и всей исторической литературы новаго времени. Отъ этой геніальной книги непрерывно лучится какая то скрытая въ ней одухотворяющая сила, которая долго еще будетъ зажигать научное вдохновеніе грядущихъ поколѣній русскихъ историковъ. Она непрестанно будитъ мысль, увлекая какой то расточительностью глубокихъ идей, попутныхъ замѣчаній, намековъ, щедрой рукой автора разсѣянныхъ по всей книгѣ. Такимъ образомъ, разрѣшая одну проблемы, авторъ въ то же время ставилъ на очередь другія, какъ бы указывая такимъ образомъ пути, по которымъ должны были бы направить свои исканія тѣ, кто чувствуетъ себя призваннымъ идти по стопамъ учителя. Въ этомъ смыслѣ „Боярская дума" является не только великой „школой", но и великимъ зовомъ.

Поэтому мы въ правѣ заключить, что именно названной классической книгой Ключевскій заслужилъ себѣ то высокое мѣсто въ русской исторической наукѣ, которое навсегда останется за нимъ, пока будетъ существовать эта послѣдняя. И каковы бы ни были грядущія судьбы науки русской исторіи, не подлежитъ сомнѣнію, что у ней есть только одинъ путь въ будущее — путь черезъ школу Ключевскаго.

Б. И. Сыромятниковъ.

Георгъ Еллинекъ и его научное наслѣдіе.

Смерть Еллинека, послѣдовавшая 12-го января текущаго года, вызвала какъ въ общей, такъ и въ спеціальной литературѣ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ его памяти.

Онѣ даютъ обзоръ его ученыхъ трудовъ и характеристику его, какъ человѣка, преподавателя и ученаго. Написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, онѣ отмѣчаютъ лишь наиболѣе выдающіяся черты научныхъ работъ гейдельбергскаго профессора и въ самыхъ общихъ контурахъ рисуютъ его обликъ. Онѣ не заявляютъ притязанія дать законченный и исчерпывающій очеркъ его учено-литературной дѣятельности и точнѣе и полнѣе опредѣлить то мѣсто, которое займутъ его труды въ исторіи государственной науки.

Хотя впечатлѣніе, оставленное смертью Еллинека, и потеряло теперь свою остроту, и мысль можетъ спокойнѣе сосредоточиться на оцѣнкѣ его дѣятельности, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что еще не наступило время для работы, которая подвела бы конечный итогъ его ученымъ трудамъ и произнесла бы о нихъ законченное сужденіе. Его личность еще такъ жива въ нашей памяти, выставленные имъ тезисы и добытые имъ научные результаты еще такъ тѣсно переплетаются съ переживаемыми нами политическими теченіями и съ ведущейся еще борьбой научныхъ мнѣній, что трудно занять по отношенію къ его научнымъ выводамъ и теоретическимъ положеніямъ вполнѣ безпристрастную точку зрѣнія. Еллинекъ и его труды недостаточно еще отошли въ прошлое, чтобы стать предметомъ изученія въ широкой исторической перспективѣ.

Предлагаемая на послѣдующихъ страницахъ работа и не ставитъ себѣ такой задачи. Она не имѣетъ цѣлью

дать всестороннюю оцѣнку трудовъ Еллинека и опредѣлить ихъ значеніе въ развитіи государственной науки. Она представляетъ собою лишь попытку дать краткій, но по возможности полный обзоръ его ученыхъ работъ въ области государственнаго права и изложить тѣ его научные пріемы и положительные выводы, которые стоятъ внѣ научныхъ контраверзъ и детальныхъ спорныхъ вопросовъ. Мы воздержимся отъ всякихъ критическихъ замѣчаній, которыя возбуждаютъ юридическія построенія и отдѣльные тезисы Еллинека, и выдвинемъ лишь тѣ, добытые имъ, устойчивые научные результаты, которые имѣютъ принципіальный характеръ и которые стоятъ въ связи съ основными проблемами, затронутыми имъ въ его сочиненіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внѣшнія условія и основныя мотивы и задачи научной дѣятельности Еллинека [1]).

1. Главные моменты въ жизни и научной дѣятельности Еллинека.

Еллинекъ родился въ Лейпцигѣ 16-го іюня 1851 г. Онъ происходилъ изъ богато одаренной еврейской семьи, которая выставила цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей на поприщѣ науки и общественной дѣятельности. Его отецъ, докторъ философіи, Адольфъ Еллинекъ, былъ знаменитымъ проповѣдникомъ, который широко прославился своимъ блестящимъ ораторскимъ талантомъ и своими историческими и богословскими изслѣдованіями. Его дядя Германъ Еллинекъ пріобрѣлъ извѣстность работами въ области философіи и политики. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ общественной жизни Австріи въ революціонную эпоху 1848 года и вмѣстѣ съ Юліусомъ Бехе-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Еллинекѣ, помѣщенныя въ этомъ очеркѣ, почерпнуты изъ данныхъ, сообщенныхъ намъ его сыномъ Д-ромъ Вальтеромъ Еллинскомъ. Считаемъ своимъ долгомъ выразить ему здѣсь глубокую благодарность за то содѣйствіе, которое онъ намъ оказывалъ при составленіи настоящей работы.

ромъ и Робертомъ Блумомъ поплатился жизнью за свои политическія убѣжденія[1]).

Умственная атмосфера, въ которой выросъ Еллинекъ, очень рано возбудила въ немъ наклонность къ изученію общественныхъ и философскихъ наукъ. Получивъ среднее образованіе въ Вѣнѣ, куда его семья переселилась въ 1857 году, и гдѣ онъ посѣщалъ высшіе классы академической гимназіи съ 1863 по 1867 г., онъ затѣмъ изучалъ философію и право въ университетахъ Брюнна, Гейдельберга и Лейпцига. Въ Лейпцигѣ онъ въ 1872 г. пріобрѣлъ степень доктора философіи, а въ 1874 году степень доктора правъ. Его интересъ къ этимъ наукамъ, направившій ходъ его университетскаго образованія, опредѣлилъ и содержаніе его раннихъ ученыхъ трудовъ. Первый[2]) изъ нихъ посвященъ изображенію и истолкованію основныхъ принциповъ философіи Лейбница и Шопенгауера, какъ представителей двухъ противоположныхъ міросозерцаній; второй[3]) касается основной проблемы права и изучаетъ вопросъ объ его соціально-этическомъ обоснованіи. Этотъ послѣдній трудъ представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, съ какимъ богатымъ запасомъ знаній и съ какой высокой степенью умственной зрѣлости двадцатисемилѣтній Еллинекъ приступилъ къ своей первой самостоятельной научной работѣ по правовѣдѣнію. Установленныя въ ней положенія были настолько оригинальны и научно обоснованы, что сохранили свою высокую научную цѣнность и по наше время: объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ 1898 году явилась потребность въ новомъ ея изданіи; и несмотря на то, что со времени ея появленія протекло уже болѣе тридцати лѣтъ, и литература по затронутымъ въ ней вопросамъ обогатилась цѣлымъ рядомъ выдающихся работъ, этотъ юношескій трудъ Еллинека тѣмъ не менѣе не утратилъ и посейчасъ ни своей свѣжести, ни своего научнаго интереса[4]).

[1]) Его памяти Еллинекъ посвятилъ статью въ вѣнскомъ журналѣ въ *Die Zeit* отъ 10-го декабря 1898 года. Она теперь напечатана въ *Ausgewählte Schriften und Reden*. Berlin 1911. Т. I, стр. 226—271.

[2]) *Die Weltanschauungen Leibnitz und Schopenhauers.* Ihre Gründe und ihre Berechtigung. Eine Studie ueber Optimismus und Pessimismus. Wien 1872.

[3]) *Die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe.* Wien 1872; 2 Auflag. Berlin 1908.

[4]) Знаменательно, что первымъ рецензентомъ этого труда Еллинека, былъ Лабандъ, который въ № 27 *Centralblatt* 1879 г. даетъ подробный анализъ книги молодого вѣнскаго приватъ-доцента, подчеркивая въ особенности его взглядъ на право и его отношеніе къ нравственности.

Это первое блестящее выступленіе Еллинека раскрыло ему двери въ Вѣнскій университетъ, и онъ въ 1879 г. начинаетъ свою преподавательскую дѣятельность въ качествѣ приватъ-доцента чтеніемъ лекцій по философіи права, а затѣмъ и по государственному праву и по международному праву. Къ этому времени относятся и его первыя сочиненія по этимъ двумъ отраслямъ правовѣдѣнія. Въ 1880 году выходитъ *Die rechtliche Natur der Staatenverträge*, а въ 1882 году *Die Lehre von den Staatenverbindungen*. Эти труды сразу выдвигаютъ молодого Еллинека въ первые ряды нѣмецкихъ правовѣдовъ. Онъ назначается въ 1883 году экстраординарнымъ профессоромъ и ему поручается чтеніе по международному праву и по государственному праву какъ общему, такъ и особенному.

Съ появленіемъ въ 1885 году его капитальнаго труда *Gesetz und Verordnung* его научная репутація еще болѣе возрастаетъ и, казалось бы, обезпечивала ему прочное и почетное положеніе въ составѣ вѣнскаго юридическаго факультета.

Но тутъ разыгрывается эпизодъ, который развертываетъ одну изъ самыхъ темныхъ страницъ въ лѣтописи австрійскихъ университетовъ.

Еллинека освѣдомляютъ, что его еврейское происхожденіе служитъ препятствіемъ къ его назначенію ординарнымъ профессоромъ. Оскорбленный въ своемъ научномъ достоинствѣ, Еллинекъ, не колеблясь, подаетъ въ отставку отъ должности профессора и одновременно посылаетъ заявленіе въ Берлинъ о зачисленіи его приватъ-доцентомъ въ тамошній университетъ.

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ возобновить свою преподавательскую дѣятельность въ этомъ скромномъ положеніи, онъ получаетъ приглашеніе занять въ Базельскомъ университетѣ каѳедру ординарнаго профессора.

Еллинеку было, несомнѣнно, не легко порвать съ Вѣной, гдѣ протекли его дѣтскіе и юношескіе годы, гдѣ онъ имѣлъ столько личныхъ и общественныхъ связей, гдѣ началась и съ такимъ успѣхомъ продолжалась въ теченіе десяти лѣтъ его преподавательская дѣятельность. Еллинекъ съ тѣмъ болѣе тяжелымъ сердцемъ разставался съ Вѣной, что еще недавно основалъ здѣсь свой семейный очагъ, женившись въ 1883 году на дочери

извѣстнаго дерматолога, профессора вѣнскаго университета Густава Вертгеймъ. Если Еллинекъ тѣмъ не менѣе рѣшился покинуть Вѣну и навсегда покончить счеты съ австрійскимъ министерствомъ, то потому, что, дорожа прежде всего своей нравственной свободой, онъ признавалъ для себя невозможнымъ въ своей преподавательской и научной дѣятельности быть поставленнымъ въ зависимость отъ власти, которая при оцѣнкѣ дѣятельности профессора руководствовалась мотивами, не имѣющими никакого отношенія къ его научнымъ и преподавательскимъ достоинствамъ.

Въ Базелѣ Еллинекъ оставался недолго и уже въ 1891 году онъ получаетъ почетное приглашеніе—занять въ Гейдельбергѣ каѳедру публичнаго права,—ту каѳедру, которую прославили лучшіе и виднѣйшіе представители государственной науки въ Германіи—Клюберъ, Пюттеръ, Цахаріэ, Цепфль, Робертъ Моль, Блунчли.

Переходъ въ Гейдельбергъ открываетъ ту эпоху въ жизни и дѣятельности Еллинека, которая представляетъ собою расцвѣтъ его научныхъ силъ и ознаменована появленіемъ его наиболѣе крупныхъ сочиненій.

Въ 1892 году выходитъ въ свѣтъ его знаменитая книга *System der subjectiven öffentlichen Rechte*, а въ 1900 г. онъ издаетъ свой капитальный трудъ *Allgemeines Staatsrecht*.

Съ занятіемъ Еллинекомъ каѳедры въ Гейдельбергѣ, этотъ университетскій городокъ становится центромъ разработки и преподаванія государственнаго права въ Германіи. Его имя привлекаетъ со всѣхъ концовъ свѣта молодыхъ ученыхъ, интересующихся государственной наукой, и его семинарія становится школой, черезъ которую проходитъ все молодое поколѣніе государствовѣдовъ. Изъ этой школы вышелъ цѣлый рядъ ученыхъ, приватъ-доцентовъ и профессоровъ, занимающихъ нынѣ каѳедры въ нѣмецкихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи и Австріи. Назовемъ главнѣйшихъ изъ нихъ: Гвидо Лезеръ, Доховъ и Шенборнъ въ Гейдельбергѣ, Егонъ Цвейгъ, Лайеръ въ Вѣнѣ, фонъ-Фришъ въ Базелѣ, Лукасъ въ Мюнстерѣ, Кулишъ въ Инсбрукѣ, Перельсъ въ Гамбургѣ, Гачекъ въ Геттингенѣ, Лампъ въ Черновичѣ.

Еллинекъ становится въ Гейдельбергѣ и центромъ той

коллективной разработки вопросовъ государственнаго права, которая выражается въ изданіи и редакторствѣ сборниковъ и журналовъ по публичному праву. Онъ основалъ въ 1895 году сборникъ *Staats-und völkerrechtlichte Abhandlungen,* который онъ издавалъ первоначально вмѣстѣ съ Георгомъ Мейеромъ, а послѣ смерти послѣдняго—въ сотрудничествѣ съ Георгомъ Аншютцъ (нынѣ профессоромъ въ Берлинѣ) и Фрицомъ Флейнеръ (профессоромъ въ Гейдельбергѣ). Онъ организовалъ и сборникъ *Das öffentliche Recht der Gegenwart* и издавалъ его вмѣстѣ съ Лабандомъ и Пилоти. Наконецъ, онъ былъ на ряду съ Лабандомъ, Пилотти и Отто Мейеромъ редакторомъ журнала *Archiv des öffentlicher Rechts,* который признается не безъ основанія наиболѣе авторитетнымъ органомъ нѣмецкой науки государственнаго права.

II. Отношеніе Еллинека къ университету и къ практической политической дѣятельности.

Многосторонней и плодотворной преподавательской и учено литературной дѣятельности Еллинека въ Гейдельбергѣ, несомнѣнно, во многомъ содѣйствовали тѣ счастливыя условія, которыми была обставлена его жизнь въ этомъ маленькомъ университетскомъ городѣ.

Еллинекъ широко использовалъ ихъ: онъ здѣсь всецѣло отдалъ свои силы теоретической работѣ и сторонился всякой практической дѣятельности, стоявшей за стѣнами университета. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ, которые играли выдающуюся роль въ политической жизни Германіи. Робертъ Моль занималъ должность общегерманскаго министра юстиціи въ эпоху франкфуртскаго парламента, Блунчли состоялъ членомъ законодательныхъ палатъ въ Баденѣ, не говоря о другихъ должностяхъ, которыя онъ занималъ по мѣстному самоуправленію и церковной администраціи; Германъ Шульце былъ членомъ прусской палаты господъ, Георгъ Мейеръ—членомъ рейхстага. Еллинекъ же, дорожа прежде всего личной независимостью и возможностью отдавать все свое время научной работѣ и преподавательскому труду, сосредоточилъ всѣ свои силы на теоретической разработкѣ госу-

дарственно-правовыхъ проблемъ и въ политической жизни никогда не принималъ непосредственнаго участія.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы онъ стоялъ отъ нея далеко. Совершенно наоборотъ: Еллинекъ былъ чуткой и отзывчивой натурой, жившей общими съ окружавшимъ его міромъ интересами. Не было такого крупнаго политическаго явленія, которое не нашло бы себѣ отклика въ трудахъ Еллинека, и не было у него такой работы, которая представляла бы одинъ только теоретическій интересъ. Отношеніе человѣческой личности къ общественному цѣлому и охрана ея свободы въ современномъ правовомъ государствѣ, новыя государственныя образованія въ формѣ федеративныхъ государствъ, основныя начала современнаго конституціоннаго строя,—вотъ вопросы, опредѣляющіе содержаніе его главныхъ трудовъ и придающіе имъ такой живой интересъ для всякаго, кому близки проблемы современной политической дѣйствительности. Что же касается его болѣе мелкихъ работъ, то онѣ, если не стоятъ въ связи съ указанными основными проблемами его научной дѣятельности, являются всѣ отвѣтами на тотъ или другой вопросъ практической политики. Таковы, между прочимъ, его труды: *Das Recht der Minoritäten* (1898); *Die parlamentarische Obstruktion* (1903); *Das Pluralwahlrecht und seine Wirkungen* (1905); *Ein Verfassungsgerichtshof fur Oesterreich* (1887); *Der Antheil der ersten Kammer an der Finanzgesetzbung* (1908); *Ein Gesetzentwurf betreffend der Verantwortlichkeit des Reichskanzler's* (1909) и мн. др. Всѣ эти работы вызваны тѣмъ или другимъ изъяномъ въ политической жизни современнаго государства и предлагаютъ практическія мѣры для ихъ устраненія.

Черпая свои темы изъ жизни и ставя себѣ въ своихъ работахъ практическія задачи, Еллинекъ разрѣшалъ ихъ, однако не иначе, какъ средствами и пріемами, которые онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, какъ ученый теоретикъ. Онъ хотѣлъ вліять на политическій міръ только перомъ ученаго и говорить только съ профессорской каѳедры. Онъ никогда не выступалъ на политической аренѣ: его не прельщали ни лавры государственнаго дѣятеля, ни тотъ внѣшній почетъ, который дается высокимъ служебнымъ положеніемъ.

Еллинекъ не былъ честолюбивъ. Лишь одно отличіе

доставило ему высокое нравственное удовлетвореніе— это его избраніе проректоромъ Гейдельбергскаго Университета.

И обязанности, связанныя съ этой должностью, онъ отправлялъ съ необычайной энергіей и съ большимъ успѣхомъ.

Его проректорство ознаменовалось образцовымъ изданіемъ *Законовъ и распоряженій, касающихся Гейдельбергскаго Университета*[1]) и отмѣчено цѣлымъ рядомъ произнесенныхъ имъ рѣчей, не только блестящихъ по формѣ, но и глубоко интересныхъ по своему содержанію. Между ними выдается его слово, сказанное имъ при вступленіи его въ должность проректора, *Der Kampf des alten mit dem neuen Recht* и его рѣчь, посвященная памяти почетнаго ректора университета Великаго Герцога Фридриха[2]).

На послѣдней мы здѣсь остановимся: она характеризуетъ воззрѣнія Еллинека на задачи университетовъ, какъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій, и на условія ихъ правильной жизни и нормальнаго роста. Существеннѣйшимъ изъ этихъ условій является, по мнѣнію Еллинека, свобода изслѣдованія и свобода преподаванія. И если в. герцогъ Фридрихъ имѣетъ высокія заслуги передъ университетомъ, то онѣ, по мнѣнію Еллинека, заключаются прежде всего томъ, въ что онъ умѣлъ уважать эту свободу и считалъ своимъ верховнымъ долгомъ оберегать и охранять ее, воздерживаясь отъ всего, что могло бы ее стѣснить. Если есть сферы государственной жизни, говоритъ Еллинекъ, которыя нуждаются въ централизаціи, то есть другія, которыя исключаютъ единое руководство и не допускаютъ регламентаціи свыше. Это понималъ в. герцогъ Фридрихъ. И онъ, славный соподвижникъ Императора Вильгельма въ дѣлѣ военнаго и политическаго объединенія Германіи, былъ не менѣе славнымъ охранителемъ самобытнаго и самостоятельнаго развитія духовной культуры своей страны. Онъ понималъ, что всякое нивеллирующее давленіе свыше есть смерть для этой культуры и всегда держался принципа, выраженнаго

---

[1]) *Gesetze und Verordnungen für die Universitat Heidelberg.* Herausgegeben von Georg Iellineck. Heidelberg. 1908.

[2]) *Grossherzog Friedrich I von Baden,* Rector magnificentessimus der Ruperto Carola. Gedächtnisrede gehalten bei der akademischen Trauerfeier am 25 Oktober 1907. Heidelberg 1907.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

Вильгельмомъ Гумбольдтомъ словами: „Все величіе человѣка зиждется на своеобразіи его силъ и его образованія: эта духовная свобода есть то благо, къ которому постоянно долженъ стремиться отдѣльный человѣкъ и которое долженъ умѣть уважать и охранять тотъ, кто хочетъ вліять на другихъ“ [1]). Глубоко проникнутый этимъ принципомъ, в. герцогъ всѣмъ своимъ отношеніемъ къ университету и его представителямъ показывалъ, что онъ чтитъ въ высшей школѣ очагъ культуры и что онъ видитъ въ каждомъ профессорѣ носителя свободнаго духа изслѣдованія. Никогда ни словомъ, ни даже намекомъ не обнаруживалъ онъ желанія направить ихъ на ему угодный путь. „Кто изъ насъ,—восклицаетъ Эллинекъ,—кто изъ насъ, представляющихъ такое многообразіе политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній, почувствовалъ на себѣ хотя бы тѣнь его нерасположенія? И кто изъ насъ былъ отличенъ имъ за свой образъ мыслей, а не за свои труды? Поставилъ ли онъ кому-нибудь въ упрекъ свободно и смѣло сказанное слово и требовалъ ли онъ отъ насъ чего-либо иного, кромѣ исполненія своего долга по своему разумѣнію и по своей совѣсти? И поистинѣ, мы можемъ прославлять времена Фридриха, какъ нѣкогда прославилъ вѣкъ Трояна великій римлянинъ, сказавшій: rara temporum felicitate, ubi sentire quae velis et quae sentias dicere licet“ [2]). Эта независимость въ служеніи наукѣ и эта духовная свобода, которыми пользовался Эллинекъ въ древней Ruperto Carola и были тѣми благами, которыя сдѣлали ему баденскій университетъ такимъ близкимъ и роднымъ и которыя привязали его къ Гейдельбергу до конца его дней.

III. Кругъ научныхъ интересовъ Эллинека.

Указавъ на тѣ внѣшнія условія, при которыхъ протекла жизнь Эллинека, мы должны теперь отмѣтить тѣ его черты, которыя налагаютъ на его обликъ, какъ ученаго, особенный отпечатокъ.

Наиболѣе характерной изъ этихъ чертъ является, не-

---

[1]) Стр. 32.
[2]) Стр. 24.

сомнѣнно, совершенно исключительная многосторонность его дарованій и познаній и широта его научныхъ интересовъ.

Еллинекъ обладалъ прежде всего философскимъ складомъ ума и наклонностью къ синтетическому мышленію. Эти его свойства проявляются не только въ выборѣ вопросовъ, которые онъ дѣлаетъ предметомъ своего изслѣдованія, но и въ постановкѣ этихъ вопросовъ, и въ пріемахъ ихъ изученія.

Еллинекъ въ своихъ работахъ по правовѣдѣнію не останавливается на детальныхъ задачахъ, а главное свое вниманіе сосредоточиваетъ на основныхъ и принципіальныхъ проблемахъ, и если разрабатываетъ отдѣльныя темы изъ области положительнаго права и политики, то лишь для того, чтобы восходить отъ нихъ къ общимъ вопросамъ или подготовить почву для ихъ разрѣшенія.

Его первая работа по юриспруденціи: *Die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe* стоитъ на рубежѣ философіи и права и касается основного вопроса о сущности права и его отношеній къ нравственности. Слѣдовавшая засимъ книга: *Die rechtliche Natur der Staatenvertäge* есть не столько монографія по международному праву, сколько изслѣдованіе въ области философіи права, въ которой авторъ развиваетъ свою теорію о самообязываніи государства и о связанности верховной власти правомъ. Въ его монографіяхъ: *Die Lehre von den Staatenverbindungen, Gesetz und Verordnung, System der subjectiven öffentlichen Rechte* вопросы методологіи соціальныхъ наукъ и основныя проблемы общей теоріи права стоятъ на первомъ планѣ. Наконецъ, его капитальный трудъ *Altgemeine Staatslehre*, въ которомъ гносеологическія и соціологическія изысканія господствуютъ надъ всѣми остальными, представляетъ собою богатую оригинальными мыслями и цѣнными научными выводами сокровищницу, которой еще долгое время будутъ пользоваться не только юристы, но и всѣ, интересующіеся методологіей общественныхъ наукъ и философско-политическими проблемами.

Наклонность Еллинека къ философскимъ обобщеніямъ и къ изученію принципіальныхъ вопросовъ соціологіи и правовѣдѣнія проявляется и въ его мелкихъ сочиненіяхъ. Его: *Adam in der Staatslehre* и его *Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte* являются блестящими страни-

цами изъ исторіи философско-политической мысли. Въ *Verfassungsänderung und Verfassungswandlung* и въ *Kampf des alten mit dem neuen Recht* мы имѣемъ работы, въ которыхъ соціологъ найдетъ важныя указанія по вопросу объ эволюціи государственныхъ учрежденій и той роли, которую играютъ въ процессѣ правообразованія фактическія условія и философскія и политическія идеи.

И эти широкія и многообразныя изысканія Еллинека дали соотвѣтствующіе имъ результаты. Къ наиболѣе цѣннымъ научнымъ выводамъ Еллинека въ области философіи права и методологіи обществовѣдѣнія, нужно отнести его воззрѣніе на право, какъ на этическій минимумъ, какъ на одну изъ категорій соціальныхъ нормъ, имѣющую съ правилами морали общіе корни и мотивы; его разграниченіе изученія права какъ нормы долженствованія, отъ изслѣдованія права, какъ общественнаго явленія, его постановку соціальнаго ученія о государствѣ, какъ эмпирической науки, устанавливающей и изучающей статическіе и динамическіе типы политическихъ образованій, его отрицаніе возможности найти общіе и абсолютные принципы права и его признаніе за основными началами, которыми орудуетъ публицистъ, лишь историческое и относительное значеніе, мѣняющееся въ различныя культурныя эпохи, наконецъ, раскрытіе имъ того рѣшительнаго и глубокаго вліянія, которое религіозныя идеи оказали на развитіе понятія свободы личности въ современномъ государствѣ.

Философскій умъ Еллинека сочетался и съ исключительнымъ даромъ проникать въ смыслъ историческихъ явленій, событій и процессовъ: его историческія изслѣдованія и экскурсы не только свидѣтельствуютъ о его широкихъ познаніяхъ въ области исторіи, но и о способности обобщать ихъ и раскрывать внутреннія пружины и общія руководящія тенденціи развитія государственныхъ учрежденій и идей. Этотъ свой даръ историка Еллинекъ использовалъ широко и примѣнилъ его къ своимъ юридическимъ и соціологическимъ изслѣдованіямъ. Ставя себѣ задачею объяснить тотъ или другой юридическій институтъ или то или другое явленіе политической жизни, онъ всегда доискивался ихъ историческихъ корней и объяснялъ ихъ генезисъ. Даже въ такихъ догматическихъ работахъ, какъ его *Gesetz und Verordnung*,

историческія изысканія занимаютъ выдающееся мѣсто изложенію своей теоріи объ отношеніи закона къ административному распоряженію онъ предпосылаетъ подробную и весьма поучительную исторію закона и распоряженія въ Англіи, Франціи и Германіи. Соціологическія и юридическія положенія, устанавливаемая имъ въ его *Allgemeine Staatslehre*, постоянно переплетаются историческими экскурсами. Страницы, посвященныя характеристикѣ государственныхъ историческихъ типовъ, представляютъ глубокій интересъ не только для юриста, но и для историка; его объясненіе происхожденія государства основано на самостоятельномъ изученіи примитивныхъ формъ человѣческаго общежитія; а его исторія понятія суверенитета есть несомнѣнно лучшее, что по этому вопросу появилось въ научной литературѣ. Изученная имъ съ юридикодогматической точки зрѣнія проблема субъективныхъ публичныхъ правъ даетъ ему поводъ и вызываетъ въ немъ потребность изучить этотъ институтъ съ исторической точки зрѣнія. Онъ пишетъ свое изслѣдованіе: *Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte*, въ которомъ онъ выставляетъ совершенно новый взглядъ на происхожденіе французской Декларацiи. Эта историческая работа обратила на себя всеобщее вниманіе и вызвала цѣлую литературу. Несмотря на свой небольшой объемъ, она дала такіе богатые и важные результаты, что заинтересовала и историковъ права, и ученыхъ, работающихъ въ области генезиса религіозныхъ, этическихъ и политическихъ идей. Возраженія, которыя она встрѣтила, не поколебали ея основныхъ выводовъ, и воззрѣніе Еллинека, по которому источникъ Декларацiи Правъ нужно искать не въ Общ. Договорѣ, а въ конституціонныхъ хартіяхъ первыхъ англійскихъ колоній Сѣв. Америки, можно считать теперь окончательно установившимся въ наукѣ. Въ своихъ историческихъ работахъ, всегда основанныхъ на изученіи первоисточниковъ, Еллинекъ обнаружилъ необыкновенный даръ сложные и длительные историческіе процессы сводить къ ихъ основнымъ тенденціямъ и изображать ихъ въ необычайно сжатой, но ясной и выпуклой формѣ. Кромѣ только что упомянутыхъ работъ, образцомъ такого изложенія можетъ служить одна изъ его послѣднихъ брошюръ *Parlament und Regierung in Deutschland*, въ которой онъ на нѣ-

сколькихъ страницахъ даетъ оригинальный и въ своихъ основныхъ чертахъ вполнѣ исчерпывающій очеркъ исторіи конституціонализма въ Германіи. Эта маленькая брошюра дала для уразумѣнія характерныхъ особенностей эволюціи нѣмецкаго конституціоннаго строя больше, чѣмъ многія толстотомныя сочиненія по исторіи государственныхъ учрежденій въ Германіи.

Если Еллинекъ обнаружилъ выдающіяся дарованія въ области философіи и исторіи права, то не менѣе блестящія способности проявилъ онъ и какъ юристъ-догматикъ. Его широкая эрудиція во всѣхъ областяхъ права, ясность и строгая логичность его мысли, его способность къ тонкому анализу правовыхъ явленій, опредѣленность и точность его языка отвоевали ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди нѣмецкихъ правовѣдовъ. Его юридическія конструкціи основныхъ институтовъ публичнаго права обошли, можно сказать, весь ученый міръ, и Лабандъ, признанный глава формально-юридической школы, несмотря на то, что былъ десятью годами старше Еллинека, называлъ его своимъ учителемъ. Выставляемыя Еллинекомъ юридическія понятія и опредѣленія нерѣдко встрѣчали возраженія, но они всегда отмѣчались и никогда не игнорировались. Уже его первая догматическая работа *Die rechtliche Natur der Staatenverträge* обратила на себя вниманіе: въ ней впервые была указана и изслѣдована та тѣсная связь, которая объединяетъ международное право съ внутреннимъ государственноправовымъ порядкомъ, и рѣзко и опредѣленно подчеркнутъ юридическій характеръ международнаго права. Въ слѣдующемъ трудѣ *Die Lehre von den Staatenverbindungen* Еллинекъ даетъ исчерпывающій анализъ различныхъ формъ государственныхъ соединеній, при чемъ съ особенной подробностью останавливается на выясненіи столь еще тогда спорнаго въ ученой юридической литературѣ понятія союзнаго государства. Его книга *Gesetz und Verordnung* впервые даетъ строго юридическое изслѣдованіе вопросовъ конституціоннаго строя, вопросовъ, которые до того времени были предметомъ или простого описанія или тенденціозныхъ политическихъ разсужденій. Ученіе Лабанда о законѣ и административномъ распоряженіи въ формальномъ и матеріальномъ смыслѣ получаетъ въ этой книгѣ широкое научное обоснованіе и развитіе и

выливается въ ту законченную форму, въ которой оно сдѣлалось господствующимъ въ нѣмецкой литературѣ. Но свою славу, какъ первокласснаго юриста, Еллинекъ получаетъ своимъ капитальнымъ трудомъ *System der subjectiven öffentlichen Rechte*. Эту работу, которая по справедливости считается образцомъ юридическаго изслѣдованія, Гернритъ мѣтко охарактеризовалъ энциклопедіей государственныхъ наукъ съ точки зрѣнія субъективныхъ правъ индивида.

Научные результаты, добытые въ перечисленныхъ монографіяхъ, Еллинекъ излагаетъ затѣмъ и развиваетъ въ систематическомъ порядкѣ во второй половинѣ *Allgemune Staatslehre*, первая часть которой посвящена методикѣ государственныхъ наукъ и соціальному ученію о государствѣ. Въ этомъ своемъ классическомъ трудѣ, который появился на рубежѣ новаго столѣтія, Еллинекъ подводитъ итогъ своей научной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляетъ тѣ положительные результаты, которые добыла нѣмецкая наука о государствѣ за послѣдніе полъ-вѣка.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

IV. Основная проблема Еллинека и отношеніе къ ней его главнѣйшихъ сочиненій.

Ученые труды Еллинека, относясь къ самымъ разнороднымъ областямъ науки о государствѣ, трактуя самые разнообразные вопросы, освѣщая явленія политической жизни съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія,— связаны однако въ одно органическое цѣлое единствомъ той задачи, которую онъ въ нихъ преслѣдуетъ и единствомъ той основной идеи, которой они внушены и проникнуты.

Эта проблема—опредѣлить предѣлъ, разграничивающій наше я отъ того цѣлаго, къ которому мы принадлежимъ, и найти тѣ правовыя формы, которыя закрѣпили бы этотъ предѣлъ и обезпечили его устойчивость и неприкосновенность [1]); эта идея — свобода личности,

---

[1]) Die richtigen Grenzen zwischen dem Ich und der Gesemmtheit zu erkennen, ist das höchste Problem, das denkende Betrachtung der menschlichen Gemeinschaft zu lösen hat *Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte*, стр. 53. Ср. тоже Allgemeine Staatslehre, стр. 320.

какъ самоцѣнной моральной величины, являющейся тѣмъ высшимъ благамъ, которое прежде всего и болѣе всего призвано защищать и охранять государство своимъ правопорядкомъ.

Эта идея и эта проблема не были добыты Еллинекомъ путемъ теоретическихъ изысканій, а представляютъ собою первичныя данныя, послужившія исходными началами его научныхъ работъ. Если такія данныя свойственны всякому изслѣдователю, то особенное значеніе они имѣютъ для политическаго писателя. „Требованіе“, говоритъ Еллинекъ, „чтобы государствовѣдѣніе было свободно отъ предпосылокъ, какъ всякое другое подобное притязаніе, равно требованію неисполнимаго. Самъ человѣкъ является предпосылкой своего изслѣдованія, а этотъ человѣкъ немыслимъ, какъ tabula rasa, которая должна быть заполнена изслѣдователемъ. Всякій человѣкъ можетъ приступить къ объекту своего изслѣдованія только въ качествѣ продукта безконечнаго ряда культурныхъ воздѣйствій. И прежде всего государствовѣдъ, разрабатывая свою отрасль науки, не въ состояніи обойтись безъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій“ [1]). Эти слова Еллинека вполнѣ примѣнимы къ нему, какъ на немъ же оправдались приводимыя имъ слова Фихте, сказавшаго, что „выборъ вашей философіи зависитъ отъ того, какой вы человѣкъ“[2]). Философское и политическое міросозерцаніе Еллинека, которое опредѣлило основные мотивы и тенденціи его научной дѣятельности, стоятъ въ тѣсной связи со всѣмъ складомъ его нравственной личности. Его свободный отъ религіозныхъ и политическихъ предразсудковъ умъ, его энергичное и настойчивое исканіе правды, его общественная чуткость, прозорливость его трезваго духовнаго ока, которая раскрывала ему не то, что субъективно желательно, а что, говоря его словами, „дѣйствительно пробивается къ жизни изъ нѣдръ исторіи“,—эти его свойства воспитали въ немъ его здоровый и бодрый оптимизмъ, чуждый довѣрчиваго сентиментализма и не обоснованыхъ упованій. Они же обусловили его вѣру въ культурныя и политическіе идеалы современнаго человѣка и прежде всего его вѣру въ

---

[1]) *Der Kampf des alten mit der neuen Recht*, стр. 53.
[2]) *Groszherzog Friedrich I von Baden*, стр. 21.

первичныя права человѣческой личности, какъ самоцѣнной моральной величины. Эта вѣра была первенствующимъ мотивомъ его практической и теоретической дѣятельности и она же опредѣлила и основную проблему его изслѣдующей мысли.

Поставивъ себѣ задачею опредѣлить тѣ правовыя грани, которая свобода личности ставитъ государству, Еллинекъ долженъ былъ прежде всего задать себѣ вопросъ о природѣ тѣхъ нормъ, которыя въ обществѣ связываютъ лицо въ интересахъ цѣлаго. И первое его сочиненіе въ области правовѣдѣнія *Die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe* и посвящено проблемѣ о происхожденіи и сущности соціально-этическихъ нормъ. Исходя изъ своей основной идеи о недосягаемости для государства свободы индивида, Еллинекъ въ этой монографіи сводитъ счеты съ тѣмъ воззрѣніемъ на право, которое видитъ въ правѣ совокупность нормъ, декретируемыхъ неограниченной государственной властью; онъ доказываетъ, что право—не произвольный продуктъ господствующей въ государствѣ воли, а складывается въ обществѣ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, природы человѣка, какъ сложнаго результата соціальной среды, съ другой—тѣхъ требованій и нуждъ, которыя ставятся человѣку его жизнью въ обществѣ. Въ слѣдующей своей работѣ: „*Die rechtliche Natur der Staatenverträge*“ Еллинекъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ къ разрѣшенію поставленной себѣ задачи и отвѣчаетъ на вопросъ: какъ долженъ юристъ мыслить отношеніе права къ государству и въ какомъ смыслѣ можно говорить объ ограниченіи государственной власти правовыми предписаніями, формально отъ нея исходящими? Здѣсь Еллинекъ устанавливаетъ основныя положенія своей теоріи о самообязываніи государства, теоріи, которую онъ затѣмъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ, съ одной стороны, подробнѣе обосновалъ, а съ другой—существенно дополнилъ и развилъ.

Выяснивъ въ этихъ своихъ первыхъ трудахъ природу права и связанность имъ государственной власти, онъ въ *Die Lehre von den Staatenverbindungen* останавливается на вопросѣ о государственной власти, ея природѣ и ея свойствахъ. И если въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ ратуетъ противъ господствующаго въ литературѣ воззрѣ-

нія на право, какъ на исключительное созданіе государственной власти, то въ этой монографіи онъ вооружается противъ доктрины, которая видитъ въ абсолютной неограниченности признакъ, отличающій власть государства отъ власти другихъ союзовъ. Онъ показываетъ, что суверенитетъ не есть существенное свойство государства и что то, что разграничиваетъ государство отъ другихъ политическихъ образованій, не—свобода власти отъ права, а способность государственнаго союза самостоятельно, независимо отъ внѣ его стоящей власти, устанавливать связывающее его право.

Идея ограниченности государственной власти правомъ находитъ по воззрѣнію Еллинека, свое наиболѣе полное выраженіе въ современномъ конституціонномъ государствѣ, и изученіе его съ этой точки зрѣнія и составляетъ предметъ слѣдующей его книги, *Gesetz und Verordnung* Еллинекъ изучаетъ въ этой монографіи систему тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя, опредѣляя соотношеніе высшихъ государственныхъ органовъ, предѣлы и формы ихъ дѣятельности, имѣютъ своею цѣлью обезпечить верховенство закона въ современномъ правовомъ государствѣ. Это верховенство не есть однако самодавлѣющее начало. Оно должно служить тому интересу, который современное правосознаніе выставляетъ своимъ высшимъ требованіемъ, — свободѣ лица, какъ условію его духовнаго и матеріальнаго благосостоянія. Индивидуальная и политическая свобода гражданина въ современномъ государствѣ, насколько она является предметомъ юридическаго изученія, и служитъ той темой, которую Еллинекъ разрабатываетъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Система субъективно-публичныхъ правъ“. Здѣсь Еллинекъ изучаетъ институты государственнаго права съ новой точки зрѣнія, которая была до того времени совершенно чужда нѣмецкой наукѣ. Ни въ общихъ сочиненіяхъ по государственному праву, ни въ трудахъ, посвященныхъ обработкѣ положительнаго права отдѣльныхъ государствъ, мы не встрѣчаемъ даже попытки дать публичнымъ правамъ гражданъ принципіальное обоснованіе, вникнуть въ ихъ природу и опредѣлить ихъ мѣсто въ правовомъ строѣ современнаго государства. Еллинекъ первый дѣлаетъ ихъ предметомъ спеціальнаго изученія и изслѣду-

етъ ихъ во всѣхъ областяхъ и во всѣхъ формахъ ихъ проявленія.

Этой книгой, которая знаменуетъ собою переломъ въ нѣмецкой наукѣ о государствѣ заканчивается циклъ работъ Еллинека по основнымъ вопросамъ публичнаго права. Всѣ остальныя его монографіи служатъ лишь дальнѣйшему развитію, обоснованію и систематизаціи тѣхъ научныхъ выводовъ и положеній, которые онъ установилъ въ указанныхъ трудахъ, или являются примѣненіемъ добытыхъ имъ выводовъ къ разрѣшенію отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ государственнаго права и политики.

V. Отношеніе Еллинека къ современной ему нѣмецкой наукѣ о государствѣ.

Еллинекъ вступилъ на поприще научной дѣятельности въ эпоху, когда установившійся въ Германіи новый государственный порядокъ сосредоточилъ на себѣ вниманіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ и отодвинулъ на задній планъ всѣ другія научныя проблемы. Новое политическое образованіе, положившее конецъ политической раздробленности нѣмецкаго народа, осуществило, наконецъ, давнія мечты нѣмецкихъ патріотовъ и наполнило ихъ сердца чувствомъ національной гордости и безмятежнымъ довольствомъ существующимъ строемъ. Изученіе положительнаго права Германской Имперіи поглотило все вниманіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ и не оставило мѣста другимъ интересамъ и другимъ вопросамъ. Все, что появилось выдающагося въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права за это время, — все это — исключительно труды по положительному праву Германіи. Лабандъ, Зейдель, Шульце, Генель, Георгъ Мейеръ, Цорнъ обязаны своей научной репутаціей трудамъ по обработкѣ положительнаго права, дѣйствующаго въ германской имперіи и въ ея отдѣльныхъ территоріяхъ. Эти труды и положили начало тому направленію въ нѣмецкой наукѣ права, которое носитъ названіе формальной юридической школы и которое наложило особый отпечатокъ на всѣ публицистическія работы въ Германіи послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Проникнутые довольствомъ существующимъ строемъ, нѣмецкіе публи-

цисты не изучаютъ прошлаго, воздерживаются отъ всякой политической оцѣнки существующаго и не заглядываютъ въ будущее. Они видятъ задачу науки государственнаго права исключительно въ истолкованіи и анализѣ дѣйствующаго права. „Догматическая школа юристовъ германскаго государствовѣдѣнія“, говоритъ Еллинекъ, „пыталась выработать такое ученіе о публичномъ правѣ, которое, не считаясь, — какъ это и подобаетъ праву,— со споромъ и непостоянствомъ политическихъ воззрѣній, давало бы твердую, объективную норму. Основаніе этой школы совпало съ возникновеніемъ Германской Имперіи. ...Умами основателей и учениковъ этой школы владѣло то чувство, что, наконецъ, послѣ долгихъ распрей водворилось на мѣсто прежней неурядицы нѣчто устойчивое, длительное и непреходящее. Политикѣ, съ ея неясными, растяжимыми принципами, съ ея партійными доктринами слѣдуетъ запретить возвышать свой голосъ во вновь воздвигнутомъ храмѣ объективнаго правосознанія“ [1]). Наука государственнаго права должна безусловно отрѣшиться отъ политики. Она должна обращаться только къ исторически, развившемуся и существующему, а отнюдь не къ должному, и ставить себѣ задачей изслѣдованіе и выясненіе государственнаго права исключительно въ его правовомъ содержаніи.

Но какъ бы формально-юридическая школа не стремилась стоять независимо отъ политическихъ теченій и воздерживаться отъ оцѣнки существующаго, она тѣмъ не менѣе не могла строго и послѣдовательно провести эту точку зрѣнія и эманципироваться отъ политическихъ соображеній. „Уже въ ученіяхъ основателей формально-юридической школы даже неопытный глазъ“, говоритъ Еллинекъ, — „могъ разглядѣть противоположность вполнѣ опредѣленныхъ партійныхъ воззрѣній. Унитаризмъ, федерализмъ и партикуляризмъ, высокая и низкая оцѣнка полномочій парламента и другіе политическіе масштабы цѣнности сознательно или безсознательно были привнесены въ постановку многихъ проблемъ“. Но особенно рѣзко стали врываться въ обработку нѣмецкаго государственнаго права политическія тенденціи съ перемѣной личности короля въ 1888 г., повлекшей за собою и пере-

---

[1]) *Der Kampf des alten mit dem neuen Rechte*, стр. 49.

мѣну политическаго курса. Эти тенденціи совершенно оттѣснили на задній планъ юридическое обсужденіе принципіальныхъ вопросовъ. „Благонадежное охранительное настроеніе сдѣлалось предмстомъ гордости, трудъ доказыванія былъ замѣненъ воодушевленіемъ или огульной хулой взглядовъ противниковъ, а не допускающій возраженій жирный шрифтъ сразу долженъ былъ класть предѣлъ всякому спору. Снова появилась на сцену старая политическая разработка государственнаго права, еле прикрытая юридической мантіей“ [1]).

И какъ формально-юридическій методъ оказался плохой броней противъ внесенія политики въ изученіе государственнаго права, такъ онъ и не сумѣлъ своихъ послѣдователей охранить отъ воздѣйствія спекулятивныхъ теорій и апріорныхъ построеній. Какъ бы ея послѣдователи не пытались ограничиваться детальнымъ изученіемъ положительнаго права, они тѣмъ не менѣе не могли обойтись безъ установленія общихъ понятій и руководящихъ принциповъ. Безсильные познать ихъ при помощи тѣхъ орудій, которыми ихъ вооружилъ формально-юридическій методъ, они пробавляются или совершенно произвольно выставляемыми принципами или пережившими себя понятіями, установленными еще естественно-правовой школой. „Формально-юридическая школа“, говоритъ Еллинекъ,— „восприняла много основныхъ понятій въ той формѣ, какъ они выработаны теоріей естественнаго права и политической литературой. Она приняла ихъ результаты за юридическіе выводы, между тѣмъ какъ они въ значительной степени являются лишь осадкомъ опредѣленныхъ политическихъ теорій“ [2]). „Со временъ естественнаго права до нашихъ дней“, замѣчаетъ Еллинекъ въ другомъ мѣстѣ, „спекулятивныя теоріи являются той сокровищницей, откуда нѣмецкая наука государственнаго права почерпаетъ понятія о государствѣ и опредѣленія его свойствъ и функцій“ [3]).

Такимъ образомъ, между общими юридическими понятіями и разрабатываемымъ положительнымъ матеріаломъ не существовало необходимой связи. Первыя не

---

[1]) Тамъ же стр. 49, 50, 51.
[2]) *Allgemeine Staatslehre* 2 Auflage. 1908, стр. 62, 63.
[3]) *Ueber Staatsfragmente* Heidelberg, стр. 7.

вытекали изъ вторыхъ, не объединяли и не освѣщали его. Отсюда и не получалось единаго зданія науки государственнаго права: общія понятія добывались своимъ путемъ, а изслѣдованія положительнаго права шли своей дорогой. Они не встрѣчались, а перекрещивались и породили тѣ противорѣчія и неясности, которыми страдаютъ работы формально-юридической школы [1]).

Ограниченіе задачи науки государственнаго права детальнымъ изученіемъ дѣйствующаго права, неумѣніе отыскать общія и твердыя точки зрѣнія при его обработкѣ, послѣдовательное игнорированіе общихъ соціально-политическихъ проблемъ, полная методологическая безпомощность являются причиною того, что нѣмецкая наука, характеризующаяся господствомъ формально-юридической школы, не только за послѣднее время ничего не сдѣлала для выясненія основныхъ вопросовъ государственной жизни, но и не сумѣла указать путей для ихъ разрѣшенія. Это послѣднее обстоятельство въ глазахъ Еллинека и является наиболѣе виднымъ пробѣломъ въ современной публицистической литературѣ Германіи [2]).

---

[1]) *Die Lehre von den Staatenverbindungen Wien.* 1882, стр. 5, 6, 7.

[2]) „Всякій", говоритъ онъ, „приступающій къ изслѣдованію основныхъ соціальныхъ проблемъ, не можетъ не почувствовать съ первыхъ же шаговъ отсутствіе глубоко продуманной методологіи. въ литературѣ ученія о государствѣ господствуетъ въ этомъ отношеніи величайшая путаница, такъ какъ значительная часть авторовъ,—въ томъ числѣ и такіе, которымъ мы обязаны весьма плодотворными изслѣдованіями детальныхъ вопросовъ, — вообще не уясняютъ себѣ, съ какими трудностями связано изученіе основныхъ феноменовъ, съ какими приходится считаться тонкими различіями, какъ великъ именно въ этой области соблазнъ принимать образы и аналогіи за реальныя истины. Этимъ и объясняется, что вплоть до нашего времени всякое хотя бы безсмысленное измышленіе въ области ученія о государствѣ, если оно только преподносилось съ должнымъ апломбомъ, обращало на себя вниманіе въ литературѣ и серьезно обсуждалось. Утвержденіе замѣняли факты, убѣжденія,— доказательство, неясность сходила за глубокомысліе, произвольныя умствованія—за высшее познаніе. По этой, главнымъ образомъ, причинѣ въ исторіи литературы ученія о государствѣ въ новѣйшее время образовался столь значительный пробѣлъ, что, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, ни одинъ систематическій трудъ не сумѣлъ привлечь къ себѣ хотя бы нѣкоторое вниманіе. Старые, ненадежные методы или, точнѣе, прежнее отсутствіе метода несовмѣстимы болѣе съ требованіями современной научной мысли. Новые же методы только что нарождаются; поэтому изслѣдователи стараются, какъ-нибудь наскоро коснувшись основныхъ понятій, затѣмъ уже сосредоточить преимущественное вниманіе на изслѣдованіи деталей. Такъ какъ однако такое изслѣдованіе во многихъ важныхъ пунктахъ основано на дедукціи изъ этихъ пренебрегаемыхъ наукой основныхъ понятій, то неизбѣжны грубыя, тормозящія плодотворное развитіе науки, ошибки Всякое изслѣдованіе основныхъ явленій государственной жизни должно теперь поэтому начинаться съ установленія методическихъ принциповъ на основѣ результатовъ новѣйшихъ изысканій въ области теоріи и познанія логики". *Allgemeine Staatslehre*, стр. 24—26.

И сознаніе необходимости пополнить этотъ пробѣлъ и является однимъ изъ главныхъ мотивовъ научной дѣятельности Еллинека: оно обусловливаетъ то широкое мѣсто, которое онъ въ своихъ сочиненіяхъ отводитъ методологическимъ изслѣдованіямъ.

Если, такимъ образомъ, политическое міросозерцаніе, съ которымъ Еллинекъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ, обусловило основную проблему его политическихъ изслѣдованій,—проблему объ отношеніи личности къ общественному цѣлому, то состояніе германской науки навело его на вопросъ о задачѣ и пріемахъ изслѣдованія государственныхъ наукъ.

Эти обѣ задачи научной дѣятельности Еллинека и опредѣляютъ дальнѣйшій планъ нашей работы. На послѣдующихъ страницахъ мы изложимъ, во-первыхъ, воззрѣнія Еллинека на методологію науки государственнаго права, во-вторыхъ, воспроизведемъ его ученіе о связанности государственной власти правомъ, какъ-то ученіе, на которомъ всего полнѣе отразились его воззрѣнія на гарантіи, способныя, при условіяхъ современной культуры, охранить свободу лица отъ произвольнаго вмѣшательства государственной власти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воззрѣніе Еллинека на задачи и методы государственныхъ наукъ.

1. Соціальное ученіе о государствѣ.

Государственное право, учитъ Еллинекъ, какъ всякое право, можетъ изучаться, во-первыхъ, какъ соціальное явленіе, во-вторыхъ, какъ норма долженствованія. Право, изучаемое съ первой точки зрѣнія, составляетъ предметъ соціальнаго ученія о государствѣ, какъ одной изъ отраслей обществовѣдѣнія; право, изучаемое со второй точки зрѣнія, образуетъ предметъ науки о государственномъ правѣ, какъ одной изъ отраслей правовѣдѣнія.

Какъ соціальное ученіе о государствѣ, такъ и ученіе

о государственномъ правѣ изучаютъ право; но первое разсматриваетъ право лишь постольку, поскольку оно дѣйствуетъ, изучаетъ его, какъ соціальный факторъ въ его историческомъ происхожденіи, соціальномъ значеніи и общественномъ вліяніи; второе же разсматриваетъ право не со стороны его реальнаго бытія, а какъ систему абстрактныхъ нормъ, предназначенныхъ служить мѣрилами оцѣнки человѣческихъ поступковъ.

Изученіе права съ двоякой точки зрѣнія, соціальной и юридической, обусловливается той двойственностью, которой характеризуется жизнь права. „Право", говоритъ Еллинекъ, „ведетъ двойственную жизнь: право существуетъ, во-первыхъ какъ фактически осуществляемый правовой порядокъ,—въ качествѣ такового оно является одной изъ соціальныхъ силъ, создающихъ конкретную культурную жизнь народа; во вторыхъ,—какъ совокупность нормъ, долженствующихъ осуществиться въ дѣйствительности" [1]).

Каждая изъ этихъ двухъ отраслей науки о государствѣ—соціальная, изслѣдующая государственное право, какъ общественное явленіе, и юридическая, изучающая его, какъ систему нормъ,—имѣетъ свою особенную задачу и свой особый методъ.

Соціальное ученіе о государствѣ изучаетъ фактическое бытіе государства. Оно изслѣдуетъ тѣ соціальные факторы, которые обусловливаютъ возникновеніе, ростъ и паденіе государствъ и его учрежденій. Оно подвергаетъ своему анализу экономическія, этнологическія, національныя и другія условія, вліяющія на образованіе государственнаго права, и измѣряетъ воздѣйствіе этого права на народную жизнь [2]).

Соціальное ученіе о государствѣ, какъ всякая наука,

---

[1]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 132.

[2]) Но оно изучаетъ эти условія не сами по себѣ; а лишь въ ихъ отношеніи къ государственно-правовому строю. Ни экономическая жизнь, ни общественные нравы, ни этнографическій составъ населенія государства, ни природа его территоріи, ни климатическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ оно живетъ, не составляютъ предмета спеціальнаго изученія государствовѣда-соціолога. Но, изслѣдуя государственно-правовой строй, какъ многосложное соціальное явленіе, анализируя отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагается политическое тѣло, и ихъ взаимную связь, онъ не можетъ обойтись безъ широкихъ политическихъ, историческихъ, экономическихъ и естественноисторическихъ свѣдѣній и не пользоваться ими для выясненія природы государства, какъ соціальнаго образованія, и для разрѣшенія своихъ соціально политическихъ проблемъ. (Тамъ же гл. IV).

изслѣдующая тотъ или другой рядъ явленій,—наука эмпирическая: она оперируетъ лишь съ данными, могущими быть добыты путемъ опыта и провѣрены наблюденіемъ. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ общіе съ наукой о физической природѣ задачи и пріемы изслѣдованія.

Однако, явленія, которыя оно изучаетъ, существенно отличаются отъ явленій, составляющихъ предметъ изслѣдованія естественныхъ наукъ.

Различіе это обусловливается тѣмъ, что элементами физической природы являются факторы, допускающіе точный учетъ, между тѣмъ какъ главнымъ факторомъ соціальной жизни является человѣкъ, сила безконечно измѣнчивая. Явленія природы характеризуются поэтому однообразіемъ и постоянствомъ, соціальныя же явленія—измѣнчивостью и разнообразіемъ. „Всѣ силы природы“, говоритъ Еллинекъ, „могутъ быть измѣрены путемъ выраженія ихъ въ опредѣленныхъ единицахъ силъ. Мельчайшія матеріальныя частицы, какъ въ простой формѣ атома, такъ и въ сложной—молекулы, безусловно однородны: атомъ углерода, молекула угольной кислоты безусловно тождественны по своимъ специфическимъ особенностямъ съ другими атомами и молекулами того же рода. Человѣческіе же индивиды, напротивъ, безконечно различны; въ каждомъ изъ нихъ имѣется своеобразный, не повторяющійся элементъ, которымъ опредѣляется его соціальная дѣятельность. Правда, и въ природѣ каждый отдѣльный объектъ имѣетъ и индивидуальныя черты, отличающія его отъ другихъ того же рода; но это индивидуальное не составляетъ или, по крайней мѣрѣ, лишь въ незначительной степени образуетъ предметъ естественнонаучнаго изслѣдованія“ [1]). Въ человѣческихъ же дѣлахъ индивидуализирующіе элементы преобладаютъ настолько, что игнорирующая ихъ наука можетъ дать лишь скудные, не охватывающіе всей полноты реальной жизни, результаты. Этимъ и объясняется, что естественныя науки ищутъ и находятъ законы, управляющіе явленіями природы, соціальныя же науки такихъ законовъ раскрыть не въ силахъ. „Философы исторіи прежняго времени и современные соціологи пытались устанавливать историческіе законы, но ни одинъ изъ этихъ „законовъ“,

---

[1]) Тамъ же стр. 27, 28.

если онъ не былъ только тривіальнымъ общимъ мѣстомъ, не получилъ признанія и не могъ сдѣлаться достояніемъ науки. Эти, такъ называемые, „законы“ сводились въ сущности, къ конструкціямъ, основывавшимся на недоказуемыхъ предположеніяхъ и на недостаточномъ знакомствѣ съ фактами. Поэтому мы никогда не достигнемъ того, чтобы хотя съ нѣкоторой долей вѣроятности опредѣлить грядущія историческія событія, между тѣмъ какъ на основаніи естественно-научныхъ данныхъ мы можемъ предсказывать даже сравнительно сложныя физическія явленія“ [1]).

Несмотря, однако, на сложность и разнообразіе элементовъ соціальныхъ явленій, ихъ пестрота и неустойчивость не таковы, чтобы между ними нельзя было бы раскрыть и сходныя черты.

Познать эти черты и свести аналогичныя явленія къ типичнымъ формамъ и есть задача соціальныхъ наукъ.

Эта задача тѣмъ благодарнѣе, чѣмъ кругъ изслѣдованія соціолога будетъ ограниченнѣе. Трудности изученія соціальныхъ явленій становятся тѣмъ преодолимѣе, чѣмъ болѣе обособляются различныя стороны соціальной жизни и дѣлаются предметомъ спеціальнаго изученія. „Такое научное обособленіе“, говоритъ Еллинекъ, „правда, страдаетъ извѣстными недостатками, такъ какъ нашъ разумъ раздѣляетъ то, что въ жизни образуетъ неразрывное цѣлое, тѣмъ не менѣе эти недостатки могутъ быть сглажены сознаніемъ, что достигнутые путемъ такого обособленія результаты не являются чѣмъ-либо окончательнымъ, а подлежатъ непрерывному исправленію путемъ установленія связи между теоретически-обособленными явленіями и тѣми областями, къ которымъ они принадлежатъ“ [2]).

Въ виду этихъ методологическихъ соображеній и государство обособляется отъ другихъ организованныхъ союзовъ и становится предметомъ особой науки,—науки о государствѣ, какъ одной изъ отраслей обществовѣдѣнія.

Эта наука о государствѣ въ свою очередь распадается на общее ученіе о государствѣ и на особенное. Если

---

[1]) Тамъ же, стр. 27.
[2]) Тамъ же, стр. 30.

послѣднее изучаетъ конкретное государство или конкретное учрежденіе въ его индивидуальныхъ особенностяхъ, то первое изучаетъ государство вообще, въ его типическихъ проявленіяхъ. „Задача общаго ученія о государствѣ", говоритъ Еллинекъ, „выяснить основы всего ученія о государствѣ, подвергая научному изслѣдованію явленіе государства вообще и основныя его опредѣленія. Свои выводы оно добываетъ не изъ изученія одной государственной индивидуальности, а изъ всей совокупности историко-соціальныхъ формъ государства[1]).

Изучая эмпирическіе типы государственной жизни, соціальное ученіе о государствѣ сводитъ разнообразіе политическихъ явленій къ извѣстнымъ общимъ формамъ и добываетъ общія точки зрѣнія для ихъ объясненія и пониманія. Эмпирическіе типы, отыскиваемые и изучаемые общимъ ученіемъ о государствѣ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми идеальными типами, которые выставляли спекулятивныя теоріи и которые являлись плодомъ стремленія найти наилучшую государственную форму. Эмпирическіе типы добываются индуктивнымъ путемъ, тщательнымъ сравненіемъ отдѣльныхъ государствъ, ихъ организаціи и ихъ функцій. Но дабы такое изученіе было плодотворнымъ, т.-е. чтобы оно дало точные и цѣнные выводы, необходимо, чтобы сравниваемыя явленія давали точки опоры для сравненія, т.-е. были однородными, другими словами,—отличались цѣлымъ рядомъ общихъ характерныхъ чертъ, превышающихъ индивидуальныя особенности. Въ виду этого методологическаго требованія предметомъ общаго ученія о государствѣ не можетъ быть государство вообще, государство всѣхъ временъ и народовъ. Объектомъ его изученія является не государство, какъ всемірное явленіе, а лишь государство данной культурной семьи народовъ и данной эпохи. Сравнивая государства и государственныя учрежденія отдаленнѣйшихъ эпохъ и самыхъ различныхъ ступеней культурнаго развитія, мы никогда не получимъ никакихъ типовъ или найдемъ только типы совершенно безцвѣтные и неопредѣленные. Чѣмъ дальше заходитъ сравненіе, тѣмъ больше индивидуализирующихъ элементовъ остается въ пренебреженіи и тѣмъ меньше, стало быть, мы по-

[1]) Тамъ же, 9, 10.

знаемъ при помощи созданнаго такимъ образомъ типа [1]). Отсюда вытекаетъ необходимость съ методологической точки зрѣнія ограничить индукцію выросшими на общей исторической почвѣ государствами и тѣми политическими образованіями прошлаго, которыя опредѣляютъ эту почву. Но не только нужно ограничиваться изученіемъ государствъ общей культуры, но и можно „сравнивать лишь государственныя образованія одновременныя или, по крайней мѣрѣ, не отдѣленныя другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ времени. Типичные элементы не будутъ, правда, вовсе отсутствовать и въ томъ случаѣ, если мы будемъ сравнивать, напр., античныя государства съ современными, но, вслѣдствіе глубокаго различія между этими государствами, поставленными въ совершенно различныя историческія условія, индивидуализирующіе элементы будутъ при сравненіи преобладать надъ типичными. Это ясно обнаруживается, когда мы разсматриваемъ, напр., какъ звенья одной и той же цѣпи, античную и современную демократію, римскую императорскую и новѣйшую абсолютную монархію“ [2]). Мы всегда должны помнить,—и на этомъ положеніи Еллинекъ особенно настаиваетъ,—мы всегда должны помнить, что каждая эпоха вырабатываетъ свои понятія, свои представленія, свои идеалы, которымъ аналогичнымъ съ внѣшней стороны учрежденіямъ придаютъ различный смыслъ и различное значеніе [3]). Государственные типы

---

[1]) Тамъ же, стр. 35, 36.

[2]) Тамъ же, стр. 36, 37.

[3]) Каждая эпоха, говоритъ Еллинекъ, имѣетъ свои особыя, ей одной свойственныя правовыя понятія, которыя, если приложить къ нимъ критерій другихъ временъ, окажутся несостоятельными. (Тамъ же, стр. 157). Не прекаемый въ эпоху абсолютизма принципъ неограниченности верховной власти отошелъ въ прошлое и непримѣнимъ въ современномъ государствѣ; понятіе государства, какъ гражданской общины, имѣло подъ собою почву въ античномъ мірѣ, но непримѣнимо въ средневѣковомъ политическомъ укладѣ; понятіе о законѣ, какъ соглашеніи двухъ равноправныхъ сторонъ, сложившееся въ сословномъ обществѣ, не соотвѣтствуетъ представленіямъ о законѣ въ конституціонныхъ государствахъ. Измѣнчивость и текучесть государственно-правовыхъ учрежденій и понятій ставитъ ученію о государствѣ требованіе—изслѣдовать эти формы и понятія не только въ состояніи покоя, но и въ состояніи движенія. „Государственные типы“, говоритъ Еллинекъ, „находятся въ потокѣ исторической жизни, они видоизмѣняются въ соотвѣтствіи съ особенностями исторической обстановки, усложняются, распадаются на виды и подвиды. Для науки возникаетъ, такимъ образомъ, новая задача—опредѣлить тотъ путь, по которому движется преобразованіе и развитіе отдѣльныхъ типовъ. Такъ возникаютъ для нея сосуществующія и смѣняющія другъ друга государства и государственныя учрежденія. Наука о государ-

и обусловливающія ихъ и обусловливаемыя ими политическія понятія и юридическія представленія находятся въ постоянномъ процессѣ развитія, который не оставляетъ по себѣ никакихъ осадковъ въ видѣ на вѣчныя времена окаменѣвшихъ принциповъ и понятій. Всѣ величины, которыми орудуетъ ученіе о государствѣ, имѣютъ лишь историческое и лишь относительное значеніе. Для государственной науки, какъ ее понимаетъ Еллинекъ, нѣтъ неподвижныхъ политическихъ идеаловъ, нѣтъ незыблемыхъ догматовъ, нѣтъ разъ навсегда установленныхъ понятій, нѣтъ абсолютныхъ принциповъ.

2. Ученіе о государственномъ правѣ.

Ученіе о государственномъ правѣ, въ отличіе отъ соціальнаго ученія о государствѣ, изучаетъ право не какъ общественное явленіе во всей полнотѣ его реальной обстановки и въ его вліяніи на народную жизнь, а какъ систему нормъ, предназначенныхъ регулировать поведеніе людей.

„Правомъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ“, говоритъ Еллинекъ, „относится ни къ области существующаго, а къ области долженствующаго существовать; оно состоитъ изъ понятій и положеній, которыя служатъ не для познанія дѣйствительности, а для оцѣнки ея. Юридическія нормы не даютъ, поэтому, познанія какого-либо реальнаго бытія. Въ задачи юриспруденціи не входитъ, поэтому, опредѣлить государство, какъ таковое, а только систематизировать существующія данныя со строго установленныхъ точекъ зрѣнія для опредѣленныхъ цѣлей и подвергнуть ихъ оцѣнкѣ соотвѣтственно абстрактнымъ

ствѣ должна, поэтому, отыскивать и находить типы развитія (динамическіе) типы сосуществованія (статистическіе) государственныхъ явленій. (Тамъ же стр. 37, 38). Установленіе и изученіе государственныхъ типовъ удовлетворяетъ синтестической потребности сводить многообразіе явленій къ единству, что и совпадаетъ съ высшими цѣлями науки вообще, и имѣетъ своею задачею не только вносить ясность и единство въ многообразіе, но и содѣйствовать основательному пониманію индивидуальнаго явленія, указывая подобающее ему мѣсто въ общемъ прогрессѣ соціальнаго развитія. Раскрытіе типическихъ элементовъ объясняетъ и индивидуальныя особенности каждаго политическаго образованія, какъ остатка свойствъ, не заключающихся въ типѣ. Тамъ же, стр. 39, 40.

нормамъ права. Наука права есть, поэтому, наука нормативная, подобно логикѣ, которая учитъ насъ не тому, что объекты представляютъ собою въ дѣйствительности, а только какъ ихъ слѣдуетъ мыслить, чтобы получить чуждое внутреннихъ противорѣчій познаніе“ [1]).

Юридическое изученіе государства имѣетъ своимъ предметомъ „уразумѣніе исходящихъ отъ государства и предназначенныхъ къ регулированію его учрежденій и функцій юридическихъ нормъ и отношенія реальныхъ явленій государственной жизни къ этимъ юридическимъ нормамъ“ [2]).

Юристъ-догматикъ отвѣчаетъ лишь на вопросъ, что предписываетъ право? но не задаетъ себѣ вопроса, откуда оно взялось, для чего оно существуетъ и какова его соціально-политическая цѣнность? Цѣль догматическаго изслѣдованія права, опредѣляющаго и развивающаго содержаніе государстенно-правовыхъ опредѣленій, не теоретическое объясненіе ихъ природы, а достиженіе практической возможности оцѣнивать жизненныя явленія съ правовой точки зрѣнія [3]).

При догматическомъ изученіи права, юридическая точка зрѣнія должна быть строго отграничена отъ исторической и соціально-политической; и съ этой точки зрѣнія выдѣленный правовой матеріалъ долженъ быть подвергнутъ обработкѣ съ цѣлью полученія точныхъ и ясныхъ юридическихъ понятій и правилъ, чуждыхъ той

---

[1]) Тамъ же, стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 132.

[3]) „Всѣ конструкціи“, говоритъ Еллинекъ, „которыя не въ состояніи хотьсколько-нибудь служить этой практической цѣли, лишены всякаго научнаго значенія: Не существуетъ юриспруденціи, которую можно было бы изучать ради нея самой, какъ чисто теоретическую дисциплину, заключающую въ себѣ познавательную цѣнность. Отошедшее въ прошлое право можетъ сдѣлаться предметомъ изученія юриста-историка и соціолога; но безцѣльно подвергать юридическому изученію отжившее право по догматическому методу, ибо такое изученіе имѣетъ оправданіе только въ виду его практическихъ цѣлей, т.-е. для того, чтобы научить разрѣшать сомнительные и спорные случаи, могущіе представиться въ будущемъ. Изученіе съ юридическо-догматической точки зрѣнія римскаго или стараго имперскаго государственнаго права совершенно не производительное занятіе, ибо такое изученіе не можетъ быть полезно ни для судьи ни для законодателя. Такое изученіе, говоритъ Еллинекъ, было бы напрасной, смѣшной затратой силы—какъ потому, что оно не можетъ служить руководствомъ для судебной практики, такъ и въ виду того, что нѣтъ никакой возможности реформировать окаменѣвшее прошлое на основаніи болѣе усовершенствованнаго знанія, почерпнутаго въ настоящемъ. Тамъ же стр., 50, 51.

расплывчивости и неопредѣленности, къ которымъ такъ склонно политическое созерцаніе [1]).

Эти юридическія понятія могутъ быть добыты лишь путемъ тщательнаго изученія всѣхъ подпадающихъ подъ нихъ явленій, путемъ сравненія и объединенія ихъ общихъ признаковъ. Индукція является для полученія юридическихъ понятій столь же неотразимымъ требованіемъ, какъ и для всѣхъ другихъ изъ опыта почерпаемыхъ понятій. „Государственно-правовыя понятія не представляютъ собою сущности, витающія по ту сторону опыта и лишь не полно отражающіяся въ мирѣ дѣйствительныхъ явленій,—они суть типы, которые заключаются въ нерѣдко лишенныхъ логики жизненныхъ отношеніяхъ, и для ихъ познанія не требуется другихъ орудій, кромѣ тѣхъ, которыя мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи для познанія явленія вообще“ [2]).

Ученіе о государственномъ правѣ распадается, какъ и соціальное ученіе о государствѣ, на общее и особенное. Особенное изучаетъ систему юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ въ данномъ государствѣ или регулирующихъ данное учрежденіе; общее же раскрываетъ тѣ юридическіе принципы и понятія, на которомъ покоится правовой строй государства данной культурной эпохи.

Это общее ученіе о государственномъ правѣ не есть ученіе о дѣйствующемъ правѣ, а представляетъ собою,

---

[1]) Требованіе, чтобы юридическія понятія были бы строго отграничены и не сливались одно въ другое, не возбуждаетъ сомнѣнія ни у цивилиста, ни у криминалиста; оно должно, наконецъ, найти себѣ признаніе и въ области государственнаго права. Какая неслыханная опасность грозила бы жизни, семьѣ, собственности, если бы между отдѣльными гражданскими сдѣлками и между деликтами юриспруденція не проводила бы точныхъ границъ, купля не ограничивалась бы строго отъ найма, бракъ отъ конкубината, убійство отъ умерщвленія. Значеніе и смыслъ права заключается именно въ томъ, что оно отграничиваетъ твердыми понятіями отдѣльныя текучія жизненныя отношенія. Утверждать, поэтому, что въ области международнаго и государственнаго права нельзя установлять такихъ же точныхъ понятій, какими орудуетъ цивилистъ, процессуалистъ и криминалистъ, значило бы принципіально отрицать за этими двумя областями юриспруденціи научный характеръ. Требованіе, чтобы наука государственнаго права выработала такія же точныя и твердыя понятія, какія добыты въ области гражданскаго права, не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ перенесеніемъ цивилистическихъ представленій въ область публичнаго права. Для всѣхъ областей права существуютъ, конечно, общія понятія, но каждая изъ нихъ имѣетъ и свои, ей свойственныя, понятія, обусловливаемыя особой природой входящихъ въ ея сферу жизненныхъ отношеній. Юридическія понятія имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку они покрываютъ эти отношенія и имъ соотвѣтствуютъ. *Die Lehre von den Staatenverbindungen*, стр. 15 и сл.

[2]) *Ueber Staatsfragmente*, стр. 132.

подобно общему соціальному ученію о государствѣ, теорію, содержащую не нормы, а научныя положенія). Оно занимаетъ въ наукѣ такое же мѣсто, какъ общее ученіе о правѣ, которое мы требуемъ для каждой системы права, какъ ученія о юридическихъ принципахъ, нашедшихъ свое выраженіе въ опредѣленномъ правѣ [1]).

3. Политика.

Еллинекъ отводитъ политикѣ въ системѣ государственныхъ наукъ особое мѣсто, рядомъ съ соціальнымъ ученіемъ о государствѣ и ученіемъ о государственномъ правѣ.

Политика есть наука прикладная: она, въ отличіе отъ соціальнаго ученія о государствѣ, не объясняетъ государственно-правовыхъ явленій, а указываетъ на правила, при помощи которыхъ могутъ быть достигнуты государственныя цѣли; отъ ученія же о государственномъ правѣ она отличается тѣмъ, что не изучаетъ дѣйствующія устойчивыя нормы права, а даетъ ихъ оцѣнку. „Политика,—говоритъ Еллинекъ,—есть ученіе о достиженіи опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей. Она поэтому анализируетъ явленія государственной жизни съ опредѣленныхъ телеологическихъ точекъ зрѣнія, которыя служатъ ей въ то же время мѣриломъ при обсужденіи явленій и отношеній государственной жизни“ [2]). Она поэтому, указываетъ правила для практической дѣятельности и устанавливаетъ мѣрила для оцѣнки существующаго порядка.

Изслѣдуя способы, которыми, въ виду извѣстныхъ цѣлей, должны быть преобразованы государственныя учрежденія, она должна считаться съ реальными условіями и силами политической жизни и поэтому изучать и анализировать ихъ. Научная политика есть, поэтому, вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Еллинека, ученіе о силахъ,

---

[1]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 62. Общее ученіе о государственномъ правѣ, какъ его понимаетъ Еллинекъ, не имѣетъ ничего общаго съ блаженной памяти философскимъ ученіемъ о государствѣ; все спекулятивное изъемлется Еллинекомъ изъ науки о государствѣ, какъ науки чисто эмпирической, свои положенія выводящей не изъ метафизическихъ началъ, а изъ данныхъ, добытыхъ опытомъ и наблюденіемъ.

[2]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 13.

создающихъ право и стоящихъ рядомъ съ законодателемъ и надъ нимъ [1]).

Этимъ опредѣляется важное значеніе политики для пониманія и критики государственнаго строя, а слѣдовательно, и для разрѣшенія основныхъ соціально политическихъ проблемъ.

„Если", говоритъ Еллинекъ, „политика по своимъ цѣлямъ и методу и должна быть безусловно отличаема отъ соціальнаго ученія о государствѣ и ученія о государственномъ правѣ, то, съ другой стороны, при той тѣсной связи, которая существуетъ между отдѣльными отраслями единой по существу государственной науки, прикладная дисциплина имѣетъ важное значеніе для плодотворности изысканій въ области теоретической. Для всесторонняго познанія, какъ статики государственнаго порядка, изучаемаго соціальной наукой о государствѣ, такъ и юридическихъ нормъ этого порядка, изслѣдуемыхъ государственнымъ правомъ, необходимо восполняющее эти науки политическое изученіе государства. Въ дѣйствительности государство находится въ состояніи постояннаго движенія, и соціальное ученіе о государствѣ и ученіе о государственномъ правѣ даютъ картину лишь даннаго момента его жизни. Между тѣмъ всѣ важнѣйшіе жизненные процессы государства, какъ и всѣ нормы его правопорядка, до и во время ихъ возникновенія, служили предметомъ политическихъ изслѣдованій и мѣропріятій; всякое законченное государственное дѣйствіе, всякое дѣйствующее право имѣетъ политическія послѣдствія. Полное игнорированіе политики ведетъ къ безсодержательнымъ выводамъ или, въ лучшемъ случаѣ, лишь къ ознакомленію съ внѣшнимъ остовомъ государства, лишеннымъ всякаго жизненнаго содержанія" [2]).

Только политическая точка зрѣнія можетъ помочь юристу-догматику выяснить отношеніе изучаемыхъ имъ

---

[1]) *Verfassungsänderung und Verfassungswandalung*, стр. 31.

[2]) Въ особенности же государственно-правовыя изслѣдованія получаютъ содержаніе и цѣль, лишь считаясь съ политически возможнымъ. Если политика и право никогда не должны быть смѣшиваемы, и граница, ихъ отдѣляющая, всегда должна быть строго соблюдаема, тѣмъ не менѣе государственноправовое изслѣдованіе дастъ плодотворные результаты лишь подъ условіемъ знакомства съ политически возможнымъ. Государственное право, принципіально игнорирующее политически возможное рискуетъ извратиться въ схоластическую дисциплину, оторванную отъ жизни и лишенную пониманія реальныхъ отношеній. Allgemeine Staatslehre, стр. 15, 16.

нормъ къ реальнымъ условіямъ и отношеніямъ. Юридическая догматика безсильна при помощи однихъ имѣющихся въ ея распоряженіи орудій устанавливать содержаніе юридическихъ понятій. „Юридическая догматика, какъ совершенно правильно утверждаетъ Лабандъ, помимо изученія положительнаго права, сводится къ чисто логической работѣ мысли. Установленіе же содержанія юридическихъ положеній невозможно при помощи одной только логики. Именно основныя понятія государственнаго права, на которыхъ держатся всѣ остальныя, не поддаются чисто логическому изслѣдованію. Когда идетъ рѣчь о болѣе точномъ опредѣленіи государственной формы, о принципіальномъ соотношеніи высшихъ государственныхъ органовъ, о вліяніи историческихъ силъ на сохраненіе и измѣненіе государственнаго строя, то эти проблемы могутъ быть разрѣшены только на основаніи тщательной оцѣнки тѣхъ конкретныхъ политическихъ силъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились эти основныя учрежденія“ [1]). Пользованіе только орудіями формальной логики легко можетъ привести къ начертанію государственно-правовыхъ изображеній, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Не то ученіе о государственномъ правѣ является лучшимъ, которое отличается наибольшей логической стройностью, а то, которое всего полнѣе и точнѣе объясняетъ дѣйствительность. „Невозможно,—замѣчаетъ Еллинекъ,—прійти къ юридическимъ выводамъ, имѣющимъ научную цѣнность, игнорируя жизненныя отношенія. Юриспруденція не имѣетъ своею задачею самостоятельно изучать содержаніе этихъ отношеній, но постоянный ихъ учетъ долженъ быть регуляторомъ всякой юридической конструкціи. Право стремится охватить внѣшнія формы жизненныхъ отношеній, поэтому оно должно считаться съ тѣми границами, которыя даны ихъ содержаніемъ и которыя имѣютъ формообразовательную силу. Въ противномъ случаѣ юриспруденція безнадежно впадаетъ въ схоластику, т.-е. въ то направленіе мышленія и изслѣдованія, которое создаетъ міръ понятій безъ реальности, формъ безъ содержанія, результатовъ безъ научной цѣнности [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 16.

[2]) Gesetz und Verordnung, стр. 235. Политическая точка зрѣнія при изученіи государственнаго права важна и въ томъ отношеніи, что только она

Если при изслѣдованіи государственнаго строя должно, съ одной стороны, строго различать юридическую точку зрѣнія отъ политической, съ другой же, дополнять одну другой, то, разграничивая изслѣдованіе государства, какъ правового института, отъ изученія его, какъ соціальнаго явленія, необходимо въ свою очередь помнить, что правовой структурой не исчерпывается государственная жизнь и что послѣдняя можетъ быть понята лишь подъ условіемъ выясненія ея соціальной стороны. Понятія, добытыя при помощи формально-юридической методы, должны быть всегда провѣряемы съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ соціальное ученіе о государствѣ. „Соціальное изученіе государства,—говоритъ Еллинекъ,— служитъ необходимымъ коррективомъ юридическаго. Ученіе о государственномъ правѣ утверждаетъ, напр., что суверенное государство стоитъ выше всякой другой организованной власти и никакой власти не подчинено. Но могучимъ силамъ соціальной жизни, дѣйствующимъ не въ формѣ сознательной, направленной волевой силы, подвластенъ и этотъ суверенъ. Юристъ долженъ, поэтому остерегаться смѣшивать міръ правовыхъ нормъ, долженствующихъ управлять жизнью государства, съ самой этой жизнью. Всѣ формально-юридическія представленія о всемогуществѣ государства, гипотетически вполнѣ допустимыя, исчезаютъ, какъ только мы изъ міра юридически-возможнаго вступаемъ въ міръ соціальной дѣйствительности. Здѣсь дѣйствуютъ историческія силы, которыя образуютъ и разрушаютъ самодовлѣющее бытіе государства, лежащее внѣ всякихъ юридическихъ конструкцій. Къ этому самодовлѣющему бытію относятся геніальныя слова столь часто не понимаемаго нѣмецкаго мыслителя (Гегеля): для образованія, бытія и паденія

можетъ раскрыть недостатки существующаго порядка и указать путь къ лучшему будущему. И одно изъ существеннѣйшихъ заблужденій формально-юридической школы заключается въ томъ, что она принципіально исключаетъ оцѣнку положительнаго права и сводитъ задачу государствовѣдѣнія къ описанію и истолкованію дѣйствующаго права. „Безъ политическаго изслѣдованія, говоритъ Еллинекъ, невозможна никакая критика существующаго правового строя. Во всѣхъ другихъ областяхъ права юристы считаютъ своей задачей содѣйствовать улучшенію правового порядка. Только въ государственномъ правѣ дѣйствующее право разрабатывается обыкновенно, какъ-будто оно не нуждается въ оправданіи, а политическія разногласія правовѣдовъ выражаются въ томъ, что они вносятъ въ изложеніе положительнаго права свои политическія воззрѣнія". *Verfassungsänderung und Verfassungswandlung* стр. 32.

государствъ не существуетъ иного суда, кромѣ суда міровой исторіи. Нормы же этого суда, несомнѣнно, не суть тѣ, которыми орудуетъ юристъ“ [1]).

Еллинекъ разграничиваетъ такимъ образомъ догматическую юриспруденцію, съ одной стороны, отъ соціальнаго ученія о правѣ, съ другой—отъ политики права. Догматическая юриспруденція даетъ логическій анализъ дѣйствующаго права, какъ нормѣ долженствованія въ цѣляхъ ихъ примѣненія къ жизни. Соціальное ученіе изучаетъ право, какъ общественное явленіе въ цѣляхъ его теоретическаго познанія, политика разсматриваетъ право и какъ норму и какъ явленіе въ цѣляхъ его оцѣнки съ точки зрѣнія тѣхъ интересовъ, которымъ оно должно служить.

Каждая изъ этихъ отраслей правовѣдѣнія вызвана принципіально различными теоретическими и практическими мотивами и служитъ различнымъ цѣлямъ; каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую задачу, стоитъ на своей особой точкѣ зрѣнія и имѣетъ поэтому и свои особые пріемы наслѣдованія. И чѣмъ строже выдерживается ихъ теоретическое обособленіе и чѣмъ послѣдовательнѣе примѣняются свойственные каждой изъ нихъ методы изслѣдованія, тѣмъ точнѣе, тѣмъ плодотворнѣе будутъ добытые каждой изъ нихъ научные результаты.

Но то, что различаетъ наша познающая мысль, то въ жизни не проявляется обособленно. Всякое право есть въ одно и то же время и явленіе, и норма долженствованія, и предметъ оцѣнки. И если мы хотимъ его понять, то не можемъ изучать его только съ одной точки зрѣнія, а должны его изслѣдовать со всѣхъ доступныхъ нашему познанію сторонъ. Изучая тотъ или другой правовой институтъ, мы должны не только уяснить себѣ ту систему нормъ, которыя опредѣляютъ его юридическую структуру, но и отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ интересахъ и соціальныхъ условіяхъ, которыми онъ былъ вызванъ, и которымъ онъ держится; мы должны изслѣдовать его воздѣйствіе на общественную жизнь и на основаніи такого изученія дать его оцѣнку съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей и интересовъ, которымъ онъ предназначенъ служить.

---

[1]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 120.

Посмотримъ теперь, какъ примѣнилъ Еллинекъ эти выставленныя имъ методологическія требованія къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной политической науки—къ вопросу о связанности государства правомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ученіе Еллинека о связанности государства правомъ.

I. Постановка вопроса о связанности государства правомъ.

Одна изъ главныхъ причинъ, по которой вопросъ о связанности государства правомъ вызываетъ такія разнорѣчивыя толкованія, заключается въ томъ, что въ самой его постановкѣ много неяснаго и неопредѣленнаго. Мы считаемъ поэтому нужнымъ, прежде чѣмъ познакомить читателя съ тѣмъ отвѣтомъ, который даетъ на него Еллинекъ, выяснить, въ какомъ смыслѣ ставится имъ вопросъ о связанности государства правомъ и въ какихъ рамкахъ онъ считаетъ его подлежащимъ научному анализу.

Еллинекъ, какъ мы показали выше, различаетъ государство, какъ соціальное явленіе, отъ государства, какъ юридическаго института. Государство, какъ соціальное явленіе, обнимаетъ всѣ проявленія общественныхъ силъ, живущихъ въ государствѣ и дѣйствующихъ въ предѣлахъ и при условіяхъ государственнаго строя. Государство, понимаемое въ этомъ смыслѣ, не можетъ быть предметомъ связанности правомъ. Право регулируетъ жизнь государства лишь постольку, поскольку она проявляется во внѣшнихъ сознательныхъ актахъ людей. Соціальныя же силы, которыя опредѣляютъ формы человѣческихъ общежитій, создаютъ, измѣняютъ и разрушаютъ политическія образованія, направляютъ теченіе государственной жизни, ставятъ ей задачи и предопредѣляютъ ея пути, эти соціальныя силы власти права не подчинены и его владычеству не подлежатъ. Не право создаетъ соціальныя силы, а напротивъ, эти силы вызываютъ къ жизни право и опредѣляютъ его формы и его содержаніе. Право можетъ только регулировать человѣческія

дѣйствія и этимъ косвеннымъ образомъ вліять на соціальныя отношенія. „Государство“, говоритъ Еллинекъ, „прежде всего историко-соціальное явленіе, къ которому право лишь присоединяется, но которое оно создать не въ силахъ и которое, наоборотъ, является необходимымъ предположеніемъ его существованія“ [1]). „Право, по существу своему, есть сила не созидающая, а лишь охраняющая и защищающая. Оно можетъ создавать лишь внѣшнія предположенія для положительной человѣческой дѣятельности; содержаніе же этой дѣятельности обусловливается всѣмъ конкретнымъ историко-соціальнымъ развитіемъ общества. Правопорядокъ обладаетъ, правда, и опредѣленной формирующей и реформирующей общественной силой, но эта сила можетъ проявляться планомѣрно лишь въ узкихъ предѣлахъ. Творческій элементъ въ правѣ заключается преимущественно не въ его намѣренномъ юридическомъ, а въ его не намѣренномъ соціальномъ значеніи“ [2]). Государство въ своей правотворческой и правоохраняющей дѣятельности располагаетъ лишь ограниченными средствами, которыя безсильны осуществлять глубокія преобразованія, частью происходящія въ самомъ человѣкѣ, частью ускользающія отъ внѣшняго воздѣйствія. „Никакая принудительная власть“, говоритъ Еллинекъ, „не въ состояніи разрушить, напр., общность интересовъ между членами экономическаго класса. И гдѣ государственная власть приводится въ движеніе, для достиженія опредѣленнаго соціальнаго результата, конечный эффектъ совершенно выходитъ за предѣлы возможнаго предвидѣнія. Освобожденіе крестьянъ, признаніе свободы экономической дѣятельности, мобилизація земельной собственности — оказали несомнѣнное глубокое вліяніе на преобразованіе современнаго общества, но степень и характеръ этого вліянія лишь въ значительной мѣрѣ сознавались творцами этихъ мѣропріятій, вызываемыхъ

---

[1]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 267. „Принципіальное отношеніе государства къ праву“, замѣчаетъ Еллинекъ, „опредѣляется положеніемъ, что государство— прежде всего соціальное и историческое явленіе, которое право въ силахъ регулировать, но не создавать. Историческій же процессъ, въ которомъ проявляется жизнь государства, лишь въ весьма несовершенной степени доступенъ человѣческому предвидѣнію; право, поэтому, которое сознательно стремится дѣйствовать въ будущемъ, безсильно на всѣ времена держать наготовѣ нормы для предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ событій“. *Verfassungsänderung und Verfassungswandlung* 1906, стр. 43.

[2]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 250.

притомъ по большей части требованіями, предъявляемыми государству самимъ обществомъ“ [1]).

Государство можетъ своей правотворческой или правоохраняющей дѣятельностью нѣсколько стѣснить или нѣсколько расширить русло, по которому движется потокъ общественной жизни, или нѣсколько усилить или нѣсколько ослабить его стремительность, но оно не въ силахъ ни опредѣлить, ни измѣнить его направленіе, ни предрѣшить его конечный исходъ. Общественныя силы и ихъ соотношеніе живутъ, растутъ и измѣняются не по предписаніямъ права, а по вложеннымъ въ нихъ законамъ, не досягаемымъ индивидуальнымъ силамъ отдѣльныхъ людей и сознательной, планомѣрной дѣятельности государственныхъ и общественныхъ учрежденій [2]).

Ставъ на точку зрѣнія Еллинека, выраженную въ приведенныхъ цитатахъ, мы должны сказать, что правовому ограниченію не можетъ подлежать жизнь государства, какъ соціальнаго образованія, а лишь планомѣрная и сознательная дѣятельность государства, какъ властвующаго субъекта. Право не предписываетъ законовъ соціальнымъ явленіямъ, а устанавливаетъ лишь правила для человѣческихъ поступковъ. Приступая къ своей книгѣ: *Die Lehre von den Staatenverbindungen* къ выясненію проблемы о правовой связанности государства, Еллинекъ очень точно опредѣляетъ рамки этой проблемы въ только что указанномъ смыслѣ. Юристъ, говоритъ онъ тутъ, имѣетъ дѣло лишь съ проявленіями дѣятельности государства; его анализу подлежитъ лишь хотящее и дѣйствующее государство, другими словами, лишь акты государственной власти. И для предотвращенія всякихъ недоразумѣній, Еллинекъ предупреждаетъ [3]), что на дальнѣйшихъ страницахъ, на которыхъ онъ изложилъ свою теорію о самообязываніи государства правомъ, онъ, говоря о государствѣ, будетъ подъ нимъ понимать только государственную власть.

Вопросъ о связанности государства правомъ сводится, такимъ образомъ, для Еллинека къ вопросу о связанности правомъ государственной власти, а такъ какъ дѣятель-

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

[1]) Тамъ же, стр. 119.
[2]) Тамъ же, стр. 120.
[3]) *Die Lehre von den Staatenverbindungen* 1880, стр. 9 и 10.

ность этой власти, по воззрѣнію нѣмецкаго государствовѣда, сводится безъ остатка къ дѣятельности государственныхъ органовъ, то вопросъ о правовомъ ограниченіи государства представляетъ собою не что иное, какъ вопросъ о связанности правомъ дѣятельности государственныхъ органовъ.

Проблему о связанности государства правомъ Еллинекъ ограничиваетъ далѣе и тѣмъ, что ставитъ себѣ ее не отвлеченно по отношенію къ государству вообще, а конкретно въ примѣненіи къ современному государству западной культуры [1]). Согласно установленнымъ Еллинекомъ методологическимъ требованіямъ, изложеннымъ нами выше, онъ не считаетъ возможнымъ разрѣшать общіе вопросы государственнаго права иначе [2]), какъ становясь на почву политическихъ образованій опредѣленнаго типа.

Для вопроса о связанности государства правомъ онъ не дѣлаетъ исключенія изъ этого общаго правила и разрѣшаетъ его въ условіяхъ политической жизни современнаго государства. Такую постановку онъ считаетъ тѣмъ болѣе необходимой, что видитъ въ идеѣ о правовой связанности государственной власти—продуктъ новаго времени и одно изъ требованій, которое съ особенной настойчивостью общественное правосознаніе предъявляетъ политическому строю въ переживаемую нами эпоху.

Проблему объ отношеніи права къ государству, какъ ее понимаетъ Еллинекъ, можно поэтому формулировать слѣдующимъ образомъ: Въ какихъ формахъ и въ какой мѣрѣ находитъ себѣ осуществленіе въ организаціи государственной власти нашего времени, идея верховенства права, того верховенства, которое является и неотразимымъ требованіемъ, ставимымъ устройству государства современнымъ правосознаніемъ?

И тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ: не противорѣчитъ ли понятіе о связанности государственной власти правомъ самому понятію государственной власти, которая, какъ верховная, казалось бы, никакому ограниченію,

---

[1]) Подъ современнымъ же государствомъ Еллинекъ понимаетъ государство конституціонное. Полемизируя съ Гирномъ, для котораго современное государство сложилось въ Пруссіи въ эпоху Великаго Курфюрста, Еллинекъ говоритъ, что для него оно ведетъ свое начало лишь съ установленія конституціоннаго строя. *Allgemeine Staatslehre*, стр. 454, примѣч. 2-е.

[2]) Тамъ же, стр. 157.

а слѣдовательно и ограниченію правомъ подлежать не можетъ?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо выяснить себѣ воззрѣніе Еллинека на природу верховной власти въ современномъ государствѣ и на тѣ ея признаки, которыми она отличается отъ власти другихъ союзовъ.

II. Свойства власти государства, отличающія ее отъ власти другихъ союзовъ.

Всякій союзъ, имѣющій притязаніе на длительное бытіе, не можетъ существовать безъ организаціи, т.-е. безъ правилъ, которыя опредѣляли бы порядокъ призванія, формы и предѣлы дѣятельности его органовъ.

Особенности же организаціи каждаго союза опредѣляются тѣми цѣлями, которыя онъ преслѣдуетъ.

Тѣ черты, поэтому, которыя отличаютъ организацію государственной власти отъ устройства власти другихъ союзовъ, нужно искать въ особомъ свойствѣ тѣхъ интересовъ, которые охраняютъ государство.

„Интенсивность союза“, говоритъ Еллинекъ, „различна въ зависимости отъ силы и значенія создающихъ его цѣлей. Она минимальна въ частныхъ союзахъ, увеличивается въ публичныхъ и достигаетъ величайшаго напряженія въ государствѣ, такъ какъ государство изъ всѣхъ союзовъ являетъ наибольшую полноту постоянныхъ цѣлей, и отсюда и наиболѣе развитую и всеобъемлющую организацію. Государство является наиболѣе необходимымъ союзнымъ единствомъ, въ то же время заключающимъ въ себѣ всѣ другія“ [3]).

---

[3]) Тамъ же, стр. 172, 173. Государство, по словамъ Еллинека, среди всѣхъ организованныхъ союзовъ, является важнѣйшимъ, такъ какъ ни одинъ организованный порядокъ не можетъ существовать безъ государства и такъ какъ государство своей дѣятельностью и своимъ воздѣйствіемъ на людей охватываетъ и опредѣляетъ всѣ стороны соціальной жизни. Тамъ же, стр. 4.

[4]) Государство является, по Еллинеку, въ виду преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, высшимъ территоріальнымъ союзомъ: при данныхъ условіяхъ культуры, вся земная поверхность распредѣлена между отдѣльными государствами, надъ которыми не возвышается другой организаціи. Всякій человѣкъ, всякій союзъ подчиненъ тому или другому государству и нигдѣ отъ его воздѣйствія укрыться не можетъ. „Отъ государства,—говоритъ Еллинекъ,—никто уйти не можетъ. Эмигрантъ, лишенный отечества, остается все же подчиненнымъ какой-либо государственной власти; онъ можетъ мѣнять государства, но не можетъ длительно уйти изъ подъ власти государства, тѣмъ болѣе, что внѣгосударственныя пространства на земномъ шарѣ все болѣе суживаются“. Тамъ же, стр. 172.

Первенство цѣлей, преслѣдуемыхъ государствомъ, и обусловливаетъ собою первенство тѣхъ юридическихъ нормъ, которыми государство защищаетъ эти интересы. Юридическимъ нормамъ, установляемымъ государствомъ, и принудительной силѣ государства, ихъ охраняющей, должны подчиняться юридическія нормы и принудительная власть другихъ союзовъ, и подчиняться постольку, поскольку интересы, стоящіе подъ защитой государства, имѣютъ преимущество передъ интересами, преслѣдуемыми другими союзами. Нормы этихъ союзовъ имѣютъ обязательную силу лишь постольку, поскольку онѣ согласуются съ юридическими нормами, установляемыми государствомъ, и принудительная власть этихъ союзовъ имѣетъ силу лишь постольку, поскольку она допущена формально или молчаливо государствомъ. Одна государственная власть въ силу абсолютнаго верховенства защищаемыхъ ею интересовъ устанавливаетъ правила безусловныя, т.-е. такія, которыя имѣютъ силу сами по себѣ, независимо отъ согласія другой власти; одно государство проводитъ ихъ своими принудительными средствами, не нуждающимися въ признаніи ихъ другой властью. Одно государство, другими словами, господствуетъ. „Господство“, говоритъ Еллинекъ, „есть то мѣрило, которымъ государственная власть отличается отъ всѣхъ другихъ властей“ [1]). Эту силу осуществленія собственной воли вопреки волѣ другихъ имѣетъ только государство. Государство—единственный союзъ, господствующій вслѣдствіе ему присущей первичной силы, которая юридически не можетъ быть выводима отъ какой бы то ни было другой власти [2]).

Эта первичная сила государства обусловливается, какъ мы сказали, первенствомъ цѣлей, преслѣдуемыхъ государствомъ. Она не есть, поэтому, естественная сила, изначала природой заложенная въ государственный союзъ, а свойство, пріобрѣтенное высшимъ территоріальнымъ союзомъ цѣною длительнаго историческаго процесса, закончившагося въ эпоху абсолютнаго государства и со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 416, господствовать же значитъ обладать способностью принуждать другія воли къ безусловному исполненію своей воли, безусловно осуществлять эту волю вопреки волѣ другихъ Эту силу осуществленія собственной воли вопреки волѣ другихъ имѣетъ только государство. Тамъ же, стр. 172.

[2]) Тамъ же, стр. 173.

средоточившаго постепенно правоустанавливающія и правоохраняющія функціи въ центральныхъ органахъ этого государства [1]).

Государство, въ отличіе отъ другихъ союзовъ, обладаетъ властью свободной самоорганизаціи, какъ однимъ изъ проявленій своего самостоятельнаго правотворчества, или, другими словами, правового самоопредѣленія. И въ этой способности къ самоорганизаціи, въ юридической возможности опредѣлять свое устройство, самостоятельно, независимо отъ власти другого союза, Еллинекъ и видитъ существенный признакъ суверенитета государства. Онъ не означаетъ всемогущества, неограниченности власти; суверенитетъ есть не что иное, какъ способность къ исключительному самоопредѣленію. Суверенная государственная власть связана своимъ правопорядкомъ, она не ограничена лишь въ отношеніи къ внѣ ея стоящей власти, т.-е. эта внѣ ея стоящая власть юридически не можетъ понудить ее измѣнить ея правовой строй и помѣшаетъ ей самостоятельно преобразовать его [2]).

Государственная власть, какъ всякая организованная власть, связана правомъ, опредѣляющимъ его организацію. Отличается же она отъ власти другихъ союзовъ отнюдь не своею неограниченностью, своей свободой отъ права, а лишь своей свободой отъ чужого права.

III. Правопорядокъ, связывающій государственную власть.

Въ современномъ государствѣ, учитъ Еллинекъ, организація государства есть порядокъ правовой, а не фактическій, т.-е. такой, который покоится на устойчивыхъ

---

1) Безусловное господство, какъ отличительное свойство государственной власти, есть, по словамъ Еллинека, категорія историческая, а не абсолютная. Тамъ же, стр. 417. „Въ средніе вѣка существовали многочисленные союзы государственнаго характера, осуществлявшіе въ большемъ или меньшемъ объемѣ господство, какъ первоначальное свое право, и притомъ даже тогда, когда это перешло исторически сперва изъ сферы государства въ сферу негосударственнаго союза. Прежде всего обладала самостоятельной, не дарованной ей государствомъ, господствующей властью—церковь, нерѣдко съ величайшимъ успѣхомъ осуществлявшая эту власть противъ государства. Но и многочисленные свѣтскіе союзы, а равно и феодальные владѣльцы осуществляли господство, которое они разсматривали, какъ собственное, не перенесенное на нихъ государствомъ, или же которое присоединялось къ дарованному государствомъ въ качествѣ господства самостоятельнаго, не заключающагося по своей субстанціи въ государственной власти“. Тамъ же, стр. 417.

2) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 467—468.

правилахъ. Этотъ устойчивый правовой порядокъ является неотразимымъ требованіемъ планомѣрной и послѣдовательной дѣятельности государственныхъ органовъ и необходимымъ условіемъ прочности политическаго строя. Онъ не зависитъ, поэтому, отъ произвола тѣхъ органовъ, которые уполномочены имъ установлять и измѣнять законы, а имѣетъ самостоятельное отъ нихъ существованіе. „Государственная власть", говоритъ Еллинекъ, „въ примитивныхъ союзахъ или въ эпохи государственныхъ переворотовъ носитъ характеръ чисто фактической власти, но въ развитомъ государствѣ при нормальныхъ условіяхъ она всегда имѣетъ характеръ власти правовой. Такъ какъ длящееся вліяніе она можетъ оказывать не путемъ отдѣльныхъ велѣній, а только въ соотвѣтствіи съ прочно установленными нормами, такъ какъ для обезпеченія ея осуществленія она нуждается въ прочныхъ учрежденіяхъ, то въ основу ея дѣятельности положены постоянныя, прочныя, не зависящія отъ отдѣльныхъ лицъ волевыя отношенія. А такія волевыя отношенія, регулируемыя прочными правилами, суть правоотношенія. Понятіе государственной власти уже заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, понятіе правового порядка" [1]).

Этотъ правовой порядокъ образуется исторически въ согласіи со всѣмъ культурнымъ складомъ народа и въ своихъ существенныхъ опредѣленіяхъ также не зависитъ отъ доброй воли законодателя, какъ самый этотъ культурный складъ.

Въ каждую эпоху государственной жизни господствующая власть застаетъ фондъ этическихъ представленій и юридическихъ принциповъ, которые ее связываютъ и предопредѣляютъ и содержаніе ея дѣятельности.

„Въ правѣ культурныхъ народовъ", говоритъ Еллинекъ, „существовалъ издавна, а теперь существуетъ болѣе,

---

[1]) Тамъ же, стр. 419. Государственная власть внѣ правового порядка существовать не можетъ. „Анархія есть возможность лишь фактическая, а не юридическая. Но и фактическая анархія есть лишь временное, преходящее состояніе. Государственные перевороты и революціи новѣйшаго времени никогда не уничтожали всего правопорядка, и непрерывность права они разрушали только въ отдѣльныхъ, хотя и важныхъ пунктахъ. Даже открытая борьба высшихъ политическихъ силъ за реорганизацію властвованія можетъ повлечь за собою только временное ограниченіе или пріостановленіе отдѣльныхъ частей правопорядка, но не совершенную его отмѣну". Тамъ же, стр. 463.

чѣмъ когда-либо, извѣстный остовъ, недоступный произволу законодателя. Это тотъ осадокъ всего историческаго развитія народа, который какъ устойчивое условіе всего его историческаго бытія, прочно отпечатлѣлся въ его правовыхъ институтахъ... Если мы, поэтому, сойдемъ со строгой формально-юридической точки зрѣнія, стоя на которой оперируютъ съ понятіемъ безусловно всемогущей и непогрѣшимой государственной власти, то сумѣемъ въ дѣйствующемъ правѣ отличить измѣнчивые элементы отъ устойчивыхъ или, по крайней мѣрѣ, поддающихся лишь медленному преобразованію“ [1]).

Въ современномъ государствѣ существуютъ юридическіе принципы, которые признаются непререкаемыми началами политическаго строя и которые, при всей свободѣ законодателя, ставятъ его дѣятельности непреодолимые предѣлы и безспорныя границы.

Между этими принципами наиболѣе существеннымъ является идея свободы личности, ставящей государственной власти извѣстныя грани, установляемыя и охраняемыя правомъ.

„Убѣжденіе въ связанности государства правомъ“, говоритъ Еллинекъ, „проявляется со всевозрастающей интенсивностью. Вся наша современная культура основана на убѣжденіи, что власть имѣетъ границы, что мы не подчиненные безгранично всемогущей власти государственные рабы [2]). Есть теперь сфера индивидуума, при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 363, 364.

[2]) Тамъ же, стр. 332. „Если бы“, говоритъ Еллинекъ, „суверенитетъ означалъ, что всѣ возможныя расширенія компетенціи относятся къ активной сферѣ государства, мы всѣ были бы государственными рабами, которымъ государство прекарно представляетъ частичную правоспособность“. Allgemeine Staatslehre“, стр. 468. „Признакъ суверенитета, „имѣетъ чисто формальный характеръ. Онъ не опредѣляетъ ни содержанія тѣхъ границъ, которыя государство себѣ поставило, ни порядка ихъ установленія. По своему практическому значенію онъ является лишь вспомогательнымъ юридическимъ представленіемъ, которое истолковываетъ намъ тотъ юридическій фактъ, что всякая выраженная въ правовыхъ формахъ воля государства пріобрѣтаетъ силу права. Но этимъ отнюдь не устанавливается принципіально неограниченная и не могущая быть ограниченной компетенція государственной власти. Право всегда означаетъ только активную компетенцію государства. То, что государство можетъ пріобрѣсти только въ будущемъ путемъ возможнаго расширенія своей компетенціи, не относится къ его правовой сферѣ“. Тамъ же, 468. „Если государство присоединяетъ къ своей активной компетенціи какую-либо новую область, то для этого всегда необходимъ актъ оккупаціи, обосновывающій новое право. Въ силу своего суверенитета государство имѣетъ, поэтому, не всѣ возможныя „права верховенства, а только тѣ, которыя оно въ данную эпоху въ дѣйствительности отнесло къ своей компетенціи“. Тамъ же, стр. 469.

надлежащая лишь ему одному, есть кругъ интеллектуальной и нравственной самодѣятельности, передъ которымъ должно остановиться государство и которые оно признаетъ и уважаетъ. Наши религіозныя и эстетическія переживанія, наше научное изслѣдованіе, наша экономическая борьба, наша семейная жизнь—оберегаются государствомъ, но не опредѣляются по содержанію“ [1]). Въ правѣ лицъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ, суверенитетъ государства находитъ свой незыблемый предѣлъ; по словамъ Еллинека, „эти лица имѣютъ свои собственныя права, которыми они обладаютъ не прекарно, не по милости суверенаго государства, не въ силу его делегаціи, а въ силу признанія ихъ носителями правъ, и лишеніе ихъ этихъ правъ лежитъ внѣ сферы реальной власти государства“ [2]).

Противоположная доктрина, по которой государственная власть всемогуща и юридически неограниченна, могла сложиться лишь на почвѣ абсолютнаго государства и на фонѣ теоретическаго міросозерцанія. Воззрѣніе на носителя государственной власти, какъ на неограниченнаго владыку, устанавливающаго право, его не связывающее и обязывающее лишь его слугъ и его подданныхъ,—это воззрѣніе предполагаетъ вѣру въ надгосударственную и неземную силу, которая надѣляетъ этого владыку правомъ быть вершителемъ судебъ народа, непогрѣшимымъ творцомъ и безапелляціоннымъ судьею права [3]). Современное политическое міросозерцаніе, чуждое всякихъ теократическихъ примѣсей, не можетъ мыслить власть надправовой сверхестественной силой. Оно видитъ въ носителяхъ власти не посланцевъ неба, а простыхъ смертныхъ, подчиненныхъ, какъ и всѣ остальные члены государственнаго союза, предписаніямъ того правопорядка, который ихъ облекаетъ властью и который опредѣляетъ степень и предѣлъ ихъ власти.

---

[1]) *Adam in der Staatslehre.* Heidelberg 1893, стр. 28.

[2]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 469.

[2]) Теорія, по которой государственная власть надправовая сила, которая творитъ право для подданныхъ, но сама правомъ быть связана не можетъ,—эта теорія, говоритъ Еллинекъ, можетъ быть проведена лишь на почвѣ строго теократическаго строя. Только божество или почитаемый, какъ божество, монархъ въ состояніи возвысить не поддающіяся обоснованію и измѣнчивыя проявленія своей воли на степень нормы поведенія, долженствующей быть признаваемой всѣми, но только не имъ самимъ. Тамъ же, стр. 359.

Современное конституціонное государство, какъ устойчивый порядокъ, который измѣняется лишь въ согласіи съ присущими ему правовыми условіями, т.-е. лишь въ формахъ и предѣлахъ своего собственнаго правового бытія,—это современное конституціонное государство, говоритъ Еллинекъ, покоится на правосозерцаніи, прямо противоположномъ тому, которое является необходимымъ предположеніемъ абсолютнаго государства. Основное начало этого правосозерцанія заключается въ томъ, что „власть, присущая государственной организаціи, должна принадлежать только ей самой. Каждое отдѣльное лицо, какъ бы высоко оно поставлено ни было, въ своихъ публично-правовыхъ функціяхъ существуетъ только для государственнаго цѣлаго и обладаетъ лишь той степенью власти, какой надѣлилъ его государственный порядокъ“ [1]).

Этотъ основной принципъ современнаго конституціоннаго государства, по которому носители верховной власти наравнѣ съ гражданами подчинены закону и въ немъ находятъ источникъ своей власти, нашелъ себѣ выраженіе уже въ древнемъ англійскомъ правѣ, и Еллинекъ приводитъ въ подтвержденіе характерныя слова Генриха VI, сказавшаго: „Законъ—это самое цѣнное наслѣдство, которое получилъ король, ибо закономъ управляется онъ самъ и всѣ его подданные, и если бы не было закона, не было бы ни короля, ни наслѣдованія королевской власти“ [2]). И какъ въ монархіи король—лишь созданіе и слуга закона, такъ и въ республикѣ народъ и его представители признаютъ въ законѣ своего верховнаго владыку. Еллинекъ, иллюстрируя это положеніе, приводитъ знаменательный параграфъ конституціи Ури, гласящій: „Путеводной нитью народнаго собранія (Landesgemeinde) служитъ не безусловный, безграничный произволъ, ни власть сильнаго, *а право и только съ нимъ совмѣстимое благо государства*. Свою обязанность слѣдовать этому принципу народъ подтверждаетъ ежегодно приносимой имъ присягой“ [3]).

Эти основныя идеи и правовые принципы, которые вырабатывались вѣками и лишь медленно и туго про-

---

[1]) Der Kampf des alten mit dem neuen Reich, стр. 43.
[2]) *Die Erklarung der Menschen und Burgerrechte* 2 Aufl. 1904, стр. 40.
[3]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 708.

били себѣ дорогу сквозь туманъ политическихъ предразсудковъ, нашли себѣ выраженіе въ наше время въ системѣ тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя опредѣляютъ политическій строй современнаго конституціоннаго государства правового типа.

Идея связанности правомъ государственныхъ органовъ находитъ свое осуществленіе въ той организаціи власти, въ силу которой правила, установляющія порядокъ и предѣлы дѣятельности государственныхъ органовъ и опредѣляющія мѣру свободы отдѣльныхъ лицъ и союзовъ, получаютъ обязательную силу лишь подъ условіемъ ихъ закрѣпленія въ такую форму, которая, во-первыхъ, ставитъ эти правила за предѣлы произвола отдѣльныхъ лицъ и которая, во-вторыхъ, обезпечиваетъ ихъ солидарность съ правосознаніемъ общества.

Этой формой является законъ.

Его недосягаемость личному произволу обезпечивается той сложной процедурой, которой обставлено изданіе законовъ въ современномъ государствѣ, и тѣми формами его изданія и его отмѣны, которыя дѣлаютъ его неприкосновеннымъ для лицъ и учрежденій, призванныхъ его осуществлять и примѣнять къ отдѣльнымъ случаямъ и отношеніямъ.

Солидарность же закона съ политическими требованіями и правовыми представленіями общества обезпечивается тѣмъ мѣстомъ, которое отводится народному представительству въ системѣ законодательныхъ учрежденій.

Наконецъ, господство закона надъ остальными государственными актами гарантируется требованіемъ, въ силу котораго всѣ акты власти, которые, не суть законы, основываются на законѣ и вращаются въ предѣлахъ закона [1]).

Осуществленіе этихъ правилъ предполагаетъ такое распредѣленіе государственныхъ функцій между отдѣльными органами власти, которое, съ одной стороны, ограничило бы компетенцію каждаго изъ нихъ точными правовыми нормами, съ другой—обезпечило бы имъ самостоятельность въ предѣлахъ этой компетенціи, самостоя-

---

1) *Gesetz und Verordnung*, стр. 254 и сл.

тельность, гарантированную отъ вмѣшательства другихъ органовъ [1]).

Это распредѣленіе функцій между различными органами и устанавливается въ современномъ государствѣ основными законами, образующими конституцію государства. Эти основные законы подчиняютъ своему авторитету обыкновенные законы, какъ, въ свою очередь, обыкновенные законы подчиняютъ своей власти акты судебныхъ органовъ и акты правительственныхъ органовъ. И эта іерархія и соотношеніе различныхъ проявленій государственной власти, исходящихъ отъ различныхъ органовъ, обусловливаетъ собою ихъ согласованность. Она же обезпечиваетъ и единство государства при всемъ разнообразіи его органовъ, и единство права при всемъ разнообразіи юридическихъ нормъ, исходящихъ изъ различныхъ источниковъ и облекающихся въ различныя формы,—единства права, связывающаго какъ органы государства, такъ и отдѣльныя лица и союзы, каждому и всѣмъ обезпечивая причитающуюся ему свободу и самостоятельность. Это единство государства и его права въ разнообразіи его органовъ и актовъ и составляетъ, по Еллинеку, отличительную черту современнаго государства. Только оно, говоритъ онъ, сдѣлало возможнымъ развитіе государства на степень расчлененнаго общественнаго союза, который отправляетъ свои функціи чрезъ посредство цѣлаго ряда установленныхъ конституціей органовъ

---

[1]) „Всю исторію идеи о государствѣ въ XIX ст.“, говоритъ Еллинекъ, „можно изучить по тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подверглось за это время понятіе правоваго государства. Выйдя изъ круга идей естественнаго права, оно первоначально, въ противоположность полицейскому государству, означаетъ государство, задача котораго исчерпывается осуществленіемъ права. Подъ правомъ же понимаются лишь тѣ грани, которыя ставятся отдѣльнымъ лицамъ въ интересахъ ихъ мирнаго сосуществованія. Въ отличіе отъ такого пониманія государства мы пришли къ сознанію, что задача государства—не только установлять и охранять право, но и преслѣдовать цѣлый рядъ культурныхъ задачъ. Но эту культурную работу оно можетъ осуществлять не по произволу, а лишь въ предѣлахъ права. Связаны правомъ не только индивидумъ, но и государственные органы. Признаніемъ принципа, что каждый актъ государства опредѣляется правомъ или, по крайней мѣрѣ, находитъ въ правѣ свой предѣлъ, признаніемъ этого принципа и заканчивается исторія развитія идеи правового государства, образуя ея послѣдній результатъ. Это правовое государство должно найти свое осуществленіе путемъ принципіальнаго распредѣленія власти, которое устанавливается конституціей. Сущность конституціоннаго государственнаго устройства заключается въ разграниченіи сферы власти отдѣльныхъ государственныхъ элементовъ: съ одной стороны, органовъ, черезъ которые государственная власть хочетъ и дѣйствуетъ, съ другой стороны—индивидовъ, которые являются предметомъ государственнаго попеченія. Ein Verfassungsgerichtshof für oestereich Wien. 1885, стр. 1, 2.

и который создаетъ прочныя правовыя преграды между собою и своими членами. Единство и конституціонное распредѣленіе различныхъ функцій между различными, связанными правомъ и объединенными правомъ органами, законное самоограниченіе государства по отношенію къ индивиду—таковы существенные признаки того, что мы называемъ современнымъ государствомъ въ отличіе отъ всѣхъ государственныхъ образованій прошлаго [1]).

Связанность государственной власти правомъ не есть такимъ образомъ, по Еллинеку, естественное свойство присущей государственной власти какъ таковой, а представляетъ собою ничто иное, какъ требованіе, которое предъявляется государственной организаціи правосознаніемъ современнаго человѣчества, умудреннаго вѣковымъ политическимъ опытомъ, требованіе, которое въ большинствѣ государствъ въ наши дни еще далеко до своего осуществленія и которое нашло себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе лишь въ конституціонныхъ учрежденіяхъ праваго государства.

IV. Недостаточность юридическихъ гарантій для обезпеченія связанности органовъ власти правомъ и роль этическихъ моментовъ и соціальныхъ факторовъ въ охраненіи права.

Какъ бы однако ни была густа и прочна въ правовомъ государствѣ сѣть юридическихъ нормъ, опутывающихъ и связывающихъ дѣятельность государственныхъ органовъ, не слѣдуетъ все же забывать,—предостерегаетъ Еллинекъ,—что эти нормы дѣйствительны лишь постольку, поскольку онѣ держатся этическими и правовыми представленіями того общества, на которое онѣ призваны воздѣйствовать.

Для того, чтобы въ государствѣ господствовало верховенство права, необходимо, чтобы въ обществѣ была жива вѣра въ силу права и въ цѣну свободы личности, какъ въ то благо, которое прежде всего и болѣе всего нуждается въ охранѣ и покровительствѣ. Только общество, проникнутое этой вѣрой, можетъ придать формальнымъ юридическимъ нормамъ живучесть и вызвать у носите-

[1]) *Allgemeine Staatslehre*, стр. 318.

лей власти настроеніе, которое сдѣлало бы для нихъ исполненіе этихъ нормъ неотразимымъ требованіемъ ихъ нравственнаго долга [1]).

Говоря о связанности органовъ государственной власти правомъ и опредѣляя силу этой связанности, нужно, далѣе, учитъ Еллинекъ, имѣть въ виду, что верховные государственные органы суть не только юридическія учрежденія, но и являются соціальными факторами. Ихъ авторитетъ покоится не только на той степени правовой власти, которою ихъ вооружаетъ законъ, но обусловливается и ихъ соціальнымъ вѣсомъ.

Этотъ вѣсъ опредѣляется сложными и разнородными факторами, между которыми этическіе и историческіе элементы играютъ не послѣднюю роль. Высокій авторитетъ, которымъ пользуется, напр., прусскій король, обусловливается всѣмъ историческимъ прошлымъ прусской монархіи, слабость монархической власти въ Бельгіи объясняется не столько постановленіями конституціи, сколько недостаткомъ престижа у династіи, не имѣющей корней въ прошломъ и обязанной революціи своимъ государственно-правовымъ положеніемъ [2]).

Правовой порядокъ закрѣпляетъ соціальный вѣсъ династій и общественныхъ классовъ, но не создаетъ его. Этотъ вѣсъ имѣетъ основаніе въ экономическихъ благахъ и въ моральныхъ силахъ, которыми они располагаютъ, и въ интенсивности тѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ, которые ихъ сплачиваютъ и объединяютъ. Соотношеніе высшихъ государственныхъ органовъ опредѣляется, поэтому, не только юридическими нормами, регулирующими эти отношенія, но и тѣмъ общественнымъ авторитетомъ, которымъ они пользуются. И юридическія нормы, которыя опредѣляютъ степень ихъ правовой власти, могутъ быть прочными лишь подъ условіемъ ихъ согласованности съ этимъ вѣсомъ и съ этими силами.

Связанность государственной власти правомъ обусловливается такимъ образомъ, по ученію Еллинека, не только юридическими нормами, имѣющими цѣлью обезпечить верховенство закона и неприкосновенность личной сво-

---

[1]) *Allgemeine Staatslehre*, 357—364.
[2]) Тамъ же, 351, 352.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

боды, но и солидарнымъ съ этими началами нравственнымъ настроеніемъ общества и соціальнымъ вѣсомъ носителей власти, соотвѣтствующимъ этимъ нормамъ.

V. Взглядъ въ будущее.

Государствовѣдъ, изучая правовой строй, не можетъ поэтому ограничить свое поле зрѣнія тѣми правовыми нормами, которыя опредѣляютъ этотъ строй, а долженъ имѣть въ виду и тѣ соціальныя силы, которыя стоятъ за этимъ строемъ. Онъ долженъ изучать ихъ нарожденіе и ихъ ростъ, чтобы мочь судить объ устойчивости существующаго порядка и чтобы быть въ состояніи предвидѣть тѣ измѣненія въ правовомъ строѣ, которыя вызовутъ назрѣвшія новыя измѣненія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Ибо задача государственной науки — не только анализировать дѣйствующее право, но и уразумѣть тотъ путь, по которому пойдетъ его дальнѣйшее развитіе. „Наука права“, говоритъ Еллинекъ, „не выполнила бы благороднѣйшей части своего призванія, если бы она обращалась только назадъ и не содѣйствовала бы въ то же время проложенію пути силамъ будущаго“ [1]).

Еллинекъ и задаетъ себѣ вопросъ, не образуются ли или не образовались ли уже въ наше время соціальныя силы, которыя взываютъ о реорганизаціи современнаго конституціоннаго строя, и не сложились ли онѣ настолько опредѣленно, что, учитывая ихъ, можно предрѣшить цѣли и направленіе этой реорганизаціи?

И на этотъ вопросъ Елиннекъ отвѣчаетъ утвердительно.

На мѣсто общества, сложившагося въ эпоху абсолютнаго государства и распыленнаго централистическими и нивеллирующими тенденціями этого государства, возникло новое общество, организовавшееся въ отдѣльныя соціальныя группы и союзы и обнимающее широкія народныя массы, повсюду все громче и громче заявляющія притязанія на вліятельное участіе въ активной политической жизни.

„Повсюду“, говоритъ Елиннекъ, „все шире и шире

---

[1]) Тамъ же, стр. 19.

развивается не управляемая никакимъ объединяющимъ центромъ и въ этомъ смыслѣ, такъ сказать, естественно растущая организація народа. Общества и собранія всякаго рода, предпринимательскіе и рабочіе союзы, представительства интересовъ въ самой разнообразной формѣ, образованныя и контролируемыя частью самими заинтересованными лицами, частью государствомъ, создаютъ взамѣнъ атомизированной народной массы сильно дифференцированную, быстро развивающуюся организацію“ [1]). Демократизація расчлененнаго общества съ его тенденціей къ самоорганизаціи и къ политическому самоопредѣленію и является новой соціальной силой, долженствующей повести къ тому радикальному преобразованію политическаго строя, наканунѣ котораго стоитъ современное государство.

Но какія бы новыя политическія формы ни вызвала эта новая соціальная сила, она не можетъ отказаться отъ тѣхъ благъ, уважать высокую цѣнность которыхъ научило человѣчество его прошлое, — цѣнность права, какъ высшаго регулятора и охранителя общественнаго мира, и цѣнность свободы личности, какъ основного фактора и главнаго рычага соціальнаго прогресса.

Предшествовавшія страницы, на которыхъ мы изложили основныя воззрѣнія Еллинека на методологію государственныхъ наукъ и на связанность государственной власти правомъ, имѣли цѣлью отмѣтить тѣ его взгляды, которыми онъ выступаетъ изъ круга научныхъ пріемовъ и политическихъ идей, господствовавшихъ въ пережитое имъ время въ нѣмецкой государственной наукѣ и налагавшихъ на нее особенный отпечатокъ.

Этими своими взглядами Еллинекъ рѣзко выдѣляется изъ среды нѣмецкихъ государствовѣдовъ и прокладываетъ наукѣ о государствѣ новые пути и ставитъ ей новыя задачи.

И одна изъ главныхъ заслугъ Еллинека заключается, несомнѣнно въ томъ, что онъ раскрылъ односторонность формально юридическаго метода и показалъ, что тѣ на-

---

1) *Verfassungsänderung und Verfassungswandlung*, стр. 74.

учные пріемы, которыми она орудуетъ, не въ силахъ разрѣшить проблемы, которыя современная жизнь ставитъ государственной наукѣ.

Еллинекъ, обнаруживая слабыя стороны научныхъ пріемовъ формально юридической школы, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и въ оппозицію къ проводимымъ ею практическимъ тенденціямъ и политическимъ воззрѣніямъ. Онъ видитъ одну изъ наиболѣе темныхъ чертъ современной нѣмецкой науки о государственномъ правѣ въ томъ, что она, въ лицѣ многихъ изъ своихъ представителей, стала прислужницей партіи, стоящей у власти, и что дѣйствующее публичное право является для нея предметомъ не столько научнаго познанія, сколько политическаго настроенія. Подъ предлогомъ анализа дѣйствующаго государственнаго права выставляются совершенно произвольно и безъ научной провѣрки общія юридическія понятія и опредѣленія, приноровленныя ко вкусамъ охранительнаго направленія. Подбираются давно отжившія теоріи и представленія и облекаются въ форму политическихъ догматовъ, не нуждающихся въ научномъ обоснованіи. Еллинекъ рѣзко возстаетъ противъ этихъ недостойныхъ науки пріемовъ и смѣло и рѣшительно обнаруживаетъ научную пустоту, скрывающуюся за этой quasi юридической мантіей. Абсолютическія тенденціи, пробивающіяся въ трудахъ Зейделя, Борнгака, Цорна и др., находятъ въ работахъ Еллинека безпощадный отпоръ. Онъ раскрываетъ всю несостоятельность тѣхъ государственно-правовыхъ теорій, которыя хотятъ воскресить политическіе идеалы отжившихъ вѣковъ, и показываетъ ихъ полное несоотвѣтствіе съ принципами и представленіями, которыми живетъ современное культурное общество. Доктринѣ о всемогуществѣ верховной власти, по самой природѣ своей неограниченной, онъ противопоставляетъ ученіе о связанной правомъ власти государства, находящей свой предѣлъ въ неотъемлемыхъ правахъ лицъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и коллективныхъ; теоріи монархическаго принципа, видящей въ главѣ государства носителя всей полноты власти — ученіе о монархѣ, какъ органѣ государства, подчиненномъ наравнѣ со всѣми членами государственнаго союза безспорному авторитету закона; воззрѣнію на право, какъ на совокупность предписаній предержащихъ властей—

ученіе о правѣ, какъ нормахъ, слагающихся путемъ сложнаго соціальнаго процесса, въ которомъ планомѣрная дѣятельность законодателя является лишь однимъ изъ факторовъ, и притомъ далеко не всегда первенствующимъ.

Эти воззрѣнія Еллинека обновили нѣмецкую науку о государствѣ и влили въ нее свѣжую струю, сближающую ее съ политической литературой романскихъ и славянскихъ народовъ.

Если нѣмецкая государственная наука, которая была построена на принципѣ абсолютности власти и которая игнорировала тѣ грани, которыя свобода лица ставитъ государству, не могла находить ни отклика, ни пониманія у народовъ, политическое міросозерцаніе которыхъ было проникнуто другими началами, то ученіе о правѣ и государствѣ Еллинека, исходившее изъ признанія личности самоцѣнной моральной величиной, нашло послѣдователей и сторонниковъ и далеко за предѣлами его отечества.

Но политическіе принципы Еллинека не только породнили нѣмецкую науку о государствѣ съ политической литературой другихъ народовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ и истолковали ему явленія и учрежденія, къ которымъ его предшественники относились отрицательно или которыя оставались для нихъ чуждыми и непонятными. Если школа Гербера ограничивала свое поле зрѣнія политическимъ строемъ Германіи и построила общія понятія государственнаго права, замыкаясь въ узкій міръ политическихъ идей и представленій, съ точки зрѣнія которыхъ истолковывался этотъ строй, то Еллинекъ въ своихъ работахъ выходитъ изъ круга традиціонныхъ воззрѣній нѣмецкой публицистики и расширяетъ свое поле зрѣнія изслѣдованіемъ политическихъ формъ и идей всѣхъ тѣхъ странъ, которые принимали участіе въ общей культурной работѣ и общей политической жизни современнаго человѣчества.

Этотъ широкій базисъ, на которомъ Еллинекъ строитъ свое ученіе о государствѣ въ связи тѣми новыми пріемами изслѣдованія, которыя онъ устанавливаетъ, и даетъ наукѣ о государствѣ, какъ онъ ее намъ очертилъ, совершенно новую конструкцію и совершенно новый обликъ. Если школа Гербера сводила науку посудар-

ственнаго права къ ученію о государственной власти, ея организаціи и формѣ ея проявленія, то Еллинекъ перемѣщаетъ центръ тяжести изученія государства въ другую область—въ область субъективныхъ публичныхъ правъ гражданъ, въ область, которая совершенно игнорировалась его предшественниками или, по крайней мѣрѣ, затрогивалась ими лишь вскользь и какъ бы нехотя. Для него рядомъ съ первичной властью цѣлаго на правовое господство стоятъ первичныя права членовъ на свободу и самостоятельное развитіе, права, которыя государственной властью не даруются, а ею лишь признаются и защищаются.

И мы можемъ только присоединиться къ тому, что сказалъ Виндельбандъ объ основномъ мотивѣ научной дѣятельности Еллинека. Вотъ его слова: „Въ первичныхъ правахъ личности почерпнулъ онъ тѣ основныя начала, на которыхъ построилъ свое ученіе о правѣ и государствѣ. Сынъ своего вѣка и проникнутый общественными чувствами, онъ этой своей вѣрой въ первичное право личности сознавалъ свое родство съ восемнадцатымъ вѣкомъ, съ этимъ великимъ вѣкомъ, какъ онъ любилъ его называть. И не случайность, что послѣднія его изысканія, направленныя на эти вопросы, раскрыли ему религіозные мотивы, которые придали такую историческую силу вѣрѣ въ первичное право личности. Ибо для него самого эти ему святыя убѣжденія имѣли характеръ глубокаго религіознаго чувства“ [1]).

И дѣйствительно, признаніе за человѣкомъ непререкаемаго права на свободу было для Еллинека не только теоретическимъ принципомъ, но и символомъ вѣры, руководившемъ всей его общественной и научной дѣятельностью.

И эта вѣра и вдохновила его къ тому служенію наукѣ, которому онъ отдалъ свою жизнь и которое было не только служеніемъ великаго ученаго, но и подвигомъ свободнаго и благороднаго человѣка.

А. С. Алексѣевъ.

---

[1]) Предисловіе Виндельбанда къ *Ausgewählte Schriften und Reden* Еллинека т. I, стр. X.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Систематическій указатель сочиненій Георга Еллинека *).

I. Философія и философія права.

1. Die Weltanschauungen Leibniz' und Schopenhauer's Ihre Gründe und ihre Berechtigung. Eine Studie über Optimismus und Pessimismus. (Inauguraldissertation) Wien, Alfred Hölder 1872. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften und Reden, Berlin, O. Häring 1911 B. S. 3—41.

2. Die deutsche Philosophie in Oestreich. Wochenschrift „Im neuen Reich" I Bd. 1874 S. 936.

3. Moralstatistik und Todesstrafe. Wochenschrift „Im neuen Reich" I Bd. 1874 S. 936. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften B. I S. 69—75.

4. Die Beziehungen Goethe's zu Spinoza. Vortrag gehalten im Verein der. Literaturfreunde zu Wien. Wien, Alfred Hölder (O. Häring. Berlin) 1878. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften B. I, S. 179-207.

5. Die sozialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe. Wien, Alfred Hölder (Häring, Berlin) 1878 2. Auflage Berlin, Haering 1908. Русскій переводъ И. И. Власова съ предисловіемъ проф. П. И. Новгородцева. Изданіе Н. Н. Клочкова. Москва, 1910.

6. Die Klassifikation des Unrechts. Написано въ 1879; впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I S. 76-150.

7. Absolutes und relatives Unrecht. Habilitationsvorlesung gehalten an der Universität Wien am 9. Juni 1879; впервые появилось въ печати въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 151-163.

8. Aus einem Notizbuche. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 164-176.

II. Международное право.

9. Oestreich-Ungarn und Rumanien in der Donaufrage. Eine völkerrechtliche Untersuchung. Wien, Alfred Hoelder (Haering, Berlin) 1818.

---

*) При составленіи этого указателя мы пользовались цѣнными указаніями Д-ра Вальтера Еллинека (сына Георга Еллинека), которыми онъ снабдилъ насъ еще до появленія составленнаго имъ и затѣмъ напечатаннаго въ Archiv des offentlichen Rechtes (XXVII T. Emp. 606-619) списка сочиненій его отца.

10. Die rechtliche Natur der Staatenverträge. Ein Beitrag zur juristischen Konstruktion, Wien, Alfred Hölder (Haering, Berlin). 1884.

11. Die Zukunft des Krieges. Vortrag gehalten in der Gehestiftung zu Dresden am. 15. März. 1890. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften II. Bd. S, 515-541.

12. Donauschiffahrt. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Jena, Gustav Fischer. 3. Aufl. III. Bd. 1909 S. 549 (1, Aufl. 1891).

13. Elbschiffahrt. (Тамъ же 3. Aufl. III. Bd. 1909. S. 926).

14. Rheinschiffahrt. (Тамъ же 2. Aufl. 6 Bd. 1901. S. 424).

15. Weserschiffahtr. (Тамъ же 2. Aufl. 7. Bd. 1901. S. 764).

16. Die staats-und völkerrechtliche Stellung Kiautchous. Deutsche Juristenzeitung III. 1898. S. 253 u. 305. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 496-507.

17. Zur Eröffnung der Friedenskonferenz. Neue Freie Presse 18. Mai. 1899. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schrifren. Bd. II. S. 542-548.

18. China und das völkerrecht. Deutsche Juristenzeitung 1909. S. 401. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. II. S. 487-495.

19. Balkankrise und völkerrecht. Neue Freie Presse 25 Dezember 1908. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd II. S. 508-514.

III. Исторія политическихъ ученій и исторія науки о государствѣ.

20. Die Politik des Absolutismus und die des Radikalismus. (Hobbes und Rousseau). Vortraggehalten in der Aula des Museums zu Basel am 10. Februar. 1891. Впервые напечатаны въ Ausgewählte Schriften. II. Bd. S. 3-22.

21. Adam in der Staatslehre. Ein im historisch-philosophischen Verein zu Heidelberg gehaltener Vortrag. Heidelberg. G. Koester. 1893. Перепечатано въ Ausgewählte Schrifen. Bd. II. S. 3-22. Русскій переводъ Роговина Москва-1909.

22. Die Entstehung der modernen Staatsidee. Vortrag gehalten im Frauenverein zu Heidelberg am 13 Februar. 1894. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 45-63.

23. Eine neue Theorie über die Lehre Montesquiu's von den Staatsgewalten. (Grunhut-s Zeitschrift XXX 1902. S. 1. Separatabdruck Wien, Alfred Hoelder. 1902).

24. Die Staatsrechtslehre und ihre Vertreter. Heidelberger Professoren aus dem neunzehnten Jahrhundert. Festschrift der Universität zur Zentenarfeier ihrer Erneuerung durch Karl Friedrich. I. Bd. Heidelberg Carl Winter. 1903. S. 253.

IV. Исторія Государственнаго Права вообще и исторія конституціонныхъ учрежденій въ особенности.

25. Die Entwickelung des Ministeriums in der konstitutionellen Monarchie. (Grunhut's Zeits hrift. X, 1883. S. 304). Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 89—139.

26. Die Bauernbefreiung in Oestreich-Ungarn. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Jena. Gustav Fischer. I. Aufl. 2. Bd. 1891. S. 198.

27. Die Erklärung der Menchen- und Bürgerrecchte. Ein Beitrag zur modernen Verfassungsgeschichte Duncker und Humboldt. 1895. 2. Aufl. 1904. Русскій переводъ, подъ редакціей А. Э. Вормса. 2-е изданіе, пересмотрѣнное. (Библіотека для самообразованія). Москва, 1905.

28. Der Einfluss des Religionsbekenntnisses auf das Thronfolgerrecht in der oestereichisch-ungarischen Monarchie. Ein Beitrag zur Geschichte der pragmatischen Sanktion. Festgabe zur Feiere des 50. Jahrestages der Doktorpromotion des Geh. Rates Prof. Dr. E. J. Becker, dargebracht von den Mitgliedern der juristischen Fakultät der Universität Heidelberg. Berlin. O. Haering. 1899. S. 173.

29. La déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Réponse de H. Jellineck à M. Boutmy. Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. XVIII № 6. Nov., Décembre 1903 p. 385.

30. Mirabeau und das demokratische Wahlrecht. Geschichte eines Zitates Frankfurter Zeitung 31. Dezember 1905. I. Morgenblatt: Перепечатано въ Ausgewähetr Schriften. B. II. S. 82—88.

Юридическій КАБИНЕТЪ Б. Ж. К.

V. Государственное право.

31. Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien. Alfred Hoelder (O. Haering, Berlin). 1882.

32. Das rechtliche Verhäktnis Kroatiens zu Ungarn. Briefe von Georg Jellinek und Josef Pilveric, von letzterem herausgegeben. Argam. L. Harmanns Akademische Buchhandlung. 1885. Письма Еллинека, помѣщенныя въ этомъ изданіи, перепечатаны въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S 448—452.

33. Gesetz und Verordnung. Staatsrechtiche Untersuchungen auf rechtsgeschichtlicher Grundlage. Freiburg i/B. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 1887.

34. Staat und Gemeinde. Vortrag gehalten in der juristischen Gesellschaft zu Wien am 8 Februar. 1889. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 334—360.

35. Ungarn uud die oesterreichische Verfassung. Neue Freie Presse 14. November 1897. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 456—459.

36. Budgetrecht. Handwörterbuch der Staatswischenschatten. Jena, Gustaw Fischer. 1. Aufl. 2. Bd. 1891. S. 774. (2. Aufl. 2. Bd. 1899. S. 1164; 3. Aufl. 3. Bd. 1909. S. 308).

37. System der subjektiven öffentliche Rechte. Freiburg i/B. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). 1892. 2. Aufl. 1905.

38. Staatsrechtliche Erörterungen über die Entschädigung unschuldig Verurtheilter. Grünhuts Zeitschrift. XX. 1893. S. 455. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 479—484.

39. Ueber Staatsfragmente. Festgabe zur Feier des siebzigsten Geburtstages Seiner königlichen Hoheit des Grossherzogs Friedrich von Baden dargebracht von den Mitgliedern der juristischen Fakultät der Universität Heidelberg. Gustav Koester. 1896. S. 259.

40. Ungarn und die oesterreichische Verfassung. Neue Freie Presse 14. November. 1897. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 456—459.

41. Allgemeine Staatslehre. Berlin, Haering. 1900. 2. Auflage. 1905. Русскій переводъ С. І. Гессена, изданіе второе. С.-Петербургъ, 1908 г. Изданіе Юрид. книжн. магазина Н. К. Мартынова.

42. Ungarisches Staatsrecht. Eine politische Reisebetrachtung. Neue Freie Presse 11. Juni 1905. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. 460—469.

43. Besondere Staatslehre. Отрывки изъ не оконченнаго сочиненія, написаннаго въ 1901—1909 гг.; впервые напечатаны въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 153—319.

VI. Политика.

44. Ein Verfassungsgerichtshof fur Oesterreich. Wien, Alfred Hoelder. (O. Haering, Berlin). 1885.

45. Gutachten über die Frage: empfiehlt es sich die Prüfung der Wahlen für gesetzgebende Körperschaften als eine richterliche Thätigkeit anzuerkennen und deshalb die Rechtssprechung eines unabhängigen Wahlprüfungsgerichtshofes zu unterstellen? Verhandlungen des XIX Deutschen Juristentages. 1888, 2. Bd. S. 121. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 398—416.

46. Das Wahlrecht in den Vereinigten Staaten. Wiener. Wochenschrift: „Die Zeit." 27. Juli 1895, 4. Bd. № 43. S. 49. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 384—397.

47. Der Entwurf der oeserreichischen Wahlreform. Neue Freie Presse 16. Juni 1895. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 376—383.

48. Das Recht der Minoritäten. Ein in der juristischen Gesellschaft zu Wien gehaltener Vortrag. Wien, Alfred Hoelder (O. Haering, Berlin). 1898.

49. Parlamentarische Regierung. Neue Freie Presse 21. September. 1902. Morgenblatt. S. 1.

50. Die parlamentarische Obstruktion. Neue Freie Presse 26. Juli 1903. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewälte Schriften Bd. II. S. 419—430.

51. Das Pluralwahlrecht und seine Wirkungen. Vortrag gehalten in der Gehestiftung zu Dresden am 18 März 1905. Dresden, v. Zahn u. Jaenser. 1905.

52. Verfassungsänderung und Verfassungswandlung. Eine staatsrechtlihe politische Abhandlung. Berlin, O. Haering. 1906. Русскій переводъ подъ редакціей и съ вступительной статьей Б. А. Кистяковскаго. С.-Петербургъ. Изданіе юрид. книжн. склада „Право". 1907.

53. Die Wahlprüfungen im Reichstage. Eine Reminiscenz. Frankfurter Zeitung 23. November. 1906. 4. Morgenblatt. Ausgewählte Schriften Bd. II. S. 417—418.

54. Bundesstaat und parlamentarisohe Regierung. Neue

Freie Presse 19 Mai 1907. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. II. S. 439-447.

55. Der Kampf des alten mit dem neuen Recht. Protektoratsrade 22 November 1907. Heidelberg, Karl Winter 1907. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften, Bd. I. S. 392-427. Русскій переводъ Р. К. Ч. съ вступительной статьей проф. А. С. Алексѣева Москва 1908.

56. Der Antheil der ersten Kammer an der Finanzgesetzgebung. Staatsrechtliche Abhandlungen. Festgabe für Paul Laband zum fünfzigsten Jahrestage der Doktorpromotion. Tübingen, J. C. G. Mohr (Paul Siebeck) 1908, I. Bd. S. 95. Издано и отдѣльнымъ оттискомъ.

57. Die Verantwortlichkeit des Reichskanzlers. Frankfurter Zeitung. I Dezember. 1908. I. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. II. S. 431-438.

58. Ein Gesetzentwurf betreffend die Verantwortlichkeit des Reichskanzlers und seiner Stellvertreter nebst Begründung. Heidelberg. C. Winter. 1909.

59. Regierung und Parlament in Deutschland Vortrag gehalten am 13 März. 1909. in der Gehestiftung zu Dresden. Leipzig, B. 9. Teubner, 1909. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доцента А. А. Рождественскаго, изданіе Клочкова, Москва, 1910.

60. Die Verantwortlichkeit des Reichskanzlers. Ein Epilog. Deutsche Juristenzeitung XIV. 1909. S. 532.

VII. Университетъ.

61. Gutachten betreffend die Stellung der Staatswissenschaften der Rechtsphilosophie und des Völkerrechts. Gutachten und Anträge zur Reform der juristischen Studien. Erstattet von den rechts-und staatswissenschaftlichen Fakultäten der oestreichischen Universitäten. Als Manuskript gedruckt Wien, Karl Gorischek 1887. Перепечатано въ Ausgewählte Schiften. Bd. I. S. 299-306.

62. Seminar und Doktordissertation. Aus einer Eingabe an die philosophische Fakultät der Universität Heidelberg von 2 August. 1895. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. I. S. 307.

63. Die Aufhebung der Kollegiengelder in Oesterreich. Neue Freie Presse, 28. November. 1896. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. I. S. 308-313.

64. Gesetze und Verordnungen für die Universität Heidelberg. Heidelberg, C. Winter's Universitätsbuchhandlung. 1908. Предисловіе къ этому изданію перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. I. S. 299-306.

VIII. Характеристики, біографіи, некрологи.

65. Adolf Exner. Ein Wort zu seinem Gedächtnis. Biographische Blätter. Bd. I. 1895. S. 222. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. I. S. 245-254.

66. Unger, siebzigster Geburtstag. Neue Freie Presse, 2 Juli. 1898. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften. Bd. I. S. 255-265.

67. Hermann Jellinék. Gestorben am 23 November. 1848. Wiener

Wochenschrift „Die Zeit“ 10 December. 1898. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 2. 6—271.

68. Georg Meyer. Worte der Erinnerung gesprochen bei der Trauerfeier am 2. März 1900 in der Aula zu Heidelberg. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 372—281.

69. Oto Karlowa. Worte an dessen Grabe gesprochen zu Heidelberg am 11. Januar 1904. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 282.

70. An der Bahre Kuno Fischers. Worte der Erinnerung gesprochen am. 8. Juli 1907 von Prorektor der Universität Heidelberg. Впервые напечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 362—367.

71. Grossherzog Friedrich I von Baden. Rector magnificentissimus der Ruperto-Carola. Gedächtnisrede gehalten bei der akademischen Trauerfeier am 25. Oktober 1907 von Prorektor der Universität Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung 1907. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 368—391.

72. Johann Caspar Bluntschli. Zu seinem 100 Geburtstag 7. März 1908. Frankfurter Zeitung 7. März 1908. 1. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 284—293.

73. Alfons von Rosthorn. Neue Freie Presse 17. August 1909. Morgenblatt. Перепечатано въ Ausgewählte Schriften Bd. I. S. 294—296 *).

---

*) Въ этотъ указатель вошли всѣ напечатанные труды Еллинека за исключеніемъ его рецензій и библіографическихъ замѣтокъ.

Право, какъ соціальное явленіе*).

Въ изученіи права въ послѣднее время обнаруживается чрезвычайно отрадное явленіе—оно стало болѣе углубленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оно шире захватываетъ различныя проявленія права. Лучшимъ показателемъ современнаго движенія въ изученіи права можетъ служить психологическая теорія права. Конечно, крайніе выводы сторонниковъ этой теоріи, стремящихся доказать, что право есть только извѣстное психическое переживаніе, и что единственная и истинная сущность права коренится въ человѣческой психикѣ, не вѣрны. Но изученіе права какъ психическаго явленія заставило посмотрѣть на право съ новой стороны и обратить вниманіе на многое такое, что раньше оставалось внѣ круга научно-юридическаго интереса.

Болѣе полное и всестороннее изученіе права заставляетъ пересмотрѣть вопросъ и о соціально-научномъ изученіи его. На необходимость соціально-научнаго изученія права было обращено вниманіе еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Русскій научный міръ можетъ гордиться тѣмъ, что именно въ русской научно-юридической литературѣ раньше другихъ было выдвинуто требованіе изучать право, какъ соціальное явленіе. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ С. А. Муромцевъ чрезвычайно послѣдовательно разработалъ стройную соціально-научную теорію права. Къ сожалѣнію, наше научное развитіе до сихъ поръ идетъ какими-то прерывистыми скачками и ему менѣе всего свойственны преемственность и традиція. Въ данномъ случаѣ присоединилось еще и

*) Эта статья воспроизводитъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ вступительную лекцію, прочитанную авторомъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

то обстоятельство, что въ силу внѣшнихъ препятствій, насильно вторгшихся въ преподавательскую и научную дѣятельность С. А. Муромцева, онъ могъ имѣть только отдѣльныхъ послѣдователей и почитателей, но былъ лишенъ возможности создать школу въ точномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ и то идейное богатство, которое заключается въ трудахъ С. А. Муромцева, до сихъ поръ остается у насъ не совсѣмъ использованнымъ. На западно-европейскую научно-юридическую литературу труды С. А. Муромцева оказали очень мало вліянія, такъ какъ изъ нихъ были переведены на нѣмецкій языкъ только два сочиненія [1]).

Но самъ вопросъ о необходимости соціально-научнаго изученія права все опредѣленнѣе выдвигается въ послѣднее время и въ нѣмецкой, и въ французской литературахъ. Появился цѣлый рядъ изслѣдованій, въ которыхъ особенно настаивается на значеніи соціологическаго метода въ правовѣдѣніи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ отчасти повторяется то, что уже раньше было установлено у насъ С. А. Муромцевымъ, но во многомъ въ нихъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ нихъ можетъ быть принятъ во вниманіе практическій и научный юридическій опытъ за послѣднія болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ.

Моя задача, однако, въ данный моментъ заключается не въ томъ, чтобы опредѣлять значеніе самого этого научнаго направленія. Еще менѣе цѣлесообразными представляются мнѣ разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго изслѣдованія, принадлежащаго къ этому направленію, и попытки выясненія, что вѣрнаго или невѣрнаго заключается въ каждомъ изъ нихъ. Напротивъ, громадный интересъ возбуждаетъ изслѣдованіе вопроса о соціально-научномъ изученіи права по существу. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ отношеніи находится такое изученіе права къ общепринятому догматическому изученію его, и что оно можетъ дать юристу, какъ теоретику, такъ и практику?

Прежде всего надо отмѣтить, что на необходимость

---

[1]) Ср. оцѣнку научной дѣятельности С. А. Муромцева. *Г. Ф. Шершеневичъ*. Наука гражданскаго права въ Россіи. Казань 1893, стр 196—214 и 220. *Его-же*. С. А. Муромцевъ, какъ ученый. Сборн. статей „Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ“. Москва 1911, стр. 80—91. *Т. М. Яблочковъ*. С. А. Муромцевъ, какъ ученый. Ярославль, 1910.

соціально-научнаго изученія права было обращено вниманіе въ связи съ вопросомъ о соціологіи, т.-е. объ особой наукѣ, изучающей законы развитія обществъ. Согласно съ общимъ характеромъ и общими задачами соціологіи было выдвинуто требованіе соціологическаго изученія права, направленнаго на открытіе общихъ причинъ происхожденія и развитія права [1]). Такое соціологическое изученіе права противопоставлялось догматическому его изученію; цѣлью послѣдняго признавалась чисто подготовительная работа, именно описаніе въ правильной системѣ фактовъ гражданскаго права [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ теоретическимъ требованіемъ была формулирована одна чрезвычайно важная задача научнаго изученія права. Задача эта сохраняетъ свое научное значеніе и до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что для осуществленія ея сдѣлано сравнительно немного. Въ такой постановкѣ соціологическое изученіе права есть отрасль юридическихъ наукъ, аналогичная исторіи права, только болѣе общая. Подобно исторіи права это соціологически-эволюціонное изученіе права важно для общаго образованія юриста, такъ какъ оно помогаетъ ему болѣе сознательно относиться къ праву. Но оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ догматикѣ права.

Возникаетъ, однако, вопросъ: исчерпывается ли соціологическимъ изученіемъ права въ этомъ смыслѣ вообще соціально-научное изученіе права? Иными словами, нельзя ли на ряду съ соціально-научнымъ изученіемъ эволюціи

---

1) Именно такъ опредѣляетъ задачи правовѣдѣнія *С. А. Муромцевъ*. По его словамъ, „правовѣдѣнію надлежитъ изучать законы развитія той области соціальныхъ явленій, которая извѣстна подъ именемъ права“. См. *С. Муромцевъ*. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр 14 и 164. Ср. *С. Муромцевъ*. Очерки общей теоріи гражданскаго права. Москва 1877, стр. 196. *Его же*. Что такое догма права? Москва 1885, стр. 7. Къ этому же мнѣнію присоединяется и *Ю. С. Гамбаровъ*. Онъ утверждаетъ, что „правовѣдѣніе, какъ и соціологія разыскиваетъ законы развитія общественной жизни“. См. *Ю. С. Гамбаровъ*. Задачи современнаго правовѣдѣнія. Журн. М. Ю. Спб. 1907, янв., стр. 31 и 33. Ср. также *Ю. С. Гамбаровъ*. Курсъ гражданскаго права. Спб. 1911, стр. 37 и 38. Здѣсь онъ формулируетъ то же въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Правовѣдѣніе, какъ и соціологія, разыскиваетъ—по крайней мѣрѣ въ своемъ теоретическомъ отдѣлѣ—законы развитія общественныхъ учрежденій“.

2) Такъ С. А. Муромцевъ утверждаетъ, что „общее гражданское правовѣдѣніе“ „изучаетъ законы развитія гражданскаго права. Оно предполагаетъ, какъ подготовительную стадію, описательное гражданское правовѣдѣніе, которое описываетъ въ правильной системѣ факты гражданскаго права“. Тамъ же, стр. 14.

права изучать соціально-научно и всякую дѣйствующую систему права? Далѣе если такое изученіе возможно, то спрашивается, какое значеніе оно имѣетъ: должно ли оно замѣнить общепринятое догматическое изученіе права, или его надо поставить рядомъ съ нимъ? Наконецъ, что можетъ дать такое соціально-научное изученіе права для уразумѣнія системы права, а слѣдовательно, и для примѣненія правовыхъ нормъ? Вотъ рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые представляетъ первостепенную важность какъ для юриста-теоретика, такъ и для юриста-практика.

Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію основного изъ этихъ вопросовъ, именно вопроса о соціально-научномъ изученіи дѣйствующихъ системъ права, то прежде всего мы должны отмѣтить, что нѣтъ болѣе общепризнаннаго положенія, какъ то, что право есть соціальное явленіе. Изъ этого положенія вполнѣ очевидно долженъ вытекать выводъ, что право и слѣдуетъ изучать прежде всего въ его соціальныхъ проявленіяхъ, т.-е. его надо изслѣдовать соціально-научно. Однако самый терминъ „соціальное явленіе“ чрезвычайно многозначенъ: изъ того, что всѣ согласны въ признаніи права соціальнымъ явленіемъ, еще не слѣдуетъ, что всѣ понимаютъ одно и то же, когда говорятъ, что право есть соціальное явленіе. Даже болѣе, можно сказать, что это утвержденіе раздѣляетъ судьбу многихъ ходячихъ истинъ, такъ какъ оно пріобрѣло неясныя и туманныя очертанія; и, можетъ быть, большинство изъ тѣхъ, кто настаиваетъ на немъ, даже не вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ его истинномъ значеніи.

Чаще всего соціальную природу права видятъ въ томъ, что оно можетъ существовать только въ обществѣ, и что общественная жизнь обусловливаетъ всѣ правовыя явленія. Это, несомнѣнно, вѣрно, но не характерно для права. Вѣдь вся наша культура во всѣхъ ея проявленіяхъ тѣсно связана съ общественной жизнью. Даже языкъ не могъ бы существовать безъ общества. То же надо сказать о всѣхъ болѣе или менѣе развитыхъ формахъ хозяйства, которое уже давно переступило границы изолированнаго индивидуальнаго хозяйства; конечно, ни торговля, ни производство для неизвѣстнаго потребителя, ни современные пути сообщенія были бы невозможны безъ общественной жизни. Также точно безъ общества не

могли бы существовать ни литература, ни наука, ни искусство. Однако для всякаго ясно, что право есть соціальное явленіе въ другомъ смыслѣ, чѣмъ всѣ эти проявленія культуры; оно какъ бы болѣе соціально, чѣмъ всѣ они.

Другая формулировка по существу того же взгляда на соціальную природу права заключается въ томъ, что право составляетъ часть общественнаго цѣлаго. Изъ этого совершенно вѣрнаго теоретическаго положенія извлекаютъ однако совершенно невѣрный методологическій выводъ, что право нельзя изучать изолированно, такъ какъ часть зависитъ отъ цѣлаго. На такой постановкѣ научнаго изученія права особенно настаиваетъ Ю. С. Гамбаровъ въ своей статьѣ „Задачи современнаго правовѣдѣнія", переработанной въ его „Курсѣ гражданскаго права". По его мнѣнію, „право и жизнь, жизнь и право — неотдѣлимы другъ отъ друга и стоятъ въ вѣчномъ взаимодѣйствіи" [1]). На этомъ основаніи онъ признаетъ правильнымъ тотъ методъ, „который не изолируетъ права отъ другихъ частей соціальнаго цѣлаго, а разсматриваетъ его въ связи и во взаимодѣйствіи съ ними" [2]). Эти очень заманчивыя предложенія изучать право въ связи съ соціальнымъ цѣлымъ методологически совершенно несостоятельны. Мы всегда изучаемъ только части, и цѣлое недоступно нашему познанію. Прямо противорѣчатъ фактамъ изъ исторіи научнаго развитія утвержденія, что право нельзя отдѣлять отъ соціальной жизни и что правовѣдѣніе нельзя изолировать отъ соціологіи. Вѣдь въ научномъ познаніи право было выдѣлено какъ особая область явленій гораздо раньше, чѣмъ, напримѣръ, хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ правовѣдѣніе издавна разрабатывалось, какъ совершенно особая наука, отдѣльная отъ соціологіи, и это дало очень много весьма цѣнныхъ научныхъ результатовъ. Слѣдовательно, методъ изолированія былъ, несомнѣнно, плодотворенъ въ научномъ отношеніи, а для рѣшенія вопроса о правильности или

---

[1]) *Ю. С. Гамбаровъ*. Задачи современнаго правовѣдѣнія. Ж. М. Ю. 1907, янв. стр. 21. Его же. Курсъ гражданскаго права. Спб. 1911, стр. 22.

[2]) *Ю. С. Гамбаровъ*. Курсъ, стр. 31. Исходя изъ вышеприведеннаго методологическаго принципа, Ю. С. Гамбаровъ приходитъ къ заключенію, что „нельзя изучать и правовѣдѣнія безъ соціологіи, такъ какъ часть зависитъ отъ цѣлаго и не можетъ быть понята изолированно отъ этого цѣлаго и другихъ его частей". Тамъ же, стр. 38. Его же. Задачи, стр. 33.

неправильности того или другого метода единственнымъ критеріемъ является его научная плодотворность. Конечно, можно признавать, что теперь уже недостаточно старыхъ методовъ правовѣдѣнія; можно утверждать, что они не соотвѣтствуютъ вновь назрѣвшимъ потребностямъ научнаго знанія и юридической практики; можно стремиться къ болѣе полному и всестороннему познанію права. Но исходъ изъ этого положенія нельзя искать въ томъ, чтобы слить изслѣдованіе права съ изслѣдованіемъ соціальнаго цѣлаго. Отъ такого пріема не только не можетъ получиться болѣе всестороннее знаніе права, но и вообще никакое новое научное знаніе его. Дѣйствительно, Ю. С. Гамбаровъ не можетъ указать другихъ результатовъ отъ примѣненія рекомендуемыхъ имъ методовъ, кромѣ какъ изслѣдованіе причинъ развитія права, приводящее къ соціологическому изученію права въ вышеуказанномъ смыслѣ. Но юриста интересуетъ въ первую очередь не то, какъ произошло и развилось право, а что оно изъ себя представляетъ, какъ дѣйствующій правопорядокъ; въ частности для него очень важно знать, въ чемъ соціальная природа права и какъ ее изслѣдовать.

Третье рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ заключается соціальная природа права, предложено Р. Штаммлеромъ въ его сочиненіи „Хозяйство и Право“. Оно прямо противоположно первому рѣшенію. По мнѣнію Р. Штаммлера, право есть регулирующая форма совмѣстнаго существованія людей. Только благодаря этой формѣ совмѣстное существованіе людей обращается въ общество и становится предметомъ познанія. При этомъ, смѣшивая логическіе процессы съ реальными и въ частности отожествляя роль права, какъ формы соціальной жизни въ соціальномъ процессѣ, съ ролью Кантовскихъ категорій или формъ познанія въ процессѣ познанія, Р. Штаммлеръ утверждаетъ, что право создаетъ возможность какъ понятія общества, такъ и самаго реальнаго предмета общества. Согласно этому построенію Р. Штаммлера совмѣстное существованіе людей и ихъ хозяйственная дѣятельность, называемыя имъ матеріей общества, взятыя сами по себѣ какъ нѣчто безформенное, не составляющее цѣльнаго научнаго понятія, не могутъ служить предметомъ научнаго познанія. Напротивъ, право, какъ регулирующая форма, можетъ быть и само по себѣ предме-

томъ отдѣльнаго научнаго познанія, такъ какъ оно обладаетъ, такъ сказать, логической законченностью.

Это теоретическое построеніе, сплошь основанное на смѣшеніи логическихъ процессовъ съ реальными, что такъ превосходно показалъ въ своей критической статьѣ о книгѣ Р. Штаммлера Максъ Веберъ [1]), не согласно съ фактами изъ исторіи соціальныхъ наукъ. Отрицаемая Р. Штаммлеромъ возможность изслѣдованія совмѣстной жизни людей и ихъ хозяйственной дѣятельности внѣ правовыхъ формъ въ дѣйствительности всегда осуществлялась. Объ этомъ свидѣтельствуетъ несомнѣнный фактъ существованія политической экономіи, которая всегда стремилась изслѣдовать изолированно хозяйственную дѣятельность людей. Возникновеніе такихъ научныхъ направленій въ политической экономіи, какъ этическое и государственно-правовое, только подтверждаютъ возможность изслѣдовать хозяйственную жизнь изолированно отъ правовыхъ формъ.

Съ другой стороны, если вникнуть въ истинный смыслъ этого теоретическаго построенія, то надо признать, что только по недоразумѣнію можно причислять Штаммлеровскую теорію права къ соціально-научнымъ ученіямъ о правѣ. Въ силу того же недоразумѣнія Ю. С. Гамбаровъ считаетъ возможнымъ ссылаться на ученіе о правѣ Р. Штаммлера въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на право [2]). Въ дѣйствительности, само по себѣ ученіе Р. Штаммлера о правѣ, какъ регулирующей формѣ общественной жизни, которую притомъ можно отдѣлить отъ общественной жизни и изучать изолированно, вполнѣ тожественно съ традиціоннымъ ученіемъ о правѣ, какъ о совокупности извѣстныхъ нормъ, дѣйствующихъ въ общежитіи. Оно не соціально-научно, а формально-юридично, съ тѣми только измѣненіями, которыя внесены Р. Штаммлеромъ, благодаря его ошибочному отожествленію юридическаго формализма съ формализмомъ гносеологическимъ и методологическимъ. Своеобразно, хотя и невѣрно, не ученіе Р. Штаммлера о правѣ, а его ученіе объ обществѣ и хозяйствѣ. Р. Штаммлеръ выдвигаетъ

---

[1]) *Max Weber.* R. Stammlers „Ueberwindung" der materialistischen Geschichtsauffassung. „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd. XXIV. 1907. S. 94 и слѣд.

[2]) *Ю. С. Гамбаровъ.* Курсъ гражданскаго права, стр. 36 и 158.

и отстаиваетъ не соціально-научное ученіе о правѣ, а правовое, или, вѣрнѣе, нормативное ученіе объ обществѣ и хозяйствѣ. Для него закономѣрность соціальной жизни заключается въ оформливаніи ея регулирующими нормами и въ чисто телеологической обусловленности этого оформливанія. Поэтому съ его точки зрѣнія совершенно невозможны соціальныя науки, построенныя на методологическихъ принципахъ естественныхъ наукъ, т.-е. изслѣдующія соціальные процессы, какъ процессы причинно обусловленные и устанавливающіе дѣйствующіе въ нихъ законы въ видѣ причинныхъ соотношеній [1]). Это, впрочемъ, не мѣшаетъ ему съ свойственной ему непослѣдовательностью признавать, что нѣкоторые ряды соціальныхъ явленій состоятъ изъ сцѣпленій причинъ и дѣйствій и должны изслѣдоваться каузально.

Все это заставляетъ насъ признать вышеизложенныя попытки опредѣлить соціальную природу права неудачными. Онѣ не улавливаютъ соціальной стороны правовыхъ явленій. Чтобы подойти къ этой сторонѣ права, надо сперва отвлечься отъ тѣхъ чертъ его, которыя не являются соціальными въ точномъ смыслѣ этого слова. Иными словами, надо прежде всего сознать, что мы до тѣхъ поръ не приблизимся къ пониманію соціальной природы права, пока будемъ разсматривать право, какъ совокупность извѣстныхъ нормъ или правилъ, дѣйствующихъ въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія право всегда останется имѣющимъ отношеніе къ обществу, но не соціальнымъ явленіемъ съ его характерными особенностями. Уже чрезвычайная легкость, съ которой право, какъ норма, можетъ быть отдѣлена отъ соціальной жизни и подвергнута изслѣдованію въ этомъ мысленно изолированномъ отъ соціальныхъ отношеній видѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что съ этой стороны мы не подойдемъ къ праву, какъ къ соціальному явленію.

Но право слагается не изъ тѣхъ нормъ, значеніе которыхъ можно было бы разсматривать безотносительно къ ихъ вліянію на жизнь. Сущность правовыхъ нормъ не въ ихъ внутренней цѣнности, что по преимуществу

---

[1]) См. *Р. Штаммлеръ.* Хозяйство и право. СПб. 1907, т. II, стр. 265 и passim. Ср. *Г. Риккертъ.* Науки о природѣ и науки о культурѣ. Перев. подъ ред. и со вступ. статьей С. О. Гессена. Спб. 1911, стр. 19.

можно утверждать о нормахъ этическихъ и эстетическихъ. Право состоитъ изъ нормъ, постоянно и регулярно осуществляющихся въ жизни, и потому осуществленіе есть основной признакъ права. Іерингъ въ одномъ мѣстѣ своего трактата „Цѣль въ правѣ“ говоритъ, что право есть не простое долженствованіе, но и историческій фактъ. Къ этому можно прибавить, что право есть и соціальный фактъ. Слѣдовательно, кто хочетъ изучать право, какъ соціальное явленіе, тотъ долженъ брать право въ его осуществленіи или въ его воплощеніи въ соціальный фактъ.

Въ отвѣтъ могутъ указать на то, что и традиціонное ученіе о правѣ всегда принимало во вниманіе и осуществленіе права. Рядомъ съ ученіемъ о правѣ въ объективномъ смыслѣ или о правѣ, какъ совокупности нормъ, всегда ставилось и ставится ученіе о правѣ въ субъективномъ смыслѣ, или о правѣ, какъ извѣстномъ отношеніи, какъ совокупности правъ и обязанностей. И не подлежитъ сомнѣнію, что традиціонное ученіе о правѣ, поскольку оно является ученіемъ о субъективномъ правѣ, приближается къ той сторонѣ права, которая дѣлаетъ его соціальнымъ явленіемъ. Но традиціонное ученіе о правѣ разсматриваетъ субъективное право, какъ производное объективнаго права, а это и мѣшаетъ ему подойти къ тѣмъ характернымъ чертамъ правовыхъ явленій, которыя превращаютъ ихъ въ соціальныя явленія.

Напротивъ, при соціально-научномъ изученіи права надо признать осуществленіе права основнымъ моментомъ для познанія его, а соотвѣтственно этому исходить изъ разсмотрѣнія права въ его воплощеніи въ правовыхъ отношеніяхъ. Итакъ надо смотрѣть на то право, которое живетъ въ народѣ и выражается въ его поведеніи, въ его поступкахъ, въ его сдѣлкахъ, а не на то право, которое установлено въ параграфахъ кодексовъ. Въ этомъ измѣненіи самого объекта наблюденія и заключается расширеніе нашего познанія права, котораго попутно достигаютъ въ теоретической области представители новѣйшаго направленія въ юриспруденціи, занятые по преимуществу практическимъ вопросомъ о правотворческой роли судьи. Интересующая насъ здѣсь проблема выясняется въ научно-юридической литературѣ вмѣстѣ съ проповѣдью „соціологическаго метода въ

гражданскомъ правѣ“; „соціологическихъ судебныхъ рѣшеній“ (Soziologische Rechtssprechung), нахожденія права путемъ „взвѣшиванія интересовъ“. Изъ юристовъ, принадлежащихъ къ этому направленію и особенно способствовавшихъ выясненію сущности соціальной природы права, надо назвать изъ нѣмцевъ: О. Бюлова, Эрлиха, Фукса, Штампа, Гекка, Гмелина, особенно Шпигеля и друг., изъ французовъ: Жени, Ламбера, особенно Ла-Грассери и друг.

Однако могутъ указать на то, что изученіе права, существующаго въ жизни, а не записаннаго въ законахъ, только затруднитъ изслѣдователя, но ничего не дастъ новаго въ смыслѣ познанія права. Вѣдь при современной системѣ писаннаго права въ жизни и осуществляется то право, которое изображено въ законахъ. Такова, несомнѣнно, основная предпосылка традиціонной теоріи права. Но наблюденіе показываетъ, что она безусловно невѣрна. Несоотвѣтствіе между писаннымъ правомъ и правомъ осуществляющимся въ жизни обусловлено уже самой природой того и другого. Писанное право состоитъ изъ общихъ, абстрактныхъ, безличныхъ и схематическихъ постановленій; напротивъ, въ жизни все единично, конкретно, индивидуально. Притомъ жизнь такъ богата, многостороння и разнообразна, что она не можетъ цѣликомъ подчиниться контролю закона и органовъ, наблюдающихъ за его исполненіемъ. По этому поводу Эрлихъ правильно замѣчаетъ, что „изъ необозримаго количества жизненныхъ отношеній только немногіе въ видѣ исключеній привлекаютъ къ себѣ вниманіе судовъ и другихъ учрежденій. Вѣдь наша жизнь протекаетъ не передъ учрежденіями. Есть милліоны людей, которые вступаютъ въ безчисленное количество правовыхъ отношеній, и которые настолько счастливы, что никогда не обращаются ни къ одному учрежденію“ [1]). Къ тому же писанное право неподвижно, оно измѣняется только спорадически и для измѣненія его всякій разъ требуется приводить въ движеніе сложный механизмъ законодательной машины. Напротивъ правовая жизнь состоитъ изъ непрерывнаго движенія, въ ней все постоянно измѣняется, одни правовыя отношенія возникаютъ, другія прекращаются и уничтожаются. Такимъ образомъ

[1]) *E. Ehrlich.* Tatsachen des Gewohnheitsrechts. Leipzig. 1907, S. 7.

правовая жизнь можетъ уклониться отъ дѣйствующаго писаннаго права, что однако до извѣстнаго момента нисколько не будетъ вліять на формальную силу писаннаго права. Писанное право или вѣрнѣе учрежденія, которымъ надлежитъ вѣдать его осуществленіе, часто вступаютъ въ борьбу съ правовыми явленіями жизни, отклоняющимися отъ писаннаго права. Пока эта борьба ведется, писанное право сохраняетъ полную силу, оно имѣетъ всѣ шансы побѣдить. Но „какъ только", по словамъ Шпигеля, „писанное право отказывается отъ борьбы и спокойно принимаетъ противозаконіе (Rechtswidrigkeit) и притомъ не какъ единичное, изолированное противозаконіе, а какъ противозаконіе массовое, *тогда* именно обнаруживается, что правовая, норма, которой это касается, больше не дѣйствуетъ" [1]). Поэтому Шпигель приходитъ къ заключенію, что „законъ и дѣйствительное право не необходимо должны покрывать другъ друга и часто и не покрываютъ другъ друга" [2]). Это же положеніе еще раньше высказалъ Зинцгеймеръ въ слѣдующихъ словахъ: „нѣтъ нужды въ томъ, чтобы установленное право совпадало съ правовой дѣйствительностью, и оно въ самомъ дѣлѣ во многихъ отношеніяхъ не совпадаетъ съ нею. Ибо не все дѣйствующее право дѣйственно и не все дѣйственное право выражено въ писанныхъ нормахъ" [3]). Далѣе Зинцгеймеръ приводитъ цѣлый рядъ соображеній и фактовъ, неоспоримо доказывающихъ, что „правовая дѣйствительность имѣетъ самостоятельное значеніе рядомъ съ правовымъ порядкомъ" [4]). Отмѣчаемое здѣсь расхожденіе писаннаго права съ правовой дѣйствительностью вполнѣ понятно, такъ какъ писанное право никогда не можетъ исчерпать всего права, осуществляющагося въ жизни.

Къ догматамъ традиціонной теоріи права относится ученіе о всемогуществѣ закона. Часто думаютъ, что законъ обладаетъ неограниченной властью надъ жизнью, онъ преображаетъ и формируетъ ее согласно со своими

---

[1]) *L. Spiegel.* Jurisprudenz und Sozialwissenschaft. Grünhut's Zeitschrift. Bd. 36 (1909) S. 7.

[2]) Ibid. S. 10.

[3]) *Hugo Sinzheimer.* Die soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft. München. 1909. S. 7.

[4]) Ibid. S. 13.

требованіями. Юристъ-позитивистъ и не имѣетъ права иначе смотрѣть на отношеніе между закономъ и жизнью, такъ какъ съ его точки зрѣнія, каковъ бы ни былъ законъ, т.-е. какъ бы онъ не противорѣчилъ жизни, онъ прежде всего составляетъ часть дѣйствующаго права и долженъ быть примѣняемъ во всей своей полнотѣ [1]). Правда, великая французская революція и дальнѣйшая политическая исторія европейскихъ государствъ свидѣтельствуетъ о массѣ случаевъ, когда и радикально-революціонные, и радикально-реакціонные законы оказывались совершенно безсильными. Съ другой стороны, представители исторической школы въ юриспруденціи отрицали у законодателя и право, и возможность законодательствовать по своему свободному усмотрѣнію. Конечно, этотъ историческій опытъ и соотвѣтственныя ему теоретическія построенія оказываютъ вліяніе на современное законодательство. Но вообще законодателямъ свойственно переоцѣнивать имѣющееся въ ихъ распоряженіи орудіе воздѣйствія на жизнь. Впрочемъ и умѣренность въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ иногда не помогаетъ, такъ какъ часто даже наиболѣе осторожно и осмотрительно формулированные законы не могутъ справиться съ жизнью; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жизненныя отношенія развиваются въ противоположномъ направленіи тому, которое предписывается закономъ. Тогда не жизнь приспособляется къ закону, а наоборотъ, законъ приспособляется къ жизни. Вообще при нашихъ современныхъ соціальныхъ знаніяхъ никогда нельзя знать впередъ, что станется съ закономъ въ его дѣйствіи, т.-е. какой онъ приметъ видъ при своемъ примѣненіи. Поэтому О. Бюловъ совершенно правъ, когда онъ утверждаетъ, что только-что изданный законъ „еще не есть дѣйствующее право. Все, что законодатель въ состояніи создать, это лишь планъ, лишь набросокъ будущаго желательнаго правопорядка“ [2]). Въ свою очередь и тѣ измѣненія, которымъ подвергается законъ при своемъ примѣненіи, имѣютъ не случайный и не произвольный характеръ. Если наука разсматриваетъ, наприм.,

---

[1]) Ср. *Fr. Geny.* Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif. Paris. 1899. p. 356 и сл.

[2]) *O. Bülow.* Gesetz und Richteramt, Leipzig 1885 S. 3.

процессъ образованія цѣнъ, какъ соціально-закономѣрный, то на томъ же основаніи необходимо изслѣдовать съ точки зрѣнія соціальной закономѣрности и процессъ преобразованія положительнаго закона путемъ судейскаго толкованія и примѣненія его. Традиціонный взглядъ на судью, какъ на изолированнаго индивидуума долженъ быть оставленъ. Не надо никогда забывать того, что судья членъ и всего общества, и той или иной соціальной группы, и что, слѣдовательно, вся его дѣятельность подчинена различнымъ общественнымъ вліяніямъ [1]). Соціальную закономѣрность результата этихъ вліяній и требуется опредѣлить при соціально-научномъ изученіи права.

Конечно, всѣ эти явленія не могли оставаться совершенно незамѣченными традиціонной теоріей права. Они въ томъ или иномъ объемѣ разсматривались въ связи съ вопросомъ о роли и значеніи обычнаго права. Но обычное право въ современной правовой теоріи занимаетъ положеніе какого-то пасынка; ему удѣляется лишь чисто декоративное значеніе. Въ дѣйствительности въ обычное право обыкновенно не вѣрятъ; отъ него часто требуютъ, чтобы оно оправдало или легитимировало себя передъ правомъ, установленнымъ въ законѣ. Такъ, напр., придается серьезное значеніе вопросу о томъ, допускаетъ ли, или не допускаетъ та или иная законодательная система обычай въ качествѣ источника права. Далѣе вѣрятъ въ возможность установить границы дѣйствія обычнаго права законодательнымъ путемъ. Наконецъ, иногда отрицаютъ правомѣрность нѣкоторыхъ формъ обычнаго права; существуетъ, напримѣръ, цѣлая группа теоретиковъ, утверждающихъ, что обычай не можетъ дерогировать или отмѣнять законодательныя постановленія. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что традиціонная теорія права вліяетъ на психику большинства теоретиковъ права и создаетъ одностороннее устремленіе ихъ вниманія на право, какъ совокупность нормъ, и въ частности исключительный интересъ къ праву, выраженному въ законахъ. Въ силу этого они видятъ право, осуществляющееся въ жизни, не такимъ, какимъ оно является въ дѣйствительности, а такимъ,

---

[1]) *L. Spiegel.* Jurisprudenz und Sozialwissenschaft, ibid. S. 27.

какимъ оно имъ кажется съ точки зрѣнія дѣйствующихъ правовыхъ нормъ. Только новѣйшія теоріи судейскаго толкованія и примѣненія законовъ разрушили эти иллюзіи относительно характера права, осуществляющагося въ жизни.

Съ соціально-научной точки зрѣнія весь вопросъ о возникновеніи, измѣненіи и уничтоженіи права представится совершенно въ другомъ свѣтѣ. Теперь изъ того положенія, что при современномъ правовомъ строѣ право должно возникать, измѣняться и уничтожаться только предусмотрѣнными самимъ правомъ путями обыкновенно дѣлаютъ выводъ, что это дѣйствительно и такъ. Но болѣе тщательное наблюденіе надъ правомъ, осуществляющимся въ жизни, несомнѣнно, покажетъ, что есть много путей для возникновенія новаго права и измѣненія или уничтоженія права стараго. Вообще процессъ правообразованія по крайней мѣрѣ на первыхъ стадіяхъ своихъ— чисто соціальный процессъ.

Итакъ масса обстоятельствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что правопорядокъ, существующій въ жизни, обыкновенно не тожественъ правопорядку, выраженному въ правовыхъ нормахъ. Это и заставляетъ Шпигеля притти къ заключенію, что „какъ бы ни было удобно отожествлять законъ и право, мы не можемъ болѣе закрывать глаза передъ фактами. Требованіе отдѣлять одно отъ другого есть ничто иное, какъ постулатъ научной честности“ [1]). Отсюда и возникаетъ необходимость изучать правовой порядокъ, существующій въ жизни, какъ нѣчто самостоятельное; это и приведетъ къ соціально-научному изслѣдованію права или къ изслѣдованію права, какъ соціальнаго явленія. Въ новѣйшей юридической литературѣ обыкновенно говорятъ въ этихъ случаяхъ о примѣненіи соціологическаго метода къ изслѣдованію права. Что задачи соціологическаго метода опредѣляются именно въ вышеуказанномъ смыслѣ, это видно изъ слѣдующихъ словъ Зинцгеймера: „мы называемъ этотъ методъ соціологическимъ потому, что онъ для того, чтобы охватить правовую дѣйствительность, долженъ исходить не изъ правовыхъ положеній, а только изъ самихъ общественныхъ условій жизни“. И далѣе онъ говоритъ: „своеобра-

[1]) Ibid. S. 19, Anm.

зіе задачи, которая поставлена соціологическому методу въ наукѣ гражданскаго права, заключается въ выдвиганіи правовой точки зрѣнія при разсмотрѣніи общественныхъ жизненныхъ отношеній, или въ обработкѣ общественныхъ формъ, какъ правовыхъ формъ“ [1]).

Все это заставляетъ насъ притти къ заключенію, что есть цѣлая область явленій и фактовъ, которые должны послужить самостоятельнымъ предметомъ соціально-научнаго изслѣдованія права. Громадный интересъ такого изслѣдованія въ теоретическомъ отношеніи не можетъ подлежать сомнѣнію. Но и въ практическомъ отношеніи такое изслѣдованіе чрезвычайно важно. Только оно дастъ возможность законодателю работать не въ слѣпую, не наугадъ, какъ это бываетъ по большей части теперь, а вполнѣ ясно отдавая себѣ отчетъ о томъ, какъ долженъ быть изданъ тотъ или другой законъ для того, чтобы онъ оказалъ желаемое воздѣйствіе на жизнь. Судьѣ и администратору оно поможетъ устанавливать рѣшенія, согласныя съ потребностями жизни и способствующія развитію здоровыхъ соціальныхъ отношеній. Что судьѣ и администратору приходится выбирать между различными рѣшеніями, это хорошо извѣстно, такъ какъ законы допускаютъ много различныхъ толкованій. Особенно это важно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣйствующихъ законахъ встрѣчаются пробѣлы, неясность или противорѣчіе.

До сихъ поръ мы выясняли по существу вопросъ о томъ, въ чемъ должно заключаться соціально-научное изслѣдованіе права. Теперь представляло бы интересъ, остановиться и на томъ, не высказывались ли вышеизложенныя идеи и раньше. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ не о пріоритетѣ, такъ какъ, строго говоря, пріоритетъ принадлежитъ не тому, кто первый высказалъ ту или иную идею, а тому, кто сумѣлъ ее сдѣлать плодотворной. Но указаніе на то, что тѣ или иныя идеи уже высказывались, часто показываетъ, что они логически необходимо вытекаютъ изъ извѣстной постановки вопроса, а это въ свою очередь служитъ лишнимъ доказательствомъ правильности этихъ идей. Въ данномъ случаѣ надо признать чрезвычайно цѣннымъ то обстоятельство, что вышеизло-

[1]) Hugo Sinzheimer, ibid. S. 14—15.

женная постановка соціально-научнаго изслѣдованіа права отстаивалась уже С. А. Муромцевымъ.

Когда характеризуютъ соціологическую теорію права С. А. Муромцева, то обыкновенно останавливаются на томъ, что С. А. Муромцевъ противопоставлялъ догмѣ права соціологическое ученіе о правѣ, которое должно устанавливать законы возникновенія и развитія права. Только такое ученіе онъ признавалъ научнымъ, между тѣмъ какъ догмѣ права онъ придавалъ значеніе лишь прикладного знанія и причислялъ ее къ искусствамъ. Такъ какъ затѣмъ по своимъ философскимъ воззрѣніямъ С. А. Муромцевъ былъ позитивистъ и въ частности по своимъ методологическимъ взглядамъ примыкалъ къ Дж. Ст. Миллю и Бену, т.-е. былъ строгимъ методологическимъ монистомъ, то обыкновенно и считается, что соціологическимъ ученіемъ о правѣ въ вышеуказанномъ смыслѣ и исчерпывается вся сущность его соціологическаго ученія о правѣ [1]). Но если отвлечься отъ философскаго міровоззрѣнія С. А. Муромцева и принять во вниманіе, что можно въ теоріи придерживаться однихъ методологическихъ принциповъ, а на практикѣ подъ вліяніемъ здороваго научнаго инстинкта слѣдовать совсѣмъ другимъ методамъ изслѣдованія, то соціологическая теорія С. А. Муромцева окажется гораздо болѣе многосторонней и содержательной. Въ своемъ основномъ теоретическомъ сочиненіи „Опредѣленіе и основное раздѣленіе права“ С. А. Муромцевъ не столько стремится установить соціальные законы развитія права, сколько пытается дать соціально научное ученіе о правѣ въ вышеизложенномъ смыслѣ. Онъ самъ опредѣляетъ характеръ своего изслѣдованія въ слѣдующихъ словахъ: „Главная особенность опредѣленій, которыя должны быть предложены въ первомъ отдѣлѣ этого труда, состоитъ въ томъ, что вмѣсто совокупности юридическихъ нормъ подъ правомъ разумѣется совокупность юридическихъ отношеній (правовой порядокъ). Нормы же представляются, какъ нѣкоторый аттрибутъ порядка“ [2]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи С. А. Муромцевъ стремится устано-

---

[1]) Совершенно невѣрную оцѣнку научнаго дѣла С. А. Муромцева дастъ *Н. М. Коркуновъ*. Исторія философіи права. Изд. 5. С.-Пб. 1908, стр. 443—446.

[2]) *С. А. Муромцевъ*. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва 1879, стр. 47.

вить и точно выяснить, что представляетъ изъ себя право, воплощенное въ соціальныхъ отношеніяхъ. Въ заключеніе, сопоставляя свою соціально-научную теорію права съ общепринятой, онъ указываетъ, что примѣненная имъ точка зрѣнія требуетъ между прочимъ изученія субъективнаго права въ первую очередь, т.-е. раньше права объективнаго[1]). Но признать первенство субъективнаго права надъ объективнымъ, хотя бы въ чисто методологическомъ порядкѣ ихъ изученія, это и значитъ выдвинуть задачу объ изученіи права, какъ соціальнаго явленія. Такимъ образомъ мы здѣсь имѣемъ попытку изслѣдовать дѣйствующее или осуществляющееся право само по себѣ, т.-е. дать соціально-научное ученіе о правѣ въ подлинномъ смыслѣ.

Для выясненія сущности соціально-научнаго изученія права намъ пришлось все время противопоставлять его традиціонному или догматическому изученію права. Это можетъ подать поводъ думать, что соціально-научное изученіе права исключаетъ догматическое. Такое пониманіе было бы крайне ошибочно. Соціально-научное изученіе права не исключаетъ догматическое изученіе, а дополняетъ его. Юристъ въ первую очередь долженъ изучать дѣйствующее право, какъ систему нормъ. Иными словами, юристъ прежде всего долженъ знать законы и умѣть обращаться съ ними. Но для того, чтобы стоять на высотѣ современнаго уровня знанія, юристъ не только не долженъ забывать жизни, какъ говорили въ старину, а и научно изучать „правовую жизнь“ въ вышеуказанномъ направленіи. Юристу-практику это необходимо и для наиболѣе справедливаго примѣненія дѣйствующаго права.

Итакъ изученіе права, какъ соціальнаго явленія, нужно не только для осуществленія теоретической цѣли— достичь наиболѣе полнаго знанія права. Оно является насущной потребностью для того, чтобы право не расходилось съ справедливостью, и чтобы само право было справедливымъ. Коротко говоря, оно приводитъ къ господству справедливости въ правовой жизни.

Б. А. Кистяковскій.

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.

Семейная собственность у крестьянъ *).

Законъ 14 іюня 1910 г. „Объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи“ долженъ, какъ извѣстно, насадить у насъ „сильнаго“ и „свободнаго“ единоличнаго собственника, который вывезетъ наше отечество на путь прогресса и процвѣтанія.

Усиленная культивировка единоличной собственности могла осуществиться только путемъ ускоренія ликвидаціи общиннаго пользованія и семейной собственности—двухъ основныхъ институтовъ нашего крестьянскаго строя.

Имъ обоимъ — въ равной мѣрѣ — было предъявлено обвиненіе въ томъ, что они являются той трясиной, гдѣ вязнетъ и глохнетъ энергія лучшихъ изъ крестьянъ. Но обошлись съ ними далеко не одинаково.

Какъ бы ни относиться къ закону 14 іюня, нельзя не признать, что, объявляя общинное пользованіе вреднымъ и отсталымъ, законодатель нашъ все же считался съ тѣмъ, что эта форма землевладѣнія въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи пустила глубокіе корни въ быту и правосознаніи крестьянъ. Нельзя также отрицать того, что, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ ликвидацію общины предполагалось ускорить и облегчить безъ обогащенія укрѣпленца или отрубника за счетъ остальныхъ общинниковъ [1]).

Совсѣмъ иначе поступили съ семейной собственностью. Всѣ подворные участки, всѣ усадебные участки, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ ст. 48, признаны

---

*) При разработкѣ этой статьи мнѣ неоднократно приходилось пользоваться авторитетными совѣтами и указаніями проф. А. Э. Вормса. Считаю пріятнымъ долгомъ принести ему здѣсь свою глубокую благодарность.

[1]) Общее правило зак. 14 іюня: — укрѣпляется за домохозяиномъ столько земли, сколько было въ его пользованіи (ст. 11), и выдѣляется участокъ „соотвѣтственный“ прежнимъ полосамъ (ст. 32).

личной собственностью домохозяина (см. ст. 47). Такое же право домохозяинъ во всякое время можетъ пріобрѣсти и на землю общиннаго пользованія, укрѣпивъ ее за собой.

Для того, кто признавалъ существованіе у насъ семейной собственности, ясно, что отчасти уже произошла, а отчасти можетъ во всякое время по усмотрѣнію домохозяина произойти безвозмездная экспропріація младшихъ членовъ крестьянской семьи.

Чтобы избавиться отъ столь непріятнаго и неудобнаго вывода, земельная комиссія Государственной Думы при разсмотрѣніи закона 14 іюня просто рѣшила отрицать существованіе института семейной собственности: „...большинство комиссіи", читаемъ мы въ заключеніи ея, представленномъ Гос. Думѣ, „усмотрѣло... что та семейная собственность, которая проводилась цѣлымъ рядомъ сенатскихъ рѣшеній, была продуктомъ извѣстнаго рода политики этого учрежденія, но не основывалась на точныхъ указаніяхъ коренныхъ узаконеній 1861 года. Семейная собственность, какъ таковая, представляется большинству комиссіи понятіемъ совершенно неопредѣленнымъ, совершенно непонятнымъ,—институтомъ, не могущимъ въ дѣйствительности существовать" [1]).

Правда, представитель правительства (т. сов. Лыкошинъ) старался нѣсколько смягчить аргументацію переусердствовавшаго думскаго большинства:—„нельзя согласиться съ тѣми соображеніями",—говорилъ т. сов. Лыкошинъ, — „въ которыхъ эта теорія называлась совершенно придуманной, совершенно сочиненной"; „нельзя также сказать, что законъ не даетъ никакой почвы для семейной собственности" и т. д. [2]). Но въ общемъ все же и правительство полагало, что наши законы, въ особенности въ отношеніи подворныхъ участковъ, скорѣе говорятъ о единоличной собственности домохозяина...

Такимъ образомъ, мы стоимъ не только передъ отрицаніемъ цѣлесообразности института семейной собственности, но и передъ утвержденіемъ, что Положенія 1861 года не признавали этотъ институтъ.

---

[1]) См. Ю. В. Александровскаго: „Законъ 14 іюня 1910 г." (законодательные мотивы, разъясненія правительства и т. д.)—стр. 115.

[2]) См. Александровскаго, стр. 126.

И это послѣ того, какъ наша довольно многочисленная литература, за немногими исключеніями, и устойчивая практика Сената рѣшительно высказались въ противоположномъ смыслѣ.

Отчасти, однако, такой результатъ объясняется тѣмъ, что въ отношеніи толкованія дѣйствующихъ законовъ аргументація защитниковъ семейной собственности заключалась до сихъ поръ въ „забрасываніи“, какъ выразился т. сов. Лыкошинъ въ Думѣ, „другъ друга статьями“ или скорѣе терминологіей статей, которая дѣйствительно чрезвычайно неустойчива. Между тѣмъ въ нашемъ распоряженіи огромный матеріалъ въ видѣ предварительныхъ работъ Редакціонныхъ комиссій, Высочайшихъ рескриптовъ, отношеній министровъ и т. д., которые могутъ дать совершенно опредѣленныя указанія относительно намѣреній и желаній законодателя 1861 года.

Это, какъ намъ кажется, вполнѣ оправдываетъ возвращеніе къ вопросу о толкованіи Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, тѣмъ болѣе, что, помимо историческаго интереса и потребности отвѣтить на обвиненія въ вымыслѣ, возведенныя на нашъ Сенатъ и литературу Гос. Думой, вопросъ о семейной собственности сохраняетъ и понынѣ практическій интересъ въ отношеніи надѣльныхъ земель, состоящихъ въ общинномъ пользованіи и еще не укрѣпленныхъ домохозяевами (а такихъ сейчасъ все-таки большинство).

Эти земли, конечно, во всякое время могутъ быть укрѣплены въ личную собственность домохозяевъ, но до этого право пользованія ими принадлежитъ семьѣ. Не слѣдуетъ также забывать, что законъ 14 іюня, помимо земли, совершенно не касается остального имущества крестьянъ.

Но какъ бы ни разрѣшался вопросъ о толкованіи Положенія о крестьянахъ, для всѣхъ, кто соприкасается съ такъ-называемой крестьянской практикой, совершенно ясно, что ударъ, направленный закономъ 14 іюня противъ „семейной собственности“, пришелся по живому организму. Многочисленныя семейныя тяжбы, которыми теперь буквально завалены крестьянскія судебныя учрежденія, лучшее тому доказательство.

Новое распредѣленіе правъ въ предѣлахъ данной семьи чрезвычайно быстро усваивается и используется

тѣми членами ея, въ пользу которыхъ произошло измѣненіе. При этомъ невольно вспоминаешь то „природное чувство родительской любви“, которое, по мнѣнію нашего законодателя, „въ громадномъ большинствѣ случаевъ“ должно достаточно обезпечить интересы младшихъ членовъ семьи [1]).

При такомъ положеніи возникаетъ для юриста-теоретика чрезвычайно важный вопросъ—нельзя ли даже въ предѣлахъ дѣйствующаго закона указать основанія для защиты, хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, интересовъ пасынковъ закона 14 іюня — младшихъ членовъ крестьянской семьи.

Для того, чтобы отвѣтить на такой вопросъ, представляется необходимымъ предварительно еще разъ пересмотрѣть теорію и догму семейной собственности и въ связи съ ней весьма поучительную исторію этого института на западѣ, ибо мы полагаемъ, что въ пылу политической борьбы нашъ законодатель не успѣлъ уяснить себѣ истинную юридическую природу семейной собственности и, насколько можно судить по предварительнымъ работамъ и законодательнымъ мотивамъ, составилъ себѣ представленіе о ней, совершенно не соотвѣтствующее дѣйствительности, и потому не примѣнимое при оцѣнкѣ и толкованіи относящихся сюда нормъ закона 14 іюня и необязательное для нашей практики.

Въ результатѣ намѣчается такой порядокъ нашего изслѣдованія. Мы начнемъ съ выясненія отношенія „къ семейной собственности“ положеній 19 февраля 1861 года. Затѣмъ обратимся къ исторіи этого института на западѣ и въ связи съ этимъ постараемся опредѣлить его юридическую конструкцію. Наконецъ, опираясь на добытые теоретическіе выводы, мы обратимся къ оцѣнкѣ нашего дѣйствующаго закона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постараемся указать тѣ юридическія основанія, которыми нынѣ опредѣляются имущественныя права и взаимоотношенія членовъ крестьянской семьи.

---

[1]) См. Александровскій, стр. 47.

ГЛАВА I.

Семейная собственность въ Положеніяхъ 1861 г.

Не лишнее будетъ напомнить тѣмъ, кто столь рѣшительно обвиняли нашъ сенатъ въ „изобрѣтеніи“ семейной собственности, что не только крестьянскому, но и остальнымъ сословіямъ до самаго конца 18-го столѣтія этотъ институтъ былъ далеко не чуждъ.

По свидѣтельству Владимирскаго-Буданова, полная имущественная раздѣльность родителей и дѣтей установилась въ нашемъ законодательствѣ со временъ Петра Великаго. Несмотря на это, правительству въ теченіе всего столѣтія на разные лады приходилось повторять, что по долгамъ дѣтей нельзя обращать взысканіе на имущество родителей [1]).

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что въ стт. 184, 193 X т. ч. 1, совершенно непонятныхъ съ точки зрѣнія современной индивидуалистической собственности, тоже явно „пошаливаетъ“ идея семейной собственности [2])...

Обращаясь теперь къ Реформѣ 1861 г., мы находимъ чрезвычайно цѣнныя указанія на взгляды законодателя относительно семейной собственности въ дополнительныхъ отношеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго къ Высочайшимъ рескриптамъ губернаторамъ.

Эти рескрипты, начиная съ историческаго на имя виленск., гродненск. и ковенск. генералъ-губернатора Назимова, какъ извѣстно, являлись отвѣтомъ на всеподданнѣйшія заявленія дворянъ губерній о готовности ихъ приступить къ освобожденію крестьянъ, и содержали основныя положенія, которыя должны быть лечь въ основу предстоявшей реформы [3]).

---

[1]) См. Указы Правительства 1730 г. (Полн. Собр. зак. 5658), 1761 г. (тамъ же 11272), 1766 г. (тамъ же 12593), 1788 г. (тамъ же 16717), приведенные у Владимирскаго Буданова въ „Обзорѣ Исторіи Русскаго Права“. Изд. 6-е стр. 464.

[2]) Ст. 184: „По заемнымъ письмамъ и вообще всякимъ долговымъ обязательствамъ не отдѣленныхъ дѣтей родители не отвѣтствуютъ.

[*]) Ст. 193: „Родители не имѣютъ права на отдѣленное или частное имущество своихъ дѣтей и не могутъ распоряжаться онымъ“.

[3]) См. у Скребицкаго. „Крестьянское Дѣло въ царствованіе Императора Александра II“. 4 тома, 1862 года, см. введеніе т. I, стр. V и д.

И вотъ, въ дополнительныхъ отношеніяхъ къ нимъ министра внутр. дѣлъ Ланского—въ общемъ однообразныхъ—мы читаемъ.

„Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ рескриптѣ... Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ—сообщить Вашему Превосходительству мои соображенія, могущія служить пособіемъ губернскому комитету при его занятіяхъ.

Въ исполненіе такой Высочайшей воли... я съ своей стороны нахожу, что вновь учрежденнымъ въ губерніяхъ, для составленія проектовъ положенія объ освобожденіи крѣпостного сословія, комитетамъ необходимо при исполненіи этой работы имѣть въ виду, сообразить и разсмотрѣть..... слѣдующія правила и предположенія..... II..... 2..... право собственности на усадьбу пріобрѣтается или цѣлымъ міромъ или *крестьянскими семействами отдѣльно* .....9... слѣдуетъ сохранить *каждому семейству* право на надѣлъ въ его пользованіе землею".

И затѣмъ въ отношеніе на имя Петербургскаго губернатора, напр. въ п. 10,.. сказано: „Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сохранить и опредѣлить: *права главы семьи крестьянской*, права наслѣдства относительно усадебъ и тягловыхъ участковъ и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семей."

Въ такомъ же отношеніи Кіевск.-Волынск.-Подольскому генералъ-губенатору говорилось:..... п. 12... Необходимо, принявъ въ соображенія мѣстныя постановленія и обычаи, *опредѣлить взаимныя права и обязанности членовъ крестьянскаго семейства...*"

Приведенные пункты по нашему мнѣнію, ясно доказываютъ, что терминъ „собственность крестьянскаго семейства" не является въ глазахъ законодателя 61 г. только описательнымъ выраженіемъ, потому что въ противномъ случаѣ нечего было говорить о необходимости урегулировать имущественныя отношенія внутри семьи.

Можетъ показаться страннымъ, что столь опредѣленная позиція, занятая правительствомъ въ вопросѣ о необходимости сохранить, считавшійся тогда совершенно самобытнымъ, институтъ семейной собственности почти не подвергалась принципіальному обсужденію, какъ въ губернскихъ комитетахъ, такъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Мы вѣдь знаемъ, что славянофильство и за-

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

падничество имѣло въ комиссіяхъ яркихъ представителей, и что не одно копье было сломано ими въ борьбѣ за и противъ индивидуализма, напр., при обсужденіи нормировки общины. [1])

Это обстоятельство объясняется вполнѣ той программой, которая согласно повелѣнію Государя была разсмотрена и утверждена Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу, и 2 апр. 1858 г. преподана губернскимъ комитетамъ къ неукоснительному руководству при ихъ занятіяхъ. [2]).

Согласно этой программѣ занятія губ. комитетовъ предполагалось разбить на три періода.—Въ первомъ періодѣ комитеты должны были заняться „изысканіемъ способовъ къ улучшенію быта крестьянъ“ и,,начертаніемъ общаго объ этомъ положенія“. При этомъ прилагалась подробная „форма проекта положенія“, гдѣ излагались вопросы, подлежавшіе регламентаціи въ этомъ періодѣ.

Во второмъ періодѣ предполагалось „дѣйствительное исполненіе Положенія, комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія“. И только въ третьемъ періодѣ слѣдовало приступить къ „Начертанію сельскаго устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта“, при чемъ правила поясняли, „что для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначатся *практическимъ дѣйствіемъ новаго Положенія*“.

Отсюда уже совершенно ясно, что нормировку частноправовыхъ отношеній въ крестьянской средѣ и, слѣдовательно, и внутри—семейныхъ отношеній, предполагалось произвести въ особомъ уставѣ *уже послѣ освобожденія крестьянъ и изданія положеній.* Какъ извѣстно, губернскіе комитеты до третьяго и даже второго періода не дожили.

Въ результатѣ въ основаніи единственнаго (!) періода работъ губернскихъ комитетовъ оказалась программа—въ видѣ „формы проекта положеній“—въ своихъ заголов-

---

[1]) Черезвычайно интересныя свѣдѣнія о преніяхъ, производившихъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ приведены въ трудѣ Н. П. Семенова„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. С.-Петербургъ 1889 г. 3. т.

[2]) См. Скребницкій Т. 1 стр. XXIV. и. д.

кахъ касавшаяся только порядка освобожденія крестьянъ, надѣленія ихъ землей, нормировки выкупа и т. д., и завѣдомо исключавшая вопросы, относящіеся до частно-правовыхъ отношеній крестьянъ.[1])

Что касается редакціонныхъ комиссій то они, при обсужденіи порядка предстоявшихъ работъ по составленію проекта положенія постановили, что въ окончательной редакціи положенія не слѣдуетъ безъ особой надобности отступать отъ оглавленія статей программы, данной губернскимъ комитетомъ. [2]).

Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, эта программа тоже не мѣнялась.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ чрезвычайно важному для оцѣнки нормъ Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, выводу: *Положенія эти по мысли законодателя, совершенно не призваны опредѣлять „подробности крестьянскаго быта" и слѣдовательно, дать конструкціи семьи, какъ субъекта частныхъ правъ. Это въ принципѣ предполагалось сдѣлать въ сельскомъ уставѣ, къ составленію котораго думали приступить по освобожденіи крестьянъ.*

Однако, такой выводъ не позволяетъ признать, чтобы Положенія о крестьянахъ совершенно не могли дать указаній, какъ законодатель нашъ отнесся къ институту семейной собственности, во-первыхъ, потому, что, редакціонныя комиссія отказывались иногда отъ чрезмѣрной послѣдовательности и высказывали свое мнѣніе и по вопросамъ, касавшимся до частно-правовыхъ отношеній въ крестьянской средѣ, а во-вторыхъ, потому, что правовая нормировка освобожденія крестьянъ, опредѣленіе

---

[1]) Приводимъ списокъ основныхъ вопросовъ „формы проекта положенія":
„I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные. II. Сущность срочно-обязательнаго положенія. III. Поземельныя права помѣщиковъ. IV. Усадебное устройство крестьянъ. V. Надѣлъ крестьянъ землей. VI. Повинности крестьянъ. VII Устройство дворовыхъ людей. VII. Образованіе сельскихъ обществъ. IX, Права и отношенія помѣщиковъ. X. Порядокъ и способы исполненія".

При чемъ глава 1-ая „о переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанное" должна была содержать:

„Прекращеніе личнаго крѣпостного права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ. Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по преимуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе этихъ правъ по своду законовъ. Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ срочно-обязанными. (См. Скребицкій т. I, стр. XXVIII).

[2]) См. Скребицкій т. I. стр. LXIX См. то же. Н. П. Семеновъ. Т. I, стр. 78.

правъ на землю, повинностей и т. д. не могла обойтись безъ указанія тѣхъ субъектовъ, за которыми укрѣплялись эти права и обязанности.

Такимъ образомъ разрѣшеніе спора—семейная или единоличная собственность—зависитъ въ данномъ случаѣ отъ того, кого Положенія назвали субъектомъ правъ на усадьбы и др. угодія. При такихъ условіяхъ рѣшающая роль принадлежала бы точной и послѣдовательной терминалогіи. Къ сожалѣнію, этимъ менѣе всего могутъ похвалиться наши положенія о крестьянахъ: „семейство“ „крестьянскій дворъ“, „крестьянинъ“: „крестьяне“ „крестьянинъ-собственникъ“, „домохозяинъ“ совершенно безнадежно скачутъ и пляшутъ передъ глазами читателя.

Конечно, мы знаемъ въ какихъ условіяхъ протекала работа редакціонныхъ комиссій: съ изданіемъ Положеній торопились черезвычайно; между тѣмъ масса времени уходила на споры между защитниками интересовъ помѣщиковъ и интересовъ крестьянъ, и даже при окончательной редакціи, когда во главѣ комиссій оказался убѣжденный крѣпостникъ графъ Панинъ, вниманіе сторонъ было главнымъ образомъ направлено на то, чтобы не дать противнику ловкой формулировкой или поправкой выхватить въ свою пользу лишняго куска. [1])

Какъ никакъ, но неустойчивая терминологія дала возможность сторонникамъ и противникамъ семейной собственности въ наше время до извѣстной степени вполнѣ добросовѣстно ссылаться на статьи положеній въ подтвержденіе своихъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ.

Мы говоримъ „до извѣстной степени добросовѣстно“ потому что думаемъ, что даже на почвѣ аргументаціи „отъ терминологіи“ Положеній въ пользу семейной собственности рѣшительный перевѣсъ. Не вдаваясь въ исчерпывающее перечисленіе и разборъ, обратимся, напр. къ ст. 19 общ. Пол. и 116 пол. о Вык., на которыя ссылается земельная комиссія госуд. Думы, какъ на ясное доказательство того, „что семейная собственность не есть одно изъ основныхъ началъ положенія

---

[1]) Судя по описаніямъ Н. П. Семенова въ 3 томѣ назв. соч.—эта борьба въ комиссіяхъ достигала подчасъ глубокаго драматизма.

1861 г.“ [1]). Оказывается, что ст. 19 гораздо болѣепоздняго происхожденія: она введена закономъ 14 дек. 1893 г. и, слѣдовательно, для характеристики положеній 1861 г. ею пользоваться нельзя. Правда, ст. 116 дѣйствительно говоритъ о томъ, что участки, пріобрѣтенные отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго. Но изъ сопоставленія съ сосѣдними статьями совершенно ясно, что въ ст. 116 логическое удареніе не на опредѣленіи субъекта, а на опредѣленіи природы пріобрѣтаемаго права Между тѣмъ мы имѣемъ такія ст. ст. какъ 15,66,101,148 мѣстн. пол. и друг., цѣль коихъ прямо указать субъекта, которому предоставляется право на землю, и гдѣ вниманіе редакторовъ безусловно должно было сосредоточиться на терминѣ, обозначающемъ субъекта. Въ такихъ статьяхъ послѣдовательно и неизмѣнно говорится о семьѣ.

Статьи эти именно въ виду ихъ характера и въ связи съ категорическимъ указаніемъ мин. внутр. дѣлъ Ланского, о которомъ мы говорили выше, о предоставленіи правъ на землю—или крестьянскимъ обществамъ, или семействамъ, представляются намъ безусловно рѣшающими по данному вопросу.

Всякій, кто знакомъ съ трудами редакціонныхъ комиссій, кто прослѣдилъ, напр., споры о введеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подворнаго владѣнія [2]), признаетъ, что такой выводъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ воззрѣніямъ.

Здѣсь мы ограничимся приведеніемъ только двухъ эпизодовъ изъ занятій комиссій, которые, какъ намъ кажется, безспорно подтвердятъ наше мнѣніе.

Въ первоначальной редакціи ст. 145 Пол. о Кр. Влад. (цитирую по изд. 1861 г.) былъ такой абзацъ: „отдѣльныя лица, выходящія изъ общества, пользуются правомъ продажи на свозъ только тѣхъ строеній, которыя принадлежали имъ *въ личную, а не въ семейную собственность*“. Противоставленіе обоихъ понятій, между прочимъ, прекрасно показываетъ, что редакціонныя комиссіи при внимательномъ отношеніи рѣшительно ихъ различали.

При окончательномъ обсужденіи этого абзаца По-

---

[1]) См. Александровскій стр. 114.
[2]) См. у Скребицкаго во II томѣ I ч. passim.

зенъ—извѣстный защитникъ интересовъ помѣщиковъ черноземной полосы—высказалъ, „что пока семейство живетъ вмѣстѣ, *у него все общее*, и представляемое право поведетъ неминуемо къ спорамъ и раздорамъ“. Редакціонныя комиссіи согласились съ этимъ и постановили абзацъ выпустить [1]).

Здѣсь не важно постановленіе по существу; важно то, что аргументъ о безусловной общности имущества у нераздѣленной крестьянской семьи приводится и принимается какъ совершенно безспорное и всѣмъ извѣстное положеніе.

Второй эпизодъ такой: Во второмъ періодѣ занятій редакціонныя комиссіи слушали дополнительный докладъ юридическаго отдѣленія № 4 относительно предположенія большинства Тульскаго губ. комитета о постановленіи *правилъ касательно главы крестьянскаго семейства и раздѣловъ семьи*.

Дѣло въ томъ, что Тульскій губ. комитетъ, уклоняясь отъ предначертанной программы, представилъ въ проектѣ Положеній весьма обстоятельную нормировку частно-правовыхъ отношеній крестьянъ. Выдержки изъ этого весьма цѣннаго проекта приведены въ I главѣ VII тома, перваго изданія Матеріаловъ Редакціонныхъ Комиссій. Тамъ предполагалось, между прочимъ, точно опредѣлить составъ семьи (§ 187), кто является ея главой (§ 188), его власть надъ младшими членами семьи (§ 190), когда и на какомъ основаніи послѣдніе могутъ жаловаться на дѣйствія главы (§ 189)—опредѣлить—права жены до и послѣ смерти мужа на приданое и на семейное имущество (§§ 195, 196, 197). Наконецъ, указывалось, что вопросъ о наслѣдованіи дѣтей послѣ отцовъ можетъ возникнуть только тогда, „когда отцы... имѣютъ свою отдѣльную собственность, *не составляющую общее и нераздѣльное* имущество *крестьянскаго* семейства“ (§ 199) и т. д.

Не входя въ обсужденіе самого проекта, редакціонныя комиссіи утвердили слѣдующее постановленіе юридическаго отдѣленія:

„Что касается до предложенія Тульскаго комитета о постановленіи правилъ *о главѣ крестьянскаго семейства*

---

[1]) См. Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 1002.

и порядкъ семейныхъ раздѣловъ, то *юридическій отдѣлъ признаетъ необходимымъ представить крестьянамъ руководствоваться въ семъ отношеніи существующими мѣстными обычаями*. Законоположенія къ сему предмету имѣли бы послѣдствіемъ безполезное стѣсненіе крестьянъ, и въ большей части случаевъ остались бы безъ исполненія" [1]).

Не ясно ли, что редакціонныя комиссіи, расходясь съ тульскимъ комитетомъ относительно возможности законодательной нормировки, не менѣе твердо, чѣмъ послѣдній стояли на точкѣ зрѣнія не личной, а семейной собственности, ибо зачѣмъ въ противномъ случаѣ стали бы вообще говорить о нормировкѣ внутри семейныхъ имущественныхъ отношеній, о раздѣлахъ и т. д.[2]).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы можемъ теперь категорически утверждать, что правительство, редакціонныя комиссіи и нѣкоторые губернскіе комитеты одинаково опредѣленно и сознательно стояли на точкѣ зрѣнія семейной собственности, и что идея семейной собственности принята и легла въ основу Положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости 1861 г., посколько вообще согласно плану работъ и заранѣе установленнымъ программамъ они могли касаться этого вопроса.

Занимая столь опредѣленную позицію въ вопросѣ о семейной собственности авторы Положеній только санкціонировали то, что было въ дѣйствительности. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ свѣдѣнія, собранныя министерствомъ госуд. имущ. еще въ 1848 и 1849 г.г., объ обычаяхъ наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ [3]).

Съ другой стороны, изданіе въ 1886 г. закона о семейныхъ раздѣлахъ, безусловно предполагающаго семейную собственность, лучше всего доказываетъ, что призна-

---

[1]) См. Семеновъ. Томъ II, стр. 221, и Скребицкій, т. I, стр. 18.

[2]) Кстати, этимъ постановленіемъ комиссіи категорически подтверждается наша мысль, что составители Положеній и не думали дать нормировки внутри семейныхъ отношеній. Только, очевидно, во второмъ періодѣ занятій комиссій уже перестали вѣрить въ осуществимость „Сельскаго устава" и стали валить все на обычай.

[3]) Свѣдѣнія эти разработаны Ѳ. Л. Бараковымъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Журн. М. Гос. Им-въ. (Цитирую по Брнесскому „Очерки юридич. быта крестьянъ" стр. 61).

ніе такой собственности въ законодательствѣ 61 г. не было кратковременнымъ увлеченіемъ, а наоборотъ и въ восьмидесятые годы оставалось однимъ изъ основныхъ положеній въ концепціи крестьянскаго законодательства.

ГЛАВА II.

Семейная собственность въ Западной Европѣ.

Доказать, что нашъ законодатель и законъ рѣшительно стояли на точкѣ зрѣнія „семейной собственности", еще не значитъ окончательно разрѣшить нашу проблему: необходимо еще выяснить, какъ право понимаетъ и конструируетъ этотъ загадочный институтъ, который, какъ это теперь безспорно доказано, встрѣчается уже въ глубочайшей древности у всѣхъ арійскихъ народовъ[1]),— былъ весьма распространенъ на западѣ въ средніе вѣка, признанъ и развивается въ законодательствахъ нѣкоторыхъ передовыхъ странъ (напр., швейцарское уложеніе), существуетъ даже вопреки отрицанію его закономъ (напр. при старомъ сербск. уложеніи 1843 года), однимъ словомъ—институтъ, насчитывающій много столѣтій своего безспорнаго существованія и все же признанный нашими законодательными учрежденіями непонятнымъ и даже, пожалуй, не существующимъ[2]).

Слѣдуетъ признать, что такой пессимизмъ нельзя исключительно объяснить предвзятымъ мнѣніемъ и политическими соображеніями нашихъ законодательныхъ учрежденій.

Они могли, напр., сослаться на авторитетное „non possumus", науки, которая въ лицѣ прив. доц. петербургскаго университета барона А. Ф. Мейндорфъ, признала, что „научное изображеніе... подворнаго права при современномъ состояніи законодательства едва ли возможно", и что всякая попытка регламентировать внутреннія отношенія семьи, какъ субъекта правъ, равносильна ея ликвидаціи[3]).

---

[1]) См. хотя бы книгу Cohn'a „Gemeinderschaft и Haus-genossenschaft", 1898 г.
[2]) См. выше.
[3]) См. баронъ Мейендорфъ. „Крестьянскій дворъ", стр. 53 и 19.

Даже для западно-европейской литературы проблема юридической конструкціи семейной собственности оказалась далеко не изъ легкихъ, хотя бы уже потому, что при исключительномъ господствѣ въ настоящее время на западѣ индивидуализма для патріархальной семейной собственности въ ея чистомъ видѣ почти уже нѣтъ мѣста въ правовомъ строѣ. Такимъ образомъ, чтобы выяснить типъ этого института пришлось обратиться къ его прошлому и особенно къ среднимъ вѣкамъ — эпохѣ его расцвѣта. Средневѣковые памятники, дѣйствительно, даютъ богатѣйшій, но подчасъ противорѣчивый матеріалъ по этому вопросу.

При такихъ условіяхъ недостаточно осторожный изслѣдователь весьма легко можетъ допустить поспѣшныя, обобщенія, не соотвѣтствующія дѣйствительности, умаляя тѣмъ примѣнимость своей теоріи.

Въ этомъ, какъ намъ кажется, отчасти повинна французская литература.

Французскіе юристы-историки [1]) придерживаются того мнѣнія, что средневѣковая семейная собственность выражалась вообще въ видѣ конструкціи „propriété en main commune“ — „Eigentum zur Gesamten Hand“ — или „indivision“. Это они считаютъ одинаково справедливымъ какъ въ отношеніи совмѣстной собственности отца и дѣтей, такъ и собственности сонаслѣдниковъ.

Отсюда они дѣлаютъ вполнѣ послѣдовательный выводъ, что семейная собственность вообще просуществовала во Франціи до изданія Кодекса Наполеона, который, какъ извѣстно призналъ за всякимъ участникомъ въ indivision и за всякимъ сонаслѣдникомъ право требовать раздѣла, при чемъ раздѣлъ по общему правилу производится въ равныхъ доляхъ [2]).

Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что Кодексъ Наполеона говоритъ только о раздѣлѣ (partage), а не о выдѣлѣ (émancipation).

Это безспорно доказываетъ, что ему не была извѣстна совмѣстная собственность отца и дѣтей и что таковая въ эпоху изданія кодекса не существовала.

---

[1]) См. *Dardel* „Les communautés et indivisions de famille en France et en Suisse“. Стр. 30 и. д. И отчасти также *Viollet* „Histore du droit civil français“ Стр. 561 и. д.

[2]) См. *Dardel* стр. 37. *Code civ* ст. 815, 816, 831, 832. *Viollet* стр. 562.

Уже въ 1643 году юристъ Bouhier, излагая обычное право Бургоньи, говорилъ, что „общность имущества между отцомъ и сыномъ имѣетъ только то значеніе, что даетъ сыну возможность наслѣдовать послѣ отца, устраняя сеньёра .....ибо въ силу отцовской власти даже то, что пріобрѣтено сыномъ, принадлежитъ отцу“ [1]).

Это наводитъ на болѣе общій вопросъ: можно ли вообще отождествлять совмѣстную собственность средневѣковой семьи, состоящей изъ отца и нисходящихъ, и семьи сонаслѣдниковъ?

Не ясно ли, что внутренній строй ихъ долженъ быть совершенно различенъ, ибо во главѣ первой стоитъ отецъ,—снабженный безграничной личной властью надъ дѣтьми, даже взрослыми. Правда средневѣковая семья была вмѣстѣ съ тѣмъ и трудовымъ союзомъ; это начало и создало идею семейной собственности, но начало отцовской власти не менѣе значительно и можно a priori утверждать, что строй такой семьи, какъ носительницы имущественныхъ правъ, долженъ былъ всегда обнаруживать компромиссъ между этими двумя началами. Совсѣмъ иное семья сонаслѣдниковъ: въ ней личная (!) власть домохозяина—старшаго изъ равныхъ—никогда не достигала полноты власти отцовской, а въ болѣе позднемъ періодѣ ея совсѣмъ нѣтъ и потому здѣсь семейная собственность должна была бы проявиться въ болѣе чистомъ видѣ.

И дѣйствительно, французская литература не можетъ указать мѣста въ источникахъ, гдѣ совмѣстная собственность отца и дѣтей конструировалась бы какъ propriété en main commune.

Наоборотъ, все, что мы знаемъ о Бургоньскихъ и другихъ французскихъ законодательныхъ памятникахъ по германской литературы, убѣждаетъ насъ въ томъ, что скорѣе всего propriété en main commune (zur Gesamten Hand) съ ея принципіальнымъ равенствомъ всѣхъ участниковъ, была специфической формой только для совмѣстной собственности наслѣдниковъ, не пожелавшихъ произвести раздѣла [2]).

Итакъ, пользуясь теперь опытомъ разсмотрѣнія исто-

---

[1]) Приведено у Dardel'a стр. 73.
[2]) См. у Heusler'a Institutionen des Deutschen Privatrecht's т. I, стр. 229 и. д.

ріи нашего института во Франціи, мы въ дальнѣйшемъ будемъ изучать отдѣльно совмѣстную собственность семьи, состоящей изъ отца и нисходящихъ,—которую мы назовемъ семьей простой, и семьи сонаслѣдниковъ [1]).

Послѣдующее изложеніе покажетъ, что историческое развитіе имущественныхъ отношеній въ той и другой пошло по совершенно самостоятельнымъ русламъ и привело къ весьма несхожимъ результатамъ.

Обратимся къ семьѣ простой... Существованіе совмѣстной собственности отца и дѣтей, конечно работоспособныхъ [2]) для средневѣковой Германіи ранняго періода совершенно безспорно [3]).

Наиболѣе ранніе свѣдѣнія о ней мы находимъ въ юридическихъ памятникахъ южной Германіи (въ алламанскихъ сборникахъ, напр.), которые рисуютъ такую картину. Совмѣстная собственность отца и дѣтей обнаруживалась въ томъ, что отчужденіе и обремененіе недвижимости могло происходитьтолько при участіи всѣхъ взрослыхъ сыновей. Но средневѣковая Munt — безграничная личная власть отца надъ дѣтьми—не мирилась съ дальнѣйшими ограниченіями въ интересахъ имущественныхъ правъ дѣтей. Поэтому въ отношеніи пользованія, управленія, совершенія всякихъ сдѣлокъ и даже отчужденія движимости отецъ распоряжался совершенно самостоятельно [4]).

Въ силу своей личной власти надъ дѣтьми отецъ является естественнымъ представителемъ ихъ и всей семьи, но—представителемъ особаго рода конечно—безъ всякой отвѣтственности передъ ними [5]). Здѣсь мы бы сказали на лицо особая praesumtio iuris о непогрѣшимости отца при дѣйствіяхъ въ интересахъ семьи.

Несмотря на такія широкія полномочія, обязательное участіе дѣтей при отчужденіи недвижимости очевидно

---

[1]) Въ русской литературѣ проф. Пахманъ предлагалъ первую называть „малой“, вторую „большой“ семьей. (См. его „Обычное Право въ Россіи“, т. I, стр. 137). Однако эта терминологія не характерна и не усвоена ни нашимъ закономъ, ни практикой.

[2]) Идея семейной собственности безусловно покоилась первоначально на понятіи семьи, какъ трудового союза. Отсюда ясно, что права могли принадлежать только взрослымъ дѣтямъ—обыкновенно сыновьямъ.

[3]) См. Schröder стр. 63, 73, 288. Lehrbuch der Deutschen Rechtsgeschichte.

[4]) См. *Heusler*. Т. I, стр. 227, 8. Тоже *Courvoisier* De la propriété en main commune. Стр. 18. 1904 г.

[5]) См. Gierke. Deutsches Privatrecht. Т. I, стр. 697. Heusler. Т. I, стр. 245.

казалось стѣснительнымъ для безусловнаго властелина семьи. По крайней мѣрѣ дальнѣйшее развитіе пошло въ сторону сокращенія участія дѣтей и въ этихъ сдѣлкахъ.

Саксонское зерцало (памятникъ XIII в.) знаетъ уже только „Warterecht“ дѣтей-наслѣдниковъ, т.-е. право запрещать продажу недвижимости: теперь отецъ отчуждаетъ самостоятельно, но заручившись предварительно согласіемъ дѣтей [1]).

Въ случаѣ обхода ихъ дѣти имѣли право въ теченіе года и дня (Jahr und Tag.) вернуть себѣ недвижимость безвозмездно.

Право запрета извѣстно и Лифляндскому средневѣковому праву [2]). По мнѣнію изслѣдователя этого права, проф. барона Фрейтагъ-Лорингговена, связанность недвижимости шла здѣсь такъ далеко, что личные кредиторы отца даже не могли послѣ его смерти обращать на нее взысканіе, если наслѣдовали нисходящіе [3]).

Но даже при такомъ сильномъ стѣсненіи распоряженія отца уже невозможно говорить о правѣ совмѣстной собственности дѣтей и отца: отецъ производитъ теперь отчужденіе отъ своего имени и потому долженъ почитаться хотя и ограниченнымъ, но единоличнымъ собственникомъ имѣнія. Но идея правъ семьи на недвижимость не исчезла: она воплотилась въ вещномъ правѣ запрета законныхъ наслѣдниковъ [4]).

Съ теченіемъ времени—въ 14 и 15 вв.—къ согласію дѣтей начинаютъ относится какъ къ пустой формальности: Warterecht исчезаетъ. Права нисходящихъ сводятся теперь къ праву выкупа проданнаго имѣнія [5]) и къ запрещенію завѣщать недвижимость при наличности нисходящихъ [6]). Послѣднее мы находимъ, напр., въ Лифляндскихъ источникахъ. Болѣе древнимъ германскимъ источникамъ не приходилось объ этомъ говорить, т.-к. въ ихъ пору завѣщанія вообще еще не были извѣстны въ Германіи: распоряженія на случай смерти облекались въ такъ называемыя Vergabungen von todeswegen — т.-е.

---

[1]) Т. наз. „Erbenlaub“. См. Heusler. T. II, стр. 58.
[2]) См. Баронъ Фрейтагъ-Лорингговенъ. „Наслѣдованіе въ крестьянской недвижимости по Германскому праву“. Стр. 150.
[3]) См. тамъ же стр. 160—176.
[4]) См. Heusler т. II. 59. Тоже Courvoisier стр. 19.
[5]) Такъ назыв. Retraktrecht См. Heusler т. II. стр. 60.
[6]) См. бар. Фрейтагъ-Лорингговенъ стр. 191 и 196.

въ условную передачу правъ собственности на случай смерти. Такая передача, конечно, подлежала повороту въ силу права запрета нисходящихъ.

Право родового выкупа и запрещеніе распоряженія на случай смерти извѣстны и нашему праву въ примѣненіи къ родовымъ имуществамъ.

Въ настоящее время этотъ институтъ исчезъ-на западѣ: современное общее право тамъ не знаетъ больше ограниченій завѣщательной свободы въ отношеніи особаго рода недвижимости. Однако и теперь идея правъ семьи на имущество отца нашла новое прибѣжище въ обязательныхъ доляхъ наслѣдованія нисходящихъ.

Если мы, послѣ всего сказаннаго спросимъ себя, знала ли Западная Европа семейную собственность отца и идѣтей, мы должны отвѣтить утвердительно. Правда, ввидѣ опредѣленнаго института совмѣстныхъ правъ отца и дѣтей на землю и на принадлежности хозяйства мы застаемъ ее только въ юридическихъ памятникахъ южной Германіи и Швейцаріи не позднѣе 13 вѣка; въ дальнѣйшемъ авторитетъ личной власти отца заставилъ признать его единоличнымъ собственникомъ, но, какъ идея абсолютнаго — права семьи на имущество отца, „семейная собственность“, по единодушному признанію всѣхъ приводимыхъ выше авторовъ [1]), продолжаетъ жить и въ правѣ запрета нисходящихъ по Саксонскому зерцалу и въ родовомъ выкупѣ, въ запрещеніи распоряженій на случай смерти и, наконецъ, въ современномъ правѣ, въ видѣ института обязательныхъ наслѣдственныхъ долей. Послѣдній пріобрѣлъ прочныя права гражданства въ лучшихъ кодексахъ Западной Европы и совершенно не разсматривается ими какъ временная мѣра передъ полнымъ освобожденіемъ отца отъ ограниченій его права распоряженія въ интересахъ семьи; наоборотъ, онъ продолжаетъ развиваться, завоевывая все новыя признанія и, между прочимъ, принятъ нашимъ проектомъ гражданскаго уложенія... Очевидно, что по этой линіи проходитъ равнодѣйствующая двухъ враждебныхъ началъ — идеи полной эмансипаціи отца отъ семьи, во имя требованій оборота и во имя

---

[1]) См. Heusler т. II. стр. 61: Gierke. т. 1. стр. 697. Courvoisier. стр. 20. Фрейтагъ-Лорингговенъ 196 и passim.

авторитета его личной власти, и идеи правъ семьи на все, что создано совмѣстными трудами.

Нельзя не замѣтить, что постепенное ослабленіе второго начала вызвано разложеніемъ семьи какъ трудового союза: вѣдь параллельно эмансипаціи отца шла эмансипація дѣтей; въ современной городской семьѣ ужъ каждый взрослый работаетъ на себя, и все, что имъ заработано, принадлежитъ ему—лично: съ другой стороны дѣти часто почти не участвуютъ въ созданіи имущества отца, что, конечно, ослабляетъ ихъ притязаніе на это имущество.

Обратимся теперь къ семейной собственности сонаслѣдниковъ. Всѣ средневѣковые законодательные памятники, сборники обычаевъ и рѣшеній полны свѣдѣній объ этомъ институтѣ [1]).

Совмѣстная или семейная собственность сонаслѣдниковъ неизбѣжно была на лицо всякій разъ, когда дѣти послѣ смерти отца не приступали къ раздѣлу; она не возникала, она не устанавливалась тогда по особому договору; она просто продолжала существовать, ибо, какъ мы выяснили выше, она существовала и при жизни отца и только до извѣстной степени парализовалась его личной властью.

Памятники вполнѣ единодушно рисуютъ намъ такую картину отношеній внутри семьи сонаслѣдниковъ [2]).

Всѣмъ имъ въ равной мѣрѣ принадлежитъ все семейное имущество. Каждый пользуется имъ и доходами отъ него по мѣрѣ своихъ потребностей; многодѣтный братъ, напр., получаетъ гораздо больше для себя и дѣтей, чѣмъ бездѣтный, при чемъ это не обязываетъ его больше работать. Всякія значительныя распоряженія и сдѣлки по семейному имуществу сонаслѣдники производятъ сообща и отъ общаго имени, и никто изъ нихъ не можетъ отдѣльно продать свою долю участія, потому что до раздѣла доля эта совершенно не опредѣлена или, скорѣе, потому, что отвлеченное понятіе объ опредѣленной долѣ внѣ фактическаго раздѣла была чуждо средневѣковому правосознанію. Зато право тре-

---

[1]) См. Heusler. т. I. 229, 250.
[2]) См. Heusler. т. I. 230 и д. Courvoisier стр. 40 и д.

бовать раздѣла почти такъ же старо, какъ совмѣстная собственность сонаслѣдниковъ [1]).

Въ случаѣ смерти одного изъ сонаслѣдниковъ, право голоса его по совмѣстному распоряженію имуществомъ переходило къ его нисходящимъ (конечно, взрослымъ и работоспособнымъ), если же нисходящихъ не было, то просто однимъ голосомъ становилось меньше. При этомъ вопросъ о размѣрѣ права пользованія нисходящихъ и не возникалъ: пользовались, какъ и при жизни отца — каждый по своимъ потребностямъ. Впрочемъ, къ этимъ вопросамъ намъ еще придется вернуться.

Какъ союзъ лично-правовой, семья сонаслѣдниковъ гораздо менѣе связывала личность своего участника, чѣмъ власть отцовская. Вообще семья сонаслѣдниковъ не знала единоличной власти. Правда, иногда источники говорятъ о главенствѣ старшаго брата, но безъ болѣе точнаго опредѣленія правъ его [2]): вѣроятнѣе всего, что онъ являлся только представителемъ семьи въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось единоличное выступленіе, какъ, напр., при сношеніяхъ съ сеньеромъ, по участію на общинныхъ сходахъ и вообще по осуществленію публичныхъ правъ, которыя въ тѣ времена обыкновенно принадлежали двору, какъ цѣлому.

Зато въ отношеніи внутренняго распорядка въ семьѣ сонаслѣдниковъ безусловно господствовало начало равноправія.

Какъ я уже говорилъ выше, отсутствіе абсолютной личной власти отца, парализовавшей начало семейной собственности въ простой семьѣ, дало возможность этому началу въ семейной собственности сонаслѣдниковъ развиться въ вполнѣ опредѣленный юридическій институтъ, сохранившійся въ наиболѣе чистомъ видѣ въ памятникахъ средневѣковья, когда другіе враждебные факторы не успѣли еще оставить своего отпечатка на немъ. — Послѣднее обстоятельство побуждаетъ насъ именно въ связѣ съ данной эпохой заняться вопросомъ о юридической конструкціи семейной собственности или, выражаясь болѣе точно, конструкціей семейной собственности съ точки зрѣнія современныхъ юридическихъ категорій

---

1) См. Heusler т. I. 270. См. Courvoisier. 50.
2) См. Courvosier стр. 45. Heusler т. X. стр. 242.

и принциповъ, потому что именно въ этомъ примѣненіи современныхъ юридическихъ формъ къ патріархальнымъ и примитивнымъ отношеніямъ средневѣковой-трудовой семьи лежитъ причина тѣхъ противорѣчій, которыми страдаетъ, какъ намъ кажется, господствующая теорія.

Обработка догмы нашего вопроса упрощается тѣмъ, что существуетъ, въ сущности, только одна теорія, творцомъ которой по праву считается исвѣстный германистъ-профессоръ Отто Гирке. Все, что было сказано послѣ появленія его Genossenschaftsrecht и Genossenschaftstheorie какъ въ германской, такъ и во французской литературѣ является лишь болѣе или менѣе удачнымъ пересказомъ его мыслей.

Къ нимъ мы и обращаемся непосредственно:

Дѣло идетъ о конструкціи правъ тѣсно связанной группы лицъ. Невольно выдвигается идея юридическаго лица. Но Гирке рѣшительно и, какъ намъ кажется, правильно ее отвергаетъ: юридическое лицо—это абстрактный субъектъ, за которымъ совершенно исчезаютъ его участники. Между тѣмъ при семейной или, скорѣе, совмѣстной собственности (gemeinschaftliches Eigentum zur gesamten Hand) субъектами являются именно члены семьи какъ таковые, какъ въ отношеніи осуществленія правъ, такъ и полной личной отвѣтственности каждаго, при чемъ распоряжаются имуществомъ всѣ участники совмѣстно, а не особый органъ, выражающій волю группы [1]).

Вообще эти свойства совпадаютъ съ существенными признаками римскоправовой communio („общей собственности“ современнаго права) въ ея проявленіяхъ съ внѣшней (!) стороны.

Это заставляетъ признать, что въ основаніи совмѣстной (или семейной) собственности лежитъ институтъ „общей собственности“ (communio). Но голая и отвлеченная схема внутреннихъ отношеній при римской communio получаетъ здѣсь совершенно особую окраску и характеръ вслѣдствіе отраженія на имущественныхъ отношеніяхъ той тѣсной лично-правовой связи, въ которой находятся члены семьи между собой.

---

[1]) См. Gierke. Genossenschaftstheorie стр. 343.
[2]) Тамъ-же 343 и 354 и д.

Эта связь превращаетъ, по мнѣнію Гирке, совмѣстную собственность (Eigentum zur gesamten Hand) въ совершенно своеобразный, специфически-германскій институтъ. Она отражается на внутренней юридической конструкціи института въ томъ, что участникамъ въ отдѣльности не предоставляется опредѣленныхъ правъ: *Gesamte Hand не знаетъ опредѣленныхъ долей участія.* Въ этомъ, по мнѣнію Гирке и всѣхъ его послѣдователей особенность этого института [1]).

Получается, говоритъ Гирке, въ результатѣ такая конструкція: при совмѣстной собственности „ни одному изъ участниковъ нельзя приписать самостоятельныхъ правъ“... субъектомъ права являются всѣ участники въ ихъ совокупности [2]). Этимъ и объясняется, что въ случаѣ смерти участника его право не переходитъ по наслѣдству, а распредѣляется въ силу приращенія между остальными участниками [3]). Но тутъ Гирке наталкивается на противорѣчіе: древнѣйшіе источники уже знаютъ право наслѣдованія нисходящихъ участника, исключающее другихъ участниковъ, и только въ случаѣ ихъ отсутствія право его „прирастаетъ“ остальнымъ. Это не мирится съ полнымъ отсутствіемъ индивидуальныхъ правъ. Еще бо́льшее сомнѣніе возбуждаетъ право каждаго во всякое время требовать раздѣла: вѣдь для того, чтобы произвести раздѣлъ, нужно предварительно знать, кому сколько причитается... Въ концѣ концовъ Гирке заявляетъ, что нельзя сказать, чтобы gesa mte Hand не знала безусловно опредѣленныхъ долей участія, скорѣе всего онѣ существуютъ, но до раздѣла онѣ „дремлютъ“ [4]).

Таковъ окончательный и весьма туманный выводъ теоріи знаменитаго германиста.

Элементарное правило всякихъ формулировокъ—безусловная опредѣленность входящихъ въ нихъ терминовъ. Мы не можемъ пользоваться конструкціей, при при-

---

[1]) *Gierke.* Стр. 344. См. то же *M. Huber*.. „Die Gemeinderschaften der Schweiz“ стр. 2. *Courvoisier* стр. 38 и др.

[2]) См. Gierke 344 и 345.

[3]) Тамъ же 345.

[4]) Тамъ же 345 примѣч. 2. Послѣдователи Гирке нѣсколько измѣнили терминъ, они говорятъ, что у участника есть „надежда на самостоятельное право“ (Anvartschaft). Но это нисколько не мѣняетъ туманности отвѣта. (См. Convoisier стр.

мѣненіи которой всегда придется справляться „проснулся ли“ ея единственный существенный признакъ или нѣтъ.

Помимо этого, вообще формулировка Гирке содержитъ, какъ намъ кажется, внутреннее логическое противорѣчіе: „право на имущество принадлежитъ всѣмъ участникамъ въ совокупности“, говоритъ онъ, „но каждый изъ нихъ отдѣльно правъ не имѣетъ“ [1]). Отрицаніе множества приводитъ къ единству, и наоборотъ. Это основное правило логики. Если Гирке отрицаетъ наличность отдѣльныхъ правъ у каждаго изъ участниковъ gesamte Hand, то онъ неизбѣжно долженъ признать наличность единаго субъекта, т.-е. юридическаго лица... Между тѣмъ Гирке и это отвергаетъ: для него gesamte Hand есть одновременно и единство (Kollektiveinheit) и множество (Personenmehrheit).

Какъ вѣрно замѣтилъ Laband, къ такому выводу можно придти только путемъ „діалектической игры понятіями“: въ рамкахъ обыкновенной юридическвй логики такая конструкція немыслима [2]).

Несмотря на столь печальный выводъ, мы все же полагаемъ, что въ основаніи своемъ мысль Гирке вполнѣ правильна. Причина неудачи его теоріи въ томъ, что увлекаясь желаніемъ доказать творческую работу германскаго юридическаго генія, Гирке стремится втиснуть въ примитивный институтъ gesamte Hand, развившійся по его собственному признанію изъ средневѣковой семейной собственности [3]), сложное—современное полное товарищество. Для этого, конечно, приходится предварительно доказать, что Eigentum zur gesamten Hand, возникшее на почвѣ патріархальнаго коллективизма, вполнѣ примѣнимо къ чисто индивидуалистическимъ отношеніямъ въ современномъ оборотѣ. Попытка безнадежная даже для безстрашнаго рыцаря германскаго генія во всеоружіи его тонкой діалектики.

Возвращаясь къ вопросу о юридической конструкціи средневѣковой семейной собственности сонаслѣдниковъ—

---

[1]) См. тамъ же стр. 543, 4. и далѣе passim.

[2]) См. Laband. „Beitraege zur Dogmatik der Handelsgesellchaften“ въ zeitchrift. f. d. ges. H. R. Band. 30. Стр. 492.

[3]) См. Gierke стр. 356 и. д.

преимущественно крестьянъ, надлежитъ сдѣлать весьма существенную оговорку въ сторону современнаго права.

Современное право—право по преимуществу индивидуалистическое. Нормируя взаимоотношенія людей, оно считаетъ свою работу только тогда законченной, когда имъ точно опредѣлено положеніе каждаго индивидуума, могущаго притязать на пользованіе даннымъ благамъ. Существованіе юридическихъ лицъ не опровергаетъ этого положенія, ибо, создавая абстрактнаго субъекта — юридическое лицо, современное право неизмѣнно опредѣляетъ внутренній строй его, т.-е.—взаимоотношенія его участниковъ, и слѣдовательно хотя и посредственно, но совершенно исчерпывающее очерчиваетъ сферу притязаній каждаго индивидуума въ направленіи благъ, „принадлежащихъ“ юридическому лицу.

Въ нашъ индивидуалистическій вѣкъ это совершенно естественно. Какова бы ни была личная связь между данными лицами, современное право всегда считается съ возможностью столкновенія ихъ интересовъ и въ виду этой возможности оно рѣшается вторгаться подчасъ даже въ интимныя отношенія между людьми.

Совсѣмъ иная картина отношеній въ средневѣковой германской трудовой семьѣ: первоначально главнаго блага—земли, было въ избыткѣ—только обрабатывай ее. При такихъ условіяхъ для работоспособнаго всегда было мѣсто у семейнаго очага: не было тѣсноты,—*не было и столкновенія интересовъ*.

Отсюда ясно, что сама жизнь не требовала отъ права нормировки внутри—семейныхъ отношеній. Но помимо этого, необходимо считаться и съ примитивностью юридическаго мышленія того времени: трудно вообще предположить, чтобы оно могло понять отвлеченную идею права на опредѣленную долю въ имуществѣ: эта идея въ сущности, находится въ неразрывной связи съ понятіемъ мѣновой цѣнности имущества, конечно, чуждымъ правосознанію того времени.

Наконецъ, нужно принять во вниманіе характеръ связи, въ которой находятся между собой сонаслѣдники т.-е. члены семьи: ихъ отношенія опредѣляются настолько разнообразными и часто интимными началами, что всенивеллирующая правовая нормировка можетъ здѣсь оказаться слишкомъ грубымъ орудіемъ. Этимъ, между

прочимъ, объясняется, что даже нѣкоторыя современныя законодательства, обладая гораздо болѣе тонкимъ, чѣмъ въ средніе вѣка, юридическимъ аппаратомъ, воздерживаются отъ детальной нормировки имущественныхъ отношеній сонаслѣдниковъ до раздѣла.

Итакъ, мы находимъ, что средневѣковая семейная собственность сонаслѣдниковъ въ своемъ внѣшнемъ проявленіи вполнѣ покрывается внѣшней конструкціей общей собственности: въ той и другой основное начало— это совмѣстное распоряженіе общимъ имуществомъ.

Что касается нормировки внутреннихъ отношеній, то средневѣковое право ограничивалось слѣдующими положеніями: каждый изъ участниковъ, какъ самостоятельный субъектъ права на общее имущество, участвуетъ въ установленіи внутренняго распорядка и въ управленіи имуществомъ; каждому изъ нихъ предоставлено право требовать раздѣла[1]). Помимо этихъ формальныхъ нормъ средневѣковое право не касалось внутреннихъ отношеній участниковъ въ семейной собственности. Такимъ образомъ институтъ средневѣковой семейной собственности дѣйствительно не знаетъ опредѣленныхъ долей, ни въ „дремлющемъ“, ни въ „пробужденномъ“ состояніи, и это потому, что право того времени *вообще не опредѣляло внутреннихъ имущественныхъ отношеній участниковъ семейной собственности.*

Намъ могутъ возразить еще, что возможность произвести раздѣлъ все же доказываетъ существованіе идеи права на долю. Однако это опровергается тѣмъ фактомъ, что по болѣе древнимъ средневѣковымъ источникамъ раздѣлъ производился поголовно между всѣми совершеннолѣтними участниками, бывшими налицо въ моментъ раздѣла, а не по наслѣдственнымъ долямъ, принадлежавшимъ сонаслѣдникамъ въ моментъ смерти главы семьи[2]).

Такой способъ раздѣла, наоборотъ, свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи права на опредѣленную долю до

---

[1]) Средневѣковые памятники говорятъ еще о правѣ нисходящихъ наслѣдовать послѣ участника въ Gesamte Hand, устраняя прочихъ участниковъ. Очевидно, что рѣчь первоначально могла итти только о переходѣ на нихъ права участвовать въ распоряженіяхъ и требовать раздѣла.

[2]) См. ссылки на многочисленные источники у Dardel., Les communautés et indivisions...“, стр. 110.

раздѣла, т. к. въ противномъ случаѣ пришлось бы признать, что наступленіе совершеннолѣтія одного изъ членовъ семьи каждый разъ мѣняло размѣръ долей.

Такимъ образомъ и это возраженіе отпадаетъ, и мы можемъ, подводя итогъ, сказать: средневѣковая семейная собственность отличается отъ современной общей собственности тѣмъ, что взаимоотношенія ея участниковъ точно не опредѣляются. Здѣсь, очевидно, различіе не по существу, а только въ степени интенсивности внутренней нормировки: и мы бы сказали, что исторія развитія института семейной собственности сонаслѣдниковъ именно и заключается во все большемъ приближеніи ея къ своему болѣе сложному, современному собрату.

Укажемъ только важнѣйшіе этапы этой исторіи.

Уже въ средніе вѣка городская семья сонаслѣдниковъ, въ отличіе отъ крестьянской, быстро утрачиваетъ характеръ трудового союза. Это сказывается при раздѣлахъ, которые здѣсь даже въ эту эпоху производились по первоначальнымъ наслѣдственнымъ долямъ участниковъ [1]): очевидно, что еще до раздѣла и съ самаго возникновенія совмѣстной собственности имѣлись уже ввиду возможныя доли участниковъ.

Постепенно растетъ и дифференціація интересовъ и занятій сонаслѣдниковъ: они начинаютъ выступать въ оборотѣ по своимъ личнымъ дѣламъ, пріобрѣтаютъ самостоятельное имущество, отдѣльныя права и обязанности, которыя ужъ не поступаютъ въ общую массу семейнаго имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступаетъ личный кредиторъ сонаслѣдника, которому принадлежитъ видная роль въ дальнѣйшемъ развитіи нашего института: въ погонѣ за имуществомъ должника кредиторъ наталкивается на невозможность получить удовлетвореніе изъ той цѣнности, которая содержится въ правѣ участія должника въ семейной собственности, ибо самъ должникъ не имѣетъ опредѣленной доли въ этомъ имуществѣ [2]). Знаменитый Beaumanoir уже въ 13 вѣкѣ считалъ семейную собственность изъ-за этого весьма опаснымъ инстп-

---

[1]) См. M. Huber, 87... 93.

[2]) По нѣкоторымъ швейцарскимъ городскимъ статутамъ въ случаѣ несостоятельности одного изъ участниковъ обязательно происходилъ раздѣлъ. (См. M. Huber. стр. 91).

тутомъ и совѣтовалъ не допускать договорныхъ соединеній подобнаго рода [1]).

Между тѣмъ во Франціи въ 17 и 18 столѣтіяхъ учрежденіе такихъ договорныхъ communautés tacites или indivisions, мы бы сказали—негласныхъ товариществъ, стало излюбленнымъ пріемомъ для сокрытія имущества отъ кредиторовъ.

Это вызвало въ обществѣ враждебное отношеніе ко всякимъ indivisions вообще [2]).

И мы уже знаемъ, что кодексъ Наполеона отвѣтилъ на петиціи и жалобы, сыпавшіяся по этому поводу на правительство со всѣхъ сторонъ, тѣмъ, что совершенно ликвидировалъ всякую indivision tacite и установилъ единый институтъ общей собственности.

Примѣру его послѣдовали и другія законодательства.

Но въ послѣднее время въ Западной Европѣ начинаютъ видѣть въ поддержкѣ крѣпкихъ крестьянскихъ и рабочихъ семействъ средство задержать угрожающій ростъ пролетаризаціи низшихъ классовъ. Въ связи съ этимъ къ семейной собственности начинаютъ снова относиться болѣе благожелательно.

Это теченіе получило, между прочимъ, опредѣленное выраженіе въ новомъ швейцарскомъ уложеніи 1907 г. [3]), сохранившемъ институтъ семейной собственности.

Согласно § 336 Уложенія, такая собственность (Gemeinderschaftsgut) даже между сонаслѣдниками возникаетъ только въ силу нотаріальнаго договора.

Нормировка семейной собственности въ Швейцарскомъ Уложеніи, между прочимъ, вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе, что институтъ этотъ въ своемъ развитіи все ближе подходитъ къ современной общей собственности: „Если нѣтъ особаго соглашенія“, гласитъ § 339, „то совмѣстные собственники участвуютъ въ равныхъ доляхъ“.

Однако участникъ не можетъ до раздѣла самостоятельно распоряжаться своей долей (§ 339, абз. 3). Въ случаѣ

---

[1]) См. Dardel. стр. 38.

[2]) См. Dardel., стр. 30 и д.

[3]) Любопытно указать, что и Германское Гражд. Уложеніе сохранило конструкцію Eigentum zur gesammten Hand: 1) при установленіи совмѣстной собственности между супругами (1438).2) Въ извѣстной степени между сонаслѣдниками до раздѣла (2032, 33).

несостоятельности одного изъ участниковъ и обращенія взысканія на его долю, совмѣстная собственность прекращается (§ 343 пп. 3 и 4), но прочіе участники могутъ выкупить эту долю (344).

Наконецъ, наслѣдники участника, если они раньше сами не участвовали въ совмѣстной собственности, получаютъ только право на возмѣщеніе стоимости доли, принадлежавшей ихъ наслѣдодателю (§ 345, абз. 1). Однако нисходящимъ при согласіи остальныхъ участниковъ предоставлено право вступить на его мѣсто (§ 45, абз. 2) [1]).

Такимъ образомъ Швейцарское Уложеніе уже знаетъ точно опредѣленное и исключительное право участника на долю въ совмѣстномъ имуществѣ, но послѣдній не можетъ свободно распоряжаться этой долей, т. к. связалъ себя договоромъ, возлагающимъ на него рядъ ограниченій въ интересахъ, созданной этимъ договоромъ Gemeinderschaft, мы бы сказали,—пользуясь нашимъ средневѣковымъ терминомъ,—въ интересахъ состоявшагося „складничества“.

Въ заключеніе небезынтересно указать, что изложенныя ограниченія въ распоряженіи своей долей очень близко подходятъ къ такимъ же ограниченіямъ, установленнымъ ст. 548 нашего X тома въ отношеніи участника въ „правѣ собственности общемъ въ имуществахъ нераздѣльныхъ“ [2]).

Такимъ образомъ конструкція совмѣстной собственности Швейцарскаго Уложенія покрывается до извѣстной степени однимъ изъ видовъ общей собственностью нашего X тома.

Обозрѣвая все вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію, что идея семейной собственности была основнымъ началомъ въ имущественномъ строѣ средневѣковья.

Подъ вліяніемъ возраставшей эмансипаціи членовъ семьи,—подъ вліяніемъ разложенія семьи, какъ трудового союза, наконецъ, подъ вліяніемъ требованій оборота она съ теченіемъ времени проявляется, конечно, слабѣй,

---

[1]) Подробное изложеніе см. у M. Huber, Dardel, Courvoisier.

[2]) Ст. 548, X т. гласитъ: „Участникъ въ общемъ принадлежащемъ компаніи имуществѣ, которое по свойству своему раздѣлиться *не можетъ, властенъ продать или уступить часть свою другому, но не иначе, какъ съ согласія прочихъ. Если они не захотятъ* принять къ себѣ въ соучастники того, кому настоящій хозяинъ намѣренъ часть свою, то *должны сами уплатить хозяину за оную по справедливой оцѣнкѣ*...

но окончательно не исчезаетъ и живетъ и теперь въ большинствѣ западныхъ законодательствахъ.

Правда, идея эта въ отношеніи простой семьи—только въ эпоху своего исключительнаго господства выливалась въ особый *институтъ* совмѣстной собственности. Однако и послѣ признанія отца единоличнымъ собственникомъ она продолжала жить въ тѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ ограниченіяхъ въ правѣ распоряженія, которыя устанавливались и существуютъ еще теперь въ интересахъ нѣкоторыхъ членовъ семьи.

Для наглядности и для облегченія примѣненія выводовъ этой главы къ нашему дѣйствующему законодательству мы изобразимъ въ видѣ краткой схемы основные этапы развитія идеи семейной собственности или, скорѣе, этапы проявленій этой идеи въ законодательныхъ нормахъ отъ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней.

I. Имущество принадлежитъ нераздѣльно всѣмъ взрослымъ членамъ семьи. Отчужденіе, представительство и управленіе производится только совмѣстно всѣми. (Средневѣковая семья сонаслѣдниковъ).

II. Имущество принадлежитъ нераздѣльно всѣмъ взрослымъ членамъ семьи. Отчужденіе—только совмѣстно всѣми. Представительство и управленіе принадлежитъ исключительно главѣ семьи—отцу (средневѣковые южногерманскіе памятники—въ отношеніи простой семьи).

III. Отецъ единоличный собственникъ. Членамъ семьи принадлежитъ право запрета и право поворота всякаго отчужденія. (Wartrecht Саксонскаго зерцала).

IV. Отецъ единоличный собственникъ. Членамъ семьи принадлежитъ право родового выкупа и право оспариванія завѣщаній въ пользу постороннихъ. (Лифляндскіе статуты. Наши родовыя имѣнія).

V. Отецъ единоличный собственникъ. Частичное ограниченіе свободы завѣщаній или обязательныя доли наслѣдованія нѣкоторыхъ членовъ семьи. (Современныя законодательства Западной Европы).

Изъ этой схемы вытекаетъ особенно поучительный для нашего законодательства выводъ—*установленіе единоличной собственности не требуетъ полнаго изгнанія идеи семейной собственности*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наше дѣйствующее право.

Въ первой главѣ мы установили, что какъ законодатель, такъ и Положенія о крестьянахъ 1861 г. стоятъ на точкѣ зрѣнія семейной собственности.

По мнѣнію авторовъ закона 14 іюня 1910 г., согласиться съ такимъ выводомъ—значитъ „отдать все взрослое крестьянское населеніе въ опеку своимъ дѣтямъ“ [1]).

Очевидно здѣсь предполагается полное равноправіе между отцомъ и дѣтьми.

Это, конечно, заблужденіе. По обычно-правовому воззрѣнію личная власть отца еще очень крѣпка въ крестьянской средѣ. А т. к. нормировка внутри семейныхъ отношеній предоставлена обычаю, то уже поэтому можно съ увѣренностью сказать, памятуя опытъ Западной Европы, что въ простой семьѣ право управленія и представительства окажется естественной прерогативой отца.

Но помимо этого, и сами Положенія о крестьянахъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что представителемъ двора и его распорядителемъ считается домохозяинъ—слѣдовательно въ простой семьѣ—отецъ, и это не только въ сферѣ публичной, но и частно-правовой... Такъ, напр., установленіе временно обязанныхъ отношеній и особенно выкупъ полевой земли, который, какъ извѣстно, первоначально зависѣлъ отъ добровольнаго соглашенія между крестьянами и помѣщикомъ, [2]) предполагали цѣлый рядъ частныхъ сдѣлокъ между ними, при чемъ по такимъ сдѣлкамъ для мѣстностей съ подворнымъ землевладѣніемъ, гдѣ субъектомъ надѣленія былъ непосредственно дворъ, формальнымъ контрагентомъ помѣщика неизмѣнно считался домохозяинъ. Домохозяинъ заявляетъ о количествѣ земли, которую дворъ желаетъ выкупить; ему же предоставлено отказаться при извѣстныхъ условіяхъ отъ обязательнаго пользованія полевымъ надѣломъ въ пол-

---

[1]) См. Александровскій, стр. 118—125 (рѣчь представителя Мин. В. Д.).

[2]) По крайней мѣрѣ, въ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ губерніяхъ. См. объ этомъ стастью проф. А. Э. Вормса. „Положенія 19 февраля“, въ VI-мъ томѣ юбилейнаго изданія „Великая Реформа“.

номъ размѣрѣ;[1]) наконецъ, въ уставной грамотѣ на подворный участокъ пишется только „имя и прозваніе домохозяина“, что давало ему формальную легитимацію по всякимъ сдѣлкамъ [2]).

Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ въ составъ сельскаго схода, который опредѣляетъ размѣры пользованія каждаго семейства, входятъ только домохозяева. Домохозяинъ, такимъ образомъ, по закону является единственнымъ представителемъ семьи по сношенію ея съ общиной.

Въ подворныхъ мѣстностяхъ личная власть домохозяина, „на ближайшей отвѣтственности котораго“, по выраженію закона, „состоитъ участокъ“, обнаруживалась, между прочимъ, въ томъ, что младшій членъ семьи могъ увольняться изъ общества только съ разрѣшенія домохозяина [3]).

Затѣмъ, въ случаѣ накопленія на семьѣ недоимокъ, общество или сельское начальство могутъ смѣнить хозяина, „назначивъ старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи“ [4]). Это безспорно предполагаетъ, что распорядителемъ въ домѣ является домохозяинъ.

Наконецъ, еще одна ссылка, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна показать, что право управленія и распоряженія домохозяина совершенно опредѣленно, ограничивалось идеей принадлежности участка всему двору. По стт. 94 и 95 Мѣстн. Пол. Малор. 1861 г. главѣ семьи разрѣшалось еще при жизни передать домохозяйство одному изъ своихъ наслѣдниковъ и даже пріймаку, но послѣднему — только *при отсутствіи „наслѣдниковъ въ прямой линіи“*.

Все это только случайные примѣры, но ихъ совершенно достаточно, чтобы подтвердить и безъ того довольно ясное положеніе, что у насъ, такъ же какъ на Западѣ, въ простой семьѣ имущественныя отношенія складываются по второму типу приведенной выше схемы: т.-е. отецъ въ силу *принадлежащей ему личной власти законный безконтрольный представитель и распорядитель* семейнаго имущества, и *ограниченъ только въ отношеніи от-*

---

[1]) См. Пол. о Вык. ст. 34 и Мѣстн. Пол. Малор. ст. 110—113 (изд. 1861 г.).
[2]) См. стт. 75, 88, Пол. о Вык. (Изд. 1861 г.).
[3]) 176 ст. Пол. о Вык.
[4]) Стт. 127 и 133 Пол. о Вык.

чужденія имуществъ, которое обязательно должно производиться совмѣстно всѣми совершеннолѣтними членами семьи мужского пола. Этимъ крайне общимъ положеніемъ исчерпываются вполнѣ тѣ указанія, которыя мы можемъ получить отъ нашего закона.

Болѣе детальная нормировка предоставлена обычному праву и фиксирующей это право сенатской практикѣ [1]).

Какъ уже извѣстно, Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ сталъ вполнѣ опредѣленно на точку зрѣнія семейной собственности, за что онъ и удостоился суроваго, но безусловно неосновательнаго, порицанія со стороны нашихъ законодательныхъ учрежденій.

Нельзя сказать, чтобы теоретическая конструкція Сената правъ семьи была особенно ясна: скорѣе всего, мы имѣемъ дѣло даже не съ конструкціей, а съ исканіемъ ея. Нѣкоторыя рѣшенія говорятъ „объ общей собственности семьи, но не въ смыслѣ X тома“ [2]); другія объявляютъ семью юридическимъ лицомъ [3]), наконецъ наиболѣе обстоятельное рѣшеніе Общ. Собр. 1, 2 и Касс. Деп. 1900 г. № 27 смотритъ на семью „какъ на родъ особеннаго хозяйственнаго союза, близкаго къ понятію юридическаго лица“.

Но несмотря на такую неустойчивость въ формулировкѣ своего воззрѣнія, Сенатъ въ большинствѣ рѣшеній, особенно по наиболѣе авторитетному Общему Собранію 1, 2 и Касс. Департаментовъ, какъ намъ кажется, вполнѣ послѣдовательно и правильно примѣняетъ идею семейной собственности.

Укажемъ кратко тезисы этихъ рѣшеній:

Надѣльныя земли находятся во владѣніи двора (юридическаго лица) и потому „онѣ уже въ силу природы такихъ лицъ завѣщанію подлежать не могутъ“. (Рѣш. Общ. Собр. 1897 г. № 29).

---

[1]) Новѣйшія данныя объ обычномъ правѣ по нашему вопросу можно найти въ весьма интересной статьѣ г. Мартынова въ журн. Мин. Юст. за 1911 г. № 2, озаглавленной „О семейной собственности у крестьянъ“. Авторомъ разработаны матеріалы собранныхъ для этнографическаго Общества кн. Тенишевымъ. Въ итогѣ изслѣдованія онъ пришелъ къ заключенію, что современи анкеты 1873 г. никакихъ существенныхъ измѣненій въ крестьянскомъ правовоззрѣніи не произошло. (Стр. 84).

[2]) Выс. утв. мнѣніе Пос Сов. по дѣлу Армоласа 1888 г. Рѣш. Общ. Собр. 1, 2 и Касс. Деп. 1899 г. № 1.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1, 2 и Касс. Деп. 1897 г. № 29.

„... Право наслѣдованія... когда оно не опредѣляется обычаемъ, обусловливается принадлежностью наслѣдника къ составу крестьянской рабочей семьи... и утрачивается при выходѣ члена семьи изъ ея состава". (Рѣш. Общ. Собр. 1898 г.—2).

Вообще въ случаѣ смерти домохозяина при семейной собственности, какъ мы выяснили выше, въ сущности, о наслѣдованіи говорить нельзя: „изъ принадлежности надѣльной земли двору" читаемъ мы въ Рѣш. Общ. Собр. 1900—27. „слѣдуетъ, что старшій членъ крестьянской семьи, въ случаѣ смерти хозяина двора, въ силу признаваемаго закономъ обычая заступаетъ лишь мѣсто покойнаго и дѣлается, такимъ образомъ, новымъ распорядителемъ имуществъ..., *а не наслѣдникомъ*".

Отвѣчаетъ ли семейное имущество за личные (!) долги своихъ членовъ? Рѣшеніе Общ. Собр. 1899—1 говоритъ: „Крестьянскій дворъ особаго рода союзъ, въ имуществѣ котораго, доколѣ самый союзъ существуетъ, *никто изъ отдѣльныхъ членовъ не имѣетъ права на какую-нибудь опредѣленную часть—„свой жребій"*, почему и самое имущество-то не подлежитъ отвѣтственности совладѣльца въ ономъ" [1])...

Всѣ приведенные до сихъ поръ тезисы одинаково справедливы какъ въ отношеніи семьи простой, такъ и семьи сонаслѣдниковъ. Любой теоретикъ германской „gesamte Hand" подписался бы подъ ними обѣими руками" [2]).

Остается еще вопросъ объ объемѣ полномочій домохозяина.

Съ внутренней стороны „домохозяинъ... является полнымъ распорядителемъ двора, не нуждаясь въ согласіи прочихъ членовъ семьи" [3]). Съ внѣшней стороны: „домохозяину... присвоена необходимая власть избирать по своему усмотрѣнію тотъ или иной способъ пользованія земельнымъ надѣломъ..., не нуждаясь для сего въ согласіи младшихъ членовъ семьи, обязанныхъ подчиняться

---

[1]) См. въ томъ же смыслѣ. Рѣш. Гр. Касс. Деп. 95 г./45; 97 г./29. Рѣш. 1 Общ. Собр. Пр. С. 1897 г. по дѣлу Колчина (цитир. у Мейндорфа, стр. 65).

[2]) На возможность примѣнить у насъ конструкцію Gesamte Hand указывалъ уже г. Гуляевъ въ ст. „Крестьянскій Дворъ" ж. М. Юст. 1899 г.—4, и г. Мартыновъ въ приведенной выше статьѣ.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 95 г./45 и 93 г./41, 42. Тоже Гр. К. Деп. 94 г./88.

волѣ главы семьи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта воля не выходитъ изъ предѣловъ цѣлесообразнаго распоряженія надѣломъ".

Въ силу этого домохозяину предоставлено по собственному усмотрѣнію заключать займы для хозяйства, сдавать семейный участокъ въ аренду и т. д., и только для отчужденія участка онъ, конечно, долженъ привлечь всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ семьи [1]).

Нужно имѣть въ виду, что сенатъ при опредѣленіи полномочія домохозяина совершенно не различаетъ домохозяина-отца и домохозяина семьи сонаслѣдниковъ.

Поступилъ онъ такъ, очевидно, потому, что и нашъ законъ не дѣлаетъ здѣсь никакого различія; вѣдь всѣ статьи, приведенныя нами выше, опредѣляя полномочія домохозяина, совершенно не считаются съ составомъ семьи... Какъ бы тамъ ни было, но въ этомъ наиболѣе слабая сторона рѣшеній Сената, ибо, какъ мы выяснили выше, въ Западной Европѣ внутреннія отношенія между домохозяиномъ и прочими членами складывались совершенно иначе въ семьѣ простой и въ семьѣ сонаслѣдниковъ.

Приходится такимъ образомъ предъявить Сенату обвиненіе какъ разъ обратное тому, которое предъявили наши законодательныя учрежденія. Приходится жалѣть, что Сенатъ нашъ слишкомъ слѣпо держался чисто формальныхъ постановленій закона и, имѣя возможность опереться на обычное право, ничего „не выдумалъ" по вопросу о различіи полномочій домохозяина-отца и домохозяина семьи сонаслѣдниковъ. Въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ мы считаемъ практику Сената неудовлетворительною.

Въ такой сравнительно благопріятной оцѣнкѣ мы рѣзко расходимся съ суровой критикой этой практики, встрѣчающейся въ нашей литературѣ [2]).

Итогъ ея подвелъ бар. А. Ф. Мейндорфъ въ своей обстоятельной работѣ „о Крестьянскомъ Дворѣ".

---

[1]) См. Рѣш. Общ. Собр. 92 г./21, 97/29 и др.: По Рѣш. Гр. Касс. Деп. 93/91 за домохозяиномъ признано право самостоятельно отчуждать семейный участокъ... однако Рѣш. Общ. Собр. 92 г./41 и 2 Деп. 1904 г. 9 марта по дѣлу Кикотя и 11 марта 1905 г. № 1747 высказались въ обратномъ смыслѣ.

[2]) См. статью, напр., г. Лозина Лозинскаго „Крестьянскій Дворъ" въ „Вѣстникѣ Права 1899 г. № 3 и 5.

По мнѣнію А. Ф. Мейндорфа, установленная Сенатомъ полная независимость домохозяина въ отношеніи управленія и представительства двора несовмѣстима съ семейной собственностью членовъ двора, почему вся теорія Сената, какъ основанная на противорѣчіи, не можетъ удовлетворить требованіямъ юридической догматики[1]). Съ такимъ мнѣніемъ мы рѣшительно согласиться не можемъ.

Какъ мы выяснили выше, извѣстная независимость домохозяина - отца есть прямое слѣдствіе его личной власти надъ прочими членами семьи, и германская догма, находя совершенно аналогичныя отношенія въ юридическихъ памятникахъ средневѣковья, не затрудняется признать здѣсь совмѣстную собственность семьи, законнымъ независимымъ представителемъ и распорядителемъ которой является отецъ.

Мы не утверждаемъ, что такая конструкція даетъ возможность вполнѣ точно опредѣлить границу полномочій домохозяина, мы не споримъ о томъ, что при конфликтѣ интересовъ младшіе члены не достаточно обезпечены конструкціей института семейной собственности; мы только полагаемъ, что эта неопредѣленность есть органическій недостатокъ патріархальнаго института семейной собственности, который все же безспорно существовалъ въ извѣстныя эпохи и съ догматической точки зрѣнія вполнѣ понятенъ.

На основаніи этого мы рѣшительно отвергаемъ обвиненіе, будто русская литература и практика десятки лѣтъ примѣняли конструкцію совершенно непонятную съ точки зрѣнія строгой догматической логики.

Обратимся теперь къ разбору относящихся сюда постановленій закона 14 іюня 1910 г.

Въ обществѣ распространено мнѣніе, будто законъ 14 іюня совершенно покончилъ съ институтомъ семейной собственности. Между тѣмъ это не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, законъ, какъ мы указали выше, не касается полевыхъ земель, находящихся въ общинномъ пользованіи, и слѣдовательно здѣсь попрежнему субъектомъ пользованія остается семья - дворъ. Но помимо этого, только домохозяинъ - отецъ объявленъ единоличнымъ

---

[1]) См. Указ. сочиненіе, стр. 70 и 78.

собственникомъ, въ то время какъ участки, находящіеся въ нераздѣльномъ владѣніи матери и дѣтей, или нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ между собой въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, т.-е. согласно нашей терминологіи—во владѣніи сонаслѣдниковъ, признаны ихъ общей собственностью, причемъ, какъ мы въ дальнѣйшемъ попытаемся доказать, подъ этимъ индивидуалистическимъ терминомъ сохранена семейная собственность сонаслѣдниковъ.

Это заставляетъ насъ и въ дальнѣйшемъ разсматривать отдѣльно судьбу правъ простой семьи, состоящей изъ отца и дѣтей и семьи сонаслѣдниковъ.

Послѣ ознакомленія съ длительнымъ и постепеннымъ процессомъ эмансипаціи индивидуальныхъ имущественныхъ правъ отца, на западѣ особенно сильно поражаетъ тотъ, по выраженію проф. А. Э. Вормса, радикализмъ, съ которымъ законодатель 14-го іюня отбросилъ институтъ семейной собственности, замѣнивъ неограниченной единоличной собственностью отца-домохозяина.

Однако такая стремительность станетъ понятной, если мы вспомнимъ теоретическія воззрѣнія нашего законодателя.

Послѣдній, очевидно, полагалъ, что передъ нимъ слѣдующая дилемма: или семейная собственность — и потому полное равноправіе даже въ отношеніи управленія и представительства между отцомъ и дѣтьми не исключая чуть ли и грудныхъ [1]), или единоличная— т.-е. право „исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться...“

Всякое смягченіе перехода, всякое ограниченіе домохозяина представлялось ему, очевидно, несовмѣстимымъ съ идеей единоличной собственности.

Приходится жалѣть о такомъ заблужденіи, такъ какъ благодаря этому въ принципѣ правильная, какъ намъ кажется, тенденція закона получила черезчуръ рѣзкое, нарушающее подчасъ самую элементарную справедливость, выраженіе.

Мы вполнѣ согласны съ авторами закона 14 іюня и присоединяемся въ этомъ отношеніи къ авторитетному

---

[1]) См. у Александровскаго. Объясненіе представителя правительства. Стр. 125 и 130. Рѣчь докладчика зем. комиссіи Гос. Думы. 118 стр.

мнѣнію проф. А. Э. Вормса [1]), въ томъ, что новый законъ не могъ сохранить института семейной собственности, развитаго нашимъ Сенатомъ, для простой семьи. И это не потому, что конструкція Сената представлялась бы намъ непонятной, а потому, что патріархальный и примитивный институтъ семейной собственности отца и дѣтей утратилъ свое значеніе и не совмѣстимъ съ денежнымъ хозяйствомъ, которое все больше проникаетъ и въ нашу деревню. При интенсивномъ оборотѣ стирается грань между сдѣлками по управленію и по отчужденію имущества, такъ что въ наше время и путемъ обязательственныхъ сдѣлокъ можно совершенно запутать и связать имущество и даже довести до отчужденія хотя бы движимости, принадлежащей двору.

Наконецъ, въ случаѣ конфликта съ отцомъ дѣти и при существованіи семейной собственности находятся въ безпомощномъ положеніи, ибо, какъ мы указали выше, управленіе и представительство отца—безконтрольны и безапелляціонны.

Въ виду этого мы полагаемъ, что единственно правильнымъ было признать отца единоличнымъ собственникомъ. За такимъ рѣшеніемъ то огромное преимущество, что оно, съ одной стороны, категорически опредѣляетъ природу права на имущество, съ другой, точно указываетъ его субъекта, внося этимъ необходимую устойчивость въ оборотъ. Но это отнюдь не обязываетъ насъ признать, что идея семейной собственности, т.-е. идея принадлежности имущества семьѣ, какъ трудовому союзу, можетъ быть забыта законодателемъ. Наоборотъ, мы намѣренно подчеркивали при разсмотрѣніи исторіи семейной собственности на западѣ тотъ фактъ, что установленіе единоличной собственности отца сопровождалось тамъ первоначально чрезвычайными ограниченіями въ правѣ распоряженія, которыя отчасти сохранились и до сихъ поръ въ видѣ обязательныхъ долей наслѣдованія въ пользу жены и дѣтей.

Поэтому мы утверждаемъ, что и нашъ законодатель при переходѣ къ единоличной собственности могъ и долженъ былъ оградить права младшихъ членовъ семьи.

---

[1]) См. статью проф. А. Э. Вормса въ этомъ же журналѣ. Книга I за 1910 г. стр. 105.

Идея права всѣхъ работоспособныхъ членовъ крестьянской семьи на надѣльную землю не плодъ досужей фантазіи: она является естественнымъ результатомъ характера крестьянской семьи—какъ трудового союза, какъ союза плательщиковъ, изъ которыхъ на весьма уравнительныхъ началахъ выколачивались выкупные платежи—покупная плата за землю, съ которыхъ даже и послѣ закона 14 іюня продолжаютъ взыскиваться недоимки домохозяина[1]).

Идея правъ младшихъ членовъ семьи на имущество отца неискоренимо живетъ въ народномъ правосознаніи и произвольная перетасовка правъ въ семейной средѣ неизбѣжно вызоветъ и уже вызвала озлобленіе и зависть обездоленныхъ младшихъ членовъ семьи противъ главы ея. Безконечные семейные тяжбы, которыми теперь буквально заваливаются крестьянскія судебныя учрежденія, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Очевидно и въ нашихъ законодательныхъ сферахъ уже замѣтили, что абсолютно независимая единоличная собственность въ стилѣ манчестерскаго либерализма бьетъ дальше цѣли, и убѣдились въ необходимости обезпечить дѣтей отъ печальныхъ послѣдствій неблагоразумія отцовъ. Несомнѣнно, въ связи съ этимъ зимой этого года былъ спѣшно разработанъ и 18 мая 1911 года Высочайше утвержденъ законъ „объ учрежденіи опекъ надъ сельскими обывателями вслѣдствіе расточительности“ (Собр. Узак. 1911 г. ст. 951).

Подлежащей инстанціей для объявленія расточительными крестьянъ, живущихъ внѣ городовъ, закономъ признанъ волостной судъ (ст. 1), рѣшеніе котораго, даже безъ жалобъ сторонъ, получаютъ окончательную силу лишь по утвержденіи ихъ уѣзднымъ съѣздомъ (ст. 6). Закономъ приняты чрезвычайныя мѣры для ускоренія производства: „дѣла о признаніи расточителями разсматриваются волостными судами въ двухнедѣльный срокъ со дня поступленія ходатайствъ“ (ст. 4). Утвержденіе съѣздомъ слѣдуетъ въ ближайшемъ очередномъ засѣданіи (ст. 5). Наконецъ, что особенно важно для предотвращенія легкомысленныхъ отчужденій надѣльной земли: „Волостной

---

[1]) См. 2 п. ст. 290 Общ. пол. о крест. На крайнюю несправедливость такого положенія уже указывалъ А. Э. Вормсъ въ той же статьѣ. Стр. 106.

судъ, *въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательствъ*, имѣетъ право, *и до постановленія рѣшенія о признаніи расточителемъ*... наложить арестъ и запрещеніе на имущество лица, о расточительности котораго начато производство" (ст. 9).

Законъ не указываетъ тѣхъ дѣйствій, при наличности которыхъ крестьянинъ долженъ быть признанъ расточителемъ. Опредѣленіе этого вопроса предоставлено волостному суду, который, конечно, не обязанъ ограничиваться критеріемъ ст. 150 Устава о Пред. и Пресѣч. Прест.: — „безмѣрная роскошь, излишества, безпутства и мотовство". Пока жива идея правъ младшихъ членовъ семьи на отцовскую землю, всякое неблаблагоразумное отчужденіе этой земли при наличности работоспособныхъ дѣтей должно быть признано расточительностью.

Представляя этотъ вопросъ на усмотрѣніе волостныхъ судовъ, законъ далъ возможность крестьянству ввести смягчающій коррективъ къ закону 14 іюня 1910 года. Окажутся ли волостные суды на высотѣ своего призванія?

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ средствъ для защиты попранныхъ правъ младшихъ членовъ семьи противъ прижизненнаго распоряженія надѣльнымъ участкомъ въ рамкахъ дѣйствующаго закона не имѣется.

Зато, въ отношеніи распоряженій на случай смерти благопріятная практика можетъ сдѣлать очень много: вѣдь къ наслѣдованію у крестьянъ примѣняется не писанное, а обычное право (ст. 13 Общ. Пол. о крест.).

До указа 9 ноября завѣщательныя распоряженія домохозяина нашъ Сенатъ, вообще, считалъ недѣйствительными потому, что имущество принадлежало не ему, а семьѣ. Теперь этотъ аргументъ отпалъ и, согласно правильному разъясненію министерства внутреннихъ дѣлъ[1]), вопросъ о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній зависитъ отъ мѣстнаго обычая.

Разсматривая исторію развитія идеи семейной собственности на западѣ, мы установили, что нормы, ограничивающія свободу завѣщательнаго распоряженія единоличнаго собственника, по всеобщему признанію,

---

[1]) См. циркуляръ 1906 г. № 70 и 1908 г. № 2945.

явились развитіемъ все той же идеи правъ семьи на имущество отца. Это даетъ намъ право утверждать, что и въ нашемъ быту идея принадлежности надѣльной земли семьѣ безусловно выразится въ запрещеніи завѣщать эту землю на сторону, минуя членовъ семьи [1]).

Обратимся теперь къ „общей собственности“ матери и дѣтей или лицъ, не состоящихъ между собой въ родствѣ по прямой нисходящей линіи, установленной ст. 48 закона 14 іюня. Какъ было уже отмѣчено въ литературѣ, „общая собственность“ ст. 48 носитъ нѣсколько своеобразный характеръ въ виду того, что законъ не опредѣляетъ размѣра долей каждаго изъ участниковъ [2]).

Законодательные мотивы по этому поводу разъясняютъ, что въ случаѣ возникновенія между участниками спора при раздѣлѣ вопросъ о доляхъ ихъ участія будетъ разрѣшаться волостнымъ судомъ на основаніи обычая [3]).

Отсутствіе точно опредѣленныхъ долей, отсутствіе исчерпывающей нормировки взаимоотношеній совладѣльцевъ, есть тотъ отрицательный признакъ, которымъ, какъ мы пытались выяснить выше, институтъ семейной собственности сонаслѣдниковъ отличается отъ индивидуалистической общей собственности. Это и даетъ намъ право утверждать, что законъ 14 іюня, несмотря на обманчивый терминъ, сохранилъ семейную собственность сонаслѣдниковъ. При этомъ нормировку ея, хотя и поверхностную, мы считаемъ большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ Положеніями о крестьянахъ и Сенатской практикой,—и вотъ почему.

Наша практика, такъ же какъ и Положенія, совершенно не различали домохозяина - отца и домохозяина семьи сонаслѣдниковъ. Въ результатѣ послѣднему приписывались тѣ же обширныя полномочія по представительству и таже безконтрольная власть въ домѣ, какъ отцу. Мы уже указывали, что это совершенно не соотвѣтствуетъ внутреннимъ отношеніямъ семьи сонаслѣдниковъ—т.-е. семьи

---

1) Вопросъ этотъ подвергнутъ обстоятельной разработкѣ Н. Г. Вавиннымъ въ статьѣ „Ст. 13 Общ. Пол. и крест. дух. зяв.“ въ „Вѣстникѣ Права и Нот. 1911 г. № 20.

2) См. статью Вормса, стр. 114.

3) См. докладъ Осо[illegible]. Ком. Госуд. Совѣта. Цитирую по Тютрюмову „Законъ 14 іюня 1910 г.“ Стр. 139.

равныхъ, гдѣ главенство старшаго выражается преимущественно въ представительствѣ семьи въ сферѣ податной и административной.

Первоначально такое положеніе, быть-можетъ, и не было столь тягостнымъ для остальныхъ сонаслѣдниковъ, такъ какъ недовольные могли всегда потребовать раздѣла; но съ изданіемъ закона 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, производство раздѣла поставлено въ зависимость отъ согласія „родителя или старшаго члена семьи“ [1]).

Такимъ образомъ отъ равноправія сонаслѣдниковъ не оставалось и слѣда. Какъ извѣстно, правила о семейныхъ раздѣлахъ (стт. 38—46 Общ. Пол.) отмѣнены указомъ 5 октября 1906 г.—слѣдовательно непосредственно передъ изданіемъ указа 9 ноября.

Законъ 14 іюня, объявляя сонаслѣдниковъ „общими собственниками“, хотя бы и въ кавычкахъ, сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ къ возстановленію ихъ равноправія, такъ какъ послѣ этого уже невозможно признавать домохозяина такой семьи безконтрольнымъ и независимымъ распорядителемъ и представителемъ семьи, ибо для всякихъ частныхъ сдѣлокъ онъ нуждается теперь въ формальномъ уполномочіи совладѣльцевъ.

Какъ очевидный пережитокъ прежняго положенія въ законѣ 14 іюня осталось постановленіе, что и въ случаяхъ, предусматриваемыхъ ст. 48, только домохозяинъ можетъ „потребовать“ укрѣпленія надѣла въ общую собственность совладѣльцевъ [2]). Если же домохозяинъ отказывается сдѣлать такое заявленіе, то совладѣльцы вынуждены прибѣгнуть къ раздѣлу, чтобы затѣмъ уже въ качествѣ самостоятельныхъ домохозяевъ требовать укрѣпленія [3]).

Что касается отсутствія опредѣленныхъ долей, то, быть можетъ здѣсь, и слабое мѣсто конструкціи, данной закономъ 14 іюня, чреватое осложненіями и спорами. Но мы полагаемъ, что устанавливать опредѣленныя доли или даже разрѣшать фиксировать такія доли при укрѣпленіи законъ все же не могъ, и это по двумъ основаніямъ: во-

---

[1]) Нынѣ ст. 39 Общ. Полож.
[2]) См. ст. 9.
[3]) См. статью А. Э. Вормса стр. 114.

первыхъ, съ установленіемъ опредѣленной доли совладѣлецъ получилъ бы возможность отчуждать самостоятельно свое право участія постороннимъ лицамъ еще до раздѣла, что при интимномъ характерѣ семейнаго хозяйства могло бы оказаться крайне тягостнымъ для остальныхъ членовъ семьи; во-вторыхъ, и, это главное, относительная расцѣнка правъ участниковъ въ крестьянской совмѣстной собственности опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ настолько конкретными и подчасъ разнородными данными, что какое бы то ни было обобщеніе представляется не только труднымъ, но и нежелательнымъ въ цѣляхъ справедливости.

Чтобы уяснить всю сложность положенія, приведемъ для примѣра классическій въ современной практикѣ тяжбъ между совладѣльцами-сонаслѣдниками случай.

Послѣ смерти отца хозяйство перешло къ двумъ сыновьямъ. Досталось оно имъ въ запущенномъ видѣ: накопились недоимки,—скудный инвентарь. Земля двоихъ прокормить не могла, и младшій братъ переѣхалъ въ городъ—„жилъ на сторонѣ“...

По истеченіи цѣлаго ряда лѣтъ и по укрѣпленіи земли въ общую собственность братьевъ — младшій потребовалъ раздѣла... Къ этому времени положеніе въ хозяйствѣ измѣнилось: недоимки исчезли, земли „приумножено“, цѣнность инвентаря возросла въ нѣсколько разъ.

По какому критерію будутъ расцѣниваться доли братьевъ въ землѣ и въ ея принадлежности—инвентарѣ?

Безспорно, что при господствѣ въ крестьянской семьѣ трудового принципа первоначальное равенство долей братьевъ ко времени раздѣла должно измѣниться въ пользу того изъ нихъ, кто больше способствовалъ подъему и улучшенію хозяйства... Часто братъ, ушедшій въ городъ, весь свой заработокъ исправно отправляетъ въ деревню, на увеличеніе хозяйства и прикупку земли, лелѣя мечту о возвращеніи въ деревню. Часто, наоборотъ, ушедшій совершенно забываетъ про семью, ни копѣйки не высылаетъ, предоставляя старшему „оправдывать“ надѣлъ; но прослышавъ въ городѣ про „новый земельный законъ“, онъ непрочь укрѣпить и продать свою долю участія...

Неужели можно установить хотя бы только для этихъ двухъ случаевъ однообразную расцѣнку долей?

Конечно, нѣтъ. Въ первомъ случаѣ братьевъ раздѣлятъ поровну, во второмъ волостной судъ обязанъ сказать младшему брату: вы братья — получили отъ отца разоренное хозяйство; его нынѣшнее богатство исключительно плодъ рукъ старшаго. Правда, несмотря на твое многолѣтнее отсутствіе ты по закону совладѣлецъ хозяйства, но, конечно, не въ равныхъ доляхъ.—Если бы судъ отвѣтилъ иначе, онъ допустилъ бы явное обогащеніе младшаго брата за счетъ старшаго.

Намъ извѣстны на практикѣ и такія рѣшенія волостныхъ судовъ, очевидно, не нашедшихъ критерія правильной расцѣнки долей и дѣлившихъ братьевъ „по X тому“ какъ сонаслѣдниковъ, но такое рѣшеніе, мы думаемъ, это подтвердятъ всѣ, кто соприкасается съ крестьянской практикой, глубоко оскорбляетъ правовое чувство крестьянъ.

Намъ могутъ возразить, что въ нашемъ казусѣ неравенство долей должно относиться только къ инвентарю, а что земля, унаслѣдованная братьями, должна во всякомъ случаѣ дѣлиться поровну. Съ этимъ можно согласиться только въ томъ случаѣ, когда земля досталась сонаслѣдникамъ ужъ послѣ погашенія выкупного долга: не слѣдуетъ забывать, что земля, обремененная выкупными платежами часто не только не „оправдывала“ себя,—по характерному народному выраженію,—т.-е.—не давала ренты, но прямо разоряла плательщика непосильными платежами. При такихъ условіяхъ старшему брату въ нашемъ казусѣ пришлось фактически просто покупать эту землю. Дѣлежъ поровну былъ бы здѣсь явно несправедливымъ.

Отказываясь отъ фиксаціи долей, законъ 14 іюня далъ возможность суду при производствѣ раздѣла учесть трудовое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ и рѣшить вопросъ въ полномъ соотвѣтствіи съ крестьянскими правовоззрѣніями. Въ этомъ, кажется намъ, безусловное достоинство конструкціи 48 статьи.

Если можно сдѣлать въ этомъ отношеніи упрекъ законодателю, такъ только въ томъ, что имъ не указаны формальные критеріи расцѣнки долей. Но при враждебности нашего законодателя къ самобытнымъ правовоззрѣніямъ въ крестьянской средѣ было бы небезопасно обращаться къ нему съ такимъ указаніемъ.

Подводя итогъ послѣдней главы, мы должны признать, что нормировка закономъ 14 іюня имущественныхъ правъ крестьянской семьи какъ простой, такъ и семьи сонаслѣдниковъ—по сравненію съ положеніемъ до изданія закона не такъ ужъ плоха. Если индивидуалистическія тенденціи этой нормировки и получили слишкомъ рѣзкое выраженіе, то примѣненіе обычнаго права въ области наслѣдованія и раздѣловъ представляетъ судебной практикѣ возможность ввести значительный коррективъ и смягчить рѣзкость и подчасъ несправедливость закона.

Начало семейной собственности, переставшее отчасти существовать въ нашемъ законѣ въ видѣ самостоятельнаго института, должно быть выявлено теперь нашей практикой въ обычно правовыхъ нормахъ наслѣдственнаго права и въ правилахъ семейныхъ раздѣловъ.

Такимъ образомъ передъ крестьянскими судебными учрежденіями и, особенно, передъ волостными судами стоитъ сейчасъ задача огромной общественной важности. Сумѣютъ ли они справиться съ ней? Къ сожалѣнію, все то, что извѣстно до сихъ поръ о дѣятельности этихъ судовъ не позволяетъ предаваться радужнымъ надеждамъ.

В. Н. Шретеръ.

Къ вопросу о преданіи суду должностныхъ лицъ.

(Пререканія между прокуроромъ и административнымъ начальствомъ).

Извѣстно, что для привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ за преступленія должности существуетъ особый порядокъ, въ значительной мѣрѣ отличающійся отъ общаго. Несовершенство этого порядка, чрезвычайно искусственнаго и сложнаго, сознано и правительствомъ, которое внесло уже въ госуд. думу законопроектъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Однако еще не извѣстно, въ какую форму отольются всѣ предположенія объ измѣненіи порядка отвѣтственности лицъ указанной категоріи: будутъ ли они сравнены въ этомъ смыслѣ съ обывателями, или же для нихъ оставленъ будетъ все же иной порядокъ, въ той или иной степени отличный отъ существующаго, въ той или иной степени приближающійся къ общему порядку. Несомнѣнно, однако, что и въ будущемъ возможны будутъ споры между начальствомъ подчиненныхъ должностныхъ лицъ и представителями прокуратуры: пререканія. Разборомъ нынѣ существующаго порядка разрѣшенія этихъ пререканій, важнѣйшихъ его несовершенствъ мы желали бы предостеречь законодательныя учрежденія отъ ошибокъ при конструкціи подробностей новаго закона объ отвѣтственности должностныхъ лицъ.

Согласно ст. 1089 Уст. Уг. Суд. для преданія суду за преступленія должностныя необходимо производство предварительнаго слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя въ трехъ случаяхъ: 1) когда въ преступленіи, вмѣстѣ съ

должностными, участвовали и частныя лица; 2) когда съ обвиняемаго должностнаго лица требуется вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные его дѣйствіями по должности и 3) когда должностное лицо обвиняется въ такомъ преступленіи должности, которое по закону влечетъ за собою полное правопораженіе или лишеніе всѣхъ особенныхъ личныхъ и по состоянію правъ и преимуществъ. Въ статьѣ же 1086 того же Устава дается общее правило: „Начальство обвиняемыхъ должностныхъ лицъ сообщаетъ имъ какъ о предметѣ обвиненія, такъ и объ имѣющихся противъ нихъ доказательствахъ, требуя надлежащихъ объясненій. Когда по обстоятельствамъ дѣла окажется нужнымъ предварительное изслѣдованіе, то оно возлагается на одного изъ подвѣдомственныхъ тому же начальству чиновниковъ“. Стало-быть, по общему правилу дѣйствующаго законодательства, если должностное лицо обвиняется въ преступленіи, которое оно совершило при исполненіи или по поводу исполненія своей должности, то слѣдствіе (называемое почему-то „изслѣдованіемъ“) производится чиновникомъ того же вѣдомства, къ коему принадлежитъ и обвиняемый; такъ, если полицейскій чинъ обвиняется во взяточничествѣ или вымогательствѣ, то слѣдствіе объ этихъ его дѣйствіяхъ можетъ быть поручено чиновнику особыхъ при губернаторѣ порученій, совѣтнику губернскаго правленія и даже исправнику, ибо всѣ они въ равной мѣрѣ подчинены губернатору; если, напр., податной инспекторъ обвиняется въ нарушеніи долга службы, то слѣдователями могутъ быть начальникъ отдѣленія казенной палаты, чиновникъ для порученій при палатѣ, помощникъ управляющаго палатой, ибо всѣ эти лица подчинены управляющему казенной палатой. Однако, не во всѣхъ случаяхъ служебныхъ преступленій законъ ограничивается такимъ „домашнимъ изслѣдованіемъ“. И вотъ выше цитированная 1089 ст. Уст. Уг. Суд. опредѣляетъ, когда именно домашнее изслѣдованіе должно уступить мѣсто формальному „слѣдствію“ чрезъ судебнаго слѣдователя, т.-е. чрезъ лицо постороннее для даннаго вѣдомства, чуждое вѣдомственныхъ тенденцій и по спеціальности своей привыкшее разбираться въ дѣяніяхъ криминальнаго значенія. Гдѣ же причины того, что дѣлается изъ общаго правила такое столь существенное исключеніе. Логическія причины очевидны,

но слѣдуетъ обратиться къ тому, каковы причины оффиціальныя. Въ изданіи Устава Уголовнаго Судопроизводства государственной канцеляріи подъ 1089 ст. находимъ: „Въ Уставѣ (1086 ст.) постановлено общее правило, что если по обстоятельствамъ, представленнымъ противъ обвиняемаго должностнаго лица, окажется нужнымъ произвести предварительное слѣдствіе, то оно возлагается на одного изъ подвѣдомственныхъ начальству обвиняемаго чиновниковъ. Но едва ли это правило, столь полезное и необходимое для поддержанія достоинства и самостоятельности административныхъ властей, не должно допускать никакихъ исключеній". Для всякаго, кто хорошо знакомъ съ эзоповскимъ языкомъ нашихъ канцелярій, совершенно ясно, какая мысль лежитъ въ основаніи тирады, начинающейся съ этого „но едва ли". Если освободить мысль отъ ея маски, то мы получимъ: что „это правило, столь противорѣчащеее смыслу закона о государственной репрессіи преступленій, столь несогласное съ правами личности „обывателя", но столь удобное и выгодное для администраціи въ смыслѣ созданія ея безотвѣтственности, не можетъ быть проводимо до конца по соображеніямъ чисто практическаго свойства, а потому, скрѣпивъ сердце, допустимъ такія исключенія изъ этого правила, которыя настоятельно требуются фактической обстановкой". Вотъ какія мысли были у авторовъ „Объяснительной записки 1864 года" (стр. 58 и 59). Что это такъ, видно не только изъ характера изложенія, но и изъ того объема исключеній, какой допущенъ 1089 статьей изъ общаго правила 1086 статьи. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ же объемъ этого исключенія? Случаи, когда въ совершеніи преступленія вмѣстѣ съ должностнымъ участвовали и частныя лица, когда требуется вознагражденіе за вредъ и убытки и когда должностному лицу грозитъ такое наказаніе, которое сопряжено съ полнымъ или частичнымъ правопораженіемъ. Объединены ли эти исключенія какой-либо общей, юридической, правовой мыслью, вытекающей изъ самаго существа этихъ исключеній? Нѣтъ! Почему эти случаи изъяты отъ порядка „домашняго изслѣдованія", предусмотрѣннаго 1086 ст.? Да потому, что фактически ихъ нельзя уложить въ рамки этого домашняго изслѣдованія, котораго цѣль, можетъ быть, схоронить концы. Въ

самомъ дѣлѣ, какъ это сдѣлать, если участвуетъ въ преступленіи частное лицо, или какъ кончить дѣло домашнимъ способомъ, если разрушенъ, напр., домъ и этимъ нанесены убытки; или какъ оставить дѣло въ рукахъ сослуживца должностнаго лица, когда это лицо уже находится въ предварительномъ заключеніи, такъ какъ обвиняется въ такомъ дѣяніи, наказаніе за которое сопряжено съ полнымъ правопораженіемъ? Авторы Объяснительной записки подтверждаютъ высказанныя соображенія: „Въ сихъ случаяхъ (исключеній) подлежатъ преслѣдованію не одни уже дѣйствія должностнаго лица и затронуты интересы не одной только администраціи, но и частныхъ лицъ. Предоставленіе и въ этихъ случаяхъ начальству обвиняемаго должностнаго лица производства слѣдствія съ устраненіемъ отъ сего власти судебной привело бы къ другой крайности, столь же несогласной со справедливостью, какъ и устраненіе административной власти отъ всякаго участія въ преслѣдованіи подчиненныхъ ей должностныхъ лицъ". Легко видѣть, что Записка говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдовало бы трактовать: центръ тяжести отъ существа дѣла—безнадежнаго къ оправданію—перенесенъ совсѣмъ въ иную плоскость *справедливаго* или несправедливаго отношенія не къ преступному субъекту, не къ лицу, потерпѣвшему матеріальный или моральный вредъ, и даже не къ идеѣ государственнаго возмездія, а къ явленіямъ чисто внѣшнимъ—вѣдомственнымъ интересамъ, или заботамъ, чтобы не былъ обиженъ одинъ на счетъ другого: прокуроръ и губернаторъ. — Далѣе въ Объяснительной запискѣ (стр. 59) читаемъ: „Правилу сему (ст. 1089) надлежитъ подчинить и тѣ дѣла о должностныхъ лицахъ, по коимъ они обвиняются въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ потому, что обвиняемые въ столь важныхъ преступленіяхъ содержатся подъ стражею и должны поступать *заблаговременно* въ непосредственное вѣдѣніе судебной власти".

Тенденція послабленія должностнымъ лицамъ была бы слишкомъ ясна, если бы, проводя общее правило 1086 ст., измѣнили правило ст. 419 Уст. Уг. Суд. добавленіемъ, что она не распространяется на лицъ долж-

ностныхъ, хотя бы они обвинялись и въ тяжкихъ преступленіяхъ.

Полагаемъ, что мы съ достаточной полнотой и ясностью установили, что содержаніе ст. 1089 Уст. Уг. Суд. представляется случайнымъ и обусловлено не существомъ юридическихъ понятій и правовыхъ соотношеній, но главнымъ образомъ фактической обстановкой.

Слѣдующая статья, на которой должно остановить вниманіе, есть статья 1090 Уст. Уг. Суд.; она опредѣляетъ, что начальство обвиняемаго, передавая дѣло судебному слѣдователю, увѣдомляетъ о семъ прокурора, что и представляется совершенно логичнымъ и юридически цѣлесообразнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальство обвиняемаго можетъ командировать къ слѣдствію своего чиновника для указанія слѣдователю на тѣ обстоятельства дѣла, изслѣдованіе коихъ, по мнѣнію его (т.-е. этого командированнаго чиновника), имѣетъ особую важность и значеніе. Правда, законъ не опредѣляетъ, чтобы это „указаніе“ чиновника судебному слѣдователю имѣло для послѣдняго обязательное значеніе, а потому слѣдуетъ заключить, что это „указаніе“ имѣетъ лишь субсидіарное, техническое значеніе. При обсужденіи 1090 ст. въ коммиссіи, составившей Объяснительную записку 1864 года, высказано было: „что въ Уставѣ постановлено общимъ правиломъ, что предварительное слѣдствіе о должностныхъ лицахъ возлагается на одного изъ подвѣдомственныхъ начальству обвиняемаго чиновниковъ (1086), но какъ могутъ быть случаи, въ коихъ подлежатъ преслѣдованію не только дѣйствія должностнаго лица и затронуты интересы не одной только администраціи, но и частныхъ лицъ, а иногда и цѣлаго общества, то несправедливо было бы въ этихъ случаяхъ устранить отъ преслѣдованія виновныхъ судебную власть и такимъ образомъ лишить ее возможности исполнить существенную свою обязанность“ (Объяснит. Зап., стр. 59), каковая обязанность состоитъ, конечно, въ преслѣдованіи и государственной репрессіи преступленій. Слѣдующая статья, интересующая насъ, есть 1091 того же Уст. Уг. Суд. Она указываетъ, что предварительное слѣдствіе, произведенное судебнымъ слѣдователемъ, представляется прокурору, а отъ послѣдняго при его заключеніи о дальнѣйшемъ направленіи дѣла передается на-

чальству обвиняемаго. Однако, какъ видно изъ той же Записки, „первоначально предполагалось постановить, что начальство обвиняемыхъ обязано заключенія свои по произведенному судебнымъ слѣдователемъ слѣдствію сообщать прокурору, которому предоставляется на такое заключеніе изъявлять несогласіе и въ этомъ случаѣ дѣло для рѣшенія разномыслія поступаетъ въ Губернское Правленіе или 1-й Департаментъ Сената". Но предположеніе это было отвергнуто по соображеніямъ чисто внѣшнимъ: въ виду возможности конфликта мнѣнія прокурора съ мнѣніемъ министра или главноуправляющаго въ отношеніи тѣхъ лицъ, начальствомъ для которыхъ являются именно эти столь высокопоставленныя особы. Такимъ образомъ принципъ служебной іерархіи, субординаціонное начало оказало вліяніе, и очень сильное, на самое существо юридической конструкціи, а по отраженію и на комплексъ формальныхъ гарантій обывателя.

Наконецъ, обратимся къ важнѣйшимъ для разсматриваемаго вопроса статьямъ Уст. Уг. Суд. 1092 и 1093. Первая изъ указанныхъ статей гласитъ: „Если по одному изъ дѣлъ, указанныхъ въ 1089 ст., административное начальство, вопреки мнѣнію прокурора, признаетъ, что обвиняемый вовсе не подлежитъ отвѣтственности или что взысканіе на него можетъ быть наложено въ административномъ порядкѣ, то дѣло для разрѣшенія возникшаго разномыслія поступаетъ о чинахъ, опредѣляемыхъ къ должностямъ губернскими и равными имъ властями, за исключеніемъ губернскихъ правленій, въ сіи послѣднія, а о чинахъ, опредѣляемыхъ губернскими правленіями, министерствами или главными управленіями— въ 1-й департаментъ сената". Статья же 1093 Уст. Уг. Суд. изложена такъ: „Опредѣленія Губернскаго Правленія, не согласныя съ заключеніемъ прокурора въ отношеніи къ преданію суду обвиняемыхъ должностныхъ лицъ, представляются на окончательное разрѣшеніе 1-го Департамента Сената". Въ Сенатѣ же по силѣ 1094 ст. Устава разномыслія разрѣшаются въ Соединенномъ присутствіи 1-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ. Въ той же Объяснительной запискѣ 1864 года на стр. 59—60 находимъ: „При разногласіи прокурора съ мнѣніемъ начальства обвиняемаго сіе разномысліе должно поступать въ губернскія правленія или 1-й Департаментъ Сената по

принадлежности въ такомъ только случаѣ, когда начальство обвиняемаго признаетъ, что онъ вовсе не подлежитъ отвѣтственности или, что взысканіе на него можетъ быть наложено въ административномъ порядкѣ, а прокуроръ найдетъ, что по важности упущенія обвиняемый долженъ быть преданъ суду, *или наоборотъ*. Во всѣхъ другихъ случаяхъ разногласія приводится въ исполненіе заключеніе начальства обвиняемаго, хотя бы прокуроръ и не былъ съ нимъ согласенъ. Столь ограниченное участіе прокурора въ дѣлахъ о должностныхъ лицахъ административныхъ вѣдомствъ нимало не нарушаетъ достоинства администраціи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо вмѣшательствомъ судебнаго чиновника въ дѣла административныя, ибо прокурорскому надзору подчиняются только тѣ дѣла, которыя касаются какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ или по коимъ должностныя лица обвиняются въ частныхъ преступленіяхъ". Въ этихъ законодательныхъ мотивахъ слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть, что скрывается подъ словами: „или наоборотъ". Разномысліе поступаетъ на разрѣшеніе сената, если начальство находитъ, что чиновникъ вовсе не подлежитъ отвѣтственности или подлежитъ отвѣтственности дисциплинарной, а прокуроръ находитъ, что чиновникъ долженъ быть преданъ суду. Какъ же сдѣлать построеніе съ этимъ самымъ матеріаломъ, но наоборотъ? Очевидно, только однимъ способомъ: нужно, чтобы административное начальство и прокуроръ помѣнялись точками зрѣнія: нужно, чтобы начальство обвиняемаго чиновника считало необходимымъ предать его суду, а прокуроръ находилъ возможнымъ кончить дѣло въ административномъ порядкѣ или признать чиновника вовсе не подлежащимъ отвѣтственности; только одно это положеніе и исключительно одно оно и будетъ обратнымъ тому разсужденію, которое даетъ Объяснительная записка. Въ такомъ случаѣ разногласіе поступаетъ также на разсмотрѣніе сената. Эти разсужденія законодательной мотивировки получили полное отраженіе въ законѣ, они именно легли въ основаніе ст. 1093 Устава Уг. Суд., которая постановляетъ, что „опредѣленія губернскаго правленія, не согласныя съ заключеніемъ прокурора въ отношеніи къ преданію суду обвиняемыхъ должностныхъ лицъ, представляется на окончательное разрѣшеніе Сената". Выраженія этой

статьи носятъ самый общій характеръ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ мыслямъ, которыя развиты въ законодательныхъ мотивахъ; сказано: „опредѣленія, не согласныя съ заключеніемъ прокурора“.., слѣдовательно всякое опредѣленіе губернскаго правленія, несогласное со всякимъ заключеніемъ прокурора, восходитъ на разсмотрѣніе сената при одномъ лишь условіи: необходимо чтобы эти „опредѣленіе“ и „заключеніе“ касались преданія суду должностного лица, а какую точку зрѣнія отстаиваетъ прокуроръ въ этомъ разномысліи, какую административное начальство—это для существа разрѣшенія спора не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Однако, могутъ возразить, что для такого пониманія встрѣчается затрудненіе въ самомъ дальнѣйшемъ текстѣ законодательной мотивировки: вѣдь строчкой ниже въ Объяснительной запискѣ читаемъ: „во всѣхъ другихъ случаяхъ разногласія приводится въ исполненіе заключеніе начальства объвиняемаго, хотя бы прокуроръ и не былъ съ нимъ согласенъ“. Послѣ того, что выше изложено въ связи съ выраженіемъ записки „или наоборотъ“, казалось бы, не остается больше случаевъ для разногласія. Но это не такъ: указанное возраженіе есть лишь „видимость“ противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ: прокуроръ и административное начальство могутъ оба сходиться на мысли, что дѣло о чиновникѣ не должно обращать къ порядку судебному, можно окончить дисциплинарнымъ взысканіемъ; однако они могутъ разно мыслить о томъ, въ какой степени наложить на чиновника взысканіе; или оба находятъ нужнымъ предать чиновника суду, но одинъ находитъ необходимымъ командировать въ помощь слѣдователю чиновника административнаго вѣдомства, а другой считаетъ это лишнимъ; или губернаторъ находитъ необходимымъ наложить на чиновника дисциплинарное взысканіе, а прокуроръ полагаетъ освободить чиновника вовсе отъ преслѣдованія—и многое тому подобное. Если бы въ такихъ случаяхъ дѣло—по вмѣшательству прокурора — восходило на разрѣшенія въ порядкѣ пререканія, то это, конечно, не способствовало бы поднятію авторитета административныхъ начальствъ въ глазахъ узкаго круга подначальныхъ чиновниковъ и, конечно, было бы вторженіемъ прокурора въ несвойственную ему область. Такимъ образомъ, мы думаемъ,

что выяснили истинный объемъ ст. 1093 Устава и устранили кажущееся противорѣчіе.

Въ концѣ-концовъ—положенія дѣйствующаго кодекса таковы: а) начальство обвиняемыхъ должностныхъ лицъ производитъ чрезъ своего чиновника изслѣдованіе (1086); министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ циркулярами: первый 30-го ноября 1870 г. № 236, второй—30 октября 1870 г. № 243, разъяснили, что административные чиновники могутъ производить предварительныя изслѣдованія по преступленіямъ должности *только въ маловажныхъ* случаяхъ; б) такимъ образомъ разумъ закона не препятствуетъ, чтобы по всякому, кромѣ маловажнаго, должностному преступленію назначалось слѣдствіе; в) въ трехъ случаяхъ, указываемыхъ статьей 1089 Устава, не можетъ быть и мысли о домашнемъ изслѣдованіи,—назначеніе слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя обязательно; г) объясненіе обвиняемаго и слѣдствіе о его дѣйствіяхъ разсматривается его начальствомъ, которое или разрѣшаетъ дѣло административнымъ порядкомъ или входитъ о преданіи обвиняемаго суду (1087); д) если разномысліе по дѣламъ, указаннымъ въ ст. 1089, возникаетъ между административнымъ начальствомъ и прокуроромъ, то статья 1092 Устава указываетъ путь разрѣшенія этого разномыслія; характеръ и обстановка преступленій, упомянутыхъ въ 1089 ст. таковы, что разномысліе можетъ возникнуть только въ томъ смыслѣ, что прокуроръ требуетъ преданія суду, а начальство обвиняемаго не находитъ къ тому основаній; поэтому, какъ и выше выяснялось, эта 1092 ст. есть юридическій плеоназмъ; е) наконецъ, общее опредѣленіе объема и порядка разрѣшенія пререканій въ отношеніи къ преданію суду должностныхъ лицъ дается въ 1093 статьѣ Устава.

Слѣдуетъ теперь обратиться къ практикѣ возникновенія и разрѣшенія дѣлъ по пререканіямъ; слѣдуетъ разсмотрѣть практику Соединеннаго присутствія перваго и уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ сената.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 года до свѣдѣнія прокурора окружнаго суда дошло, что по распоряженію городской управы произведена была повѣрка операцій общественнаго банка и по учету избранныхъ для того лицъ обнаружена *растрата* банковскихъ капиталовъ на сумму свыше 11 тыс. руб. за время управленія банкомъ куп-

цами М. и Л.; результаты учета были предметомъ обсужденіе городской думы, *послѣ* чего купецъ Л. внесъ растраченную сумму. За пополненіемъ такимъ образомъ банковскихъ суммъ, управою не было дано дальнѣйшаго движенія дѣлу, и возникшая по оному переписка была прекращена. Получивъ такія свѣдѣнія и имѣя въ виду: а) что дѣла о растратѣ не могутъ быть прекращены взносомъ растраченной суммы (354); в) что директоры общественныхъ банковъ, согласно 3 ст. Высочайше утвержд. 6 февраля 1862 года Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ и ст. 303 т. III, утверждаются въ должностяхъ губернскимъ начальствомъ,— прокуроръ на основ. 1085 ст. Уст. Уг. Суд. сообщилъ свои свѣдѣнія и соображенія на распоряженіе губернскаго правленія. Послѣднее увѣдомило прокурора, что общественные банки на основаніи Положенія о нихъ 6 февраля 1862 года отвѣтствуютъ въ дѣйствіяхъ своихъ исключительно предъ городскими обществами, что отчеты ихъ, по повѣркѣ особо избранными гражданами, *никакому* внѣ городского общества контролю не подлежатъ, что за цѣлость всѣхъ суммъ банка отвѣчаетъ все городское общество, что всѣ обстоятельства, обнаруженныя при ревизіи банка за время управленія купцовъ М. и Л., уже были на обсужденіи городской думы и ею рѣшены окончательнымъ образомъ и что по всѣмъ изложеннымъ основаніямъ правленіе никакого распоряженія по сообщенію прокурора сдѣлать не можетъ. Это постановленіе прокуроръ нашелъ неправильнымъ на томъ основаніи, что хотя Положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ предоставляетъ городскимъ обществамъ исключительное право надзора надъ дѣйствіями избранныхъ обществомъ директоровъ, но до тѣхъ лишь поръ, пока дѣйствія эти не выступаютъ изъ сферы гражданскаго права; коль скоро же своими дѣйствіями директоры нарушили какое либо постановленіе уголовнаго законоположенія, то сужденіе о такихъ дѣйствіяхъ должно происходить въ порядкѣ, установленномъ Судебными Уставами. Статья 2 Положенія 6 февраля 1862 года предусматриваетъ подобные случаи и узаконяетъ: „за всѣ неблагопріятныя для банка послѣдствія, могущія произойти отъ неисполненія присутствующими и служащими въ ономъ своихъ обязанностей,

виновные подвергаются личной и по имуществу отвѣтственности на основаніи *общихъ* узаконеній о служащихъ въ кредитныхъ установленіяхъ". Итакъ, образовалось разномыслiе между губернскимъ правленіемъ и прокуроромъ, причемъ самаго факта совершенія преступленія уголовнаго ни одна сторона изъ пререкавшихся не отрицала; не отрицалась такимъ образомъ и наличность *пострадавшихъ* отъ преступленія. Казалось бы, что и съ точки зрѣнія правовой, и съ точки зрѣнія обывательской положеніе прокурора чрезвычайно выигрышно. Разномыслiе пошло на разрѣшеніе соединеннаго присутствія сената, которое прежде всего пожелало знать, на основаніи какихъ данныхъ прокуроръ возбудилъ предъ губернскимъ правленіемъ обвиненіе противъ директоровъ банка М. и Л. за растрату ими банковскихъ суммъ, а также, въ какомъ порядкѣ М. и Л. были утверждены въ своихъ должностяхъ, т.-е. по правиламъ-ли Уставовъ о службѣ по выборамъ или на основаніи Городового положенія; затѣмъ сенатъ пожелалъ знать, какое именно состоялось постановленіе городской думы по разсмотрѣніи результатовъ учета, произведеннаго директорамъ. На эти праздные вопросы прокуроръ донесъ, что изъ переписки по этому дѣлу, начатому предмѣстникомъ его, нельзя установить, какимъ путемъ дошли до прокурора-предмѣстника свѣдѣнія о совершенномъ преступленіи; что купцы М. и Л. были утверждены въ должностяхъ на основаніи Устав. о службѣ по выборамъ и что по постановленію городской думы 18 мая 1872 года дѣло о растратѣ признано оконченнымъ и производство о немъ прекращено. Получивъ эти свѣдѣнія, которыя, конечно, ни въ малой степени не помогли бо̀льшему освѣщенію, отлично уже освѣщеннаго вопроса, сенатъ „прежде всего призналъ необходимымъ разрѣшить вопросъ о томъ, подлежитъ ли настоящее дѣло по поводу разномыслія разсмотрѣнію Соединеннаго Присутствія, или нѣтъ" и затѣмъ сенатъ по этому именно Присутствію разсуждалъ: „По закону, изображенному въ стт. 1092 и 488 Уст. Уг. Суд. на разрѣшеніе этого присутствія Сената поступаютъ возникающія между административными начальствами и лицами прокурорской власти разномыслія *лишь* по дѣламъ о преступленіяхъ должности, упомянутымъ въ 1089 и 483—487 стт. этого Устава. Кромѣ того, II-ій Сенатъ

(въ соединенномъ присутствіи 16 декабря 1871 г. № 9541) разъяснилъ, что въ силу особыхъ соображеній *прокуроръ имѣетъ право возбуждать разномысліе и по другимъ дѣламъ о преступленіяхъ должности, не требующимъ слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя, если начальство обвиняемаго признаетъ необходимымъ предать его суду, а прокуроръ не считаетъ возможнымъ поддерживать обвиненіе,* взведенное на такое лицо, на судѣ, каковое разномысліе предлагается разсмотрѣнію соединеннаго присутствія. Этими собственно предѣлами опредѣляются предметы вѣдомства сего присутствія. Но чтобы прокурорская власть въ правѣ была возбуждать разномысліе по такимъ дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ, которыя не подходятъ подъ условія 1089 ст. и которыя административныя начальства полагаютъ возможнымъ разрѣшить въ административномъ порядкѣ—наложеніемъ дисциплинарнаго взысканія или совершеннымъ освобожденіемъ отъ такового—*на это никакихъ указаній въ законѣ не имѣется* и признавать таковое право за представителями прокурорской власти не только не представляется достаточныхъ основаній, но даже не согласовалось бы съ тѣми соображеніями, которыя послужили поводомъ къ допущенію участія органовъ судебной власти въ производствѣ предварительнаго слѣдствія о преступленіяхъ должности, и съ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставлена прокурорская власть по судебнымъ уставамъ 1864 года по отношенію къ административной. Въ дѣлахъ послѣдняго рода административное начальство дѣйствуетъ безъ всякаго участія прокурорской власти и распоряженія онаго по этимъ дѣламъ могутъ подлежать обсужденію лишь въ порядкѣ подчиненности высшихъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ, не восходя на разсмотрѣнія особаго присутствія сената. Руководствуясь изложенными соображеніями и имѣя въ виду, что прокуроръ окружнаго суда обвинялъ директоровъ общественнаго банка М. и Л., въ такого рода преступленіи, которое за пополненіемъ растраченной суммы является предусмотрѣннымъ 2 ч. 354 ст. Ул. Нак. и не подходитъ подъ условіе 1089 ст. Уст. Уг. Суд., Правительствующій сенатъ призналъ, что по настоящему дѣлу прокуроръ окружнаго суда не былъ вправѣ вступать съ губернскимъ правленіемъ въ пререканіе о дальнѣйшемъ — по возбужденіи его—направленіи настоящаго дѣла, а по-

тому разномыслiе, возникшее между ними не подлежитъ разсмотрѣнiю соединеннаго присутствiя, и дѣло должно быть направлено согласно заключенiю губернскаго правленiя". Сенатъ оставилъ представленiе прокурора безъ разсмотрѣнiя по существу (опред. сената по соединенному присутствiю его 7 мая 1879 года № 4131). Мы позволили себѣ цитировать почти полностью опредѣленiе соединеннаго присутствiя сената, такъ какъ оно является руководящимъ, направляющимъ текущую практику какъ самаго соединеннаго присутствiя, такъ равно и губернскихъ правленiй и прокуроровъ по весьма опредѣленному руслу, въ основанiи котораго помѣщается тезисъ извлеченный изъ цитированнаго опредѣленiя: „По дѣламъ о преступленiяхъ должности, не подходящимъ подъ случаи, предусмотрѣнные въ 1089 ст. Уст. Уг. Суд., прокурорскому надзору принадлежитъ право возбужденiй разномыслiя съ административнымъ начальствомъ должностнаго лица въ томъ только случаѣ, когда начальство полагаетъ предать обвиняемаго суду, а прокуроръ не находитъ къ тому основанiй; въ семъ случаѣ онъ не имѣетъ права возражать противъ окончанiя дѣла въ административномъ порядкѣ".

Обратимся къ разбору руководящаго опредѣленiя соединеннаго присутствiя 7 мая 1879 г. № 4131.—Прежде всего бросается въ глаза неправильная квалификацiя дѣянiя: растрата на сумму свыше 300 руб., учинена двумя лицами, пополнена однимъ изъ нихъ, купцомъ Л., пополненiе произведено послѣ открытiя злоупотребленiя; такимъ образомъ въ отношенiи Л. должна быть примѣнена 2 ч. 354 ст. Ул. о нак., а въ отношенiи М.—остается въ силѣ 4 ч. этой ст., такъ какъ М. ничего не пополнялъ. Затѣмъ, и это самое главное, разсматриваемое опредѣленiе ссылается въ качествѣ ultima ratio на законодательные мотивы стт. 1089—1093 Уст. Уг. Суд. и приводитъ эти мотивы, опуская совсѣмъ два слова, которыя представляются чрезвычайно важными: „или наоборотъ". Если мы вспомнимъ сказанное выше по поводу этихъ двухъ словъ и ихъ значенiя, то нельзя будетъ не признать, что вся логическая постройка разсматриваемаго опредѣленiя воздвигнута на фальшивомъ основанiи и должна разрушиться отъ соприкосновенiя съ мотивами и разсужденiями, положенными въ истинное основанiе закона, о чемъ выше

говорено. Между тѣмъ разсматриваемое опредѣленіе сената, ставшее руководящимъ, соединило въ качествѣ равноцѣнныхъ два признака: случайный, фактическаго значенія признакъ соотвѣтствія дѣянія тѣмъ преступленіямъ, о которыхъ трактуетъ 1089 ст. съ одной стороны и съ другой — положеніе ст. 1092, которая явилась лишь вслѣдствіе того, что признано было необходимымъ по соображеніямъ, выше разъясненнымъ, включить въ Уставъ 1089 ст.: ст. 1092 не есть содержащая общую мысль о порядкѣ разрѣшенія пререканія—такая мысль содержится въ ст. 1093.

Посмотримъ теперь, каковъ результатъ примѣненія руководящаго опредѣленія на мѣстѣ, въ условіяхъ жизненнаго, бытового возникновенія пререканій и каковъ ихъ исходъ.

Городовой М. въ мартѣ 1892 года обратился къ прокурору окружнаго суда съ жалобой на пристава Ш. за нанесеніе ему послѣднимъ тяжкихъ побоевъ при отправленіи ими обоими обязанностей службы. При прошеніи городовой М. представилъ свидѣтельство врача, которымъ констатировался фактъ нанесенія побоевъ. Согласно 1085 ст. Уст. Уг. Суд. жалоба городового, уволеннаго послѣ нанесенія ему побоевъ отъ должности, была препровождена прокуроромъ на распоряженіе градоначальника, который увѣдомилъ прокурора, что по жалобѣ М. на пристава Ш. за нанесеніе послѣднимъ оскорбленія словами и дѣйствіемъ (обратимъ вниманіе, что М. жаловался прокурору не на оскорбленіе, а на нанесеніе ему тяжкихъ побоевъ, въ чемъ было и свидѣтельство), было произведено дознаніе, которымъ обнаружено, что Ш. дѣйствительно совершилъ означенное преступленіе (т.-е. то, которое усмотрѣлъ градоначальникъ, а не то, которое чувствовалъ городовой М.), но таковое было вызвано „предосудительнымъ поведеніемъ и неисполненіемъ М. служебныхъ приказаній, имѣвшими послѣдствіемъ безуспѣшное преслѣдованіе воровъ“. Въ виду сего градоначальникъ призналъ возможнымъ ограничиться *на этотъ разъ* объявленіемъ Ш, строгаго выговора и должнымъ внушеніемъ. Изъ жизненной практики мы знаемъ, что если административно-полицейское дознаніе по жалобѣ простого городового на пристава устанавливаетъ, что приставъ дѣйствительно оскорбилъ го-

родового дѣйствіемъ, то ужъ, конечно, это было такое „оскорбленіе“, послѣ котораго оскорбленный вынужденъ былъ обратиться къ медицинской помощи и которое остается оскорбленному памятнымъ большею частію навсегда, ибо лишаетъ его слуха. Прокуроръ палаты, повидимому, на такое сообщеніе градоначальника вознегодовалъ и, принимая во вниманіе, что по свойству приписываемаго (очевидно, городовымъ М.) Ш. дѣянія означенное дѣло о немъ не могло быть разрѣшено въ административномъ порядкѣ, что разрѣшеніе въ такомъ порядкѣ дѣла представляется лишеннымъ законнаго основанія и что означенное распоряженіе градоначальника можетъ быть отмѣнено лишь высшею въ порядкѣ подчиненности властью, прокуроръ палаты довелъ о семъ до свѣдѣнія оберъ-прокурора Прав. сената, прибавивъ, чтобы парализовать соображеніе градоначальника о томъ, что „на этотъ разъ“ дѣло можно разрѣшить такъ, какъ онъ предполагаетъ, что приставъ Ш. по опредѣленію губернскаго правленія предавался уже одинъ разъ суду за преступленіе, предусмотрѣнное 347 ст. Ул. Нак. (оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ), но судомъ *по недостатку уликъ* былъ признанъ невиновнымъ. Сенатъ по соединенному его присутствію, „принявъ во вниманіе, что обвиненіе противъ пристава Ш. по стт. 400, 347 и 1533 Ул. Нак. не подходитъ подъ условія ст. 1089 Уст. Уг. Суд., нашелъ, что противъ постановленія начальства Ш.—градоначальника о разрѣшеніи дѣла въ административномъ порядкѣ прокурорскій надзоръ *не имѣлъ права* возражать, а поэтому представленіе прокурора оставилъ безъ разсмотрѣнія по существу“ (опред. 5 апрѣля 1893 г. № 2687). Вотъ блестящій примѣръ жизненнаго приложенія схоластическаго и неправильнаго по основаніямъ своимъ, но все же руководящаго, опредѣленія Соединеннаго присутствія! Городовой обвинялъ пристава въ нанесеніи ему тяжкихъ побоевъ, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 345 Ул. Нак., грозящей лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; этого городового прежде всего увольняютъ со службы; затѣмъ производится административное „изслѣдованіе“, хотя приставъ Ш. обвиняется въ далеко не маловажномъ служебномъ упущеніи; при производствѣ дознанія градоначальникъ замѣняетъ предъявленное по-

страдавшимъ обвиненіе другимъ, болѣе легкимъ — оскорбленіемъ; при всемъ желаніи прикрыть своего подчиненнаго, градоначальникъ не могъ этого сдѣлать и вынужденъ былъ признать наличность 347 ст. Ул. Нак., грозящей тюрьмой и лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ; вмѣсто такого наказанія градоначальникъ налагаетъ: строгій выговоръ и внушеніе! Сенатъ еще дробитъ и понижаетъ обвиненіе, и въ результатѣ протестъ прокурора, видѣвшаго, что преступникъ Ш. ускользаетъ отъ воздѣйствія государственной репрессіи, оставляется безъ разсмотрѣнія: пострадавшій не получилъ моральнаго удовлетворенія, пострадалъ за подачу жалобы, ибо уволенъ отъ службы, и мнѣнія градоначальника не опровергнуты высшимъ судилищемъ—сенатомъ!

Приведемъ случай нѣсколько болѣе близкій къ намъ по времени. Крестьянинъ Иванъ Лучкинъ, служащій ямщикомъ на Юрьевской почтовой станціи заявилъ судебному слѣдователю, что въ мартѣ 1893 года въ помѣщеніи почтово-телеграфной конторы былъ выруганъ безъ всякаго повода и побитъ по щекѣ начальникомъ конторы Лебедевымъ. Московская судебная палата прекратила производство предварительнаго слѣдствія, начатаго судебнымъ слѣдователемъ вопреки ст. 1077—1089 Уст. Уг. Суд. Затѣмъ переписка была препровождена начальнику главнаго управленія почтъ и телеграфовъ для привлеченія Лебедева къ уголовной отвѣтственности по 347 ст. Ул. Нак. На основаніи данныхъ, добытыхъ административнымъ „изслѣдованіемъ“ дѣло было разрѣшено въ административномъ порядкѣ начальникомъ главнаго управленія. Не соглашаясь съ такимъ опредѣленіемъ, прокуроръ Владимирскаго окружнаго суда представилъ оберъ-прокурору I деп. сената и просилъ, примѣняясь къ ст. 1092 Уст. Уг. Суд., внести дѣло на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія для отмѣны опредѣленія начальника главнаго управленія и привлеченія Лебедева къ уголовной отвѣтственности по 347 ст. Ул. Нак. Правительствующій сенатъ нашелъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ должности, не подходящимъ подъ случаи, предусмотрѣнныя въ ст. 1089 Уст. Уг. Суд. прокурорскому надзору принадлежитъ право возбуждать разномыслія съ административнымъ начальствомъ обвиняемаго лишь въ томъ случаѣ, если начальство полагаетъ предать обвиняемаго суду, а

прокурорскій надзоръ не находитъ къ этому основаній; посему и принимая во вниманіе, что настоящее обвиненіе противъ Лебедева по 347 ст. Ул. Нак. не подходитъ подъ условія 1089 ст. Уст. Уг. Суд., сенатъ нашелъ, что прокуроръ вовсе не имѣлъ права возбуждать разномыслiе, а потому оставилъ представленіе прокурора безъ разсмотрѣнія по существу (опред. соед. прис. 17 октября 1904 года № 7529). Это опредѣленіе интересно тѣмъ, что въ немъ уже совершенно опредѣленно и категорически центръ тяжести дѣла положенъ въ 1089 статью Уст. Уг. Суд. Несомнѣнно, что прокуроръ изъ того начала предварительнаго слѣдствія, которое было произведено, съ опредѣленностью убѣдился, что фактъ совершенія преступленія по 347 ст. — налицо; поэтому прокуроръ и повелъ затѣмъ свой протестъ по пути, который столь формально оборвался въ сенатѣ, оставивъ пострадавшаго безъ удовлетворенія, а преступника безъ уголовной репрессіи.

Наконецъ остановимся еще на случаѣ такъ сказать „вчерашняго дня“. Рязанское губернское правленіе 3 сентября 1909 года опредѣлило возбудить уголовное преслѣдованіе противъ рязанскаго полиціймейстера Г-ра, помощника пристава К-ты и городовыхъ К. и С. по обвиненію ихъ: Г-ра по 338 и 2 ч. 348 стт. Ул. Нак., К-ты—347 ст., а М. и С. 345 и 347 стт. Обвиненіе было формулировано губернскимъ правленіемъ въ томъ, что означенныя лица, находясь при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, допустили слѣдующія дѣйствія: К-та нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ задержанному въ гор. Рязани и доставленному въ полицейское управленіе зубному врачу Рябову; городовые К. и С. били и истязали Рябова до потери сознанія, а полиціймейстеръ Г-ръ, не обративъ вниманія на заявленіе не имѣвшаго при себѣ паспорта Рябова, что личность его въ гор. Рязани легко можетъ быть удостовѣрена, сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ его этапомъ, какъ бродягу, въ гор. Зарайскъ и о содержаніи его до высылки въ тюрьмѣ, благодаря чему Рябовъ пробылъ подъ стражей съ 4 по 8 августа 1908 года. При этомъ надо имѣть въ виду, что этапы отправляются изъ губернскихъ городовъ не чаще, какъ въ двѣ недѣли разъ (обычно), и потому Рябовъ, ожидая этапа, могъ пробыть въ тюрьмѣ не 4, а

14 дней. Было произведено предварительное слѣдствіе, которое вполнѣ подтвердило всю фактическую сторону дѣла, при чемъ нѣкоторое разногласіе свидѣтельскихъ показаній коснулось лишь вопроса о томъ, заявлялъ ли Рябовъ, не имѣвшій съ собой паспорта, что личность его въ гор. Рязани легко можетъ быть установлена, или не заявлялъ. Но объясненія самаго Рябова, показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей и вся обстановка дѣла положительно устанавливаютъ, что Рябовъ дѣлалъ это заявленіе не разъ, и, между прочимъ, самому полиціймейстеру Г-ру. Показанія тѣхъ свидѣтелей изъ служащихъ въ полиціи, будто Рябовъ объяснилъ, что его въ Рязани никто не знаетъ, противорѣчитъ самой фактической обстановкѣ дѣла, ибо въ гор. Рязани постоянно проживаетъ дядя потерпѣвшаго, его братъ, бабка и многочисленные знакомые. Прокурорскій надзоръ Московской судебной палаты, разсмотрѣвъ данныя слѣдственнаго производства, призналъ, что рязанскій полиціймейстеръ и городовые рязанской полиціи К. и С. подлежатъ преданію суду Московской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей по обвиненію ихъ въ томъ, что состоя въ означенныхъ должностяхъ и находясь при исправленіи обязанностей своей службы: К. и С. въ ночь на 4 августа 1908 г., въ арестанскомъ помѣщеніи при Рязанскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи, употребили истязанія и жестокости по отношенію къ заключенному въ названномъ помѣщеніи потомственному почетному гражданину Василію Васильеву Рябову, а именно: сбивши его, Рябова, съ ногъ, наносили ему побои по груди и животу кулаками, пинали его ногами и, схвативъ Рябова за волосы, ударяли его головой объ полъ, при чемъ вырвали у него изъ головы клокъ волосъ, а Г-ръ утромъ 4 августа въ названномъ полицейскомъ управленіи *безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ* распорядился отправить помянутаго Рябова, какъ неизвѣстнаго званія лицо, этапнымъ порядкомъ въ Зарайское уѣздное полицейское управленіе для удостовѣренія его личности и водворенія на указанное имъ мѣстожительство въ селѣ Старолѣтовѣ, а до отправленія этапа—заключить въ Рязанской губернской тюрьмѣ, несмотря на заявленіе Рябова о томъ, что въ Рязани у него есть родственники и знакомые, могущіе удостовѣрить его личность, вслѣдствіе чего Рябовъ

пробылъ подъ стражей съ 4 по 8 августа, т.-е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ для К. и С. 345 ст. Улож. о нак., а для Г-ра 338, 2 ч. 348 и 3 ч. 1540 стт. того же Уложенія, уголовное же преслѣдованіе бывшаго помощ. пристава гор. Рязани К—ты по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 347 ст. Улож. о Нак., за недостаточностью уликъ, дальнѣйшимъ производствомъ прекратить.

Рязанское Губернское правленіе, разсмотрѣвъ дѣло и соглашаясь съ мнѣніемъ прокурорскаго надзора относительно преданія суду городовыхъ К. и С. и прекращенія производства о К-тѣ, нашло, что для преданія суду полиціймейстера Г-ра не представляется основаній, такъ какъ изъ дѣла не видно, чтобы Рябовъ заявлялъ полиціймейстеру о томъ, что онъ извѣстенъ многимъ въ Рязани и что у него есть близкіе родственники въ Рязани. Онъ, Рябовъ, объ этомъ не говорилъ и чиновнику полицейскаго управленія Фролову, производившему опросъ его по порученію полиціймейстера, такъ что распоряженіе объ отправкѣ Рябова этапнымъ порядкомъ было небезосновательно. Полиціймейстера, по мнѣнію Губернскаго правленія, можно только обвинить лишь въ томъ, что онъ не распорядился предъявленіемъ Рябову къ подписи протоколовъ объ арестѣ его и отправкѣ на родину и не провѣрилъ заявленія городового С., о нанесеніи *ему*, городовому С., *Рябовымъ* побоевъ, каковое обстоятельство могло бы измѣнить положеніе дѣла въ отношеніи обвиняемыхъ городовыхъ К. и С. Въ виду этихъ соображеній Губернское правленіе постановило полиціймейстера Г-ра подвергнуть административному взысканію по 410 ст. Улож. о нак.

Такимъ образомъ получилось разномысліе между начальствомъ обвиняемаго и прокурорскимъ надзоромъ въ очень интересной коньюнктурѣ. Первоначально дѣло начало само начальство обвиняемаго полиціймейстера Г-ра. Конечно, прежде чѣмъ составить постановленіе о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія начальство обвиняемыхъ произвело какое-нибудь „домашнее изслѣдованіе“; въ жизни именно такъ бываетъ, а по бумажному производству это видно изъ того, что случай съ избіеніемъ Рябова имѣлъ мѣсто 4 августа 1908 года, а постановленіе губернскаго правленія о преданіи суду состоялось лишь 3 сентября 1909 года, т.-е. чрезъ 1 годъ и 1 мѣс. Это

„изслѣдованіе“, произведенное, вѣроятно, чрезъ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, дало, очевидно, столь яркія доказательства виновности полиціймейстера Г-ра, что начальство его опредѣленно рѣшилось на такой шагъ, который дѣлать оно вообще избѣгаетъ: отдать своего подчиненнаго въ руки судебнаго слѣдователя; начальство даже указало и подходящія статьи Улож. Нак., при чемъ одна изъ статей въ карательной санкціи содержитъ лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и арестантскія отдѣленія. Прокурорскій надзоръ, разсмотрѣвъ предварительное слѣдствіе, оказался въ выводахъ своихъ относительно полиціймейстера Г-ра солидарнымъ съ губернскимъ правленіемъ и полагалъ привлечь къ отвѣтственности Г-ра по тѣмъ же самымъ статьямъ, что и начальство обвиняемаго. Вдругъ уже въ указанной стадіи дѣла начальство обвиняемаго одумалось: въ разрѣзъ съ своимъ собственнымъ первоначальнымъ мнѣніемъ, въ разрѣзъ съ данными слѣдствія, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ прокуратуры, оно находитъ, что самая главная вина Г-ра: содержаніе Рябова въ тюрьмѣ безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ— представляется недоказанной, ибо теперь начальство предпочитаетъ дать вѣру тѣмъ свидѣтелямъ, кои показали объ отрицательномъ фактѣ, а именно, что Рябовъ не заявлялъ о возможности удостовѣрить его личность въ Рязани, которые показали, что Рябовъ даже будто заявилъ, что его личность въ Рязани не можетъ быть установлена. Совершенно ясно, что въ Рязани перемѣнился губернаторъ, и вновь назначенное лицо повліяло на указанное разномысліе по поводу преданія суду полиціймейстера. Болѣе того, губернаторъ сожалѣетъ, что „не провѣрено“ (т.-е. не запротоколировано въ отдѣльномъ протоколѣ, какъ самостоятельное преступленіе) заявленіе городового С. о томъ, что Рябовъ нанесъ ему, городовому, побои; если бы это было въ должной формѣ „провѣрено“, то, конечно, тогда губернаторъ не согласился бы на преданіе суду городовыхъ К. и С. Но какъ бы ни было, разномысліе дошло до разсмотрѣнія Соединеннаго присутствія сената. Здѣсь прежде всего по логикѣ вещей, казалось бы, долженъ возникнуть вопросъ: а имѣетъ ли право по основаніямъ *чисто формальнымъ* губернское правленіе возбудить такое пререканіе? Вѣдь постановленіе губернскаго правленія 3-го сентября 1909 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

о преданіи суду вошло въ законную силу, ни кѣмъ не обжаловано, не отмѣнено, а между тѣмъ согласно ст. 514 Общ. Учр. Губ. (Св. Зак. т. II) вошедшее въ законную силу постановленіе губернскаго правленія ни кѣмъ, кромѣ Императорскаго Величества и сената, отмѣнено быть не можетъ; если же губернское правленіе въ виду *вновь открывшихся обстоятельствъ* находитъ нужнымъ пересмотрѣть и перерѣшить свое постановленіе, то должно по 515 ст. Общ. Учр. Губ. войти о томъ въ сенатъ. Въ данномъ случаѣ никакого представленія въ сенатъ сдѣлано не было, никакихъ новыхъ обстоятельствъ не обнаружено, напротивъ того, *всѣ* обстоятельства тѣ же самыя, но въ *оцѣнкѣ* ихъ губернскимъ правленіемъ произошла перемѣна: для обывателей такое колебаніе во взглядахъ высшаго въ губерніи присутственнаго мѣста есть явленіе чрезвычайно опасное. Несмотря на указанное, въ сенатѣ этотъ вопросъ даже и не возникъ, а еслибъ возникъ, то при той тенденціи, которая нынѣ возобладала въ I департаментѣ сената, получилъ бы весьма вѣроятно одностороннее разрѣшеніе. Соединенное присутствіе сената приняло разномысліе къ своему разсмотрѣнію и нашло, что „изъ общаго смысла 1089—1093 стт. Уст. Уг. Суд. необходимо заключить, что по дѣламъ о преступленіяхъ должности, не подходящимъ подъ случаи, предусмотрѣнные въ 1089 ст. того же Устава, прокурорскому надзору принадлежитъ право возбужденія разномыслія съ административнымъ начальствомъ обвиняемаго должностного лица лишь въ такомъ случаѣ, если начальство полагаетъ обвиняемаго суду предать, а прокурорскій надзоръ не находитъ къ тому основаній. Посему и принявъ во вниманіе, что настоящее обвиненіе рязанскаго полиціймейстера Г-ра въ превышеніи власти, не имѣвшемъ особенно важныхъ послѣдствій, и въ содержаніи Рябова подъ стражей безъ достаточныхъ уваженія причинъ въ теченіе 4 дней, предусмотрѣнное 338, 1 ч. 341, 2 ч. 348 и 3 ч. 1540 стт. Ул. Нак. и не подходящее подъ условія 1089 ст. Уст. Уг. Суд., разрѣшено Рязанскимъ губернскимъ правленіемъ на точномъ основаніи 1087 ст. Уст. Уг. Суд. и что прокурорскому надзору не принадлежитъ право возбуждать по сему дѣлу разномысліе въ порядкѣ 1092 ст. Уст. Уг. Суд., Правительствующій сенатъ оставилъ возбужденное разномысліе безъ разсмотрѣнія по

существу, чѣмъ утвердилъ послѣднее опредѣленіе губернскаго правленія, которое всѣ перечисленныя выше статьи Уложенія о наказаніяхъ свело къ одной—410 и разрѣшило дѣло наложеніемъ на Г-ра неизвѣстно какого именно административнаго взысканія: замѣчаніе или выговоръ. (Опред. Соед. Прис. 21-го мая 1911 года № 238). Губернское правленіе и прокурорскій надзоръ говорили объ отсутствіи „всякихъ достойныхъ уваженія причинъ“— сенатъ замѣнилъ это отсутствіемъ „достаточныхъ уваженія причинъ“. 2 ч. 348 ст. Ул. Нак. есть видъ превышенія власти, имѣвшаго важныя послѣдствія (въ данномъ случаѣ послѣдствіемъ было избіеніе Рябова до потери сознанія), а сенатъ замѣняетъ это превышеніемъ власти, „не имѣвшихъ важныхъ послѣдствій“, оставляя ссылку на 2 ч. 348 ст. Ул. Нак. Это опредѣленіе сената, гдѣ вопреки закону, сенатомъ не сдѣлана ссылка на опредѣленный законъ, но указано, что опредѣленіе обосновано на „общемъ смыслѣ 1089—1093 стт. Уст. Уг. Суд.“, понятымъ, что выше разъяснялось, какъ разъ не такъ, какъ опредѣляли этотъ смыслъ законодательные мотивы, должно быть отмѣчено еще и въ разсужденіи полнѣйшаго игнорированія правъ личности обывателя: наличность преступныхъ дѣйствій очень серьезныхъ, особенно для избитаго и лишеннаго свободы обывателя, признается и губернскимъ правленіемъ, и прокурорскимъ надзоромъ, и сенатомъ, а въ результатѣ виновное должностное лицо остается при дальнѣйшемъ исполненіи своихъ обязанностей, поощряемое къ беззаконію, за которое ему въ худшемъ случаѣ грозитъ выговоръ или замѣчаніе. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что во время совершенія полиціймейстеромъ Г—ромъ означеннаго дѣянія, ни гор. Рязань, ни губернія Рязанская не состояли ни въ какомъ особомъ положеніи: военное, чрезвычайная или усиленная охрана; поэтому и на основаніи ст. 4 Уст. Пасп. изд. 1903 г. Рябовъ, постоянно проживавшій въ разстояніи 27 верстъ отъ Рязани, хотя и не въ Рязанскомъ уѣздѣ, и пріѣхавшій въ губернскій городъ на срокъ не большій 6 мѣс., вовсе не обязанъ былъ имѣть съ собой никакого вида на жительство, и уже одно требованіе такого вида было со стороны полиціи нарушеніемъ закона.

Такова практика сената въ дѣлахъ по разрѣшенію разномыслій между прокурорскимъ надзоромъ и

административнымъ начальствомъ по вопросамъ о преданіи суду должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ.

Обратимся теперь нѣсколько къ разсужденіямъ теоретическаго характера.—Законъ (будь то законъ значенія матеріальнаго или процессуальнаго, послѣдній—тѣмъ болѣе), законъ не есть самоцѣль, законъ не есть вещь себѣ довлѣющая, законъ не есть нѣчто, существованіе чего оправдывается самимъ этимъ существованіемъ, законъ существуетъ не an und für sich — законъ есть лишь средство, а цѣль, для достиженія которой законъ служитъ средствомъ, лежитъ въ государственной структурѣ общежитія людей. Безъ права, безъ правды не можетъ мыслиться государственная форма сожительства людей. Законъ, тотъ или иной, старается облегчить, урегулировать достиженіе этихъ цѣлей, обезпеченіе права и достиженіе правды; поэтому всѣ люди, которые своими дѣйствіями мѣшаютъ указаннымъ цѣлямъ государства, препятствуютъ ихъ достиженію, органами власти государственной устраняются отъ такой вредной дѣятельности, а буде такая дѣятельность въ чемъ-либо внѣшнемъ проявилась, то тѣ же органы власти государственной этого вреднаго члена общества преслѣдуютъ и наказываютъ такимъ образомъ, чтобы онъ навсегда лишился возможности вредить обществу, или чтобы онъ временно до исправленія былъ лишенъ этой возможности, или чтобы онъ такъ былъ устрашенъ наложенной на него карой, чтобы независимо отъ исправленія или неисправленія уже больше не рѣшался на вредящія обществу дѣйствія; при этомъ наказаніе, налагаемое государственной властью, не должно остаться безразличнымъ и для гражданъ вообще: оно должно имъ воочію показать, какъ опасно и невыгодно нарушать установленныя границы, и служить удерживающимъ стимуломъ для тѣхъ изъ гражданъ, которые въ состояніи колеблющемся скользятъ на границѣ государственно — дозволеннаго и запрещеннаго. Создаются спеціальные органы власти для преслѣдованія и государственной репресссіи такихъ дѣяній гражданъ, кои признаются государственно опасными или государственно-вредными; эти органы власти—прокуроры съ ихъ особой организаціей всего прокурорскаго надзора. Но народъ, организованный въ государство, нуждается въ разнообраз-

ныхъ органахъ власти, дѣйствующихъ въ различныхъ сферахъ дѣятельности; эти люди, вооруженные властью, могутъ ошибаться, могутъ и сознательно нарушать запретительныя нормы, они могутъ *не такъ* исполнять возложенныя на нихъ обязанности и тогда другіе люди, вооруженные бо̀льшею властью, начальство, укажутъ имъ, *какъ* (quo modo) слѣдуетъ отправлять ту или иную должность; они могутъ, исполняя свою должность, допустить нарушеніе такихъ запретительныхъ нормъ, за нарушеніе которыхъ наказывается *всякій* гражданинъ. Мы полагаемъ, поэтому, что спеціально-служебныхъ преступленій, собственно, не существуетъ: эта рубрика есть искусственная. Конечно, преслѣдованіе и уголовная репрессія должностныхъ лицъ по поводу совершенныхъ ими преступленій лежитъ на обязанности тѣхъ органовъ власти, которые народомъ, организованнымъ въ государство, разъ навсегда назначены для указанной цѣли. И если можно говорить о томъ, должна ли репрессія должностныхъ лицъ въ чемъ-либо отличаться отъ таковой же въ отношеніи рядовыхъ гражданъ, то слѣдуетъ сказать, что репрессія должностныхъ лицъ должна быть болѣе тяжелой, болѣе рѣшительной и рѣзкой, нежели въ отношеніи обыкновенныхъ обывателей за равновредныя дѣянія и это потому, что во первыхъ, „кому больше дано, съ того больше и спросится“, а, во-вторыхъ, потому, что во всякое преступленіе должностного лица привходитъ непремѣнно и всегда еще одно преступленіе, котораго нѣтъ въ случаѣ съ обыкновеннымъ обывателемъ: преступленіе нарушенія того особеннаго довѣрія, которымъ отъ государства облечено должностное лицо, такъ сказать, civitatis laesio. Однако законодательство не пошло по этому пути и стало на точку зрѣнія невѣрнаго постулата, что должностное лицо, какъ носящее въ себѣ частицу власти государственной, выше, лучше, благороднѣе обыкновеннаго обывателя; дѣйствующее право вынуждено было двигаться по этой дорогѣ къ слѣдующему на ней этапу и сказать, что если таковы свойства всякаго должностного лица, то ему необходимо дать и нѣсколько болѣе сильныя гарантіи защиты отъ возводимыхъ на него обвиненій, а тутъ ужъ не далеко и до послѣдняго этапа: нѣсколько затруднить обывателю возможность посадить на скамью подсудимыхъ должностное лицо. Однако въ виду выше-

изложеннаго—ограничительные законы по преслѣдованію частными лицами должностныхъ не могутъ быть толкуемы сами по себѣ безотносительно къ цѣли ихъ изданія, а цѣль ихъ все же состоитъ въ томъ, чтобы должностное лицо за совершенное имъ преступленіе было привлечено къ суду, наказано, чѣмъ и удовлетворяется какъ общественная совѣсть, такъ равно получаетъ нравственное, а иногда и матеріальное удовлетвореніе пострадавшее частное лицо, а государство—дѣйствуя прежде всего черезъ прокуратуру—возстановляетъ нарушенное равновѣсіе.

То толкованіе, которое, какъ мы выше указывали, даетъ сенатъ, законоположеніямъ о порядкѣ привлеченія къ суду должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ, представляется именно такимъ схоластическимъ толкованіемъ нормъ Устава уголовнаго судопроизводства, которое разсчитано на воззрѣніе на эти нормы, какъ на нѣчто самодовлѣющее. Сенатъ толкуетъ эти статьи Устава такимъ образомъ будто между должностнымъ лицомъ и обывателемъ происходитъ единоборство, при чемъ нападающей и сильнѣйшей стороной является обыватель, домогающійся привлечь къ суду должностное лицо, на помощь которому, какъ слабѣйшему, приходитъ и его начальство, и сенатъ, соединенными усиліями которыхъ кое-какъ удается обиженное должностное лицо—преступника—вырвать изъ рукъ обывателя, которому на помощь является иногда прокуратора. Мы видѣли, что такое стараніе сената приводитъ къ тому, что за самыя серьозныя преступленія должностное лицо иногда остается вовсе безъ репрессіи, а прокуратура лишается возможности осуществить возложенную на нее закономъ обязанность стоять на стражѣ защиты государства отъ разъѣдающаго государственную мощь вліянія преступника. При этомъ мы не знаемъ, когда больше дискредитируется организація государственной власти: тогда ли, когда органъ государственной власти—преступникъ посаженъ на скамью подсудимыхъ и затѣмъ идетъ въ арестанскія роты („измите злаго отъ васъ самѣхъ“—апостолъ Іоаннъ), или тогда, когда должностное лицо—преступникъ освобождается отъ всякаго преслѣдованія и вновь возвращается къ власти. Мы думаемъ и убѣждены, что моральному значенію принципа государ-

ственной власти въ послѣднемъ случаѣ наносится непоправимый ущербъ.

Все изложенное имѣетъ своей цѣлью показать несовершенство существующаго порядка привлеченія къ суду должностныхъ лицъ и предупредить то, чтобы при конструкціи новаго закона не было никакихъ недомолвокъ, недосказанностей, двусмысленностей, чтобы не было оставлено ни одной, такъ сказать, щели, ибо при наличности таковой въ эту щель можетъ быть направленъ столь сильный потокъ разъясненій, толкованій, указаній, циркуляровъ, предписаній, руководящихъ опредѣленій и рѣшеній, что онъ обратитъ ее въ широкую дорогу усмотрѣнія и игнорированія насущныхъ интересовъ „обывателя“.

В. А. Ждамировъ.

Объ изученіи преступника въ наукѣ уголовнаго права [1]).

V.

Ученіе о факторахъ преступности принадлежитъ къ числу молодыхъ и наименѣе разработанныхъ отдѣловъ науки. Въ немъ не только почти нѣтъ твердо установленныхъ выводовъ, но и самые методы изслѣдованія еще мало опредѣлились. Болѣе того: не выяснено еще самое понятіе „фактора“ преступности. Въ отношеніи же отдѣльныхъ факторовъ много-много можно въ настоящее время лишь утверждать ихъ вліяніе на преступность, но сила этого вліянія, такъ сказать, удѣльный вѣсъ отдѣльныхъ факторовъ, остается еще загадкой. На опредѣленіи понятія фактора преступности — прежде всего надо остановиться.

Факторомъ преступности нельзя считать всякое необходимое условіе преступленія, т.-е. всякое обстоятельство, безъ котораго данное преступленіе, въ его конкретномъ видѣ, не произошло бы. Такое расширеніе понятія фактора преступности вело бы къ нелѣпымъ отводамъ и лишало бы, въ сущности, этотъ важный выдѣлъ науки всякихъ границъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ смыслѣ факторомъ, напр., убійства будетъ и земля, на которой стояли убійца и убитый, и воздухъ, которымъ они дышали, и ножъ, которымъ нанесены раны, и масса другихъ вещей и обстоятельствъ. Правда, можно ограничить понятіе фактора преступленія лишь обстоятельствами, непосредственно обусловившими преступленіе. Но и тогда все-таки всѣ указанные выше предметы подойдутъ подъ это понятіе, а съ другой стороны, изъ

---

[1]) Вопросы права, кн. VII (3), стр. 40 сл.

него будетъ исключено многое, что важнѣе непосредственно обусловливающихъ обстоятельствъ.

Факторами преступленія слѣдуетъ считать условія, вызвавшія мотивы, ради которыхъ совершено преступленіе, а также содѣйствовавшія тому, что эти мотивы привели человѣка къ рѣшимости совершить данное преступленіе.

Всякое преступленіе, какъ сознательное, произвольное поведеніе человѣка, въ своей внутренней, психологической сторонѣ содержитъ рѣшеніе поступить опредѣленнымъ образомъ. Это рѣшеніе всегда слагается въ силу извѣстныхъ мотивовъ. Вѣроятность повторенія его въ психикѣ лица зависитъ отъ повторяемости вложившихся въ него мотивовъ и отъ того значенія, которое, по свойствамъ нравственной личности человѣка, эти мотивы могутъ имѣть въ его душевной жизни при обстоятельствахъ, не представляющихъ ничего исключительнаго.

Для того, чтобы выяснить все это, необходимо разсмотрѣть, въ силу какихъ условій возникли и пріобрѣли господство выразившіеся въ данномъ преступленіи мотивы.

Понятіе фактора преступности—очень относительное. То, что въ одномъ случаѣ является факторомъ преступности, въ другомъ случаѣ такого же преступленія—можетъ имъ и не быть. Но если извѣстное условіе часто является факторомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ того или иного преступленія, то оно можетъ вообще считаться дѣятельнымъ факторомъ даннаго вида преступленій.

Выяснить, каковы факторы тѣхъ или иныхъ преступленій, можно двумя постоянно другъ друга дополняющими методами—массоваго и индивидуальнаго наблюденія. Наблюденіе любого вида преступленій въ массѣ, какъ показываетъ статистика, обнаруживаетъ цѣлый рядъ соотношеній между нимъ и другими явленіями, что и находитъ свое выраженіе въ параллелизмѣ цифръ. Конечно, замѣтивъ параллелизмъ цифръ, относящихся къ двумъ явленіямъ, надо избѣгать поспѣшныхъ заключеній, что измѣненія одного изъ этихъ явленій составляютъ причину измѣненій другого. Данныя статистики даютъ основанія лишь для вопросовъ, нѣтъ ли связи между этими явленіями. Наблюденіе индивидуальное, т.-е. обслѣдованіе отдѣльныхъ случаевъ преступности, изученіе ихъ генезиса можетъ показать, какимъ путемъ дѣйствуетъ тотъ

или иной факторъ. Оно можетъ раскрыть механизмъ дѣйствія отдѣльныхъ силъ, скрывающихся подъ рядами статистическихъ данныхъ. Какъ скоро обслѣдованіе отдѣльныхъ случаевъ показало, какимъ образомъ извѣстные факторы дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, путемъ другихъ, повѣрочныхъ статистическихъ данныхъ можно будетъ показать, что не другіе факторы, остававшіеся, быть можетъ, безъ всякихъ измѣненій, а именно измѣненіе въ численности или напряженности данныхъ факторовъ явилось причиной измѣненій числа разсматриваемаго вида преступленій. Съ другой стороны, выводы, полученные изъ массоваго наблюденія, помогаютъ разыскивать факторы при обслѣдованіи отдѣльныхъ преступленій. Изслѣдователь того или иного случая, зная, что преступленія даннаго рода часто зависятъ отъ такихъ-то факторовъ, направитъ свое вниманіе на такія стороны своего объекта, которыя, при иныхъ условіяхъ, могли бы остаться незамѣченными. Такимъ образомъ, на каждомъ шагу другъ друга дополняя, массовое и индивидуальное наблюденія дадутъ возможность особенной части уголовнаго права уловить дѣятельные факторы отдѣльныхъ видовъ преступленій. А выясненіе этихъ факторовъ поможетъ законодателю дать болѣе правильную обрисовку этихъ видовъ преступленія въ законѣ и найти дѣйствительныя мѣры борьбы съ ними. Иногда оно можетъ показать также, какія другія общественныя или государственныя мѣры необходимы для борьбы съ даннымъ видомъ преступности и для приданія наказанію значенія дѣйствительно сильнаго средства борьбы съ ними.

Факторы преступленія можно раздѣлить на 2 разряда: 1) на условія, лежащія въ личности преступника, заключающіяся въ различныхъ его свойствахъ, и 2) на условія, лежащія въ окружающей преступника внѣшней средѣ, заключающіяся въ разныхъ извнѣ идущихъ воздѣйствіяхъ [1]). Послѣднюю группу, въ свою очередь, нерѣдко дѣлятъ на 2 вида: на факторы физическіе и соціальные. При такомъ дѣленіи получается три группы факторовъ: индивидуальные, физическіе и соціальные. Эта трехчленная классификація впервые была выставлена

---

[1]) Ср. *Vidal*, Cours de droit criminel et de science pénitentiaire. 4 изд. 1911, стр. 39 сл.

однимъ изъ вождей итальянской антропологической школы Энрико Ферри въ одной изъ раннихъ его работъ,— о преступности во Франціи, Studi sulla criminalita in Francia—1881. Въ настоящее время она почти общепризнана; лишь нѣкоторые, весьма немногіе, впрочемъ, криминалисты возражаютъ противъ нея. Такъ, напр., Листъ, въ одной изъ своихъ работъ, вмѣсто трехъ группъ, дѣлилъ всѣ факторы на 2 группы, на антропологическіе и соціальные; особой группы физическихъ факторовъ онъ не признавалъ на томъ основаніи, что они не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а сводятся либо къ антропологическимъ, либо къ соціальнымъ факторамъ. Такъ, говоритъ онъ, если преступленія противъ нравственности возрастаютъ въ числѣ въ лѣтніе мѣсяцы, то рѣшающее значеніе въ этихъ случаяхъ имѣетъ антропологическій факторъ, ибо люди очень различно реагируютъ на дѣйствіе жары. Съ другой стороны, если въ зимніе мѣсяцы увеличивается число кражъ, то въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ соціальный факторъ—увеличеніе потребностей при большей трудности найти заработокъ [1]). Однако, несомнѣнно, что иногда событія внѣшняго физическаго міра, напр., рѣзкое измѣненіе температуры, неурожай, землетрясеніе, разоряющее тысячи людей, пожары и т. п. являются самостоятельными факторами. Но противъ господствующаго взгляда можно возразить, что группами физическихъ и соціальныхъ факторовъ не исчерпываются внѣ преступника лежащіе факторы. Послѣдніе могутъ, напр., заключаться въ разныхъ непріятностяхъ по службѣ или семейныхъ, которыя нельзя подвести ни подъ понятіе индивидуальныхъ, ни подъ понятіе соціальныхъ факторовъ. Необходимо признать, такимъ образомъ, что факторы, лежащіе во внѣшней средѣ, могутъ быть различныхъ порядковъ и соціальные факторы составляютъ лишь виднѣйшую изъ ихъ группъ.

Но за какою изъ указанныхъ двухъ группъ факторовъ преступности слѣдуетъ признать первенствующее значеніе? Нельзя ли, спрашивается, въ одной изъ этихъ

---

[1]) Die gesellschaftlichen Faktoren der Kriminalität въ Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge. Bd. II, 438. (Русскій переводъ этой статьи Листа въ жур. Мин. Юстиціи 1903 г. № 2). Повидимому, Листъ иначе смотритъ на вопросъ въ послѣднемъ изданіи учебника, гдѣ (стр. 78—79) онъ упоминаетъ о 3 группахъ факторовъ.

группъ видѣть, такъ сказать, первопричину, а въ другой — производную отъ нея величину? На эти вопросы надо отвѣтить рѣшительно отрицательно. Всякая попытка придать какимъ-либо факторамъ, напр., экономическимъ, или антропологическимъ, первенствующую роль только ведетъ къ скороспѣлымъ заключеніямъ, при которыхъ однимъ фактамъ придается преувеличенное значеніе, а другіе — совершенно игнорируются и упускаются изъ виду. По крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи науки совершенно невозможно какой-либо факторъ или группу факторовъ считать основными или первопричиной. Это надо постоянно помнить при изслѣдованіи факторовъ тѣхъ или иныхъ преступленій для того, чтобы изслѣдованіе съ первыхъ же шаговъ не направилось въ сторону безплоднаго розысканія основного фактора, фактора—первопричины и избѣжало натяжекъ и односторонностей, неизбѣжно съ этимъ связанныхъ. Но въ литературѣ представители отдѣльныхъ школъ постоянно намекаютъ или прямо указываютъ, что коренной факторъ преступности такой-то и что онъ лежитъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ. Такъ, напр., итальянскій адвокатъ Турати въ своей брошюрѣ,—Il delitto e questione sociale, 1883,—категорически утверждаетъ, что не въ индивидумѣ, а въ строеніи общества надо искать коренную причину преступности и что такой причиной является бѣдность; преступленіе, по его словамъ, составляетъ печальную привилегію бѣдняковъ[1]). Отсюда у него является надежда, что преступленіе исчезнетъ съ измѣненіемъ экономическаго быта. У Турати въ наиболѣе отчетливой и категорической формѣ высказывается тенденція—свести все многообразіе факторовъ преступности къ извѣстной коренной причинѣ, — присущая и многимъ другимъ писателямъ. Надо замѣтить, что эта тенденція вообще присуща двумъ школамъ—антропологической и соціологической, но только проявляется въ нихъ въ различныхъ направленіяхъ. Школа соціологическая приписываетъ первенствующее значеніе факторамъ соціальнымъ, а представители антропологической школы склонны придавать рѣшающее значеніе фактору біологическому—особенностямъ преступника; лишь чрезъ посредство этихъ особенностей и въ силу

[1]) У. с., стр. 42.

ихъ, думаютъ они, соціальные факторы ведутъ человѣка къ преступленію. Центръ тяжести лежитъ именно въ этихъ особенностяхъ, имъ и принадлежитъ рѣшающая роль. Долженъ, впрочемъ, замѣтить, что въ послѣднее время, повидимому, въ лицѣ Ферри, антропологическая школа начинаетъ приходитъ къ убѣжденію, что въ виду сложности генезиса преступности и разнообразія переплетающихся причинъ невозможно сказать, какіе именно факторы имѣютъ преобладающее значеніе и являются коренной причиной преступности. Вотъ что, между прочимъ, мы читаемъ въ *Уголовной соціологіи* Ферри. Онъ возражаетъ сначала противъ попытки объяснить преступность исключительно соціальными факторами и указываетъ, что такая теорія не объясняетъ всѣхъ формъ преступности и изъ всѣхъ категорій преступниковъ имѣетъ въ виду только преступниковъ случайныхъ. А затѣмъ онъ говоритъ: „сторонники соціальнаго происхожденія преступности въ видѣ послѣдняго аргумента говорятъ намъ: вы сами признаете, что прирожденный преступникъ, находясь въ благопріятной средѣ, можетъ не совершить преступленія; но это равносильно признанію, что антропологическіе факторы суть обстоятельства одновременныя, но не стоящія въ причинной связи съ преступностью, и что истинными причинами послѣдней являются факторы соціальные, безъ которыхъ біологическія аномаліи не могутъ сами вызвать преступленія. „Но въ этомъ столь часто повторявшемся аргументѣ вопросъ плохо ставится и еще хуже рѣшается“. „Это все равно что спросить, что важнѣе для жизни млекопитающаго атмосфера или легкія. Оба одинаково важны—вотъ полная истина“. „И пусть намъ не говорятъ, что даже если допустить правильность нашего положенія, все равно надо признать, что соціальные факторы всегда являются истинными и главными причинами преступности, потому что лишь благодаря имъ получаются, путемъ наслѣдственной передачи, органическія и психическія индивидуальныя аномаліи и признаки вырожденія: всѣ такія разсужденія являются лишь пустыми словопреніями, подобно разсужденіямъ о первородствѣ курицы или яйца“. „При неразрывности и безконечной сложности причинъ и слѣдствій въ области явленій природы совершенно несбыточно желаніе найти первую причину, разъ вполнѣ очевидно, что всякая причина есть въ то же время слѣд-

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

ствіе, а всякое слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной“ [1]). Мысль Ферри вполнѣ вѣрна, но, къ сожалѣнію, онъ не всегда былъ послѣдователенъ и въ его уголовной соціологіи есть мѣста, гдѣ онъ рѣшительно настаиваетъ на коренномъ значеніи біологическаго фактора.

Изъ всего, сказаннаго выше, а также изъ самаго понятія фактора преступности ясно, что преступленіе всегда является продуктомъ факторовъ обоихъ разрядовъ, но въ однихъ случаяхъ преобладающую роль играютъ одни факторы, а въ другихъ—другіе. Такое относительное преобладаніе однихъ факторовъ надъ другими, несомнѣнно, существуетъ и имѣетъ серьезное значеніе для характеристики преступниковъ. Этотъ фактъ и долженъ быть принятъ, прежде всего, во вниманіе при подраздѣленіи преступниковъ на классы.

Конечно, то обстоятельство, было ли дѣяніе вызвано по преимуществу внутренними или внѣшними факторами, имѣетъ важное значеніе не во всѣхъ наказуемыхъ дѣяніяхъ. Для той весьма обширной группы ихъ, которая носитъ названіе проступковъ, оно не имѣетъ серьезнаго значенія. Но, надо замѣтить, когда говорятъ о классификаціи преступниковъ, то имѣютъ въ виду виновниковъ преступленій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова [2]).

Что касается виновниковъ проступковъ, то задача наказанія въ этихъ случаяхъ—юридическое исправленіе. Для опредѣленія, въ какой степени субъектъ нуждается въ мѣрахъ юридическаго исправленія, достаточно выяснить, насколько рѣзко выражено въ его дѣяніи неуваженіе къ

---

[1]) Уголовная соціологія, стр. 117—118.

[2]) Вопросъ о томъ, какія дѣянія *должны* считаться преступленіями въ тѣсномъ смыслѣ слова, а какія—проступками, я здѣсь не считаю возможнымъ рѣшать съ тою полнотою и подробностями, которыхъ онъ требуетъ. По моему мнѣнію, преступленіями, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должны считаться дѣянія, которыя *въ общемъ и среднемъ* возникаютъ на почвѣ болѣе или менѣе глубокаго нравственнаго недоразвитія или испорченности; только будучи совершены при особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя законодатель всегда можетъ отдѣльно оговорить, эти дѣянія не доказываютъ отсутствія или недоразвитія какого-либо чувствованія или инстинкта, входящаго въ составъ средняго для даннаго общества уровня нравственнаго развитія. Подробно мой взглядъ изложенъ въ моемъ докладѣ вашингтонскому международному тюремному конгрессу, по 3-му вопросу первой секціи, въ Bulletin de la commission, pénitentiaire internationale 1910. Livraison IV, стр. 17. Для вопроса о классификаціи преступниковъ важно лишь выдѣлить виновниковъ проступковъ изъ остальной массы преступниковъ; осложнять же изложеніе разсмотрѣніемъ вопроса о границѣ, отдѣляющей проступки отъ преступленій, представлялось бы излишнимъ.

закону, легкомысленный расчетъ на то, что ему удастся ускользнуть отъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыми законъ угрожаетъ за неподчиненіе ему. Въ случаяхъ же преступленій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, задача наказанія—нравственное исправленіе преступника. Въ этихъ случаяхъ важно выяснить, каковы тѣ черты нравственной личности преступника, на которыя предстоитъ воздѣйствовать наказанію.

Итакъ, одно подраздѣленіе преступниковъ уже выяснилось. Всю массу нарушителей уголовныхъ законовъ, подвергнутыхъ наказанію, надо раздѣлить на 2 половины: 1) на виновниковъ проступковъ и 2) виновниковъ преступленій въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Первыхъ нѣтъ основаній дѣлить далѣе на какія-либо подгруппы, кромѣ развѣ, какъ по роду совершенныхъ ими проступковъ; степень проявленнаго ими неуваженія къ закону и легкомыслія при разсчетѣ избѣжать наказанія могутъ быть, конечно, различны, но эти различія можетъ учесть лишь судья. Виновниковъ же преступленій, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ виду большихъ различій во внутренней, психологической сторонѣ преступленій и въ виду важности этихъ различій для опредѣленія отвѣтственности, надо подраздѣлить на нѣсколько группъ. Основываясь на вышеприведенномъ дѣленіи факторовъ преступности на 2 группы, ихъ можно подраздѣлить на 2 разряда: I) на ставшихъ преступниками главнымъ образомъ въ силу эндогенныхъ факторовъ или, короче, преступниковъ *эндогенныхъ*, и II) на ставшихъ преступниками главнымъ образомъ въ силу экзогенныхъ факторовъ или, короче, преступниковъ *экзогенныхъ*. Терминамъ экзогенный и эндогенный придается въ данномъ случаѣ условный смыслъ, при чемъ они даютъ возможность замѣнять однимъ эпитетомъ цѣлую фразу: преступникъ, преступленіе котораго вызвано главнымъ образомъ эндогенными факторами; преступникъ, преступленіе котораго обусловлено главнымъ образомъ экзогенными факторами[1]).

Дѣленіе преступниковъ на основаніи главныхъ факто-

---

[1]) Эпитеты „эндогенный“ и „экзогенный“ могутъ быть придаваемы и иногда дѣйствительно придаются факторамъ преступности. Но съ такимъ же удобствомъ ихъ можно, съ приведенной въ текстѣ оговоркой, придавать и категоріямъ преступниковъ. Для того, чтобы избѣжать всякой сбивчивости, я указанныя выше двѣ группы факторовъ не назвалъ этими терминами.

ровъ, вызвавшихъ ихъ преступленіе, несомнѣнно болѣе всего отвѣчаетъ той задачѣ, которую преслѣдуетъ ученіе о преступникѣ. Оно, въ частности, лучше и глубже дѣленія преступниковъ по руководившимъ ими мотивамъ. Любое чувствованіе можетъ зашевелиться въ душѣ каждаго человѣка, но у одного оно загорится яркимъ пламенемъ, разовьется, а у другого заглохнетъ въ самомъ началѣ, явится мотивомъ, быстро побѣжденнымъ и безслѣдно исчезнувшимъ.

Самое важное узнать, какую роль, какую степень господства данный мотивъ можетъ пріобрѣсти въ душѣ даннаго человѣка. Дѣленіе по обнаруженнымъ преступленіемъ чертамъ характера также представлялось бы недостаточнымъ, такъ какъ важно знать не только, каковы черты характера человѣка, но и какое противодѣйствіе каждая изъ нихъ встрѣчаетъ въ душѣ человѣка, такъ сказать, чѣмъ и какъ регулируется проявленіе ихъ. [1]). Притомъ, у одного и того же лица могутъ быть разнообразныя черты характера, наклонности и каждая можетъ находиться въ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ другими чертами характера этого человѣка.

Дѣленіе преступниковъ на исправимыхъ и неисправимыхъ не можетъ быть принято, потому что нѣтъ данныхъ, въ силу которыхъ мы могли бы съ увѣренностью признать существованіе неисправимыхъ преступниковъ и потому что, какъ я указывалъ уже выше, не существуетъ признаковъ, по которымъ судъ съ увѣренностью могъ бы распознать неисправимаго преступника. А, пока такихъ признаковъ нѣтъ, идея неисправимаго преступника во всякомъ случаѣ будетъ лишена практическаго значенія, такъ какъ судъ, руководясь принципомъ in dubio pro reo, всякаго преступника долженъ будетъ признавать исправимымъ. Наиболѣе широко задуманная попытка указать отчетливые признаки неисправимаго преступника, предпринятая антропологической школой, какъ мы видѣли, осталась безплодной.

---

[1]) На различіи чертъ характера покоится, напр., классификація Luca, который указываетъ 8 группъ преступниковъ (ambizione, ferocia od inclinazione al sangue, violenza, cupidiglia, frode, maldicenza, lussuria, negligenza). V. c. стр. 305. Впрочемъ, этому основанію классификаціи, у него примѣшиваются и другіе признаки (напр., способъ дѣйствія), что дѣлаетъ его классификацію лишенной единства.

Въ настоящее время очень распространено дѣленіе преступниковъ на привычныхъ и случайныхъ. Это дѣленіе было намѣчено писателями классической школы уже довольно давно[1]). Оно вошло въ классификацію антропологической школы и принято многими сторонниками школы соціологической. У одного изъ криминалистовъ-соціологовъ, у проф. Листа, оно пріобрѣло нѣсколько своеобразную обрисовку. Листъ различаетъ преступность острую (akute Kriminalität) и хроническую (Zustandsverbrechen, Charakter— oder Tendenzverbrechen, chronische Kriminalität). Первая существуетъ въ случаяхъ, когда преступленіе является отдѣльнымъ эпизодомъ въ жизни даннаго лица, не связаннымъ съ его личностью. Вторая, т.-е. хроническая преступность имѣетъ мѣсто, напротивъ, тогда, когда преступленіе имѣетъ устойчивые корни въ дефектахъ личности преступника[2]).

Понятіе привычнаго преступника не осталось чуждо и современнымъ законодательствамъ. Напримѣръ, оно ясно выражено въ англійскомъ законѣ 1908 года[3]). Оно проглядываетъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ нашихъ Уложеній. Такъ, оба наши Уложенія, говоря о подросткахъ до 17 лѣтъ, указываютъ, что если судъ найдетъ, что проступки обращены несовершеннолѣтнимъ въ промыселъ

---

1) См., напр., *Wahlberg*, Gesammelte Kleinere Schriften Bd. III. Das Gelegenheitsverbrechen, стр. 55 сл. *Kirn*, Criminal Psychologie in ihrer Beziehung zum Gefängnisswesen. Въ *Holtzendorff's* Handbuch des Gefängnisswesen. I, 42.

2) Lehrbuch, 18 изд., стр. 79.

3) Текстъ закона см. въ Bulletin de la Commission pénitentiaire internationale. 1910. Livraison I, стр. 140 сл; также *Люблинскій*, Очерки суда и наказанія въ современной Англіи, 1911, стр. 702 сл.; 682 сл. По новому англійскому закону субъектъ, который, по достиженіи 16-лѣтняго возраста, былъ по крайней мѣрѣ три раза осужденъ за преступленіе (crime) и относительно котораго установлено, что онъ ведетъ безчестную или преступную жизнь, можетъ быть, при присужденіи его къ каторжной тюрьмѣ, признанъ присяжными привычнымъ преступникомъ, подлежащимъ предупредительному заточенію („детенированію"); такому заточенію можетъ быть подвергнутъ и тотъ, кто уже раньше къ нему присуждался. Это заточеніе назначается на срокъ отъ 3 до 10 лѣтъ и отбывается по окончаніи назначеннаго срока заключенія въ каторжной тюрьмѣ. Подвергнутые такому заточенію должны содержаться въ особо предназначенныхъ для этого тюрьмахъ или отдѣленіяхъ тюремъ, при чемъ въ эти тюрьмы или отдѣленія они могутъ быть переведены или по отбытіи всего назначеннаго имъ срока заключенія въ каторжной тюрьмѣ, или по отбытіи, по крайней мѣрѣ, такого времени, послѣ котораго заключенный въ каторжной тюрьмѣ могъ бы быть условно освобожденъ. Подвергнутые предупредительному заточенію подлежатъ дѣйствію всѣхъ правилъ, которыя установлены для каторжныхъ тюремъ и не замѣнены для нихъ спеціальными правилами. Они могутъ быть обращены на всѣ тѣ работы, которыя будутъ признаны пригодными къ тому, чтобы подготовить ихъ къ честной трудовой жизни. См. стт. 10, 13 закона 1908 года.

или свидѣтельствуютъ о привычкѣ къ преступной дѣятельности, то, вмѣсто ареста, денежной пени и отдачи подъ надзоръ родителямъ или другимъ благонадежнымъ лицамъ, такіе подростки должны быть помѣщены въ воспитательно-исправительное заведеніе, или, какъ говоритъ старое Уложеніе, если „окажется, что совершеніе преступнаго дѣянія, хотя и влекущаго за собою менѣе строгое наказаніе, чѣмъ тюремное заключеніе, обращено ими въ промыселъ или проистекаетъ изъ привычки къ преступной дѣятельности, то они по преимуществу отдаются въ воспитательно-исправительныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ гдѣ сіи заведенія устроены [1]).

Въ статьѣ 64 Угол. Улож. говорится о случаяхъ совершенія однимъ субъектомъ до провозглашенія приговора двухъ или болѣе однородныхъ преступленій, по привычкѣ къ преступной дѣятельности или вслѣдствіе обращенія такой дѣятельности въ промыселъ.

Обращаясь къ критической оцѣнкѣ разсматриваемаго дѣленія, противъ него можно сказать слѣдующее. Въ основѣ понятія „случайнаго“ преступника,—не всегда, впрочемъ, одинаково и точно опредѣляемаго отдѣльными писателями,—лежитъ правильная мысль, что среди преступниковъ не мало людей, которые по своимъ внутреннимъ свойствамъ не представляютъ ничего особеннаго, но попадаютъ въ цѣпь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, приводящихъ ихъ, въ концѣ концовъ, къ преступленію. Но терминъ „случайный“ преступникъ въ высшей степени неудаченъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто не становится преступникомъ случайно; всегда есть рядъ обстоятельствъ, которыя въ совокупности и приводятъ человѣка къ преступленію. Употребляемое Листомъ выраженіе—„острая“ преступность—не подсказываетъ соотвѣтствующаго названія группы преступниковъ и, притомъ, у всѣхъ, не случайныхъ преступниковъ предполагаетъ какое-то хроническое состояніе преступности. Какъ будто и послѣ совершенія преступленія выразившееся въ немъ настроеніе личности продолжаетъ существовать! Между тѣмъ, это настроеніе гаснетъ вмѣстѣ съ своимъ выраженіемъ вовнѣ, а остается лишь возможность его повторенія, но при извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Тер-

[1]) Ст. 138 п. 3 Уложенія о нак. Ст. 55 п. 3. Угол. Уложенія.

минъ преступникъ-хроникъ, въ виду заключающейся въ немъ сбивчивости, врядъ ли удобенъ. Съ другой стороны, во всякомъ случаѣ нельзя было бы всѣхъ неслучайныхъ преступниковъ признать пребывающими въ хроническомъ состояніи преступности. Терминъ „привычный“ преступникъ также неудаченъ. Казалось бы, понятіе привычки совсѣмъ неприложимо къ преступной дѣятельности, всегда являющейся продуктомъ сознательнаго рѣшенія. Несомнѣнно, удачнѣе термина привычный преступникъ терминъ профессіональный преступникъ, но онъ не совпадаетъ съ нимъ по значенію. Притомъ, для подраздѣленія преступниковъ надо выбрать такіе признаки, которые указывали бы, какое содѣйствіе и противодѣйствіе встрѣчаетъ въ душѣ даннаго субъекта мысль о преступленіи.

Наконецъ, противъ дѣленія преступниковъ на случайныхъ и привычныхъ можно привести еще то соображеніе, что во всякомъ случаѣ этими двумя категоріями далеко не исчерпывается весь кругъ виновниковъ преступленій.

Въ виду высказанныхъ выше соображеній противъ дѣленія преступниковъ на привычныхъ и случайныхъ, нельзя принять и всѣхъ тѣхъ классификацій, въ которыя это дѣленіе входитъ какъ составной элементъ. Такова, напримѣръ, классификація Ашаффенбурга, который предлагаетъ различать слѣдующія категоріи преступниковъ:

1) совершившіе преступленіе по неосторожности;
2) подъ вліяніемъ аффекта;
3) случайные (Gelegenheitsverbrecher);
4) совершившіе преступленіе предумышленно;
5) рецидивисты;
6) привычные преступники;
7) профессіональные преступники[1]).

Кромѣ указаннаго выше возраженія, эту классификацію можно упрекнуть еще въ недостаткѣ единства: ея параллельныя группы получились, такъ сказать, не отъ одного дѣленія; въ основаніе ихъ положены разные признаки дѣленія: обдуманность преступнаго плана, большее или меньшее вниманіе, прежняя судимость и т. д.

---

[1]) *Aschaffenburg*, Das Verbrechen und seine Bekämpfung. 2 изд. 1906 стр. 179.

Высказываясь противъ вышеприведенныхъ классификацій, нельзя, однако, не отмѣтить, что въ нихъ замѣтна попытка при подраздѣленіи преступниковъ считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, какими факторами, главнымъ образомъ, вызвано преступленіе; только эта точка зрѣнія затемняется въ нихъ другими критеріями и не выражается въ достаточно отчетливо разграниченныхъ группахъ преступниковъ, да и самые термины—„случайный“ или „привычный“ преступникъ — неудачны. Предлагаемое выше дѣленіе преступниковъ на экзогенныхъ и эндогенныхъ свободно отъ отмѣченныхъ недостатковъ.

Теперь слѣдуетъ намѣтить дальнѣйшія подраздѣленія въ предѣлахъ каждой изъ установленныхъ основныхъ группъ.

VI.

Коренными, хотя часто глубоко скрытыми пружинами человѣческаго поведенія вообще—и преступной дѣятельности, въ частности, — являются чувствованія. Они направляютъ человѣческую волю въ ту или иную сторону и подсказываютъ человѣку рѣшеніе совершить извѣстный поступокъ или отъ него воздержаться. Идеи, за которыми не слышится голоса чувствованій, не способны двигать волю и быстро гаснутъ въ сознаніи. Когда человѣкъ стремится къ какому-либо поступку, онъ стремится къ нему, потому что предощущаетъ удовлетвореніе опредѣленнаго чувствованія или чувствованій, которое будетъ доставлено этимъ поступкомъ. Это предощущеніе возникаетъ у него, какъ отголосокъ чувствованія, когда-то пережитаго при такихъ же или аналогичныхъ условіяхъ, какъ воспоминаніе о пережитомъ прежде,—можетъ быть, и не разъ—состояніи. Оно и движетъ волю въ опредѣленномъ направленіи.

Среди чувствованій можно различать два разряда: чувства, связанныя съ ощущеніями, воспріятіями и представленіями, и чувства, связанныя съ отвлеченными идеями и сужденіями[1]). Первыя, въ виду ихъ связи съ конкретными познаніями, можно назвать конкретными, а вторыя—абстрактными. Послѣднія, вмѣстѣ съ идеями,

съ которыми они связаны, можно назвать абстрактными двигателями человѣческаго поведенія. И конкретныя чувства могутъ связываться съ отвлеченными идеями, при условіи, если къ послѣднимъ прибавился тотъ или иной образъ, если, такъ сказать, абстрактное мышленіе перешло на конкретные образы. Какъ на примѣры абстрактныхъ чувствъ, можно указать на любовь къ истинѣ, на чувства справедливости, чести, честности, уваженія къ человѣческому достоинству, любовь къ свободѣ и т. п. Существуютъ и несимпатичныя абстрактныя чувства, напр., любовь къ богатству, корыстолюбіе и т. д. Абстрактныя чувства могутъ связываться съ воспріятіями и представленіями, но, такъ сказать, черезъ примѣненіе къ конкретамъ отвлеченныхъ идей, черезъ оцѣнку ихъ съ точки зрѣнія послѣднихъ. Иногда это примѣненіе происходитъ такъ быстро, что кажется, будто извѣстное абстрактное чувство вспыхиваетъ моментально вслѣдъ за воспріятіемъ или представленіемъ. Интеллектуальный элементъ играетъ сравнительно бо̀льшую роль въ абстрактныхъ чувствахъ, вслѣдствіе чего ихъ можно бы назвать также интеллектуальными.

Въ виду этого интеллектуальнаго характера абстрактныя чувства гораздо болѣе измѣняются съ ходомъ цивилизаціи, чѣмъ конкретныя чувства; и у отдѣльныхъ лицъ, съ ихъ умственнымъ развитіемъ, они измѣняются весьма существенно. Эти измѣненія заключаются не только въ ихъ большей или меньшей силѣ и въ различіи по содержанію тѣхъ идей, которыя они поддерживаютъ своимъ голосомъ, но и въ бо̀льшемъ или меньшемъ числѣ ихъ; съ постепеннымъ развитіемъ культуры въ психикѣ человѣка нарождаются все новыя чувства этого рода.

Обыкновенно абстрактныя чувства, какъ двигатели, уступаютъ въ живости и силѣ чувствамъ конкретнымъ. Но существуютъ такія „отвлеченныя“ натуры, такіе „принципіальные“ люди, у которыхъ конкретныя чувства сравнительно блѣдны и воля болѣе подчиняется абстрактнымъ чувствамъ.

По своему происхожденію абстрактныя чувства но-

---

[1]) Въ трактатахъ и учебникахъ по психологіи чувства иногда дѣлятся на чувства, связанныя съ ощущеніями, и чувства, связанныя съ представленіями. Но мнѣ это дѣленіе представляется лишеннымъ цѣны: съ представленіями могутъ связываться и по характеру, и по силѣ своей тѣ же чувства.

сятъ, несомнѣнно, производный характеръ. Вмѣстѣ съ идеями, которыя они поддерживаютъ, они представляютъ собою сложныя психическія образованія, выработавшіяся при посредствѣ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ чувствъ. Всѣ они сводятся къ мучительнымъ чувствамъ недовольства, возникающимъ при сознаніи несоотвѣтствія того или иного конкрета абстрактной идеѣ, или къ чувствамъ радости и удовлетворенія при сознаніи обратнаго. Въ зависимости отъ идей, съ которыми они связаны, каждое изъ этихъ чувствъ пріобрѣтаетъ своеобразный отпечатокъ и имѣетъ свое особое происхожденіе. Отвлеченныя идеи соединяютъ въ себѣ общіе признаки тѣхъ событій, которыя вызываютъ въ насъ опредѣленныя конкретныя чувства. Абстрактныя чувства довольства или недовольства, связанныя съ этими идеями, служатъ отраженіемъ того значенія, которое мы придаемъ чувствамъ, связаннымъ съ обнимаемыми данной общей идеей конкретами. При этомъ, въ области психической нерѣдки случаи переноса чувства съ одного объекта на другой, служащій средствомъ для полученія перваго или обладанія имъ. Извѣстный примѣръ—деньги. Деньги—только средство для полученія съ ихъ помощью разныхъ наслажденій. Съ теченіемъ времени они сами у иныхъ людей становятся цѣлью и сознаніе увеличенія этого блага, пріобрѣтенія новаго его количества начинаетъ доставлять наслажденіе, независимо отъ мысли о будущемъ употребленіи этихъ денегъ. Возникаетъ „любовь къ деньгамъ“, „страсть къ наживѣ“ и т. п.

Разсматривая съ психологической точки зрѣнія поступки человѣка, т.-е. всѣ его произвольныя дѣйствія или воздержанія отъ дѣйствій, ихъ можно раздѣлить на 2 категоріи: 1) на возникающіе безъ обдуманнаго рѣшенія и 2) имѣющіе въ своемъ основаніи обдуманное рѣшеніе. Въ поступкахъ перваго рода рѣшеніе совершить ихъ возникаетъ сразу, вмѣстѣ съ мелькнувшей идеей поступка, безъ выбора, колебаній и обсужденія. Какъ скоро мысль о поступкѣ появляется, контролирующее сознаніе не задерживаетъ ея для обсужденія, а, такъ сказать, санкціонируетъ съ молніеносной быстротой[1]). Однако и въ этихъ случаяхъ способность рѣшенія даетъ свою санкцію, такъ сказать, произноситъ свое разрѣшающее

[1]) Нѣкоторые психологи, какъ, напр., Джемсъ (Психологія. Пер. Лапшина. СПБ 1911. 6-е изд., стр. 370 сл.), думаютъ, что существуетъ такого рода про-

„да будетъ“. Надо замѣтить, что путемъ постепенно накопляющагося жизненнаго опыта у каждаго взрослаго человѣка развивается способность задерживать возникающія у него стремленія къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ, разсматривать ихъ и затѣмъ подавлять или допускать ихъ дальнѣйшее развитіе. Эта способность задерживать и взвѣшивать развита у людей въ различной степени— у однихъ сильно, у другихъ слабо, но она всегда существуетъ у взрослаго не душевно-больного человѣка и сквозь ея контроль проходятъ всѣ произвольные поступки. Идея дѣйствія стремится къ осуществленію. Это— несомнѣнный фактъ, имѣющій, вѣроятно, глубокія физіологическія основанія; то нервное возбужденіе, которое связано съ образомъ извѣстнаго поступка, въ извѣстной степени сообщается соотвѣтствующимъ двигательнымъ нервамъ и отражается въ психикѣ извѣстнымъ стремленіемъ. Но стремленіе это задерживается контролирующимъ сознаніемъ и, пройдя этотъ контроль, или подавляется, или получаетъ дальнѣйшее развитіе и воплощается въ соотвѣтствующемъ поступкѣ. Въ участіи нашей способности рѣшенія и въ такихъ поступкахъ, которые кажутся совершенными безъ всякаго рѣшенія, убѣдиться не трудно, если измѣнить существенно ту обстановку, въ которой совершаются эти поступки; тогда сейчасъ же явится обдумываніе и вполнѣ ясное уже рѣшеніе. Если условія будутъ измѣнены незначительно, но все-таки измѣненіе ихъ обратитъ на себя наше вниманіе, процессъ рѣшенія сократится и будетъ не такъ замѣтенъ, но все-таки несомнѣненъ. Возьмемъ, для примѣра, такія дѣйствія, въ которыхъ отсутствіе какого-либо рѣшенія, на первый взглядъ, особенно ясно, напр., одѣванье и раздѣванье, ежедневно совершаемыя нами безъ минуты размышленія. Всѣ дѣйствія, входящія въ нихъ, совер-

---

извольныя движенія, которыя совершаются совсѣмъ безъ рѣшенія, носятъ „идеомоторный“ характеръ, и что такого рода волевыя дѣйствія составляютъ „нормальный психическій процессъ, не замаскированный никакими посторонними явленіями“ (ibid). Однако и въ этихъ случаяхъ существуетъ извѣстная санкція, согласіе нашего контролирующаго сознанія, которое представляетъ собою рѣшеніе безъ предварительныхъ колебаній, принимаемое сразу. Какъ скоро человѣкъ вышелъ изъ періода ранняго дѣтства и путемъ жизненнаго опыта у него развилась способность задерживать возникающія въ умѣ идеи движеній, всякое произвольное дѣйствіе проходитъ сквозь контроль этой способности.

шаются, какъ мы говоримъ, машинально, по привычкѣ. Однако, если мы раздѣваемся не въ нашей спальнѣ, гдѣ мы привыкли къ каждому предмету, а, напр., въ купэ вагона, мы обдумываемъ и рѣшаемъ, какія части туалета снять, какія—нѣтъ, куда положить одинъ предметъ, куда—другой и т. д. Если условія, въ которыхъ нами совершаются эти привычныя дѣйствія, измѣняются не такъ рѣзко, многія изъ нихъ все-таки начинаютъ уже требовать вполнѣ замѣтныхъ рѣшеній. Слѣдовательно, все дѣло въ большей или меньшей быстротѣ рѣшенія, въ возникновеніи его послѣ обдумыванія или безъ такового.

Рѣшеніе совершить поступокъ образуется моментально въ случаяхъ,—когда идея поступка не вызываетъ въ душѣ никакихъ противодѣйствующихъ ей представленій или чувствованій. Таковы, во-первыхъ, случаи, когда поступокъ представляетъ незначительный интересъ для человѣка и, обѣщая дать нѣкоторое удовлетвореніе извѣстному его чувству, незатрогиваетъ замѣтно враждебныхъ данному чувству чувствъ. Рѣшеніе встать, подойти къ окну и посмотрѣть въ него, если это не мѣшаетъ работѣ и вообще не нарушаетъ существенныхъ интересовъ человѣка, образуется очень быстро, такъ что даже незамѣтно для насъ. Во-вторыхъ, дѣйствія привычныя, постоянно совершаемыя при однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ. Примѣрами могутъ служить одѣванье и раздѣванье. Въ-третьихъ, дѣйствія, къ которымъ у человѣка нѣтъ привычки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, и которыя касаются важныхъ жизненныхъ интересовъ, но стремленіе къ которымъ поддерживается прочно образовавшимся комплексомъ чувствованій и представленій, не встрѣчающимъ уже себѣ противодѣйствія въ психикѣ человѣка. Въ этомъ случаѣ у человѣка какъ бы существуетъ предвзятое рѣшеніе совершать подобные поступки всякій разъ, какъ скоро представится удобный случай, такъ что только соображенія объ удобствѣ или неудобствѣ внѣшней обстановки и могутъ задерживать стремленіе къ этимъ поступкамъ. Таково, напр., состояніе нѣкоторыхъ многократно судившихся воровъ, для которыхъ уже не существуетъ мучительныхъ колебаній, вступать или не вступать на воровской путь, которые покончили съ этимъ вопросомъ, если онъ когда-либо вообще для нихъ существовалъ, а соображаютъ лишь, удастся или нѣтъ со-

вершить такую-то кражу, отнимутъ или не отнимутъ вещь, захватятъ или не захватятъ съ поличнымъ и т. д. Таково же состояніе развратника, который не мучится вопросомъ, хорошо ли его отношеніе къ женщинѣ, надо ли или нѣтъ продолжать развратную жизнь, а всегда готовъ поразвратничать, лишь бы все оставалось „шито-крыто“, лишь бы не было огласки и т. д. Таково и состояніе пьяницы, который не занимается вопросомъ, слѣдуетъ ему или не слѣдуетъ отравлять организмъ алкоголемъ, честно или нечестно губить свои силы и наносить вредъ семьѣ и т. д., а заботится только о томъ, чтобы не попасть на глаза хозяина, начальника, въ участокъ и т. д. Въ психикѣ всѣхъ этихъ лицъ какъ бы выкристаллизовалась рѣшимость совершать эти поступки, какъ скоро представятся подходящія внѣшнія условія.

Что касается второй группы случаевъ (случаевъ обдуманнаго рѣшенія), то характеръ и психологическое значеніе [1]) принимаемаго рѣшенія зависятъ: 1) отъ того, какія чувствованія связываются съ представленіемъ поступка, побуждаютъ желать его и предощущаются субъектомъ, какъ доставляемыя его совершеніемъ, насколько однородны и сильны эти чувствованія; 2) отъ того, какія абстрактныя чувствованія возбуждаются оцѣнкой поступка, насколько сильны эти чувства и въ какой мѣрѣ ими возбуждаются тѣ или иныя конкретныя чувствованія, и 3) отъ того, насколько развита у даннаго субъекта самая способность обдумывать свои поступки и приходить къ твердымъ рѣшеніямъ. Остановлюсь недолго на каждомъ изъ этихъ условій.

Каждое чувствованіе отражается въ душѣ стремленіемъ къ такого рода движеніямъ, въ которыхъ оно нашло бы себѣ удовлетвореніе. Достигнувъ доступной ему при данныхъ условіяхъ наибольшей напряженности, оно выливается въ тѣ или иныя движенія (напр., хотя бы въ простую сильную ходьбу), разряжается, гаснетъ. Волна каждаго чувства можетъ встрѣтиться съ волной противоположнаго ему или враждебнаго чувства, которое отражается въ душѣ стремленіемъ къ воздержанію отъ требуемыхъ первымъ чувствомъ поступковъ или

---

[1]) Т.-е. значеніе его, какъ двигателя въ психикѣ лица, какъ регулятора поведенія.

стремленіемъ къ противоположному поведенію. Нервное возбужденіе, проявляющееся въ одномъ чувствѣ, ослабѣваетъ или уничтожается подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія, проявляющагося въ чувствѣ противоположнаго характера. Это явленіе, вѣроятно, имѣетъ свое физіологическое основаніе въ томъ, что разные центры нервной дѣятельности стремятся, такъ сказать, къ равновѣсію и по истощеніи одного центра наступаетъ дѣятельность другого, или въ томъ, что чувства суть разныя возбужденія тѣхъ же нервовъ и волна возбужденія одного рода естественно тушитъ другое возбужденіе. Въ возникающей борьбѣ стремленій побѣда остается за тѣмъ, которое подсказывается болѣе интенсивнымъ, глубокимъ чувствомъ, или чувствомъ, нашедшимъ себѣ большую поддержку въ представленіяхъ и другихъ чувствованіяхъ субъекта. Такъ же, какъ представленія съ представленіями, чувства ассоціируются съ чувствами и съ представленіями. То обстоятельство, каковы закрѣпившіяся въ психикѣ даннаго лица ассоціаціи даннаго чувства, будетъ имѣть большое вліяніе на силу этого чувства и значеніе его, какъ регулятора поведенія человѣка. Съ другой стороны, то обстоятельство, какія ассоціаціи вызоветъ въ душѣ субъекта данное чувство, въ извѣстной мѣрѣ зависитъ и отъ воспріимчивости человѣка къ этому чувству, отъ того, поскольку онъ былъ захваченъ этимъ чувствомъ. Если человѣкъ, разсердившійся на другого, вспомнитъ, въ моментъ гнѣва, что тотъ, на кого онъ сердитъ, ухаживаетъ за его женой и нравится послѣдней, то зашевелившееся чувство ревности можетъ усилить чувство гнѣва и стремленіе къ подсказываемымъ послѣднимъ поступкамъ. Наоборотъ, воспоминаніе о томъ, какъ тотъ, на кого обращенъ гнѣвъ, ухаживалъ за больною матерью разсердившагося или выручилъ послѣдняго изъ какой-либо бѣды, можетъ оказать обратное дѣйствіе и погасить гнѣвъ. Какого рода потокъ ассоціацій будетъ вызванъ даннымъ чувствомъ въ душѣ человѣка, зависитъ не только отъ силы этого чувства, но и отъ степени развитія у субъекта враждебныхъ данному чувству чувствъ. Представленія о поступкахъ, удовлетворяющихъ одни чувства, могутъ возбуждать противоположныя чувствованія. Если волна этихъ послѣднихъ чувствъ окажется достаточно

сильной, потокъ ассоціацій направится въ другую сторону и первоначальныя стремленія погибнутъ.

Далѣе, когда мысль человѣка сосредоточивается на извѣстномъ поступкѣ, онъ обыкновенно оцѣниваетъ этотъ поступокъ съ различныхъ сторонъ. Онъ разсматриваетъ его съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ, личной выгоды, съ точки зрѣнія присущихъ ему представленій о хорошемъ и дурномъ, о честномъ и безчестномъ, доблестномъ и позорномъ и т. д. Въ зависимости отъ вывода оцѣнки у него явится предощущеніе угрызеній совѣсти, недовольства собой, въ случаѣ совершенія поступка, чувство униженія и позора въ случаѣ огласки содѣяннаго, презрѣнія окружающихъ и т. д. При этомъ, очень нерѣдко тѣ взгляды, сторонникомъ которыхъ заявляетъ себя человѣкъ, на самомъ дѣлѣ исповѣдуются имъ лишь наружно, „на словахъ“ и не имѣютъ практическаго вліянія на его поведеніе, а, наоборотъ, тѣ масштабы, которые человѣкъ дѣйствительно прилагаетъ къ оцѣнкѣ представляющихся ему поступковъ и которые имъ руководятъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, онъ тщательно скрываетъ отъ другихъ, да и себѣ не всегда признается въ ихъ власти надъ собой. Оцѣнка дѣйствія оказываетъ тѣмъ большее вліяніе на стремленіе совершить это дѣйствіе, чѣмъ болѣе развиты у человѣка связанныя съ положенными въ основаніе оцѣнки идеями абстрактныя чувствованія, чѣмъ мучительнѣе, напр., ему сознавать, что по совершеніи даннаго поступка, онъ не сможетъ уже съ прежнимъ уваженіемъ и гордостью относиться къ самому себѣ и т. п. Съ другой стороны, съ отвлеченными идеями легко соединяются соотвѣтствующіе имъ образы, а съ этими послѣдними—извѣстныя конкретныя чувства. Въ зависимости отъ того, насколько соотвѣтствуютъ возбужденнымъ представленіямъ поступка чувствамъ чувства, вызываемыя его оцѣнкой, эти послѣднія будутъ ослаблять или усиливать стремленіе совершить этотъ поступокъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить, что способность задерживать возникающія стремленія къ тѣмъ или инымъ поступкамъ въ различной степени развита у отдѣльныхъ лицъ. Одинъ—мало вдумчивъ, порывистъ, легко поддается вліяніямъ другихъ людей, слабохарактеренъ, другой, наоборотъ, привыкъ серьезно и долго взвѣшивать представляющіеся его сознанію поступки, мало податливъ на

вліянія другихъ людей, привыкъ продумывать возникающія мысли и приходить къ твердымъ и яснымъ рѣшеніямъ. Между этими противоположными типами—масса различныхъ градацій. Очевидно, что степень развитія у человѣка способности обсуждать и по обсужденіи рѣшать должна отражаться на борьбѣ въ его душѣ мотивовъ. При высокомъ развитіи этой способности каждому мотиву противопоставляется гораздо большее число противодѣйствующихъ мотивовъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ вернуться къ разсмотрѣнію группы эндогенныхъ преступниковъ и постараться отмѣтить тѣ категоріи, на которыя она распадается.

Этихъ преступниковъ можно, прежде всего, раздѣлить на 2 разряда:

I. Первый разрядъ составляютъ тѣ, въ психикѣ которыхъ сложился устойчивый комплексъ представленій и чувствованій,—конкректныхъ, абстрактныхъ, или тѣхъ и другихъ, — облегчающій появленіе въ ихъ сознаніи мысли объ извѣстнаго рода преступленіяхъ и развитіе стремленія къ даннаго рода преступной дѣятельности и устраняющій или почти устраняющій противодѣйствующія этому стремленію ассоціаціи чувствованій и представленій. Въ психикѣ такихъ преступниковъ образуется, такъ сказать, постоянное ядро прочно ассоціированныхъ представленій и чувствованій, которое подсказываетъ мысль о преступленіи, поддерживаетъ ростъ стремленія къ нему и не допускаетъ враждебныхъ этому стремленію ассоціацій, по крайней мѣрѣ, затрудняетъ ихъ теченіе и заглушаетъ ихъ голосъ. Это ядро ассоціацій устойчиво въ томъ смыслѣ, что болѣе или менѣе постоянно руководитъ поведеніемъ.

II. Второй разрядъ составляютъ тѣ, въ психикѣ которыхъ такого постояннаго сочетанія ассоціацій, содѣйствующихъ возникновенію и росту стремленія къ преступленію, нѣтъ.

Въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ разрядовъ можно подмѣтить нѣсколько разновидностей.

Первый разрядъ можно разбить на 2 группы:

1) первую группу составляютъ преступники *профессіональные*. У этихъ послѣднихъ въ прочномъ сочетаніи идей и чувствованій, облегчающихъ возникновеніе и развитіе стремленія къ преступной дѣятельности, содержится

рѣшеніе избрать преступленіе средствомъ или однимъ изъ средствъ удовлетворенія извѣстныхъ повторяющихся потребностей.

2) Вторую группу образуютъ тѣ, въ психикѣ которыхъ наблюдается постоянное сочетаніе представленій и чувствованій, располагающихъ къ насильническимъ дѣйствіямъ въ отношеніи другихъ людей, къ безжалостной эксплоатаціи ихъ или къ извращеннымъ половымъ отношеніямъ. Но, въ отличіе отъ профессіональныхъ преступниковъ, у этихъ субъектовъ не наблюдается рѣшенія облекать свою дѣятельность именно въ форму извѣстнаго рода преступленій и такимъ образомъ удовлетворять существующую у нихъ потребность. Изъ страха наказанія и по другимъ подобнымъ побужденіямъ эти лица даже могутъ стараться избѣгать преступныхъ проявленій своихъ склонностей, но, разъ перейдя запретную границу, они особенно легко могутъ утвердиться на преступномъ пути. Къ данной группѣ принадлежатъ люди, которые ведутъ такой образъ жизни или такъ отправляютъ извѣстную профессію, что ихъ поведеніе носитъ на себѣ ясную печать склонности къ насилію, къ безжалостной эксплоатаціи другихъ лицъ или къ половой распущенности. При этомъ, у нихъ иногда складывается даже особая, такъ сказать, житейская философія, по которой выходитъ, напр., что возможно частый половой развратъ есть то, къ чему особенно слѣдуетъ стремиться въ жизни, что сколачиваніе капитальца путемъ выжиманія соковъ изъ другого есть достойное проявленіе ума предусмотрительнаго человѣка, что грубое проявленіе физической силы въ отношеніи извѣстныхъ лицъ допустимо и т. д. Даже если эти лица попали на преступный путь въ первый разъ, ихъ преступная дѣятельность имѣетъ такіе прочные корни въ ихъ психикѣ, что есть полное основаніе опасаться, что они упрочатся на преступной дорогѣ. Кругъ принадлежащихъ къ разсматриваемой группѣ преступниковъ очень разнообразенъ. Сюда относятся люди съ развитымъ корыстолюбіемъ, которые, пользуясь чужой нуждой, за безцѣнокъ пріобрѣтаютъ ихъ трудъ или имущество, каковы нерѣдко содержатели ссудныхъ кассъ, скупщики ломбардныхъ квитанцій, скупщики разныхъ подержанныхъ вещей и т. д. Сюда принадлежатъ раз-

вратники, вѣчно ищущіе новыхъ связей съ женщинами, цинично смотрящіе на отношенія къ женщинѣ, постоянно обманывающіе своихъ возлюбленныхъ, любители циничныхъ анекдотовъ, картинокъ, половыхъ извращеній, большинство проститутокъ и т. д. Сюда принадлежатъ также склонные къ насилію надъ другими, которые постоянно колотятъ женъ и дѣтей, являются любителями дракъ и избіеній, вообще любятъ причинять другимъ физическія страданія и активно проявлять свою жестокость и т. п.

Всѣхъ этихъ разнообразныхъ преступниковъ удобно было бы назвать, въ отличіе отъ преступниковъ профессіональныхъ, криминолоидами. Но, употребляя это слово, надо оговорить, что ему придается совершенно иной смыслъ, чѣмъ оно имѣло у Ломброзо. Криминолоиды это — носители такого уклада психики, при которомъ многіе изъ нихъ являются кандидатами на мѣсто среди профессіональныхъ преступниковъ. Ихъ съ полнымъ правомъ можно поставить рядомъ съ послѣдними, какъ близкую къ нимъ группу.

Такимъ образомъ, первый разрядъ эндогенныхъ преступниковъ распадается на 2 группы: на преступниковъ профессіональныхъ и криминолоидовъ.

Несомнѣнно, что профессіональные преступники должны составлять предметъ особеннаго вниманія и законодателя, и судьи. Къ сожалѣнію, эта группа преступниковъ, повидимому, повсюду растетъ [1]). Статистика постоянно обнаруживаетъ тревожный фактъ, что число преступниковъ растетъ менѣе, чѣмъ число преступленій, а иногда при ростѣ преступленій число преступниковъ даже уменьшается [2]). Это указываетъ на то, что число профессіональныхъ преступниковъ все возрастаетъ, что преступность, такъ сказать, все болѣе сосредочивается въ извѣстномъ кругѣ лицъ, состоящемъ изъ непримиримыхъ враговъ общественнаго порядка. Иногда они дѣйствуютъ въ одиночку, но часто и шайками, оперирующими на пространствѣ обширныхъ районовъ, иногда

---

[1]) По вопросу о профессіональныхъ преступникахъ см. Camille *Aymard*, La profession du crime. 1905.

[2]) Статистическія данныя относительно рецидива во Франціи см. *Aymard*, у. с. стр. 423 сл., также *Tarde*. La criminalité comparée, гл. 2, III. Данныя, касающіяся Англіи, у *Люблинскаго*. Очерки суда и наказанія въ современной Англіи, стр. 688 сл. Нѣкоторыя данныя англійской статистики рецидива см. также у *Майо Смитъ*, Статистика и соціологія (Русск. пер. 1901), стр. 297 сл.

цѣлыхъ государствъ. Они часто хорошо одѣваются, ѣздятъ въ автомобиляхъ и скорыхъ поѣздахъ, говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, словомъ, являются въ видѣ образованныхъ и корректныхъ людей. Они внимательно слѣдятъ за техникой своего ремесла и работаютъ съ помощью усовершенствованныхъ инструментовъ. Конечно, не всегда профессіональные преступники являются въ формѣ изящно одѣтыхъ громилъ, орудующихъ въ банкахъ съ усовершенствованными отмычками и орудіями взлома несгораемыхъ шкафовъ. Но всегда борьба съ ними представляется особенно трудной для уголовнаго правосудія.

Показателемъ профессіональной преступности часто служитъ многократный рецидивъ, но иногда и преступникъ, въ первый разъ предстающій предъ уголовнымъ судомъ носитъ всѣ черты профессіональнаго преступника; иногда поступившій въ шайку завѣдомыхъ профессіоналовъ-громилъ, хотя и участвовавшій пока еще въ одномъ преступленіи, или субъектъ, хотя и не наказанный раньше, но виновный уже въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, съ полнымъ правомъ могутъ быть признаны судомъ профессіональнымъ преступникомъ.

Обращаюсь ко второму разряду эндогенныхъ преступниковъ, къ тѣмъ, въ психикѣ которыхъ еще не сложилось прочнаго сочетанія представленій и чувствованій, облегчающихъ возникновеніе и развитіе стремленія къ преступленію и устраняющихъ противодѣйствующія этому стремленію ассоціаціи.

У этихъ преступниковъ рѣшимость совершить преступленіе возникаетъ главнымъ образомъ или благодаря особой воспріимчивости ихъ къ опредѣленнымъ чувствованіямъ, или благодаря чрезмѣрной слабости или пониженности противодѣйствія, которое можетъ встрѣтить себѣ въ ихъ душѣ стремленіе къ преступленію. Основываясь на этомъ, разсматриваемый разрядъ преступниковъ можно раздѣлить на слѣдующія группы.

1. Первую группу составляютъ преступники, отличающіеся особою возбудимостью какого-либо чувства, такъ сказать, эмоціональнымъ характеромъ. Для краткости ихъ можно назвать *эмоціональными*. У этихъ лицъ чувство, толкнувшее на преступленіе, хотя и не достигало степени патологическаго аффекта, но вспыхнуло съ осо-

бой силой, подчинило себѣ теченіе ассоціацій въ ихъ душѣ и съ особенной настойчивостью требовало удовлетворенія. Предощущеніе этого удовлетворенія было особенно ярко въ ихъ душѣ. При этомъ, такой настойчивостью и силой могутъ обладать какъ конкретныя чувства (гнѣвъ, месть, ревность и т. п.), такъ и абстрактныя (корыстолюбіе и т. п.).

2. Вторую группу образуютъ преступники *нравственно-разслабленные*. Они характеризуются тѣмъ, что у нихъ отсутствуютъ или почти отсутствуютъ абстрактныя нравственныя чувствованія, которыя служатъ основаніями для моральной оцѣнки поступка, позволяютъ этой оцѣнкѣ оказывать болѣе или менѣе сильное вліяніе на душу и вообще заставляютъ человѣка стараться поддерживать свою жизнь на извѣстной нравственной высотѣ. Это — люди нравственно опустившіеся. Они совершаютъ преступленіе не въ силу особаго взрыва какого-либо чувства, какъ преступники эмоціональные, и не въ силу сложившихся наклонностей къ преступленію или къ близкимъ преступленію образамъ дѣйствій, какъ преступники профессіональные и криминолоиды, а главнымъ образомъ въ силу недостатка нравственныхъ силъ для воздержанія отъ преступленія, разъ послѣднее представляется наиболѣе легкимъ способомъ удовлетворенія какой-либо ихъ потребности. Въ сферѣ чувствованій у этихъ лицъ не наблюдается никакой аномальной возбудимости; они не особенно злы и не особенно добры, не мстительны, но и не склонны къ великодушію. Сфера ихъ чувства отличается, такъ сказать, безцвѣтностью, заурядностью; иногда этимъ людямъ присуще даже нѣкоторое благодушіе. Но они нравственно оскудѣли, обезсилѣли. Иногда это нравственное разслабленіе является продуктомъ заброшенности съ дѣтства. Иногда оно наступаетъ послѣ долгой развратной жизни или послѣ того, какъ человѣкъ какимъ-либо несчастьемъ былъ выбитъ изъ колеи нормальной, трудовой жизни и попалъ въ разрядъ деклассированныхъ людей, а затѣмъ все глубже падалъ нравственно и все болѣе становился „бывшимъ“ человѣкомъ.

3. Третью группу составляютъ преступники, соединяющіе въ себѣ черты двухъ предшествующихъ группъ, т.-е. особенную возбудимость извѣстнаго чувства съ чертами общей нравственной разслабленности.

4. Къ IV группѣ надо отнести дѣйствовавшихъ въ состояніи временнаго возбужденія отъ пріема какого-либо наркотическаго вещества, чаще всего—алкоголя.

Несомнѣнно, что какъ среди профессіональныхъ преступниковъ, такъ и среди криминолоидовъ также есть лица съ особой возбудимостью какого-либо толкающаго на преступленіе чувства, слабохарактерные, нравственно недоразвитые и т. д. Но у преступниковъ этихъ двухъ категорій есть и иныя, очень важныя, съ точки зрѣнія уголовнаго правосудія, черты, которыя и заставляютъ выдѣлить ихъ изъ остальной массы преступнаго люда: тѣ чувствованія, которыя у другихъ преступниковъ еще не тяготѣютъ къ опредѣленнымъ выраженіямъ вовнѣ, не вошли еще въ извѣстныя устойчивыя сочетанія, а находятся, если можно такъ выразиться, въ разсѣянномъ состояніи, у этихъ преступниковъ, такъ сказать, выкристаллизовались въ опредѣленное ядро ассоціацій, обезпечивающихъ безпрепятственный или почти безпрепятственный ростъ стремленію къ преступленію и сильную ему поддержку. Этотъ признакъ весьма важенъ, съ точки зрѣнія наказуемости, и съ полнымъ правомъ можетъ быть положенъ въ основу классификаціи эндогенныхъ преступниковъ. Но затѣмъ, конечно, профессіональныхъ преступниковъ и криминолоидовъ можно подраздѣлить на дальнѣйшія группы, принявъ въ руководство и тѣ признаки, на которыхъ основано подраздѣленіе второго разряда эндогенныхъ преступниковъ.

VII.

Изложенная выше группировка эндогенныхъ преступниковъ требуетъ дополненія дальнѣйшими подраздѣленіями. Наблюденіе показываетъ, что тѣ свойства этихъ преступниковъ, въ которыхъ заключаются главные факторы ихъ преступленій, могутъ имѣть различное происхожденіе, на что очень важно обратить вниманіе при примѣненіи наказаній.

Дѣйствительно, эти свойства могутъ не стоять въ связи съ болѣзненнымъ разстройствомъ нервной системы, съ профессіей субъекта или привычками, вредно отражающимися на организмѣ и нравственной личности человѣка, но могутъ и обусловливаться:

1) вырожденіемъ физическимъ и нравственнымъ, въ частности, алкогольнымъ вырожденіемъ;

2) нервною болѣзнью въ собственномъ смыслѣ слова (неврастеніей, эпилепсіей и т. д.);

3) привычнымъ употребленіемъ наркотиковъ, еще не приведшимъ къ вырожденію;

4) половыми извращеніями, излишествами и проституціей;

5) праздношатаніемъ, нищенствомъ и бродяжничествомъ.

Отсюда, въ каждой изъ отмѣченныхъ выше группъ эндогенныхъ преступниковъ слѣдуетъ различать отъ преступниковъ нормальныхъ, т.-е., не страдающихъ ни вырожденіемъ, ни нервной болѣзнью, ни половой распущенностью: 1) преступниковъ нервно-больныхъ (неврастениковъ, эпилептиковъ и т. д.); 2) дегенерантовъ, не страдающихъ опредѣленной нервной болѣзнью; 3) алкоголиковъ; 4) проститутокъ и мужчинъ съ извращеннымъ половымъ чувствомъ. Вполнѣ возможно, конечно, что одинъ и тотъ же субъектъ будетъ соединять въ себѣ признаки разныхъ группъ, т.-е., напр., будетъ денегерантомъ и, съ другой стороны, алкоголикомъ, проституткой и т. п. Перечисленныя выше категоріи не составляютъ замкнутыхъ и изолированныхъ группъ; 5) къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще одну своеобразную группу преступниковъ изъ нищихъ и бродягъ.

Наблюденіе не оставляетъ сомнѣній, что дефекты нервной системы играютъ нерѣдко большую роль въ генезисѣ преступленія.

Итальянская школа, говоря о прирожденной преступности, впала въ ошибку, но въ сдѣланныхъ ея представителями наблюденіяхъ дается масса фактовъ, свидѣтельствующихъ, что среди преступниковъ дѣйствительно много разныхъ неуравновѣшенныхъ, духовно оскудѣлыхъ субъектовъ. На расшатанность и дефекты нервной системы у значительнаго числа преступниковъ указывали многіе наблюдатели тюремнаго міра, въ частности, и тюремные врачи. Тюремный врачъ Лоранъ прямо заявляетъ, что тюрьмы населены дегенерантами[1]). Многіе прес-

[1]) Въ нашей литературѣ цѣлый рядъ примѣровъ, имѣющихъ доказательную силу, можно почерпнуть въ трудахъ Д. А. Дриля о малолѣтнихъ преступникахъ, о психо-физическихъ типахъ въ ихъ соотношеніи съ преступностью и др.

тупники носятъ явные признаки вырожденія или даже опредѣленной нервной болѣзни — неврастеніи, истеріи, эпилепсіи и т. д.

Конечно, надо избѣгать поспѣшныхъ обобщеній и не слѣдуетъ объявлять всѣхъ преступниковъ или хотя бы всѣхъ такъ называемыхъ привычныхъ преступниковъ дегенерантами, какъ это дѣлаетъ, напр., Максъ Нордау, развивающій такой парадоксальный взглядъ [1]). Преступленіе, говоритъ онъ, относится къ той категоріи явленій, которая носитъ названіе паразитизма. Въ этомъ его сущность и отличительная черта [2]). Говоря о паразитизмѣ у человѣка, продолжаетъ авторъ, я употребляю это слово не въ чисто біологическомъ, а лишь въ аналогичномъ значеніи [3]). „Паразитизмъ въ обществѣ возникаетъ, когда появляются люди, которые хотятъ только пользоваться, но не хотятъ ничего давать взамѣнъ, которые отнимаютъ у ближняго плоды его труда, безъ его согласія и безъ отплаты, которые пользуются трудомъ другихъ людей, какъ непосредственнымъ источникомъ для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей [4])". „Тѣ люди, которые впадаютъ въ такой паразитизмъ, и называются преступниками [5]). „Паразитизмъ есть результатъ вырожденія". „Дегенерантъ обладаетъ слабымъ организмомъ". „Способный лишь къ малой затратѣ силъ, онъ всячески эксплоатируетъ своего ближняго вмѣсто того, чтобы строить свою жизнь на принципѣ взаимности; а поступаетъ онъ такъ потому, что это для него легче" [6]). „И стоитъ только такому человѣку хоть разъ испытать, насколько паразитизмъ для него пріятнѣе и легче, чѣмъ трудъ, основанный на взаимномъ обмѣнѣ услугъ, чтобы сдѣлаться привычнымъ паразитомъ, т. е., другими словами, профессіональнымъ преступникомъ" [7]). Конечно, это подведеніе преступленія подъ понятіе паразитизма и объявленіе всякаго профессіональнаго преступника дегенерантомъ грѣшитъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, но несомнѣненъ фактъ, что дегенерація—нерѣдкое явленіе въ средѣ преступниковъ. Кромѣ вырожденія, выражающа-

[1]) *М. Нордау*, новая біологическая теорія преступленія. (Перев. Малинина. М. 1903).
[2]) У. с. стр. 21.
[3]) У. с., стр. 23.
[4]) Ibid., стр. 25.
[5]) Ibidem.
[6]) У. с., стр. 27.
[7]) Нордау, у. с., стр. 27—28.

гося въ физическихъ признакахъ, существуетъ чисто нравственное вырожденіе, заключающееся въ угасаніи въ душѣ указанныхъ выше абстрактныхъ нравственныхъ двигателей поведенія и въ прогрессирующемъ упадкѣ конкретныхъ альтруистическихъ чувствованій. Фактъ нравственнаго вырожденія нѣкоторыхъ преступниковъ подалъ поводъ одному итальянскому ученому—Колаянни—утверждать, что эти преступники страдаютъ не физическимъ атавизмомъ, какъ думалъ Ломброзо, а атавизмомъ моральнымъ или психическимъ [1]). Этотъ психическій атавизмъ, полагаетъ Колаянни, заключается въ воспроизведеніи въ преступникѣ чертъ, которыя принадлежали людямъ данной расы на предшествующихъ ступеняхъ ея эволюціи [2]). Это объясненіе преступности подсказывается, по мнѣнію Колаянни, аналогіями, которыя существуютъ между преступниками и лицами, развитіе которыхъ было задержано, и дикарями [3]). Но идея атавизма, какъ показала критика антропологической школы, весьма неудачна. Притомъ, одинъ психическій атавизмъ безъ физическаго, котораго Колаянни не признаетъ, невозможенъ, какъ на это указалъ еще Ферри: ...„чисто психическій атавизмъ, говоритъ Ферри, немыслимъ, если не признавать въ то же время органическаго атавизма, который Колаянни хочетъ совершенно исключить или признавать—безъ всякаго научнаго основанія — лишь въ отношеніи однѣхъ центральныхъ нервныхъ клѣтокъ, какъ-будто послѣднія могутъ жить и передаваться по наслѣдству, витая гдѣ-то отдѣльно въ пространствѣ, а не будучи неразрывно связаны съ другими органическими элементами жизни [4]).

Несомнѣнно, весьма важно, при примѣненіи наказанія, обратить вниманіе на дефекты нервной системы преступника. Всѣ нервно-больные преступники и дегенераты должны, въ карательныхъ заведеніяхъ, подлежать особому режиму и особенно тщательному врачебному надзору. Необходимо, поскольку возможно, дѣйствовать врачебными и воспитательными мѣрами на ихъ особое состояніе нервной системы.

---

[1]) См. *его* Sociologia criminale. 1889. I, c. IX; стр. 449 сл.

[2]) У. с., I, 477.

[3]) Sociologia cr. I, 478 сл. I delinquent, non sono i ritardatori; ma con questi hanno analogie psichice... ibid I, 479. Подробное изложеніе взгляда Колаянни у *Dallemagne*, Théories de la criminalité. Ch. VII; также *Bonger*, Criminalité et conditions économiques, стр. 27 сл.

[4]) Уголовная соціологія, стр. 104—105.

Необходимо также подвергнуть нѣсколько спеціальному режиму и преступниковъ, страдающихъ привычнымъ употребленіемъ какихъ-либо сильныхъ наркотиковъ—кокаина, морфія, алкоголя и т. п. Иногда въ роли фактора преступности является морфинизмъ или кокаинизмъ, но чаще всего на практикѣ, конечно, приходится имѣть дѣло съ привычнымъ употребленіемъ алкоголя [1]).

Лоранъ говоритъ, что тюрьмы населены дегенерантами. „Съ такимъ же точно правомъ я могъ бы сказать, говоритъ онъ, что онѣ населены потомками алкоголиковъ“ [2]). „Когда въ прошломъ преступника, продолжаетъ онъ [3]), вы не находите ни сумасшествія, ни эпилепсіи, ни истеріи у его восходящихъ, ищите алкоголь и будьте увѣрены, что изъ 10 случаевъ въ 9 въ немъ-то и заключается причина преступности“.

Какъ факторъ преступности, отравленіе спиртными напитками дѣйствуетъ и прямо или непосредственно, и косвенно или посредственно [4]). Подъ посредственнымъ дѣйствіемъ я разумѣю то измѣненіе психики субъекта, которое возникаетъ на почвѣ алкоголизма и передается по наслѣдству, а также измѣненіе въ соціальномъ положеніи лица, т.-е. потерю субъектомъ, подъ вліяніемъ злоупотребленія спиртными напитками, прежняго прочнаго положенія въ обществѣ и возникающее, такимъ образомъ, состояніе нужды.

Сначала остановлюсь на непосредственномъ или прямомъ дѣйствіи спиртныхъ напитковъ, т.-е., на дѣйствіи, прямо толкающемъ человѣка къ опредѣленному престу-

---

[1]) По свидѣтельству Ломброзо, который въ данномъ случаѣ ссылается на Шарко, курильщики опіума отличаются апатіей и вмѣстѣ съ тѣмъ импульсивностью и наклонностью къ убійству и самоубійству. У морфинистовъ, по свидѣтельству того же Ломброзо, нерѣдко наблюдается особенная наклонность ко лжи, къ преступленіямъ противъ нравственности и къ убійству. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, когда преступленіе совершалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ этихъ наркотиковъ.

[2]) Тюремный міръ, стр. 17.

[3]) Ibidem.

[4]) По вопросу о связи преступности съ алкоголизмомъ см. особенно Actes du congrés pénitentiare internationale de Budapest. Volume IV (1906) (собраніе представленныхъ конгрессу докладовъ). Также доклады *Кулишера* I-му всероссійскому съѣзду по борьбѣ съ пьянствомъ и на съѣздѣ криминалистовъ въ трудахъ этихъ съѣздовъ. *Піонтковскій*, Роль алкоголизма въ этіологіи преступленій. Журн. Мин. Юст. 1903. Апрѣль. *Ланг*, Спиртные напитки, какъ причина преступленій. Перев. съ нѣм. 1905. *Baer*, Der Alkoholismus, seine Verbreitung und seine Wirkung auf d. individuellen und sozialen Organismus. 1878. *Aschaffenburg*, у. с., стр. 61 сл. *Григорьевъ*, Алкоголизмъ и преступленія въ СПБ. 1900.

пленію. Что въ массѣ случаевъ преступленіе, если и не бываетъ вызвано прямо употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, то, по крайней мѣрѣ, происходитъ благодаря содѣйствующему вліянію вызваннаго алкоголемъ возбужденія, это доказывается многими фактами. Во-первыхъ, на связь между преступностью и употребленіемъ спиртныхъ напитковъ намекаетъ тотъ фактъ, что значительный процентъ тюремнаго населенія составляютъ люди, часто употребляющіе спиртные напитки и многіе изъ нихъ сознаются, что во время совершенія преступленія были выпивши. Извѣстный изслѣдователь алкоголизма, Бэръ, которому удалось добыть свѣдѣнія о 49 прусскихъ цухтхаузахъ (т.-е. каторжныхъ тюрьмахъ) и о 32 простыхъ тюрьмахъ сообщаетъ, что изъ 30041 мужчинъ 43,9% было пьяницъ, а изъ 2769 женщинъ — 18,1% [1]). Не мало подобныхъ фактовъ сообщаютъ и другіе изслѣдователи алкоголизма.

Еще болѣе намекаетъ на связь алкоголизма съ преступностью то обстоятельство, что преступленій, особенно тѣхъ, которыя часто совершаются въ возбужденіи, обыкновенно бываетъ болѣе въ такіе дни, въ которые рабочіе получаютъ заработную плату, и въ слѣдующіе за этими днями, а также въ праздники. Многочисленныя статистическія данныя, подтверждающія это, собраны Лангомъ, Коблинскимъ [2]), Лораномъ, Ашаффенбургомъ, д-ромъ Григорьевымъ, Піонтковскимъ и др.

Далѣе, на связь алкоголизма съ преступностью съ большею или меньшею ясностью указываютъ и другіе факты: относительно бо̀льшій % пьяницъ среди преступниковъ-рецидивистовъ; сокращеніе преступности въ годы, когда рѣзко уменьшалось потребленіе спиртныхъ напитковъ въ странѣ, какъ это было, напр., въ Ирландіи, гдѣ, подъ вліяніемъ проповѣди патера Мэтью, потребленіе, составлявшее въ 1838 г.—$12^1/_2$ милліоновъ галлоновъ, упало въ 1841 году до $6^1/_2$ милліоновъ галлоновъ и одновременно число тяжкихъ преступленій, въ тотъ же періодъ времени, понизилось съ 12,096 въ 1837 году—до 773 [3]).

---

[1]) У. с., стр. 349.

[2]) Alkoholismus und Verbrechen. Bericht über d. V internat. Kongress zur Bekämpfung d. Missbrauches geistiger Getränke in Basel. 1895.

[3]) *Янжулъ.* Въ поискахъ лучшаго будущаго (СПБ. 1893), стр. 344.

Всѣ подобные факты не имѣли бы особенно большого значенія,—такъ какъ могутъ, хотя отчасти, объясняться дѣйствіемъ иныхъ причинъ, если бы мы не могли найти достаточныхъ данныхъ для установленія связи алкоголизма съ преступностью въ дѣйствіи алкоголя на организмъ, хотя и не вполнѣ еще, но все же достаточно извѣстномъ медицинѣ. Приведенные факты только служатъ повѣрочнымъ средствомъ для выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы просто изъ свѣдѣній о дѣйствіи алкоголя на физическую и психическую стороны человѣка. Алкоголь есть продуктъ броженія сахара. Это—ядъ, сильно и прежде всего дѣйствующій на головной мозгъ. Проникнувъ въ кровь, онъ дѣйствуетъ чрезъ посредство зараженной имъ крови на нервныя клѣтки мозга и измѣняетъ ихъ. Это измѣненіе и выражается разстройствомъ душевной дѣятельности [1]). Первое дѣйствіе алкоголя—это чувство пріятной теплоты и довольства. Мышленіе оживляется, бесѣда и рѣчь льются быстрѣе. Но если пріемъ продолжается, то умственное возбужденіе все растетъ, а контроль задерживающихъ центровъ ослабѣваетъ. Развивается гиперидеація, какъ выражается Шарль Рише, т.-е. усиленный наплывъ мыслей, который съ трудомъ упорядочивается, или вовсе не упорядочивается въ головѣ. „Характерная черта этихъ идей, говоритъ Ш. Рише, та, что онѣ не ограничены". „Тогда кажется, что для ума исчезаетъ всякое чувство мѣры; все является очень и очень преувеличеннымъ". „Чувствуешь, какъ-будто нравственныя силы увеличились, считаешь себя способнымъ все сдѣлать и все предпринять, а между тѣмъ безпрерывно одна идея спѣшитъ смѣнить другую; послѣ одного предпріятія думаешь о другомъ, затѣмъ еще о новомъ и такъ безъ конца" [2]).

Возбужденіе, вызываемое алкоголемъ, является весьма опаснымъ и у многихъ лицъ сильно предрасполагающимъ къ насилію; оно не только можетъ облегчать развитіе и осуществленіе рѣшимости совершить преступленіе, но и вызывать наклонность къ преступнымъ дѣйствіямъ. Это подтверждается уже ежедневнымъ опытомъ. А такъ какъ безспоренъ фактъ, что значительное число

---

[1]) Шарль Рише, Алкоголизмъ. (Перев. В—скій. 1899), стр. 9 сл.
[2]) Ibidem. стр. 12.

преступленій совершается въ состояніи опьяненія, то нельзя сомнѣваться, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части этихъ преступленій алкоголь является дѣйствительнымъ факторомъ ихъ.

Привычное употребленіе алкоголя въ большихъ количествахъ можетъ влечь вырожденіе физическое и нравственное, т. наз. degeneratio psychica potatorum. При этомъ у привычныхъ алкоголиковъ иногда значительно усиливается возбудимость отдѣльныхъ чувствъ, особенно чувства ревности, такъ что развивается даже своеобразный бредъ ревности или бредъ супружеской невѣрности, состояніе, очень предрасполагающее къ преступленіямъ [1]).

Не менѣе существенны посредственныя дѣйствія алкоголизма. Они весьма разнообразны и въ современной общественной жизни играютъ выдающуюся роль. Такъ, по свидѣтельству психіатровъ, алкогольная наслѣдственность констатируется въ громадномъ большинствѣ психическихъ заболѣваній [2]).

Наконецъ, какъ всякій изъ жизни знаетъ, нерѣдко алкоголизмъ является причиной состоянія нужды, изъ котораго субъектъ, съ своей разслабленной психикой, не можетъ выбиться, почему и попадаетъ на преступный путь. Выразить это вліяніе алкоголизма цифрой нельзя такъ же, какъ и дѣйствіе другихъ факторовъ, но фактовъ, его подтверждающихъ, масса въ сочиненіяхъ, посвященныхъ алкоголизму. Вотъ одинъ изъ такихъ фактовъ. Въ 1874 г. санитарный совѣтъ въ Массачузетѣ, въ Соед. Амер. Штатахъ разослалъ циркуляръ къ лицамъ, завѣдующимъ домами для бѣдныхъ, съ просьбой сообщить, сколько бѣдняковъ попали въ это положеніе вслѣдствіе пьянства. Вотъ нѣкоторыя данныя изъ отвѣтовъ: отъ 51 города получено въ отвѣтъ, что 35% всѣхъ мужчинъ попали въ дома призрѣнія вслѣдствіе пьянства, отъ 35 городовъ—что 40% всѣхъ заключенныхъ, отъ 57 — что 41% [3]).

Преступники-алкоголики такъ же, какъ нервно-больные, нуждаются въ особомъ спеціальномъ режимѣ который воздѣйствовалъ бы и на ихъ наклонность къ алкоголю.

---

[1]) См. *Корсаковъ*, Курсъ психіатріи. II, 1071 сл.
[2]) См., напр., *Корсаковъ*, у. с. I, 428 сл.
[3]) *Янжулъ*. Пьянство, какъ соціальный недугъ. Въ поискахъ лучшаго будущаго, стр. 337.

Далѣе, своеобразную группу преступниковъ составляютъ проститутки и мужчины, страдающіе крайнею половою распущенностью и извращеннымъ половымъ чувствомъ. Въ содержаніе наказанія этихъ преступниковъ надо ввести такіе элементы, которые воздѣйствовали бы и на эту сторону ихъ личности.

Преступность и проституція несомнѣнно тѣсно связаны между собою. Быть-можетъ, утвержденіе, что отъ проституціи до тюрьмы одинъ шагъ и грѣшитъ преувеличеніемъ, говоритъ Гиршъ, но несомнѣнно, что среди проститутокъ очень много преступницъ [1]). Несомнѣнно, что эта профессія, губящая нравственныя силы женщины, убивающая въ ней чувство собственнаго достоинства, предрасполагаетъ къ преступленіямъ, тѣмъ болѣе, что иныя преступленія проститутокъ, напр., кражи у посѣтителей, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, скрываются самими потерпѣвшими. Несомнѣнно также, что между міромъ преступниковъ мужчинъ и проститутками существуетъ нерѣдко весьма опасная близость. Паранъ-Дюшатлэ, извѣстный изслѣдователь, написавшій крупное сочиненіе о проституткахъ Парижа, отмѣчаетъ даже особый обширный классъ проститутокъ которыя избираютъ своими постоянными любовниками карманныхъ воровъ.

Однако, если, съ одной стороны, проституція несомнѣнно предрасполагаетъ къ преступленію, то, съ другой стороны, есть доля правды въ мнѣніи тѣхъ писателей (Гавелокъ Эллисъ, Ферріани и др.), которые полагаютъ, что проституція отвлекаетъ женщинъ отъ преступленія, устраняя необходимость въ немъ. Въ однихъ случаяхъ и на однихъ лицъ эта профессія, въ связи съ прочими жизненными условіями, можетъ дѣйствовать такъ, на другихъ иначе, но въ общемъ и среднемъ, дѣйствуя на женщину огрубляющимъ образомъ, она ведетъ къ нравственному вырожденію,—предрасполагаетъ къ преступленію.

Къ числу профессій, предрасполагающихъ къ преступленію, относятся также бродяжество и нищенство, составляющія одну изъ крупнѣйшихъ язвъ современнаго общества. Бродяга и нищій находятся въ состояніи такого неустойчиваго равновѣсія, отъ котораго одинъ шагъ

---

[1]) Статистическія данныя см. у. *Гирша.* Преступность и проституція какъ соц. болѣзни 1898.

до преступленія. Притомъ, эти профессіи разслабляютъ психику человѣка, притупляютъ его нравственно и дѣлаютъ все менѣе способнымъ къ какому-либо труду. И вотъ малѣйшая неудача, застигшая матеріальная нужда и бродягой совершается преступленіе, а за однимъ преступленіемъ слѣдуетъ другое. Что касается причинъ бродяжества, то ихъ много. Было бы одностороннее сводить всѣ эти причины къ экономическимъ условіямъ, хотя очень значительный % бродягъ бродяжитъ въ силу невозможности найти себѣ работу и изъ-за матеріальной нужды. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ данныхъ, собранныхъ Оствальдомъ, Бонхоффероmъ, Бонгеромъ, Флоріаномъ и Кавальери и др. Эти данныя показываютъ, что бродяжество и нищенство значительно усиливаются въ періоды промышленныхъ кризисовъ и безработицы: что они болѣе распространены въ тѣ времена года, когда всего труднѣе найти работу, именно въ первую четверть года, въ зимніе мѣсяцы, съ января по апрѣль, и всего менѣе—съ мая по октябрь, а затѣмъ съ наступленіемъ осенней и зимней стужи обыкновенно опять растутъ; связь между матеріальной нуждой и бродяжествомъ, проявляется также и въ подмѣченномъ Майромъ соотвѣтствіи между движеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и бродяжествомъ. Затѣмъ надо замѣтить, что большой % бродяжитъ и нищенствуетъ не потому, что не находитъ работы, а потому, что не можетъ работать, такъ какъ ничему не обучены, или обучены крайне недостаточно. Бонхоффeръ указываетъ, что изъ изслѣдованныхъ имъ бродягъ 55,4% не были обучены ремеслу, или были обучены весьма недостаточно. Нѣкоторые не могутъ работать вслѣдствіе возраста слишкомъ дряхлаго или юнаго, а также вслѣдствіе увѣчій и различныхъ болѣзней.

Но, помимо гонимыхъ нуждою, существуютъ бродяги и нищіе, не занимающіеся трудомъ вслѣдствіе лѣни, а иногда вслѣдствіе какого-то отвращенія къ труду, которое развивается у нихъ на почвѣ неврастеніи (Бенедиктъ) [1]).

---

[1]) Бенедиктъ полагаетъ, что профессіональный преступникъ страдаетъ особаго рода неврастеніей, проявляющейся, прежде всего, въ отвращеніи къ труду. Какъ указалъ уже Ферри (угол. соціол. стр. 105—106), взглядъ Бенедикта грѣшитъ несомнѣннымъ преувеличеніемъ; предлагаемое имъ объясненіе приложимо развѣ лишь къ одной категоріи бродягъ. Подробное изложеніе взгляда Бенедикта см. у *Dallemagne*, Théories de la criminalité, стр. 110 сл.

Словомъ, армія бродягъ и нищихъ, изъ которой многіе рано или поздно попадаютъ на преступный путь, имѣетъ довольно разнообразный составъ.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что въ предѣлахъ указанныхъ группъ эндогенныхъ преступниковъ могутъ быть намѣчены различныя подраздѣленія, смотря по тому, на почвѣ какого состоянія нервной системы и привычекъ сложились тѣ свойства преступника, которыя сыграли рѣшающую роль въ его преступленіи. При этихъ подраздѣленіяхъ надо начинать съ дѣленія на страдающихъ нервными болѣзнями, дегенерантовъ, не страдающихъ опредѣленными нервными болѣзнями и, наконецъ, преступниковъ свободныхъ отъ нервной болѣзни и признаковъ дегенераціи. Затѣмъ, въ предѣлахъ каждой группы должны быть различаемы алкоголики и неалкоголики, страдающіе половыми пороками и не страдающіе таковыми, проститутки и непроститутки; преступники изъ нищихъ и бродягъ. Режимъ карательнаго заведенія долженъ быть возможно приспособленъ къ особенностямъ всѣхъ этихъ группъ.

Обращаюсь къ разсмотрѣнію экзогенныхъ преступниковъ.

VIII.

Экзогенные преступники совершаютъ свое преступленіе главнымъ образомъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ стимуловъ, разныхъ событій, оказывающихъ на нихъ такое впечатлѣніе, бороться съ которымъ они оказались не въ силахъ. Событія эти могутъ быть очень разнообразны и представляютъ собою явленія физическаго міра, соціальныя и т. д. Конечно, и на преступниковъ эндогенныхъ могутъ вліять тѣ же событія, но тамъ ихъ роль — вторая, дополнительная; для преступной же дѣятельности экзогенныхъ преступниковъ они являются главными пружинами. Въ личности этихъ преступниковъ нѣтъ свойствъ, которыя толкали бы ихъ на преступную дорогу и служили бы положительными силами, вырабатывающими преступную рѣшимость. У нихъ наблюдается лишь недостаточно твердый характеръ и недостаточное развитіе удерживающихъ отъ преступленія абстрактныхъ

нравственныхъ чувствованій; по сравненію съ обыкновенными, непреступными людьми они отличаются лишь нѣкоторымъ нравственнымъ недоразвитіемъ. Создающія для нихъ стимулы стать преступниками внѣшнія обстоятельства падаютъ своею тяжестью на слабую сторону ихъ личности, подвергаютъ испытанію ихъ нравственную стойкость и въ результатѣ сажаютъ ихъ на скамью подсудимыхъ. Не случись этихъ особыхъ событій, эти люди жили бы, не совершая преступленій, честной, нормальной жизнью. Легкія житейскія испытанія они могутъ выдержать, но сильныхъ—нѣтъ. Послѣ совершенія поступка эти люди часто горько раскаиваются. Картина совершеннаго будитъ въ нихъ конкректныя нравственныя чувства и вызываетъ слезы, упреки себѣ, порывы отчаянія. Но до поступка ихъ конкретныя нравственныя чувства молчали или подавали слишкомъ слабый голосъ за недоразвитіемъ способныхъ вызвать и поддержать ихъ абстрактныхъ нравственныхъ двигателей поведенія.

Обстоятельства, толкающія экзогенныхъ преступниковъ на преступный путь, въ высшей степени разнообразны. Я остановлюсь недолго лишь на нѣкоторыхъ физическихъ и соціальныхъ факторахъ.

Что касается первыхъ, то я скажу нѣсколько словъ о вліяніи колебаній температуры. Эти колебанія, какъ показываетъ статистика, особенно замѣтно отражаются на движеніи преступленій противъ нравственности. Такъ, изслѣдованія Ферри, Ашаффенбурга и др. показали, что преступленія эти начинаютъ обыкновенно довольно быстро расти, начиная съ марта мѣсяца, достигаютъ наибольшаго развитія въ іюнѣ (такъ было во Франціи, по изслѣд. Ферри) или въ іюлѣ (въ Германіи, по изслѣд. Ашаффенбурга), а затѣмъ уменьшаются. Объяснять это интересное явленіе только тѣмъ, что почти на тѣ же мѣсяцы приходится періодъ наибольшаго употребленія спиртныхъ напитковъ, что лѣтомъ люди чаще встрѣчаются другъ съ другомъ на улицѣ, на прогулкахъ и т. п., нельзя, потому что остается непонятнымъ, почему же въ августѣ и сентябрѣ число этихъ преступленій быстро падаетъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Ашаффенбургъ, объясненія этого явленія надо искать въ измѣненіи, начиная съ весны, состоянія нашего организма, въ приливѣ половой энергіи. Подтвержденіе своему объясненію Ашаффенбургъ нахо-

дилъ въ томъ обстоятельствѣ, что число внѣбрачныхъ зачатій также начинаетъ расти съ марта, достигаетъ наибольшаго развитія въ маѣ, а затѣмъ начинаетъ падать; съ сентября по февраль число это стоитъ ниже средняго уровня. Это указываетъ на повышенную половую энергію, начиная съ марта. Интересно отмѣтить, что, по наблюденіямъ того же Ашеффенбурга, наибольшее число дѣтоубійствъ, т.-е. убійства матерью внѣбрачнаго ребенка при его рожденіи, падаетъ на февраль и мартъ; этимъ мѣсяцамъ, какъ мѣсяцы зачатія, соотвѣтствуютъ май, іюнь и іюль.

Говоря о вліяніи температуры, климата и времени года на преступность, надо различать прямое и косвенное ихъ вліяніе. Подъ прямымъ вліяніемъ я разумѣю непосредственное вліяніе температуры на организмъ и психику; подъ косвеннымъ вліяніемъ ихъ посредственное вліяніе, проявляющееся въ томъ, что они вызываютъ извѣстныя потребности, дѣлаютъ ихъ болѣе настоятельными, затрудняютъ ихъ удовлетвореніе. Какъ криминогенные факторы, они выступаютъ, въ сущности, лишь въ первомъ случаѣ, въ случаѣ прямого, непосредственнаго вліянія. При вліяніи посредственномъ ихъ роль отдаленная, и въ роли криминогенныхъ факторовъ являются уже иныя обстоятельства. Что касается этого посредственнаго вліянія, то температура и время года вліяютъ на преступность тѣмъ, что въ связи съ ними находится масса другихъ обстоятельствъ, оказывающихъ большее или меньшее вліяніе на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей; самая высота температуры имѣетъ, повидимому, лишь сравнительно небольшое вліяніе; лѣтомъ облегчаются и учащаются сношенія между людьми, устраняется потребность въ топливѣ и т. д. По изслѣдованіямъ Ашаффенбурга, Фойницкаго [1]), Тарновскаго [2]) и др., наименьшее число преступленій противъ личности приходится на зиму и осень, а наибольшее на лѣто и весну [3]). Наоборотъ, наибольшее число преступленій противъ собственности падаетъ на осень и зиму, а наименьшее — на весну и лѣто. Это явленіе подтверждается статистикой Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. Объясненіе его заключается

---

[1]) Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій Судеб. Журн. 1873 № 1—3 (та же статья въ сборникѣ „*На досугѣ*“, I, 261 сл.).

[2]) Помѣсячное распредѣленіе преступленій. Ж. М. Юст. 1903.

[3]) Ср. *Майо Смитъ*, Статистика и соціологія, стр. 286 сл.

въ слѣдующемъ. Лѣтомъ облегчаются и увеличиваются сношенія людей, они больше бываютъ на воздухѣ, на общихъ прогулкахъ, гуляньяхъ и т. д. А слѣдовательно увеличиваются и поводы для разныхъ конфликтовъ. Къ этому примѣшиваются еще вліяніе жары и частаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Зимой особенно обостряются потребности въ жилищѣ и топливѣ и сокращается спросъ на нѣкоторые виды труда.

Соціальные факторы преступности — очень разнообразны, но изучены крайне мало, и какихъ-либо точныхъ выводовъ, хотя бы относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, изслѣдователямъ установить не удалось.

Первое мѣсто среди нихъ надо отвести разнымъ промышленнымъ кризисамъ, влекущимъ за собою обѣднѣніе и лишеніе заработка массы людей. Въ эпохи этихъ кризисовъ растутъ бродяжество, нищенство и преступность. Несомнѣнны и вліяніе неурожаевъ, а также и цѣнъ на хлѣбъ и вообще предметы первой необходимости. Это констатировано изслѣдованіями Майра[1]), Вейдемана[2]), Герца[3]), Тарновскаго[4]), Меуег'а[5]), Майо Смитъ[6]) и др. Майръ, между прочимъ, пришелъ къ слѣдующему, конечно, преувеличенному выводу, „въ періодъ 1835—1861 гг. въ Баваріи каждое вздорожаніе хлѣба на 6 пфенниговъ вызывало лишнюю кражу на каждые 100.000 жителей и, наоборотъ, каждое пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на 6 пфениговъ устраняло по 1 кражѣ на то же число жителей". Тарновскій свидѣтельствуетъ, что въ 1880 и 1881 гг., когда хлѣбъ у насъ сильно вздорожалъ, число дѣлъ о крахахъ, грабежахъ и разбояхъ поднялось почти на 20%; съ паденіемъ цѣнъ въ періодъ 1881—1890 гг. это число замѣтно понизилось. Въ 1888 г. стояла наиболѣе дешевая цѣна хлѣба, на этотъ годъ выпадаетъ и наименьшая преступность. Въ голодные 1891 и 1892 гг. преступность достигла своего высшаго размѣра. Сильное возрастаніе преступности наблюдалось также въ Бельгіи и Франціи

---

[1]) D. Gesetsmässigkeit im Gesellschaftsleben 1877.
[2]) Die Ursachen der Kriminalität im Herzegtum Sachsen-Meiningen. 1903.
[3]) Verbrechen und Verbrechertum in Oesterreich. 1908.
[4]) Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе преступленій противъ собственности въ Россіи. Ж. Мин. Юст. 1898. № 8.
[5]) D. Verbech n in ihrem Zusammenhang mit den wirtschaftlichen Verhältnissen in Kanton Zürich. 1895.
[6]) Статистика и соціологія, стр. 293.

послѣ неурожайныхъ 1845 и 1846 годовъ. Подобныхъ фактовъ подмѣчено не мало.

О связи преступности съ неурожаями и цѣнами на хлѣбъ и вообще предметы первой необходимости не трудно уже догадаться на основаніи того безспорнаго факта, что среди преступниковъ, особенно среди виновниковъ имущественныхъ преступленій, высокъ % неимущихъ, на которыхъ повышеніе цѣнъ на хлѣбъ и неурожай, конечно, не могутъ не отразиться.

Къ числу факторовъ преступности относятся, далѣе, политическій и экономическій строй, слишкомъ угнетающіе какую-либо группу гражданъ или отводящій слишкомъ большое мѣсто административному произволу и усмотрѣнію.

Весьма дѣятельнымъ соціальнымъ факторомъ преступности является и плохая карательная система, развращающая наказуемыхъ, деморализующая все общество примѣрами поруганія и униженія человѣческой личности, насилія и истязанія человѣка. Таковы: смертная казнь, разжигающая и поддерживающая въ обществѣ привычку къ насилію, освящающая его примѣромъ, или плохая тюрьма, являющаяся академіей преступности, губящая физическія и нравственныя силы арестантовъ.

Можно указать и массу другихъ соціальныхъ факторовъ, способныхъ сильно вліять на людей, доводя лицъ неустойчивыхъ до преступленія.

Экзогенныхъ преступниковъ можно разбить на нѣсколько группъ по ихъ нравственнымъ свойствамъ и по различію тѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ главнымъ образомъ совершено ихъ преступленіе. По нравственнымъ свойствамъ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: 1) на лицъ, у которыхъ нѣсколько недоразвиты нравственныя чувства, опредѣляющія отношеніе человѣка къ другимъ людямъ или коллективнымъ единицамъ человѣчества и къ самому себѣ, и 2) на лицъ съ недостаточно развитымъ характеромъ, благодаря чему, подъ вліяніемъ соблазновъ, они не обдумываютъ въ должной мѣрѣ своихъ поступковъ, такъ что не всегда добрыя чувства, которыя могутъ быть имъ присущи, успѣваютъ подать свой голосъ. Способность задерживать представленіе о поступкѣ и взвѣшивать *pro* и *contra* нерадозвита у этихъ лицъ. 3) Третью группу составляютъ преступники, соединяющіе въ себѣ черты двухъ предшествующихъ группъ. При-

веденное дѣленіе имѣетъ значеніе для администраціи карательнаго заведенія, которая руководясь ими, будетъ знать, на какую, именно, сторону личности должно быть особенно направлено воздѣйствіе наказанія.

По обстоятельствамъ, своимъ давленіемъ толкнувшимъ этихъ преступниковъ на преступный путь, они могутъ быть подраздѣлены:

1) на вовлеченныхъ въ преступленіе вліяніемъ другихъ людей или давленіемъ той общественной группы, къ которой они принадлежатъ;

2) ставшихъ преступниками главнымъ образомъ въ силу тяжелыхъ условій личной жизни;

3) ставшихъ преступниками главнымъ образомъ благодаря сильнымъ воздѣйствіямъ физической среды на ихъ организмъ.

При этомъ надо замѣтить, что человѣкъ съ психикой экзогеннаго преступника обыкновенно сравнительно легко приспособляется къ постепенно измѣняющимся, хотя бы и въ худшую сторону, условіямъ. Для генезиса преступленія особенное значеніе имѣетъ рѣзкое внезапное измѣненіе условій — обнищаніе, утрата большого состоянія, сильныя климатическія измѣненія и т. д.

Такова въ основныхъ чертахъ классификація преступниковъ. Главная задача общаго ученія о преступникѣ и заключается въ выработкѣ этой классификаціи. Руководясь послѣдней, особенная часть уголовнаго права должна установить различные типы среди виновниковъ различныхъ преступленій. Настоящая классификація имѣетъ значеніе схемы, которою должна руководиться особенная часть при изученіи преступниковъ, совершившихъ тѣ или иныя преступленія, — убійцъ, разбойниковъ, мошенниковъ, воровъ, изнасилователей и т. д.

Преступникъ представляетъ собою очень сложный и многосторонній объектъ изученія. Вполнѣ понятно, что классификація преступниковъ, начавъ съ самаго простого и общаго дѣленія, должна все болѣе дѣлить установленныя ею группы по новымъ признакамъ. Получается цѣлая сѣть пересѣкающихся подраздѣленій, которыя охватываютъ всѣ тѣ стороны личности преступника, которыя имѣютъ важное значеніе для наказуемости,—и для назначенія въ законѣ наказанія, и для примѣненія наказанія

судьей in concreto, и для исполненія наказанія въ карательномъ заведеніи.

Но въ задачи настоящей статьи не входитъ изслѣдованіе отдѣльныхъ категорій преступниковъ по роду совершенныхъ ими преступленій. Наша задача была выяснить лишь общіе пріемы изученія преступника и установить основную классификацію преступниковъ.

С. В. Познышевъ.

ПРОТОКОЛЪ

годичнаго Общаго Собранія Московскаго Юридическаго Общества 20 марта 1911 года.

1. Закрытое засѣданіе.

Предсѣдательствовалъ Товарищъ Предсѣдателя Н. В. Давыдовъ. Обязанности Секретаря исполняли Н. М. Ждановъ и А. Н. Бѣликовъ. Присутствовали: В. И. Астровъ, П. И. Астровъ, С. А. Балавинскій, А. М. Березниковъ, Л. С. Бискъ, Л. Г. Богославскій, И. Н. Бороздинъ, Л. А. Бубнова, Н. Н. Быковскій, В. Г. Бѣльскій, Н. Г. Вавинъ, С. И. Варшавскій, А. М. Винаверъ, Н. А. Волковъ, Д. М. Генкинъ, А. И. Головинъ, Г. Я. Гольдблатъ, М. С. Елагинъ, Е. Н. Ефимовъ, С. А. Журовъ. А. П. Зоринъ, С. С. Іевлевъ, Я. А. Іоффе, У. А. Каганъ, М. П. Коваленко, А. Г. Костенецкій, Г. А. Леманъ, П. П. Лидовъ, А. Л. Малицкій, В. С. Малченко, В. Н. Малянтовичъ, А. А. Мануиловъ, В. Н. Миролюбовъ, К. П. Михновскій, М. Э. Мсеріанцъ, В. І. Недзвецкій, П. И. Новгородцевъ, И. Б. Новицкій, І. В. Новоселовъ, Я. Г. Перскій, А. И. Покровскій, В. А. Полторацкая, Н. Н. Полянскій, В. В. Пржевальскій, Д. С. Розенблюмъ, С. М. Розенгартъ, Н. Я. Рыбаковъ, Г. Д. Рындзюнскій, А. М. Симоновъ, С. И. Соболевъ, И. Н. Собцовъ, Б. И. Сыромятниковъ, С. П. Терновскій, Н. В. Тесленко, И. Ф. Тихомировъ, И. С. Урысонъ, В. М. Устиновъ, И. А. Файнъ, Г. С. Фельдштейнъ, С. И. Филатовъ, Г. В. Филатьевъ, Г. Н. Флееровъ, А, И. Цыбульскій, А. А. Чиколини, Г. Ф. Шершеневичъ, В. Н. Шретеръ, Н. Е. Эфросъ.

Засѣданіе открыто въ 1 часъ 35 мин. въ Большой профессорской Новаго зданія Университета.

Н. М. Ждановъ сообщилъ, что С. А. Муромцевымъ весною 1910 года было представлено въ секретаріатъ Общества 400 экземпляровъ 2-го выпуска книги С. А. Муромцева „Статьи и рѣчи“ для роздачи ихъ дѣйствительнымъ членамъ Общества; часть этихъ экземпляровъ секретаріатомъ уже роздана. Тѣ члены Общества, которые почему-либо не получили означенной книги, могутъ получить ее отъ Секретаря Общества или его Помощниковъ.

Казначей общества Б. И. Сыромятниковъ прочиталъ денежный отчетъ общества за истекшій годъ (отчетъ этотъ приложенъ къ настоящему протоколу.

В. В. Пржевальскій прочиталъ протоколъ засѣданія Ревизіонной комиссіи отъ 6 марта 1911 года (протоколъ этотъ приложенъ къ настоящему протоколу).

Собраніе утвердило представленный Казначеемъ отчетъ за 1910 годъ.

Б. И. Сыромятниковъ представилъ собранію проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Общества на 1911 годъ.

Собраніе утвердило представленную Казначеемъ смѣту доходовъ и расходовъ Общества на 1911 годъ.

(Смѣта эта приложена къ настоящему протоколу).

Н. В. Давыдовъ огласилъ предложеніе Совѣта избрать въ число Почетныхъ Членовъ Московскаго Юридическаго Общества слѣдующихъ лицъ: Константина Константиновича Арсеньева, Максима Максимовича Ковалевскаго, Анатолія Ѳеодоровича Кони, Александра Аполлоновича Мануилова и Петра Петровича Семенова-Тяньшанскаго.

Предложеніе Совѣта было встрѣчено аплодисментами.

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію приступить къ выбору вышеупомянутыхъ лицъ посредствомъ закрытой баллотировки шарами.

Было поставлено пять избирательныхъ ящиковъ. Былъ произведенъ осмотръ ящиковъ предсѣдателемъ собранія, секретаремъ и присутствовавшими членами. Ящики оказались пустыми. Затѣмъ собраніе приступило къ производству выборовъ. Присутствовавшіе члены Общества вызывались къ ящикамъ по списку явившихся. Выборы производились подъ наблюденіемъ Предсѣдателя собранія и товарищей секретаря. По подсчету шаровъ въ первомъ ящикѣ оказалось, что въ выборахъ принимало участіе шестьдесятъ восемь членовъ общества. Предсѣдатель предложилъ собранію считать лишь неизбирательные шары. Предложеніе это было принято. По подсчету неизбирательныхъ шаровъ всѣ баллотировавшіяся лица оказались избранными, при чемъ:

К. К. Арсеньевъ единогласно, А. Ѳ. Кони—всѣми голосами, кромѣ одного, М. М. Ковалевскій—единогласно, А. А. Мануиловъ—всѣми голосами, кромѣ одного, П. П. Семеновъ-Тяньшанскій—единогласно.

Оглашеніе результатовъ голосованія было встрѣчено аплодисментами присутствующихъ.

Н. В. Давыдовъ сообщилъ, что членъ совѣта А. И. Елистратовъ и товарищъ секретаря Н. М. Ждановъ отказались отъ занимаемыхъ ими должностей и что избранный на должность библіотекаря Общества членъ Общества А. М. Симоновъ отказался отъ принятія на себя этой должности.

Н. В. Давыдовъ предложилъ собранію приступить къ выборамъ вышеупомянутыхъ должностныхъ лицъ, намѣтивъ кандидатовъ записками. Было подано 68 записокъ. По подсчету записокъ оказались предложенными кандидатами слѣдующія лица:

На должность Члена Совѣта—А. А. Мануиловъ—единогласно, на должность Секретаря—Н. М. Ждановъ—единогласно, на должность Товарища секретаря—Е. Н. Ефимовъ—единогласно, на должность Библіотекаря—Н. Н. Полянскій—единогласно.

Н. В. Давыдовъ предложилъ считать всѣхъ намѣченныхъ кандидатовъ избранными. Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно.

Н. В. Давыдовъ объявилъ перерывъ и предложилъ собранію перейти въ Богословскую аудиторію для участія въ публичномъ засѣданіи.

II. Публичное засѣданіе.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ Н. В. Давыдовымъ въ 3 час. 15 мин. дня.

Н. В. Давыдовъ огласилъ результаты выборовъ Почетныхъ членовъ Общества.

Сообщеніе это было встрѣчено собраніемъ единодушными аплодисментами.

А. А. Мануиловъ въ краткой рѣчи выразилъ благодарность за избраніе его въ Почетные члены Московскаго юридическаго общества.

Н. М. Ждановъ сообщилъ результаты выборовъ должностныхъ лицъ Общества.

Н. М. Ждановъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности Московскаго юридическаго общества за 1910 годъ.

Отчетъ этотъ напечатанъ въ журналѣ „Вопросы права“, кн. VII (3). Г. Ф. Шершеневичъ произнесъ рѣчь: „Ученые труды Сергѣя Андреевича Муромцева“.

(Рѣчь эта напечатана въ сборникѣ: „Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ“).

По предложенію Н. В. Давыдова собраніе почтило вставаніемъ память С. А. Муромцева.

Собраніе закрыто въ 4 час. 50 мин. дня.

Предсѣдатель *Н. Давыдовъ.*
Секретарь *Н. Ждановъ.*

Приложеніе 1.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія Ревизіонной комиссіи Московскаго Юридическаго Общества 6 марта 1911 года.

Разсмотрѣвъ представленный Совѣтомъ Юридическаго Общества отчетъ о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ Московскаго Юридическаго Общества за 1910 годъ и оправдательные къ нему документы, Ревизіонная комиссія нашла отчетъ этотъ составленнымъ правильно и согласно съ оправдательными документами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ревизіонная комиссія считаетъ долгомъ отмѣтить, что приходо-расходныхъ книгъ казначеемъ не ведется. Равнымъ образомъ Ревизіонной комиссіи не было предъявлено инвентарной книги по библіотекѣ Общества. Считая веденіе какъ приходо-расходной книги казначеемъ, такъ и библіотечной инвентарной книги библіотекаремъ необходимымъ, Ревизіонная комиссія имѣетъ честь предложить Годичному Общему Собранію Общества признать желательнымъ веденіе приходо-расходной книги и инвентарной библіотечной книги.

Члены Ревизіонной Комиссіи: *Н. Астровъ, В. Малченко, В. Пржевальскій, И. С. Урысонъ.*

Отчетъ о приходѣ и расходѣ средствъ Москов

ПРИХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Членскіе взносы	2580	—	2580	—
2. %% по текущему счету Моск. Купеч. О-ва взаимн. кредита на 1 января 1911 г. . .	10	73	10	73
Итого . . .	—	—	2590	73

Смѣта Московскаго Юриди

ПРИХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Остатокъ отъ 1910 г. на текущемъ счету М. К. О. В. К.	88	28	88	28
2. Членскіе взносы	2580	—	2580	—
Итого . . .	—	—	2660	28

Приложеніе II.

скаго Юридическаго Общества въ 1910 г.

РАСХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Подписка на журналъ „Вопросы Права“ .	1548	—	1548	—
2. Жалованье дѣлопроизводителю	120	—	—	—
3. Плата временно наемнымъ служащимъ. .	195	15	—	—
4. По сбору членскихъ взносовъ	96	50	411	65
5. Хозяйственные расходы О-ва	263	90	—	—
6. Серебр. вѣнокъ С. А. Муромцеву	250	—	—	—
7. Вѣнокъ Л. Н. Толстому и делегація. . .	28	90	542	80
8. На текущемъ счету Моск. Купеч. О-ва вз. кредита къ 1 января 1911 года и %%	88	28	88	28
Итого . . .	—	—	2590	73

Казначей **Бор. Сыромятниковъ.**

Приложеніе III.

ческаго Общества на 1911 г.

РАСХОДЪ.

	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	480	—	480	—
2. Плата врем. наемн. служащимъ	100	—	100	—
3. По сбору членскихъ взносовъ	129	—	129	—
4. Хозяйственные расходы О-ва	300	—	300	—
5. Подписка на журналъ „Вопросы Права“ .	1548	—	1548	—
6. Непредвидѣнные расходы	103	28	103	28
Итого . . .	—	—	2660	28

Казначей **Бор. Сыромятниковъ.**

Критика и биліографія.

В. В. Ивановскій. Проф. Казанскаго университета. Учебникъ административнаго права. (Полицейское право. Право внутренняго управленія). Четвертое изд., исправленное и дополненное. Казань, 1911. 506—X стр. Цѣна въ переплетѣ 3 р. 20 к.

Курсъ проф. В. В. Ивановскаго давно уже получилъ заслуженную извѣстность въ качествѣ хорошаго, популярнаго, элементарнаго, краткаго учебника по административному праву, отвѣчающаго въ общедоступной и легкой формѣ и въ общихъ чертахъ на всѣ основные вопросы этого предмета. Эта репутація установилась уже со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія (въ 1904 г.), она упрочилась по выходѣ второго исправленнаго и дополненнаго изданія (въ 1907 г.) и третьяго (въ 1908 г.); теперь вышло четвертое, тоже исправленное и дополненное изданіе, заключающее въ себѣ пятьсотъ страницъ убористаго шрифта. Въ общемъ система во всѣхъ изданіяхъ, несмотря на нѣкоторыя исправленія и дополненія, осталась по существу той же, какой она была установлена для перваго изданія; въ сущности, курсъ въ основныхъ своихъ положеніяхъ не былъ переработанъ ни разу радикальнымъ образомъ и всѣ измѣненія носили частичный характеръ, касаясь лишь незначительныхъ фактическихъ неисправностей и мелкихъ недосмотровъ. Сравнительно съ предыдущимъ изданіемъ въ послѣднемъ изданіи выпущено нѣсколько неудачныхъ страницъ (стр. 45—47 третьяго изд.), посвященныхъ общей характеристикѣ состоянія государствъ Европы до XI вѣка, довольно неопредѣленной и относящейся притомъ къ государственному, а не къ административному праву; если это сокращеніе можно только одобрить, то цельзя не пожалѣть объ исключеніи (см. стр. 54 третьяго изданія) изъ четвертаго изданія утвержденія о томъ, что искони русскимъ князьямъ и народу, несмотря на взаимныя распри и усобицы, было присуще сознаніе единства русской земли. Кромѣ того, въ настоящемъ изданіи сдѣланы дополненія въ видѣ передачи содержанія новыхъ законовъ и административныхъ распоряженій (стр. 226, 229, 237, 404),

описанія устройства вновь учрежденныхъ административныхъ органовъ (стр. 234), перечисленія новыхъ фактовъ общественной и научной жизни (стр. 228—229, 377) и перечня появившихся за послѣдніе годы новинокъ по литературѣ административнаго права (см., напр., стр. 113, 186, 256 и т. д.); вообще по мѣрѣ возможности обновлены и освѣжены, какъ самое содержаніе пособія, такъ и указанія литературы для самостоятельнаго изученія каждаго вопроса, гдѣ устарѣвшіе труды замѣнены недавно появившимися или лучшими и болѣе полезными для читателя пособіями. Къ сожалѣнію, этимъ и ограничиваются всѣ перемѣны; между тѣмъ, желательно было бы, чтобы въ курсѣ не только пополнялись библіографическія данныя и свѣдѣнія о текущемъ законодательствѣ, но чтобы онъ перерабатывался и дополнялся соотвѣтственно новымъ научнымъ работамъ; на нихъ дѣлаются иногда ссылки въ сноскахъ внизу страницы, но самый текстъ курса остается прежній, тогда какъ изъ нихъ можно было бы почерпнуть много новаго, интереснаго и важнаго въ принципіальномъ отношеніи.

Очень кратко, иногда даже черезчуръ кратко, изложены отдѣльныя отрасли хозяйственной дѣятельности государства. Далеко недостаточно сказать, напр., о телефонѣ, право котораго развилось въ настоящее время въ настоящее „телефонное право“, что „на ряду съ телеграфами развились, въ послѣднее время, телефонныя сношенія на далекихъ разстояніяхъ“ и что „въ скоромъ времени вся Европа будетъ покрыта телефонной сѣтью“ (стр. 384), равнымъ образомъ и о воздушныхъ сношеніяхъ, которыя нормируются нынѣ особымъ, хотя и не вполнѣ установившимся „воздушнымъ правомъ“, мало сказать о блестящей будущности ихъ, слѣдовало изложить содержаніе той „законодательной и административной регламентаціи, цѣль которой заключается по преимуществу въ огражденіи безопасности какъ воздухоплавателей, такъ и публики“ (стр. 377). Юристъ долженъ или передавать сущность юридическихъ нормъ, или же вовсе не касаться такихъ вопросовъ внутренняго управленія, о которыхъ нѣтъ подходящихъ и находящихся подъ руками юридическихъ матеріаловъ, такъ какъ всѣ вопросы управленія, по словамъ самого В. В. Ивановскаго, „составляютъ предметъ науки административнаго права лишь постольку, поскольку содержаніе ихъ опредѣляется законодательствомъ и вообще юридическими нормами“ (стр. 62). Недостаточно полно изложенъ отдѣлъ объ административной юстиціи, который самъ В. В. Ивановскій называетъ „важнымъ вопросомъ въ системѣ науки администра-

тивнаго права“ (стр. 57); этотъ отдѣлъ въ моей практикѣ всегда служилъ камнемъ преткновенія на экзаменахъ; и дѣйствительно, студентъ, не читавшій какой-либо монографіи объ административной юстиціи, не въ состояніи, на основаніи излагаемыхъ въ учебникѣ фактовъ, оцѣнить, безъ теоретическихъ поясненій, все значеніе различнаго устройства административныхъ судовъ въ разныхъ странахъ (ср. стр. 149—152).

На нашъ взглядъ, не слѣдовало вносить въ учебникъ по административному праву отдѣльныя ученія государственнаго права, какъ, напр., вопросъ объ отвѣтственности министровъ, „принадлежащій, какъ замѣчаетъ самъ В. В. Ивановскій, не къ административному, но къ государственному праву“ (стр. 66), а также все вообще ученіе о высшихъ и мѣстныхъ органахъ управленія, что сходится съ утвержденіями автора о томъ, что ошибочно включавшееся въ полицейское право „ученіе о главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, каково бы ни было ихъ вліяніе на безопасность или благосостояніе населенія, должно относиться къ наукѣ о государствѣ“ (стр. 19) и о томъ, что „организація административныхъ учрежденій не касается внутренняго управленія по его существу, т.-е. по цѣлямъ и задачамъ“ (стр. 57). Предметъ науки административнаго права есть дѣятельность государствъ въ области внутренняго управленія, но изъ того, что дѣятельность эта „можетъ быть проявляема не иначе, какъ при посредствѣ государственныхъ органовъ или учрежденій“ (стр. 56), вовсе не слѣдуетъ, что административистъ долженъ излагать и административное устройство въ томъ видѣ, какъ оно излагается государственниками.

Система особенной части курса В. В. Ивановскаго проста, ясна и наглядна; въ основѣ ея лежитъ классификація предметовъ внутренняго управленія—безопасность, народное здравіе, духовное развитіе и экономическое благосостояніе—съ дальнѣйшими, болѣе мелкими подраздѣленіями. Въ ученіе о полиціи безопасности слѣдовало бы внести виды полицейскаго принужденія, какъ то: полицейскій арестъ, высылку, ссылку, полицейскій надзоръ, употребленія оружія, исключительное и военное положеніе, которые изложены въ общей части и которые къ ученію о благосостояніи физическомъ, духовномъ и экономическомъ прямого отношенія не имѣютъ.

Н. Н. Голубевъ.

Проф. А. Н. Филипповъ. Журналы Правительствующаго Сената за 1737 годъ. Части I и II. Москва, 1911.

Предъ нами лежатъ два объемистыхъ тома in quarto, въ общей сложности насчитывающіе свыше 800 страницъ убористой печати. Если вспомнить, что въ нихъ собраны лишь сухія журнальныя записки за одинъ только годъ дѣятельности Правительствующаго Сената, то очень живо представляешь себѣ всю ту громадную работу, которую выносило на своихъ плечахъ это старое петровское учрежденіе; поистинѣ, оно представляется изслѣдователю гигантскимъ маховымъ колесомъ, которое, будучи пущено однажды въ ходъ геніальной и энергичной рукой, неустанно и планомѣрно работаетъ вотъ уже третье столѣтіе; лѣтъ десять тому назадъ были изданы „Журналы Комитета министровъ“ чуть ли не за все царствованіе Александра Перваго, и всѣ они помѣстились въ двухъ компактныхъ томахъ обыкновеннаго размѣра; это внѣшнее сопоставленіе невольно приходитъ намъ на память при видѣ объемистаго изданія проф. Филиппова.

Спрашивается, почему изъ богатой событіями жизни Правительствующаго Сената въ XVIII вѣкѣ издатель облюбовалъ одинъ только годъ и именно 1737-й? отвѣтъ на это данъ во введеніи къ разбираемому изданію: во-первыхъ, потому, что годы позднѣйшіе обильно представлены документами въ издававшихся въ Петербургѣ сборникахъ „Сенатскаго архива“ и, во-вторыхъ, потому, что за годы, предшествовавшіе 1737-му, въ нашихъ архивныхъ хранилищахъ уцѣлѣли лишь „черныя журнальныя записки“ съ 1732 года по 1736. Справедливость перваго соображенія мы цѣликомъ раздѣляемъ: издатели „Сенатскаго архива“ аккуратно подносятъ ученому міру свои періодически выходящіе сборники, и исторія Сената въ особенности съ 1740 года освѣщается въ нихъ съ исчерпывающей документальностью; но насчетъ „черныхъ журнальныхъ записокъ“ начала тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка мы высказываемъ искреннее сожалѣніе, что имъ не пришлось сойти съ запыленныхъ архивныхъ полокъ на печатный станокъ; по мнѣнію проф. Филиппова, онѣ „не заслуживаютъ изданія по своему неофиціальному характеру“ и по безсистемности своего веденія, между тѣмъ какъ печатаемые имъ „журналы“ за 1737 годъ обладаютъ всѣми чертами офиціальной достовѣрности и всѣми достоинствами законченныхъ и систематическихъ документовъ; пусть это будетъ такъ, но намъ сейчасъ же припоминаются собственныя слова уважаемаго изслѣ-

дователя въ его недавнемъ трудѣ по исторіи Сената: „черновыя замѣтки до 1737 года, составленныя секретарями и переписанныя набѣло, *дают богатѣйшій матеріалъ* для сужденія о повседневной дѣятельности Сената, о его составѣ и пр. (проф. Филипповъ, Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, 538); можно-ли сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что документы, дающіе „богатѣйшій матеріалъ“, дѣйствительно „не заслуживаютъ изданія“?

Однако, мы отчетливо понимаемъ всѣ трудности подобнаго изданія и потому съ живѣйшей признательностью обращаемся къ тѣмъ, въ неменьшей степени, „богатѣйшимъ матеріаламъ“, которые заключаются въ лежащихъ передъ нами томахъ. Документы, здѣсь собранные, обладаютъ, дѣйствительно, всѣми чертами достовѣрности офиціальныхъ журналовъ: они начаты были веденіемъ по высочайшему указу 1 января 1737 года, въ этомъ же указѣ для нихъ были начертаны опредѣленныя правила; достовѣрность ихъ содержанія обезпечивается „подписаніемъ руки“ сенатскаго оберъ-секретаря и послѣдующей „аппробаціей“ сенаторовъ. Перелистывая страница за страницей эти ежедневныя записи работы основного правительственнаго механизма въ XVIII вѣкѣ, мы безъ труда можемъ сдѣлать нѣкоторыя внѣшнія наблюденія: сенаторы стараго времени начинали свои засѣданія очень рано, около девяти часовъ утра, но, должно-быть, и тогда уже назрѣвала современная сенатская традиція хроническихъ опозданій, потому что нѣкоторые сенаторы съ большой регулярностью являлись часа на два позднѣе; засѣданія тянулись три-четыре часа, и за это время въ Сенатѣ успѣвали „доложить и разсудить“ два-три десятка дѣлъ; отсюда мы готовы сдѣлать тотъ характерный для исторіи Сената выводъ, что канцелярія, при немъ состоящая, играла вліятельную и рѣшающую роль; слѣдуетъ отмѣтить, что по указу 1737 года оберъ-секретарь сената, руководитель сенатской канцеляріи, обязанъ былъ наблюдать, чтобы сенаторы не „разсуждали въ противность указамъ“, и даже имѣлъ право давать имъ предостереженія въ этомъ смыслѣ.

Что касается самаго содержанія документовъ, здѣсь напечатанныхъ, то о ихъ прямо необычайномъ разнообразіи и богатствѣ даетъ нѣкоторое представленіе приложенный къ изданію предметный указатель: буквально всѣ области правовой жизни страны и все разнообразіе стоявшихъ передъ тогдашнимъ государствомъ правительственныхъ заботъ нашло себѣ отраженіе въ лѣтописяхъ повседневной дѣятельности Сената. При непосредственномъ знакомствѣ съ „журналами“ можно отмѣтить, что

значительную долю сенатскихъ заботъ поглощало военное дѣло вообще и военно-морское въ особенности; за нимъ идутъ вопросы государственнаго бюджета, среди которыхъ на первомъ планѣ стояла передъ Сенатомъ непрестанная обязанность взыскивать хроническія недоимки (или, по тогдашнему выраженію, „доимки"), но не игнорировалъ Сенатъ и нѣкоторыхъ общихъ начинаній по упорядоченію государственнаго бюджета (составленіе „государственной окладной книги", упорядоченіе регалій и монополій). Но пожалуй львиная доля въ текущей работѣ Сената принадлежала дѣламъ судебнымъ: они попадали на его разсмотрѣніе и изъ нисшихъ инстанцій, такъ какъ Сенатъ во всю эту эпоху оставался высшимъ апелляціоннымъ судомъ, и вносились зачастую по непосредственнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, даже безъ челобитья заинтересованныхъ лицъ; послѣдняя категорія дѣлъ очень характерна не столько для исторіи Сената, сколько для исторіи верховной власти въ Россіи, въ особенности для характеристики судебныхъ ея функцій, для опредѣленія степени вмѣшательства сверхъ-законной власти въ нормальное теченіе судебныхъ дѣлъ. Изъ должностныхъ преступленій, разсмотрѣнныхъ Сенатомъ, отмѣтимъ одно мелкое, но характерное дѣло: подъячаго кунгурской воеводской канцеляріи указалъ Сенатъ „бить батоги нещадно" за то, что онъ въ копіи указа написалъ „Великая государыня Императрица", а слѣдовало „Ея Императорское Величество"; если вспомнить, что своеобразное дѣло это относится чуть не къ половинѣ XVIII вѣка, то невольно приходится подумать о томъ, какъ живучи были традиціи московской старины подъ нѣмецкимъ платьемъ нашихъ предковъ въ первомъ вѣкѣ Россійской имперіи; за такое же точно преступленіе читали мы такое же точно наказаніе въ многочисленныхъ „государевыхъ дѣлахъ" XVII вѣка; разница, впрочемъ, та, что подъячаго XVII вѣка, навѣрное, „побили бы нещадно" за тотъ самый титулъ, который „надлежалъ" по мнѣнію Сената, и отнюдь не сочли бы преступленіемъ традиціонный московскій титулъ „Великая Государыня".

Но всего интереснаго, что заключается въ этихъ двухъ объемистыхъ томахъ, не исчерпать въ коротенькой библіографической замѣткѣ; можно, однако, выразить твердое убѣжденіе, что какимъ бы вопросомъ не заинтересовался русскій историкъ-юристъ въ предѣлахъ XVIII вѣка, ему никакъ не миновать внимательнаго и систематическаго ознакомленія съ документами, собранными и изданными трудомъ одного изъ видныхъ представителей историко-юридической науки въ Россіи. Заканчивая

нашу замѣтку, вернемся къ той мысли, съ которой мы ее начали: Сенатъ былъ основнымъ колесомъ правительственной машины XVIII вѣка; исторія Сената есть исторія имперіи Россійской; всякій документъ, освѣщающій работу этого учрежденія, освѣщаетъ въ то же время какой-нибудь отдаленный клочокъ русской жизни, народной и государственной. Вотъ почему мы съ живымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ капитальное изданіе проф. А. Н. Филиппова; внутренняя содержательность этого изданія дополняется, къ тому же, безупречной редакторской работой: во „введеніи“ разъясняется происхожденіе печатаемыхъ документовъ и дается ихъ обстоятельная внѣшняя исторія, а въ приложеніи мы знакомимся съ хорошо составленнымъ предметнымъ указателемъ, въ которомъ намъ лично не привелось констатировать сколько-нибудь существенныхъ пропусковъ; всякому, кто изучалъ по объемистымъ томамъ документовъ какой-либо историко-юридическій (да и иной) вопросъ, ясно безъ дальнѣйшихъ разъясненій, насколько такимъ указателемъ облегчается и сокращается предварительная научная работа; между тѣмъ, проглядывая теперешнія изданія источниковъ, приходится зачастую отмѣчать отсутствіе такихъ предметныхъ указателей (напримѣръ, недавнее изданіе Новомбергскаго „Слово и дѣло государево“).

Г. Г. Тельбергъ.

М. Богословскій. Земскія челобитныя въ древней Руси. Изъ исторіи земскаго самоуправленія („Богословскій Вѣстникъ“, 1911 г., № 1—4).

Съ неослабнымъ интересомъ мы прочитали страница за страницей эту новую работу Богословскаго, растянувшуюся печатаніемъ на четыре книги „Богословскаго Вѣстника“. Изъ архивныхъ документовъ историкъ сумѣлъ извлечь и возсоздать живую и цѣлостную картину тѣхъ общественно-политическихъ недуговъ, которые въѣдались въ русское общество первой половины XVII вѣка и съ которыми само оно настойчиво и энергично боролось, обращаясь къ верховной власти съ жалобами, протестами, обличеніями и даже проектами законодательныхъ реформъ; въ борьбѣ этой зарождались и крѣпли пріемы общественнаго воздѣйствія на власть, а результатомъ этихъ пріемовъ было сокровенное перерожденіе государственной жизни, измѣненіе факторовъ, на

нее вліявшихъ, уклонъ власти въ сторону дѣйствительныхъ потребностей страны и въ ущербъ узкимъ фискальнымъ и классовымъ интересамъ. Коллективныя челобитья самоуправляющихся „міровъ", волостныхъ и уѣздныхъ, жившихъ прочнымъ, исторически сложившимся укладомъ въ областяхъ русскаго сѣвера—вотъ что составляетъ предметъ разбираемой работы Богословскаго; тутъ умѣстно вспомнить мысль одного стараго и вдумчиваго историка, утверждавшаго, что „нѣтъ въ общественно-государственномъ укладѣ нашего далекаго прошлаго стороны болѣе важной", чѣмъ эта практика земскихъ челобитенъ (Дитятинъ).

Богословскій изслѣдуетъ прежде всего внѣшнія формы мірскихъ челобитенъ и въ этомъ отношеніи различаетъ три ихъ типа: челобитья самихъ общественныхъ міровъ, закрѣпленныя подписями грамотныхъ за неграмотныхъ или просто рукой отца духовнаго, челобитья земскихъ выборныхъ властей и, наконецъ, челобитья земскихъ депутацій, „мірскихъ посыльщиковъ", какъ они именуются въ документахъ эпохи. Институтъ „посыльщиковъ" представляетъ любопытный штрихъ общественно-политическихъ порядковъ Москвы: посыльщики были не только подателями мірскихъ челобитенъ, а прямо челобитчиками за міръ; ихъ, а не всю волость, наказывали за челобитье неправое; они вели безконечные споры и перекоры съ приказными властями Москвы, давали имъ взятки, обивали ихъ пороги, томились „у приказныхъ воротъ"; изъ переписки этихъ посыльщиковъ съ ихъ довѣрителемъ—міромъ мы узнаемъ много интереснаго о московскихъ приказныхъ порядкахъ; постоянная нота въ этой перепискѣ—„здѣсь безъ денегъ приказные ничего не дѣлаютъ"...

Авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ содержаніе земскихъ челобитенъ: протесты противъ злоупотребленій администраціи, просьбы подтвердить старыя жалованныя грамоты, жалобы на земельное засиліе монастырей и богатыхъ вотчинниковъ; любопытны нѣкоторыя ходатайства, удивительно близкія къ ходатайствамъ современныхъ земствъ, напр. о возмѣщеніи расходовъ, произведенныхъ на казенныя нужды (на довольствіе иностраннаго посольства, на провозъ пушекъ и ядеръ по Двинѣ). Наконецъ, земства тѣхъ временъ поднимаютъ настойчивый голосъ противъ тѣхъ растлѣвающихъ послѣдствій, которыя вносились въ жизнь населенія питейно-откупной системой: откупщики, уплачивая въ государеву казну крупные откупа за производство питейной торговли, стремились возмѣстить ихъ широкимъ спаиваніемъ населенія, распространяя среди селъ и деревень такъ

называемые „гуляй-кабаки“, т.-е. передвижныя лавочки продажи питей; съ этой практикой упорно боролись сѣверно-русскія волостныя земства. Одно изъ челобитій, относящееся къ злоупотребленіямъ воеводы на Мезени, проливаетъ свѣтъ на картину возникновенія и развитія воеводскихъ должностей въ XVII вѣкѣ, вытѣснявшихъ повсюду мірскія выборныя власти.

Авторъ изслѣдуетъ также тѣ административные порядки, которые проходило земское челобитье, попадая въ Москву; изъ пріемовъ, которыми московскіе приказные дѣльцы удостовѣрялись въ справедливости челобитья, останавливаетъ на себѣ вниманіе практиковавшійся ими опросъ всѣхъ обывателей данной мѣстности, случайно проживающихъ въ Москвѣ въ моментъ челобитья. Относительно роли государя въ удовлетвореніи общественныхъ челобитенъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что „чтеніе земскихъ челобитенъ было, вѣроятно, предметомъ его ежедневныхъ занятій“; при этомъ Богословскій отмѣчаетъ, что челобитья разрѣшались большей частью *безъ боярской думы*. Это наблюденіе имѣетъ большую важность: если принять во вниманіе, что эпоха, которую изслѣдуетъ разбираемый авторъ, захватываетъ, главнымъ образомъ, царствованіе Михаила Ѳедоровича, то невольно складывается еще одинъ лишній аргументъ противъ гипотезы о той *широкой ограничительной записи*, которую будто бы далъ на себя первый царь изъ новой династіи.

Всѣ документы, обработанные въ этомъ трудѣ Богословскаго, относятся къ первой половинѣ XVII вѣка; объясняется ли это тѣмъ, что такими хронологическими рамками ограничилъ себя самъ авторъ изслѣдованія, или тѣмъ, что всякаго рода архивныя случайности поставили передъ нимъ эту хронологическую преграду, или, наконецъ, тѣмъ, что послѣ Соборнаго Уложенія умаляется до крайности традиціонная практика коллективныхъ мірскихъ челобитенъ? Послѣднюю гипотезу приходится выдвинуть потому, что Уложеніе, хотя и закрѣпленное рукоприкладствомъ выборныхъ людей, хранитъ на себѣ слѣды стремленія сузить, стѣснить и умалить проявленіе общественной иниціативы; въ этомъ отношеніи очень знаменательна ст. 20, X Уложенія, запрещающая подъ страхомъ „батоговъ“ подачу всякаго рода челобитенъ непосредственно государю.

Общее значеніе работы Богословскаго сводится къ тому, что ею вносятся новыя подробности и новые штрихи въ своеобразную картину административнаго и государственнаго уклада Москвы послѣ смутнаго времени: на-лицо прочная и юридически ничѣмъ не связанная монархическая власть, но нѣтъ еще роко-

вого средостѣнія между ней и народомъ—всевѣдущей, всемогущей и самонадѣянной бюрократіи; общественная иниціатива пробиваетъ себѣ дорогу къ самому трону и служитъ сокровеннымъ, но властнымъ регуляторомъ всей государственной жизни страны.

Г. Г. Тельбергъ.

Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Соціальное страхованіе. Систематическое изложеніе исторіи, организаціи и практики всѣхъ формъ соціальнаго страхованія. С.-Петербургъ, 1912. VIII + 295 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

Задача настоящей книги—дать исчерпывающее изложеніе не фактовъ, а принциповъ и тенденцій соціальнаго страхованія; авторъ разсматриваетъ этотъ институтъ не какъ учрежденіе той или другой страны, а какъ историческое явленіе, наблюдаемое на извѣстной стадіи развитія общества во всѣхъ странахъ. Поэтому читатель не найдетъ здѣсь полноты фактическаго матеріала: о нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ имѣется этотъ институтъ, въ книгѣ не упоминается вовсе, о другихъ странахъ говорится не все, что можно было бы сказать; изъ исторіи и практики каждой страны взято только то, что въ этой странѣ встрѣчается новаго и оригинальнаго, сравнительно съ формами, существовавшими ранѣе. Авторъ стремился выяснить происхожденіе этого института, уяснить эволюцію въ его развитіи, дать въ общихъ чертахъ характеристику основныхъ началъ его современнаго устройства и указать открывающіяся передъ нимъ перспективы въ будущемъ.

Въ эволюціи соціальнаго страхованія авторъ намѣчаетъ три стадіи и соотвѣтственно этому содержаніе книги распадается на три главныхъ части—„добровольное страхованіе“, „обязательное страхованіе“ и „система государственныхъ пенсій“. Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ, заключается въ слѣдующемъ: „отъ добровольнаго страхованія къ обязательному, отъ обязательнаго страхованія къ системѣ государственныхъ пенсій, отъ обезпеченія отдѣльныхъ видовъ нужды къ обезпеченію всей совокупности соціальнаго риска, всѣхъ формъ потери работоспособности—таковъ путь, которымъ шло, идетъ и будетъ идти развитіе соціальнаго страхованія“ (стр. 295). Первая стадія характеризуется случайностью, отсутствіемъ обязательности и предо-

ставленіемъ страхового дѣла взаимопомощи самихъ нуждающихся, обезпечивающихъ другъ друга на черный день возможностью полученія страховой преміи. Вторая стадія носитъ на себѣ характеръ плапомѣрности, принудительности и государственнаго вмѣшательства; вмѣсто частнаго страхованія вводится государственное, вмѣсто добровольнаго принудительное, размѣры страхованія постепенно увеличиваются въ территоріальномъ и въ предметномъ отношеніяхъ, страхованіе распространяется на новыя опасности, угрожающія въ отдѣльныхъ случаяхъ, оно имѣетъ тенденціей превратиться во всеобщее страхованіе всѣхъ работниковъ и отъ всѣхъ соціальныхъ золъ, оно получаетъ прочную организацію государственнаго учрежденія. Третья стадія, завершительная и послѣдняя, характеризуется переложеніемъ всѣхъ тягостей на государство и появленіемъ права гражданъ при наступленіи извѣстныхъ условій требовать отъ государства казеннаго содержанія, независимо отъ участія въ страховой или пенсіонной кассѣ и независимо отъ количества сдѣланныхъ взносовъ; для того, чтобы обезпечить пенсію всякому инвалиду труда на случай нищеты, голода и безработицы, государство пользуется общими средствами государственнаго казначейства или же создаетъ особый налогъ, назначаемый спеціально на выдачу пенсій.

Наиболѣе подробно изложена вторая стадія (стр. 69—282), остальныя двѣ—весьма кратко. Классической страной медленной и естественной эволюціи соціальнаго страхованія авторъ считаетъ Германію (стр. 33), и на ней останавливается особенно подробно, хотя она и не доросла до третьей стадіи; не менѣе вниманія авторъ удѣляетъ и Россіи. Вообще нѣмецкіе и русскіе источники имъ изложены подробно; гораздо слабѣе отдѣлы объ Англіи, Франціи и другихъ европейскихъ державахъ. Авторъ послѣдовательно излагаетъ страхованіе отъ безработицы, на случай болѣзни, отъ несчастныхъ случаевъ, на случай инвалидности и старости, профессіональныхъ болѣзней, материнства, на случай смерти. На третьей стадіи развитія находятся пока только Данія, Англія и штаты Австраліи.

Какъ медикъ по профессіи, авторъ удѣляетъ не мало страницъ описанію медицинской стороны дѣла и отношенію врачей къ страхованію; онъ касается дѣятельности приставленныхъ къ страховому дѣлу докторовъ, разбираетъ вопросы объ экспертизѣ увѣчныхъ, о травматическихъ поврежденіяхъ и о симулированіи болѣзней, для чего пользуется своими старыми работами, которыя перепечатываетъ частью вновь, частью въ исправленномъ и дополненномъ видѣ; для врачей эта часть книги можетъ быть

полезна, какъ отзывъ спеціалиста. Нельзя сказать этого о юридической сторонѣ работы, которая является лишь простой компиляціей нѣмецкихъ и русскихъ пособій; какъ не юристъ по образованію, авторъ впадаетъ нерѣдко въ ошибки, особенно когда выступаетъ въ роли критика несовершенствъ законодательныхъ актовъ и въ качествѣ юриста-теоретика. Авторъ самъ сознаетъ, впрочемъ, что „въ книгѣ много пробѣловъ и недостатковъ“; но онъ оправдывается единственно лишь „трудностями работы“, такъ какъ „книги по соціальному страхованію съ аналогичнымъ планомъ, онъ передъ собой не имѣлъ, и, насколько онъ успѣлъ познакомиться съ литературой вопроса, такой книги не существуетъ“ (стр. III). Но это оправданіе не достигаетъ цѣли. Автору кажется, что онъ сдѣлалъ открытіе, составивъ такой планъ, какъ у него, гдѣ страхованіе изучается по тремъ стадіямъ, но онъ сдѣлалъ только ошибку, весьма элементарную. Къ соціальному *страхованію* вопросъ *о пенсіяхъ* не относится и поэтому не могло и быть книги съ такимъ заглавіемъ и планомъ, какъ у автора. Слѣдовало или расширить заглавіе, такъ какъ въ книгѣ говорится о двухъ различныхъ институтахъ, страхованіи и пенсіонномъ дѣлѣ, или же, оставаясь въ рамкахъ заглавія, урѣзать планъ, выключивъ изъ него пенсіи и сохранивъ общепринятое въ наукѣ дѣленіе страхованія на добровольное и обязательное. Все это, какъ и вопросъ о вытѣсненіи пенсіями страхованія, обсуждалось не разъ въ литературѣ, все это tritum pertritum и не является новостью, представленіе же автора о себѣ какъ о догадливомъ новаторѣ въ наукѣ, является чистымъ недоразумѣніемъ и легко объясняется его малой освѣдомленностью въ теоретическихъ основахъ административнаго права. Авторъ жалуется на „терминологическую путаницу“ въ той литературѣ по соціальному страхованію, съ которой онъ успѣлъ познакомиться и гдѣ, по его словамъ, „одинъ и тотъ же терминъ употребляется для обозначенія различныхъ понятій“ (стр. 1), а самъ пользуется однимъ терминомъ „соціальное страхованіе“ для обозначенія двухъ совершенно несходныхъ въ принципіальномъ отношеніи институтовъ—системы страхованія, въ ея чистомъ видѣ покоящейся на взаимопомощи участниковъ страхового предпріятія, и системы государственныхъ пенсій, основанной на переложеніи расходовъ по обезпеченію нуждающихся на государство. И это тѣмъ болѣе непростительно, что ошибка эта своевременно была замѣчена авторомъ, который говоритъ, что вторая система „перестаетъ уже быть страхованіемъ“, „это уже не страхованіе въ техническомъ смыслѣ слова—это уже система общественныхъ

или государственныхъ пенсій" (стр. 15), это „новая форма, не имѣющая уже чисто страхового характера" (стр. 282). Столь же неправильно включать въ „соціальное страхованіе" и законы объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, и утверждать, что предприниматель здѣсь „играетъ какъ бы роль органа страхованія" (стр. 9); какъ и въ предыдущемъ случаѣ, здѣсь нѣтъ переложенія тяжести риска на большое количество участниковъ предпріятія, а слѣдовательно нѣтъ и страхованія. И эта ошибка была очевидна для самого автора, который въ другомъ мѣстѣ пишетъ слѣдующее: „чтобы обезпечить рабочихъ отъ несостоятельности владѣльцевъ, необходимо установить вмѣсто индивидуальной отвѣтственности коллективную. А коллективное обезпеченіе опредѣленнаго риска и есть то, что называется *страхованіемъ*. Такимъ образомъ слѣдующимъ шагомъ послѣ признанія закономъ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья съ рабочими является законодательное установленіе *страхованія* отъ несчастныхъ случаевъ" (стр. 163). Однако, несмотря на это, авторъ отнесъ оба упомянутые института къ соціальному страхованію потому, что первый изъ нихъ „по духу своему непосредственно примыкаетъ къ соціальному страхованію" (стр. 15), а второй изъ нихъ „по духу своему уже осуществляетъ принципъ соціальнаго страхованія" (стр. 9). Но, если обращать вниманіе на одинъ этотъ „духъ", то тогда придется отнести къ соціальному страхованію, съ одной стороны, планомѣрную дѣятельность филантроповъ и, какъ выражается авторъ, „меценатство" (стр. 20), съ другой стороны—организованную систему общественнаго призрѣнія, хотя страхованіе есть нѣчто совсѣмъ непохожее на благотворительность и на призрѣніе. На самомъ же дѣлѣ все, о чемъ говоритъ авторъ, есть не соціальное страхованіе, а обезпеченіе населенія отъ различныхъ видовъ соціальнаго риска; отдѣльными мѣрами этого обезпеченія являются: 1) частная благотворительность, 2) общественное призрѣніе, 3) установленіе въ законѣ отвѣтственности работодателей, 4) частное страхованіе, 5) государственное страхованіе и 6) пенсіонное дѣло.

Такимъ образомъ ясно, въ чемъ коренится причина недоразумѣнія. Не даромъ авторъ, столь своеобразно освѣдомленный въ правѣ, считаетъ „неудобоваримыми" „фоліанты правилъ и исключеній, законовъ и примѣчаній" (стр. 15), а офиціальное заглавіе закона 2 іюня 1903 года, нѣсколько пространное, но вполнѣ ясное для юриста, называетъ „неуклюжимъ" (стр. 197).

Собственная же терминологія автора можетъ поставить въ тупикъ всякаго юриста: напр., что такое „юридическія права“ (стр. 75), „половинчатое законодательство“ (стр. 138), „факультативно-обязательное“ (стр. 3) и „полуобязательное“ страхованіе (стр. 19) и т. п. Непонятно, что̀ должна изъ себя представлять „категорія *полунаемнаго* труда, составляющая такъ называемую домашнюю промышленность“ (стр. 71), какимъ образомъ гражданинъ можетъ „при самомъ рожденіи своемъ *приносить съ собою* право на поддержку и помощь во всѣхъ случаяхъ нужды“ (стр. 17) и почему „*беременность*“ отнесена въ число „*извѣстныхъ* физіологическихъ или *патологическихъ* процессовъ въ организмѣ *рабочаго*“ (стр. 2), отъ которыхъ можетъ зависѣть потеря трудоспособности. Страхованіе на случай смерти превращается у автора въ „страхованіе вдовъ и сиротъ“ (стр. 277), хотя страхуется не вдова и не сироты.

Едва ли доказательна и убѣдительна всегда аргументація автора; для характеристики ея приведемъ, безъ всякихъ комментарій, нѣсколько мѣстъ изъ книги, которыя краснорѣчиво говорятъ о научной методологіи автора и которыя свидѣтельствуютъ, поскольку эта книга является объективнымъ научнымъ изслѣдованіемъ вопроса: 1) „мы уже видѣли, что въ Германіи экспертиза составляетъ едва ли не самое больное мѣсто во всей практикѣ страхованія. *Изъ этого* можно уже *a priori* сдѣлать тотъ *выводъ*, что у насъ въ Россіи врачебная экспертиза стоитъ *ниже всякой критики*“ (стр. 207). 2) „При русскихъ условіяхъ, гдѣ правовыя нормы *всегда искажаются* на практикѣ въ интересахъ *сильнѣйшей* стороны...“ (стр. 198) и т. д.

Н. Н. Голубевъ.

Редакторъ-Издатель Г. С. Фельдштейнъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе могутъ подписываться въ почтовыхъ отдѣленіяхъ или вносить деньги въ мѣстныя казначейства (въ § 21, ст. 14 государственныхъ доходовъ) при заявленіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ квитанція, полученная изъ казначейства, высылается въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу—**16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1887, 1900, 1902—1909 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „**Журналѣ**“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**“ съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**“. „**Извѣстія**“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**“, но „**Справочная книга**“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**“ изданіе. Цѣна „**Извѣстій**“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

За прежніе годы „**Извѣстія**“ имѣются за 1904—1909 гг. За 1910 г. имѣются лишь книги съ апрѣля по декабрь, цѣна **2 руб.** за всѣ 9 книгъ.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1912 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1911 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, И. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Л. І. Петражицкаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховщикова, А. К. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, В. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная *плата* **8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ *черезъ казначеевъ* пользуются *разсрочкою до 1 рубля* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, *при подпискѣ* исключительно въ *Главной Конторѣ*, пользуются *разсрочкою до 2 рублей* въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ при подпискѣ въ Главной Конторѣ—*по 5 рублей въ годъ*.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 8 рублей за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ѳ. Дерюжинскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный популярный журналъ

„ЖИЗНЬ и СУДЪ“,

издающійся въ С.-Петербургѣ, при участіи выдающихся юристовъ, писателей, журналистовъ, художниковъ, судебныхъ хроникеровъ и собственныхъ корреспондентовъ русскихъ и заграничныхъ. **Содержаніе журнала**: 1) Судебная недѣля (судебная хроника всего міра за недѣлю). 2) Выдающіеся процессы въ литературно-беллетрическомъ изложеніи съ иллюстраціями и портретами обвиняемыхъ, суда, защитниковъ и прокуроровъ. 3) Обозрѣніе русской и заграничной общественной жизни. 4) Прикладная юриспруденція (популярное изложеніе новыхъ законовъ, ихъ жизненное значеніе и практическое примѣненіе, руководящія разъясненія высшихъ судебныхъ и административныхъ инстанцій. 5) Уголовная оригинальная и переводная беллетристика. 6) Человѣческіе документы: признанія, автобіографіи и воспоминанія выдающихся представителей преступнаго міра, его судей и защитниковъ. 7) Смѣсь (мѣткія выраженія, шутки, наброски и анекдоты изъ жизни преступнаго міра, его судей и защитниковъ. **Справочный отдѣлъ**, въ которомъ каждый читатель можетъ получить **безплатно** совѣтъ и отвѣтъ на свой вопросъ по дѣламъ **гражданскимъ, уголовнымъ и административнымъ**. Юридическій отдѣлъ журнала ведется при ближайшемъ участіи Н. П. Карабчевскаго. Въ журналѣ между прочимъ примутъ участіе слѣдующія силы: Юристы: М. К Адамовъ, Б. М. Алексѣевъ, С. А. Андреевскій, А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ, Л. А. Базуновъ, О. А. Вертъ, Г. О. Вольтке, М. А. Гольдштейнъ, О. О. Грузенбергъ, Н. П. Карабчевскій, М. Г. Казариновъ, Е. И. Кедринъ, Я. Н. Лихтерманъ, М. С. Маргуліесъ. Писатели, журналисты и корреспонденты: А. С. Абашидзе, Н. Н. Брешко-Брешковскій, И. Василевскій, Б. Вилли, А. И. Купринъ, Б. Лазаревскій, В. Ршнинъ, Розенцвейгъ, С. Тонскій. Homosampiens, М. Шевляковъ и др. художники: Н. Волковъ, Н. Доборжинскій, К. Линдгольмъ, Р. Мякотинъ, К. Ремизевъ, Ре-Ми, Н. Роговъ, В. Сварогъ, К. Степановъ и мног. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи на 1 годъ—2 р. 60 к., на $^1/_2$ года—1 р. 30 к., на 3 м.—65 к., на 1 м.—30 к. **Цѣна отд. № 5 коп.** Цѣна на объявленія: впереди текста и на посл. стр. обложки 30 к. и позади текста 20 к. за строку нонпарели. Главная контора и Редакція: С.-Петерб., Боровая 24. Тел. 487—43.

Редакторъ **В. Адикаевскій**. Издатель **О. Вертъ**.

Открыта подписка на 1912 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА и НОТАРІАТА“,

V г. изданія.

издается въ Москвѣ

и ВЫХОДИТЪ КАЖДОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

V ГОДЪ ИЗДАНІЯ. Пробные №№ высылаются безплатно.

При ближайшемъ участіи П. И. Астрова, прив.-доц. А. Э. Вормса, Н. К. Муравьева, С. П. Ордынскаго, и б. прив.-доц. Н. Н. Полянскаго.

Въ журналѣ принимаютъ участіе нижеслѣдующія лица:

А. Э. Бардзкій, А. Н. Бутовскій, б. пр.-доц. М. Н. Гернетъ, А. С. Гиршбандтъ, О. О. Грузенбергъ, б. пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. А. Дитрихсонъ, Н. М. Ждановъ, Г. Я. Закъ. В. В. Исаченко, Н. С. Каринскій, пр.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. С. А. Котляревскій, В. А. Манлаковъ, П. Н. Малянтовичъ, М. А. Мебель, С. П. Мельгуновъ, А. Я. Немеровскій, пр.-доц. А. П. Орловъ, Л. Н. Переверзевъ, проф. І А. Покровскій, А. Ю. Рапопортъ, В. А. Розенбергъ, пр.-доц. Л. Я. Тауберъ, Н. В. Тесленко, И. С. Урысонъ, б. проф. В. М. Хвостовъ, б. проф. Г. Ф. Шершеневичъ, пр.-доц. Л. Э. Чолганскій, Е. М. Эпштейнъ и мн. друг.

Нотаріусы: И. А. Алякритсій, К. О Бахманъ, М. М. Казьмичевъ, А. Я. Мацкевичъ, И. И. Траустель, Ф. И. Штраних: А. В. Урусовъ, А. Н. Чага и др.

Журналъ является органомъ Практической Юриспруденціи и издается по слѣд. программѣ:

I. Теоретическая и практическая разработка вопросовъ права гражданскаго, уголовнаго и судебно-административнаго.

II. Всестороннее освѣщеніе вопросовъ нотаріальнаго права.

III. *Судебная практика: отчеты о засѣданіяхъ гражд. и угол. д-тов Сената.* Обзоры практики Сената по гражданскому и уголовному департаментамъ, а также по судебному департаменту и по общему собранію кассаціонныхъ и съ участіемъ перваго и второго департаментовъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься какъ выдержки и тезисы изъ послѣднихъ, еще не опубликованныхъ указовъ Сената по департаментамъ, такъ и *цѣликомъ наиболѣе важные указы Сената по судебному департаменту и по отдѣленіямъ гражданскаго и уголовнаго департаментовъ.*

IV. *Разъясненія 1-го д-та Пр. Сената. Хроника*, какъ общая, такъ и спеціально судебная.

V. *Почтовый ящикъ.* Всѣ годовые подписчики получатъ безплатно—*четыре*, полугодовые—*два* отвѣта на заданные вопросы.

VI. *Справочный отдѣлъ*:

1) Въ каждомъ номерѣ (*на недѣлю ранѣе*) *списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ судебномъ и кассаціонныхъ департаментахъ Сената,* — и состоявшіяся по дѣламъ *резолюціи.* 2) *Распоряженія и узаконенія Правительства.* 3) *Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.* 4) *Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.* 5) *Списки уничтоженныхъ довѣренностей.* 6) *Назначеніе вакансій и т. п.*

VII. Всѣ *годовые подписчики получатъ безплатно на выборъ: по абонементу № 1: Рѣшенія гражданскаго и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ Пр. Сената и общаго собранія за 1911 г., по мѣрѣ выхода офиціальнаго изданія. Или, по абонементу № 2:*

1) *Алфавитный указатель лицамъ, объявленнымъ неправоспособными и ограниченіе правоспособности коихъ прекращено съ 1 января 1911 г.*

За дополнит. плату въ *1 р.* новое изданіе *Нотаріальный календарь* на 1913 г. сост. по слѣд. програм.: 1) *Мѣсяцесловъ.* 2) *Справочн. отд.*: а) главн. законопол. относящ. къ нотар. части, б) новѣйш. ук. по нотар. ч. в) рѣш. Пр. Сен., относящ. къ нотар. пол. за 1912 г. г) разн. справочн. свѣд., какъ, напр. роспис. залоговъ нотар., такса и пр. д) кратк. свѣд. по герб. уст. е) извлеч. изъ устава о пошл., ж) списокъ нотар. росс. Имперіи. з) адреса столичн. нотаріусовъ. 3) *Записная книжка Нотаріуса* на кажд. день съ особ. графами для прихода и расхода, съ отдѣлен. для записи актовъ, представл. на утвержд. Старш. Нот. и для отмѣтки всякаго рода порученій и т. д. (Цѣна Нотар. Календаря въ отд. продажѣ 1 р. 50 к.). *При подпискѣ слѣд. указывать № абонемента, по которому подписч. жел. получить приложеніе.* Подписчики по любому абонементу могутъ получать всѣ прилож., означ. въ другомъ абонементѣ за *дополнительную плату—въ 2 руб.*

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ города Имперіи на годъ 7 руб., на полгода 3 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 50 коп.

Отдѣльный номеръ 20 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Москвѣ: въ конторѣ журнала „ВѢСТНИКЪ ПРАВА и НОТАРІАТА“: Тверская, Козицкій пер., д. Бахрушина, и въ город. отд. конт.: Никольская, книжный магазинъ „Правовѣдѣніе“, И. К. ГОЛУБЕВА; **ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:** въ юр. кн. магазинахъ Мартынова и „Законовѣдѣніе“, **ВЪ КІЕВѢ,** въ книжн. маг. „ТРУДЪ“, Фундуклеевская, 5

Редакторъ-издатель прис. пов. ***А. Н. Вознесенскій.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА и ПРОЦЕССА“,

издаваемый въ С.-Петербургѣ

подъ ближайшимъ руководствомъ: М. Н. Гернета, А. А. Жижиленко, Е. М. Кулишера, П. И. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Н. Н. Полянскаго и М. П. Чубинскаго

и при постоянномъ сотрудничествѣ: О. О. Грузенберга, В. Н. Новикова, П. С. Пороховщикова, А. А. Піонтковскаго, Н. Н. Розина, Е. Д. Синицкаго, Г. Б. Сліозберга, Л. Я. Таубера, В. Н. Ширяева, Н. В. Давыдова и др.

Программа журнала: I. вопросы науки уголовнаго права и процесса; II. вспомогательныя дисциплины: 1) уголовная антропологія, 2) уголовная статистика, 3) уголовная политика и соціологія, 4) наука уголовной полиціи; III. текущіе вопросы уголовно-правовой жизни; IV. судебная практика; V. хроника русская и иностранная; VI. библіографія; VII. университеты и юридическія общества; VIII. труды Международнаго Союза Криминалистовъ и его Русской Группы.

„Журналъ уголовнаго права и процесса“ выходитъ четыре раза въ г.: первая книжка—въ декабрѣ 1911 г.

Подписная цѣна: на годъ—4 руб., полгода—2 руб., отдѣльная книжка—1 руб. 25 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Конторѣ Редакціи (книжный магазинъ „**Право**“, С.-Петербургъ, Владимірскій просп. 19) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: СПБ. Дегтярная ул. 22. Телеф. 558—50.

Пріемъ по средамъ отъ 4 до 6 ч. дня.

Издатель **В. Д. Набоковъ.** Редакторъ **И. И. Зайцевъ.**

Отъ Редакціи журнала „Тюремный Вѣстникъ“.

Журналъ „Тюремный Вѣстникъ“ издается Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ съ 1893 года и будетъ выходить съ 1912 года ежемѣсячно въ объемѣ отъ 16 до 20 печатныхъ листовъ (въ іюлѣ книжка журнала выходитъ за іюнь и іюль, въ сентябрѣ—за августъ и сентябрь). Журналъ, включая въ себѣ какъ официальный, такъ и неофиціальный отдѣлы и имѣя въ виду преимущественно интересы и запросы служащихъ по тюремному вѣдомству, является не только руководящимъ, но и справочнымъ изданіемъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся тюремной и конвойной службы, освѣщая въ то же время эти вопросы также и съ теоретической, научной точки зрѣнія. Соотвѣтственно этому „Тюремный Вѣстникъ“ даетъ свѣдѣнія и указанія, касающіяся какъ тюремныхъ установленій, такъ и учрежденій тюремно-благотворительнаго характера, а равно и исправительно-воспитательныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко открываетъ свои страницы для обмѣна мнѣній тюремныхъ дѣятелей и представителей науки тюрьмовѣдѣнія, по всѣмъ предметамъ тюремнаго строя и распорядка. Между прочимъ, въ видѣ приложеній къ отдѣльнымъ книжкамъ Журнала, въ 1912 году будутъ помѣщаться труды VIII съѣзда представителей воспитательно-исправительныхъ заведеній.

Подписка на „Тюремный Вѣстникъ“ на 1912 годъ принимается въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (С.-Петербургъ, Греческій пр., 23). Подписная плата—**7** р. за годъ и **4** р. за полгода, съ доставкою и пересылкою, за границу—**9** р. за годъ и **5** р. за полгода. Цѣна отдѣльной книжки—**1** р. (безъ пересылки). За перемѣну адреса уплачивается **60** к.

Объявленія принимаются съ платою за страницу **25** р., за $^1/_2$ страницы—**13** р., за $^1/_4$ страницы—**7** р., за $^1/_8$ страницы—**4** р. и за строку—**50** к., кромѣ объявленій на обложкѣ, которыя оплачиваются по соглашенію. Объявленія на $^1/_2$ года и болѣе оплачиваются со скидкою съ означенныхъ цѣнъ по соглашенію.

Въ складѣ при редакціи журнала „Тюремный Вѣстникъ“ имѣются для продажи слѣдующія изданія Главнаго Тюремнаго Управленія.

Ссылка въ Сибирь. Очеркъ ея исторіи и современнаго положенія. СПб., 1900 г. 339+53 стр. Ц. 3 р. съ перес.

А. М. Стремоуховъ. Краткій очеркъ мѣропріятій въ области тюремнаго дѣла въ Россіи за періодъ съ 1900 по 1905 годъ, составленный для VII международнаго конгресса въ Будапештѣ. СПб. 1905 г. 26 стр. Ц. 60 к. съ перес.

Краткій очеркъ тюремнаго устройства и мѣропріятій въ области тюремнаго дѣла въ Россіи за 1905—1910 гг. (Составленъ для VIII международнаго тюремнаго Конгресса въ Вашингтонѣ). СПб., 1910 г. Ц. 60 к. съ перес.

Н. Ф. Лучинскій. Основы тюремнаго дѣла. СПб., 1904 г., 179 стр. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.

Его же. О вознагражденіи заключенныхъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ при работахъ. СПб., 1906 г., 25 стр. Ц. 25 к. съ перес.

Ф. Н. Малининъ. Постановленія шести международныхъ тюремныхъ конгрессовъ и систематическій указатель къ нимъ. СПб., 1904 г., 92 стр. Ц. 50 к. съ перес.

Его же. Роль общества въ борьбѣ съ преступностью (Тюремный патронатъ). Вып. I и II, 1905 г., 132 стр. Ц. за каждый выпускъ 40 к. съ перес.

Наставленіе о порядкѣ освидѣтельствованія, распредѣленія, регистраціи и препровожденія ссыльныхъ. СПб., 1905 г, 63 стр. Ц. 30 к. съ перес.

Правила ношенія Высочайше утвержденной 13 октября 1904 г. спеціальной формы военнаго покроя гражданскими чинами тюремнаго вѣдомства. СПб., 1901 г., 23 стр. Ц. 20 к. съ перес.

Правила о производствѣ и регистраціи дактилоскопическихъ снимковъ. СПб., 1906 г., 18 стр. Ц. 10 к. съ перес.

Систематическій алфавитный указатель неофиціальнаго отдѣла журнала „Тюремный Вѣстникъ“ за XV лѣтъ (1893—1907). Составленъ подъ редакціей Н. Ф. Лучинскаго. СПб, 1908 г. Ц. (*на* веленевой бумагѣ)—60 к.

Алфавитный указатель оффиціальныхъ разъясненій, помѣщенныхъ въ журналѣ „Тюремный Вѣстникъ“ за 1893 — 1910 гг. Составленъ подъ редакціею Н. Ф. Лучинскаго. СПб., 1911 г., 47 стр. Ц. 30 к.

Уставъ конвойной службы, Высочайше утвержденный 10 іюня 1907 года (съ приложеніями). СПб., 1907 г., 116 стр. Ц. 30 к. въ бумажной обложкѣ и 40 к.—въ мягкомъ переплетѣ.

Пособіе къ практическому примѣненію Устава конвойной службы. Составилъ подп. А Д. Лоссевъ. СПб., 1908 г. Ц. 20 к.

Уставы о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ. СПб., 1908 г. Ц. въ переплетѣ—1 р. 50 к.

Сборникъ циркуляровъ, изданныхъ по главному тюремному управленію въ 1879—1910 гг. въ двухъ частяхъ. СПб., 1911 г. Ц. 4 р. за обѣ части съ алфавитнымъ указателемъ.

A propos des bruits sur les pretendues oppressions des détenus dans les prisons Russes. Dementi officiel. St.-Pétersbourg, 1910 г. Ц. 20 к.

Исправительное воспитаніе несовершеннолѣтнихъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. СПб., 1911 г., 123 стр. Ц. 1 р.

Отдѣльныя книжки журнала, въ которыхъ помѣщены извлеченія изъ Отчетовъ Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія С. С. Хрулева о служебной поѣздкѣ его въ Иркутскую губ. и въ Забайкальскую обл. въ 1909 году, и въ Съверо-Американскіе Соединенные Штаты и въ Англію въ 1910 году, могутъ быть выписываемы изъ Редакціи съ уплатою по 1 руб. за каждую книжку.

Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Тюремный Вѣстникъ“ (СПб. Греческій пр., 23).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

XXIII г. изданія. на журналъ 1912 г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. А. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Венцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виппперъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, прив.-доц. С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Даугге, Е. А. Звягинцевъ, акад. Н. Н. Златовратскій, А. А. Ивановскій, проф. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, д-ръ В. В. Корсаковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. М. Ю. Латинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, В. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкинъ-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. № 32), во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородніхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

Принимается подписка на 1912 годъ на

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

Императора Петра Великаго.

„Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго“ выходятъ въ форматѣ большой восьмушки и распадаются на два отдѣла: отдѣлъ техники, естествознанія и математики и отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. На каждый изъ отдѣловъ подписка принимается особо.

I. Отдѣлъ техники, естествознанія и математики выходитъ въ количествѣ 2-хъ томовъ (отъ 4-хъ до 6-ти выпусковъ) въ годъ и состоитъ изъ 2-хъ частей. Въ первой части помѣщаются оригинальныя статьи по вопросамъ математики, механики, физики, химіи, менералогіи, геологіи, прикладной механики, механической технологіи, электротехники, химической технологіи, металлургіи, металлографіи, строительнаго исскуства, кораблестроенія и др.

Вторую часть составляютъ научная хроника, критика и библіографія.

II. Отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ выходитъ въ количествѣ 2-хъ томовъ въ годъ и состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой части помѣщаются оригинальныя статьи экономическаго и юридическаго содержанія. Вторую часть составляютъ законодательная хроника и замѣтки и третью—критика и біографія. Въ послѣднюю часть входитъ систематическій указатель книгъ и журнальныхъ статей, появившихся въ Россіи по вопросамъ экономическимъ и юридическимъ.

Подписная цѣна на всѣ изданія „Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго“ 6 руб. въ годъ; на отдѣлъ техники, естествознанія и математики—3 руб., на отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ—3 руб. Студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній пользуются скидкой 50%. За доставку на домъ городскіе подписчики доплачиваютъ 40 коп., иногородніе 60, какъ подписавшіеся на все изданіе, такъ и на одинъ изъ отдѣловъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ редакціи „Извѣстій“ Спб., Сосновка, 3.
2) Въ книжн. магазинѣ К. Л. Риккера, Спб., Невскій пр. 14.
3) Въ книжн. магазинѣ „Право“, Спб., Владимірскій пр. 19.
4) Въ книжн. магазинѣ Г. В. Гольстена, Спб., Литейная, 28.

Редакторы:

По Техническимъ Отдѣленіямъ *Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ.*
По Экономическому Отдѣленію *В. Б. Ельяшевичъ.*

Адресъ редакціи:
СПБ. Сосновка, Политехническій Институтъ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ:

М. М. Асатіани, А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова, О. Б. Фельцмана,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Вырубова.

Журналъ ставитъ своею задачей разработку и освѣщеніе вопросовъ психотерапіи, какъ въ отношеніи старыхъ ея методовъ—внушенія и гипнотизма, такъ и новѣйшихъ методовъ—Freud'a и Dubois и др. съ ихъ видоизмѣненіями. Большое вниманіе журналъ удѣляетъ также разсмотрѣнію вопросовъ нормальной и патологической психологіи, знакомство съ которыми представляется необходимой основой для раціональныхъ психотерапевтическихъ воздѣйствій. Кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій, обзоровъ, рефератовъ, рецензій и проч., журналъ даетъ статьи общаго содержанія, затрогивающія, въ широкомъ смыслѣ слова, проблемы человѣческаго духа.

Журналъ выходитъ шестью книгами въ годъ, не менѣе трехъ листовъ каждая. **Подписная цѣна** на годъ съ доставкой и пересылкой **4 р.**, за границу 5 р. Цѣна отдѣльной книжки—90 к. **Подписка принимается** въ конторѣ редакціи „Психотерапіи": **Москва,** Тверская, 68. Телефонъ 108-41.

Статьи въ заказныхъ бандеролях просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 отгисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 г.

на еженедѣльникъ

„ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ“,

ВѢСТНИКЪ КУЛЬТУРЫ и ПОЛИТИКИ,

издаваемый въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи

проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО и Р. М. БЛАНКА

и сотрудничествѣ: проф. Е. В. Аничкова, С. Ан—скаго, акад. К. К. Арсеньева, П. А. Бархана, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Н. Бенуа, проф. М. В. Бернацкаго, Эдуарда Бернштейна (Берлинъ), проф. В. М. Бехтерева, І. М. Бикермана, П. Д. Боборыкина, проф. А. К. Бороздина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, проф. Родольфа Брода (Парижъ, директоръ „Документовъ Прогресса“), И. К. Брусиловскаго, А. Н. Брянчанинова, О. Е. Бужанскаго, А. Н. Быкова, Н. Я. Быховскаго, А. М. Бѣлова, проф. А. В. Васильева (чл. Гос. Совѣта), С. А. Венгерова, проф. А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, А. Г. Горнфельда, проф. Н. А. Гредескула, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида (Берлинъ, чл. Рейхстага), И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, В. И. Дзюбинскаго (чл. Гос. Думы), Я. И. Душечкина, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича (Вѣна), Ст. Ивановича, проф. И. И. Иванюкова, Г. Б. Ительсона, проф. Н. И. Карѣева, А. Коврова, Д. М. Койгена, Б. Кричевскаго (Парижъ), проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, Д. А. Левина, И. О. Левина, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго (Римъ), проф. И. В. Лучицкаго (чл. Гос. Думы), З. Б. Любоша, проф. А. А. Мануилова, проф. И. И. Мечникова (Парижъ), Н. А. Морозова, Вас. И. Немировича-Данченко, К. М. Обсучева, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, проф. И. Х. Озерова (чл. Гос. Совѣта), Н. М. Осиповича, Л. Ф. Пантелѣева, проф. Л. І. Петражицкаго, проф. А. Л. Погодина, проф. А. С. Посникова, А. А. Пресса, М. Б. Ратнера (Вѣна), Н. Н. Рахманова, проф. Н. М. Рейхесберга (Бернъ), Е. В. де-Робертн, Н. С Русанова, А. Е. Рѣдько, Я. Л. Сакера, Д. В. Сатурина (Лондонъ), М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго, Н. Д. Соколова, Р. М. Стрѣльцова (Берлинъ), В. Г. Тана (Богоразъ), проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. Ѳ. Тотоміанца, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, А. В. Тырковой, М. Л. Усова, Г. А. Фальборка, Д. В. Философова, проф. М. И. Фридмана, М. Л. Хейсина, Н. Череванина, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, проф. М. П. Чубинскаго, Г. И. Чулкова, проф. А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса (Парижъ), М. И. Шефтеля, И. И. Шрейдера (Римъ), Л. Я. Штернберга, П. С. Юшкевича, Виктора Якобсона (Константинополь) и сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ:

„Les Documents du Progès“ (Парижъ), **„Progress“** (Лондонъ), **„Dokumente des Fortschritts“** (Берлинъ).

ВЪ ПРОГРАММУ „ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ“ ВХОДЯТЪ: **1) Руководящія статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, литературной и научной жизни Россіи и Запада, 2) Обзоръ событій послѣдней недѣли, 3) Корреспонденціи, 4) Соціально-экономическое обозрѣніе, 5) Литературное обозрѣніе, 6) Научное и техническое обозрѣніе, 7) Русская и иностранная библіографія, 8) Журналъ журналовъ (обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ), 9) Театръ, 10) Искусство, 11) Фельетонъ.**

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и дост.: на 1 г.—5 р., на ½ г.—2 р. 75 к., на ¼ г.—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—50 к., отд. нумеръ 15 к. За границу: на 1 г.—7 р., на ½ г.—3 р. 50 к., на ¼ г.—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 к. За перемѣну городского адреса на городской—10 коп., во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ „Запросовъ Жизни“ — С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 37, въ отдѣленіяхъ Книготорговаго Товарищества „Культура“, въ почтовыхъ отдѣленіяхъ и въ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

XXXVI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЗА ГОДЪ 6 РУБЛЕЙ, РАЗСРОЧКА—ПО 2 РУБЛЯ.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные **С. М. Макаровой** и издаваемые подъ редакціей **П. М. Ольхина.**

Подписной годъ съ 1-го ноября 1911 года. | **Первые №№ высылаются немедленно.**

Гг. годов. подп. журнала „З. Сл." для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

Большая стѣнная картина изъ дѣтской жизни худ. **Артура Эльслея** „Трезоръ вернулся!", исполненная хромолитогр. въ 24 краски.

12 **Занимательныхъ игръ,** работъ, рукодѣлій и т. п. для вырѣзыванія и склеиванія, въ видѣ раскраш. и черн. листовъ,

въ числѣ которыхъ:

домашній телефонъ. Мал. аэропланъ. Самодѣльная гитара. Сабля изъ картона. Усадьба г-жи Мими. Гарнитуръ кукольной мебели. Зоологическій садъ. Стѣнные часы. Матросъ и акула. Подставка для карточекъ. Подвижной мостъ. Выкалываніе картинокъ.

12 **Иллюстр. книжекъ** разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ:

Потѣшный звѣринецъ, В. Мазуркевича, съ рис. худ. **Рабье. Волшебный цвѣтокъ, Л. А. Чарской,** съ рис. **И. Гурьева. Стенки-растренки,** родные братья, **А. Ф. Панова,** съ многочисленными иллюстр. **Маленькій русскій географъ,** сост. **С. Ф. Литвинцевъ. Дѣтишки-шалунишки, Евг. Шведера,** съ рис. худ. **Шуръ. Жизнь жучка, А. Умнова,** съ рис. автора.

12 **вып. иллюстр. изданія „Лѣсные человѣчки и ихъ путешествіе по бѣлу-свѣту,** съ иллюстр. **П. Кокса.**

6 **Сценокъ** изъ дѣтской жизни п. з. „Друзья-дѣтишки и ихъ дѣлишки", съ текст. **А. Люсина.**

10 **вып. „Знаменитые русск. мальчики",** сост. для дѣтей младшаго возр. **Вик. Русаковымъ,** съ портр. и иллюстр.

6 **таблицъ „Школа раскрашиванія"** для маленькихъ дѣтей, сост. проф. **А. Л. Зонъ.**

6 **тетрадей „Моя первая ариѳметика",** сост. **Н. Н. Анненскимъ,** съ иллюстр.

Стѣнной календарь для дѣтей, для вырѣзыванія и склеиванія.

и мног. друг.

Гг. годов. подп. журнала „З. Сл." для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

Маленькій художникъ среди животн. Альбомъ въ краскахъ для рисованія и раскрашиванія.

Театръ Мурзилки, веселая и забавная игра для дѣтей, сост. **Ѳ. Г. Беренштаммомъ.**

Царство камней. Попул. минералог. альбомъ, съ раскр. карт., съ объясн. текст. проф. **Г. Керта.**

12 **вып. „Книги чудесъ", Натаніэля Готорна,** съ иллюстраціями **Гранвилля.**

8 **книжекъ „Исторія свѣчки",** проф. **Фарадея,** съ иллюстр. и вступит. статьею.

55 **портретовъ** русскихъ великихъ князей, царей и императоровъ, на большомъ листѣ.

10 **вып. „Звенья добра",** собраніе разсказовъ, для юношества, съ иллюстр. **И. Гурьева.**

6 **книжекъ „Библіотеки полезныхъ свѣдѣній"** для юношества, съ иллюстр.

10 **вып. „Жемчужины русской поэзіи",** для юношества, собр. **М. Р. Лемке.** (Новая серія).

12 **табл. изд. „Человѣкъ и строеніе его тѣла"** въ популярн. изложеніи для дѣтей, съ раскр. картин., проф. **Г. Клюнца.**

4 **пьесы** подъ общ. загл. „Дѣтскій театръ", **Е. А. Чебышевой-Дмитріевой,** съ илл. **И. Гурьева. Годы великой войны** (1812—1815) въ медал. графа Ѳ. Толстого, съ текст. **Н. Корсакова. „Русскіе самоучки и самородки".** Біографическіе очерки и разсказы **Виктора Русакова,** съ портр. и иллюстр. (Новая серія).

Спутникъ школы. Календарь и записная книжка для учащихся на 1912—1913 учебн. годъ въ изящн. коленк. переплетѣ.

Сто шарадъ, загадокъ и задачъ для юношест. собралъ **Вадимъ Радецкій.**

Шашки и шахматы для вырѣзыванія и склеиванія, съ объяснительною книжкою.

Вѣчный календарь, скомпонован. **Ѳ. Г. Беренштаммомъ.**

Тетрадь для отмѣтокъ о прочитанномъ, съ руководящей статьей.

12 **закладокъ** для книгъ съ портретами писателей.

и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться **„Задушевное Воспитаніе" и „Дѣтскія Моды".**

Подписная цѣна каждаго изданія **„Задушевнаго Слова"** со всѣми объявленными преміями и приложен., съ доставкой и пересылкой,—за годъ **ШЕСТЬ руб. 2 р.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы **„Задушевнаго Слова",** при книжныхъ магазинахъ Т-ва **М. О. Вольфъ—С.-Петербургъ:** 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

1912 ГОДА.

Въ Ученыхъ Запискахъ заключаются:

I. Отдѣлъ наукъ.

II. Отдѣлъ критики и библіографіи.

III. Университетская лѣтопись.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей, памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *А. Піонтковскій.*

РУССКОЕ КНИЖНОЕ Т-ВО „ДѢЯТЕЛЬ“,

С.-Петербургъ, Троицкая, д. № 26. Тел. 486-46.

Представительства имѣются въ слѣдующихъ городахъ:

Вильна, Жандармскій пер. 7. Тел. 823.
Екатеринбургъ, Вознесенскій пр. 3. Тел. 219.
Екатеринославъ, Александровская ул. 17. Тел. 241.
Иркутскъ, Ивановская ул., уг. Харламп. 24/50. Тел. 774.
Кіевъ, Николаевская ул., д. 6. Тел. 11-52.
Лодзь, Вульчанская ул. 21. Почтовый ящ. № 549 Тел. 19-14.
Москва, контора: Кузнецкій мостъ, д. 15. Тел. 212-80. Магазинъ: Петровка, 15. Тел. 243 04.
Одесса, Ланджеронов. ул. 2. Тел. 17-55.
Рига, Церковная ул. 31. Почтов. ящ. № 1082. Тел. 52-86.
Ростовъ н/Д., Малый пр., д. 31. Телефонъ 13-78.
Самара, Дворянская ул. 116. Тел. 737.
С.-Петербургъ, Невскій пр. 28. Телефонъ 426-75.
3-я Рождествен. ул. 26. Тел. 158-75.
Пет. стор., Больш. пр. № 5/2. Телеф. 565-66.
Ташкентъ, Уг. Московск. и Николаевск. 39/33. Тел. 57.
Тифлисъ, Эриванская пл. 3. Тел. 338.
Харьковъ, Лопатинскій пер. 15. Телефонъ 17-36.

Только что вышелъ изъ печати т. I. новаго изд. (неофиціальнаго)

СВОДЪ

Законовъ Россійской Имперіи

подъ редакціею и съ примѣчаніями

Ив. Дм. Мордухай-Болтовскаго,

юрисконсульта Министерства Юстиціи и преподавателя гражданскаго судопроизводства въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія.

Составили:

Н. П. Балкановъ, С. С. Войтъ и В. Э. Герценбергъ.

Незнаніемъ законовъ не можетъ отговариваться никто. Въ изданіи „Свода Законовъ“ имѣются весьма цѣнныя редакторскія примѣчанія и ссылки. Единственное изданіе „Свода Законовъ“, гдѣ все дѣйствующее въ настоящее время право сгруппировано въ одно цѣлое.

Содержаніе изданія: полный текстъ 1) послѣднихъ офиціальныхъ изданій и продолженій 1906, 1908 и 1909 г.г. вмѣстѣ съ историческими подстатейными цитатами, 2) Узаконеній, изданныхъ въ порядкѣ ст. 87 *Зак. Осн.*, сохраняющихъ свое дѣйствіе, но не включенныхъ въ продолженія, и 3) новѣйшихъ узаконеній, воспослѣдовавшихъ послѣ изданія продолженія 1909 г.

Узаконенія, изданныя въ порядкѣ ст. 87 *Зак. Осн.* и воспослѣдовавшія послѣ изданія продолженія 1909 г., помѣщены не въ видѣ особыхъ приложеній, а подъ соотвѣтствующими статьями свода.

Объемъ изданія прибл. 420 печатныхъ листовъ въ 2 столбца удобнаго формата 8°., ясный шрифтъ (текстъ).

Изданіе будетъ закончено печатаніемъ прибл. черезъ годъ.

5 томовъ въ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ 32 р. 50 к.

Подписка принимается во всѣхъ представительствахъ, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ „Дѣятель“, СПБ-ургъ, Троицкая 26.—Вышелъ изъ печати т. I. новаго изданія „Русская Энциклопедія“, на дняхъ выйдетъ изъ печати т. I. новаго изданія „Книга о лошади“ кн. Урусова.

Открыта подписка на 1912 годъ на журналъ

ВѢСТНИКЪ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ,
СУДЕБНОЙ и ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ

48-й годъ изданія.

Въ 1912 году журналъ будетъ издаваться ежемѣсячными книжками по прежней программѣ. Предпочтеніе будетъ отдаваться, какъ и прежде, статьямъ и сообщеніямъ по гигіенѣ и особенно касающимся вопросовъ оздоровленія Россіи, а также статьямъ по общественной и судебной медицинѣ.

Подписная цѣна 7 рублей 50 коп., для выписывающихъ журналъ черезъ редакцію **7 рублей въ годъ**; заграницу 8 р. **50** к. Подписка принимается только на цѣлый годъ.

Условія разсрочки:

I. „Врачи, получающіе содержаніе по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (врачебные инспектора и ихъ помощники, уѣздные врачи), изъявившіе желаніе получать „Вѣстникъ", пользуются разсрочкою подписной платы съ уплатою по 60 к. ежемѣсячно (въ декабрѣ 40 к.) *при условіи заявленія редакціи о желаніи воспользоваться таковой разсрочкой не позднѣе 1 декабря 1911 года.*

II. Всѣ остальные подписчики пересылаютъ деньги непосредственно въ редакцію или полностью, или частями, взнося при подпискѣ 3 руб. и остальныя въ два срока—не позже 1 апрѣля и 1 іюля подписного года.

Редакція проситъ адресовать денежныя отправленія (переводами) по адресу: С.-Петербургъ, Театральная 3, Редакція журнала „**Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины**". За перемѣну адреса—**25** коп. почтовыми марками.

Редакція проситъ о желаніи получать журналъ увѣдомлять непосредственно ее и *подписной платы въ казначейства не вносить.*

Редакторъ **М. С. Уваровъ.**

ИЗДАНІЯ,

поступившія въ редакцію журнала „Вопросы Права“ для отзыва.

Шумаковъ Сергѣй. Сотницы, грамоты и записи. Выпускъ шестой. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 руб. Стр. 126.

Полянскій Н. Н. Статьи по уголовному праву, „Русское уголовное законодательство о стачкахъ“. „Государственныя преступленія и друг.“. Москва, 1912 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. Стр. 446.

Боровой Алексѣй. Исторія личной свободы во Франціи. Отвѣтъ рецензентамъ Московскаго Университета проф. Тарасову и проф. Елистратову. Москва 1911 г. Стр. 54.

Яблочковъ Т. М. Проф. Демидовскаго Юридическаго Лицея. Учебникъ Русскаго гражданскаго судопроизводства. Изданіе второе, дополненное. Ярославль, 1912 г. Цѣна 2 руб. 25 коп. Стр. 326.

Будкевичъ Ф. П. Записка по поводу проекта Министра Юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда. Единственное основаніе, на которомъ можно привесть все законодательство въ порядокъ и водворить правосудіе въ государствѣ. Посвящено Государственному Совѣту. Варшава, 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 84.

Гольдштейнъ І. М. Русско-германскій торговый договоръ и задачи Россіи. Москва, 1912 г. Цѣна 45 коп. Стр. 52.

Баженовъ Н. Н. Д-ръ медицины. Главный врачъ Преображенской больницы въ Москвѣ. Пр. психіатріи на медиц. факультетѣ высш. женскихъ курсовъ. Проектъ законодательства о душевно-больныхъ и объяснительная записка къ нему. (Докладъ 1-му Съѣзду психіатровъ, созываемому Союзомъ русскихъ психіатровъ и невропатологовъ въ память С. С. Корсакова, въ Москвѣ, съ 4-го по 11 сентября 1911 г.). Москва, 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 196 + 20.

Филипповъ А. Н. Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемниковъ (1711—1741 гг.). С.-Петербургъ, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 к. Стр 598.

Филипповъ А. Н. Журналы Правительствующаго Сената за 1737 г. Часть II. (Журналы за іюль—декабрь 1737). Москва, 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 381.

Спекторскій Е. Александръ Львовичъ Блокъ, государствовѣдъ и философъ. Варшава, 1911 г. Цѣна 30 коп., стр. 80.

Люблинскій П. И. проф. Очерки уголовнаго суда и наказанія въ современной Англіи. Спб. 1911 г. Цѣна 3 руб. 50 к. Стр. VIII + 715.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА

Проф. Г. С. Фельдштейнъ.

Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи.

Ярославл. 1909. Стр. XIII + 668 + X.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ НА

ВОПРОСЫ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦІИ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, А. И. Елистратова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

До сихъ поръ выразили согласіе на сотрудничество слѣдующія лица:

А. Л. Байковъ, В. Н. Бенешевичъ, М. П. Бобинъ, П. М. Богаевскій, А. А. Боровой М. Н. Гернетъ, А. В. Горбуновъ, В. М. Гордонъ, В. Э. Грабарь, Н. В. Давыдовъ, Г. В. Демченко, В. Б. Ельяшевичъ, Е. Н. Ефимовъ, А. А. Жижиленко, А. А. Жилинъ, А. В. Завадскій, М. Д. Загряцковъ, И. А. Ильинъ, В. Л. Исаченко, Гр. Л. А. Камаровскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, В. А. Краснокутскій, П. И. Люблинскій, Н. А. Максимейко, В. С. Малченко, С. П. Мокринскій, В. М. Нечаевъ, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергаментъ, А. А. Піонтковскій, С. В. Познышевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій, Н. Н. Розинъ, С. Е. Сабининъ, Е. В. Спекторскій. Б. И. Сыромятниковъ, Л. Я. Тауберъ, Ѳ. В. Тарановскій, Е. Н. Темниковскій, И. Н. Трепицынъ, Князь Е. Н. Трубецкой, В. А. Удинцевъ, А. Н. Фатѣевъ, А. Н. Филипповъ, Б. Н. Фрезе, И. И. Чистяковъ, Л. В. Шалландъ, Г. Ф. Шершеневичъ, С. А. Шумаковъ, А. С. Ященко и др.

Журналъ **Вопросы Права** ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе теоретическихъ и практическихъ промблемъ права, имѣющихъ непосредственный интересъ для нашего времени.

Журналъ **Вопросы Права** помѣщаетъ статьи по принципіальнымъ вопросамъ правовѣдѣнія, останавливается на разработкѣ русской судебной и административной практики и даетъ критическіе отзывы о важнѣйшихъ трудахъ въ области русской и иностранной научно-юридической литературы.

Вопросы Права выходятъ четыре раза въ годъ книгами около, десяти листовъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Въ теченіе 1910—1911 года были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

А. С. Алексѣева, В. А., Н. Н. Алексѣева, П. И. Астрова, П. И. Бѣляева, А. Э. Вормса, Н. Г. Вавина. Н. Н. Голубева, А. В. Горбунова, А. И. Елистратова, А. В. Завадскаго, Г. Я. Зака, В. Л. Исаченко, гр. Л. А. Камаровскаго, гр. С. Л. Камаровскаго, Б. А. Кистяковскаго, бар. С. А. Корфа, С. А. Котляревскаго, П. И. Люблинскаго, В. С. Малченко, С. А. Муромцева, А. А. Піонтковскаго, С. В. Познышева, Н. Н. Полянскаго, Д. С. Розенблюма, Н. Н. Розина. И. К. Сухоплюева, Б. И. Сыромятникова, А. С. Тагера, бар. М. А. Таубе, Г. Г. Тельберга, А. Н. Филиппова, бар. А. Л. Фрейтагъ-Лорингговена, Л. А. Шалланда, Б. Е. Шацкаго, В. Н. Ширяева, В. Н. Шретера, С. А. Шумакова, Т. М. Яблочкова, А. С. Ященко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ **6** руб. съ пересылкою и доставкою.

Цѣна отдѣльной книги **2** рубля.

Во избѣжаніе несвоевременной доставки журнала просятъ лицъ, получающихъ Вопросы Права, увѣдомлять редакцію о перемѣнѣ адреса.

Адресъ редакціи: Москва, Калошинъ пер., д. № 10.

Редакторъ-издатель ***Г. С. Фельдштейнъ.***

S0041320
СФ СПбГУ